ЧИСЛА

7-8

TCHISLA, CAHIERS TRIMESTRIELS, PARIS

СОДЕРЖАНІЕ:

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ:

1, Rue Jacques Mawas, Paris (XVe)

ЧИСЛА

СБОРНИКИ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
НИКОЛАЯ ОЦУПА

КНИГА СЕДЬМАЯ ВОСЬМАЯ

1933

НАСТОЯЩІЙ СБОРНИКЪ НАБРАНЪ И ОТПЕЧАТАНЪ ВЪ ЯНВАРѢ ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯГО ГОДА ВЪ КОЛИЧЕСТВѢ ТЫСЯЧИ ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ НА БУМАГѢ АЛЬФА.

НИКОЛАЙ БѢЛОЦВѢТОВЪ.

1.

Если бы можно было,
Перелетѣвъ столѣтья,
Перелетѣвъ могилы,
Въ тѣлѣ возстать иномъ,

Какъ прилетаютъ въ клѣти
Голуби съ вѣстью къ милой,
Какъ прибѣгаютъ дѣти
Съ пѣснями въ отчій домъ.

2.

Ничѣмъ, ничѣмъ, ни призрачной улыбкой
Развѣянныхъ по небу лепестковъ,
Ни приступомъ безпомощной и зыбкой
Мольбы твоей, ни всплескомъ робкихъ словъ,
Ни умиленьемъ, ни любовнымъ жаромъ,
Ни нѣжностью, расцвѣтшей въ сердцѣ старомъ,
Ни рокотомъ классическихъ поэмъ,
Ни солью слезъ, ничѣмъ, ничѣмъ, ничѣмъ...

М. ГОРЛИНЪ

1

Мы съ тобой бродили по старинному городу;
Надъ нами высокія башни спѣшили въ лазурь,
Мраморныя нимфы ниспадали въ брызгахъ каскадовъ,
Золотые орлы со шпилей пытались взлетѣть.

Но намъ было грустно. Такъ въ праздничный полдень
Еще больнѣе томитъ обычная тоска,
Такъ еще сильнѣе ощущаешь всю пыль переживаній,
Выговаривая громкое слово: любовь.

И намъ казалось: мы сидимъ въ пріемной у дантиста,
Гдѣ рыжая рухлядь вазъ и грязный коверъ,
И, перебирая старые, захватанные журналы,
Видимъ тамъ этотъ городъ и въ немъ — себя.

2

> Glaubt ihr an die offenbare, sichtliche
> Einwirkung einer bösen Macht?
>
> *E. T. A. Hoffmann*

Когда съ рельсъ сойдя, съ легкимъ сладостнымъ свистомъ
Поѣздъ спотыкаясь мчится, круша себя,
Когда разбрасывая балки, известь и сваи,
Охваченный пламенемъ рушится домъ,

Когда испуганнаго убійцы синеватый ножъ
Безвольно вонзается въ покорную плоть,
Когда вдругъ въ ночи падаютъ бомбы
На влажный отъ сна и тумана городъ,

Тогда странно какъ то яснѣетъ въ душѣ,
И — благоговѣніе и трепетъ! — видна надъ міромъ
Въ небѣ гладкомъ и плоскомъ, какъ потолокъ,
Громадная тѣнь недвижной руки.

3

ГОРОДЪ НИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ

Вашъ городъ, Нина Александровна — веселый городъ
Ходятъ тамъ люди не просто, а въ припрыжку.
Отъ башни къ башнѣ протянуты канаты,
И на нихъ пляшутъ въ полдень львы и медвѣди.
Все въ вашемъ городѣ пестро и забавно:
Дома раскрашены, какъ пасхальныя яйца,
Аэропланы танцуютъ въ небѣ аэропланные балеты,
Даже ночью кувыркаются люди или звѣри,
Чтобы ни на минуту не прекращалась суматоха.
Только иногда на городъ находятъ словно тучи
И на лица пляшущихъ падаютъ тѣни.
Точно они все готовы отдать за совсѣмъ простое утро
И за немногія, простыя, какъ небо и хлѣбъ, слова.

1.

Душа человѣка. Такою
Она не была никогда.
На небо глядѣла съ тоскою
Взволнована, зла и горда

И вотъ умираетъ. Такъ ясно,
Такъ просто сгорая до тла —
Легка, совершенна, прекрасна
Нетлѣнна, блаженна, свѣтла.

Сіянье. Душа человѣка
Какъ лебедь поетъ и груститъ,
И, крылья раскинувъ широко,
Надъ бурями темнаго Вѣка
Въ беззвѣздное небо летитъ.

Надъ бурями темнаго Рока
Въ сіянье. Всего не успѣть...
Дымъ тянется... Слѣдъ остается...

И полною грудью поется,
Когда уже не о чемъ пѣть.

2.

Часъ отъ часу. Годъ отъ году.
Про Россію, про свободу
Про послѣдняго царя.

Какъ въ него прицѣливали, —
Какъ его разстрѣливали.
Зря. Все зря.

Помолиться? Чтожъ молиться...
Только время длится, длится
Да горитъ заря.

Какъ ребята баловали,
Какъ штыкомъ прикалывали —
Зря. Все зря.

ЛАЗАРЬ КЕЛЬБЕРИНЪ.

1.

Сильнѣе жизни? Горя нѣтъ такого,
Зачѣмъ - же плакать жалкими слезами!
— Все выше, выше, млечными стезями,
Изъ глубины туманнаго, земного...

Все тише, тише, вѣчнымъ приближеньемъ
Какъ хорошо забыть о человѣкѣ...
— О гдѣ теперь, безпомощнымъ движеньемъ
Вы креститесь, мои закрывши вѣки?

2.

И то не нужно, и другое...
И ты уходишь понемногу,
Ты думаешь быть ближе къ Богу
Въ ночи блаженнаго покоя.

Уже ты близокъ къ средоточью
Сферъ, исчезающихъ въ эфирѣ,
Ты дышешь музыкой и ночью
Почти забывъ о нашемъ мірѣ.

Да, но и мы тебя забудемъ
И равнодушно спросилъ имя,
Когда ты возвратишься къ людямъ.
Чтобъ умереть, хотя - бы, съ ними.

3.

Для жизни, которая камнемъ лежитъ,
Но больше для той, о которой молили:
Для счастья, которое долго томитъ,
Для горя, которое скоро забыли,

Для дальнихъ, кого мы могли - бы любить,
Могли - бы любить и любить не сумѣли,
Для легкости въ этомъ безсмысленномъ тѣлѣ, —
Мнѣ кажется, стоило, все - таки, жить.

1.

Все тѣ же декораціи — забытыхъ переулковъ
Средневѣковый воздухъ и покой.
Кривые фонари, и стукъ шаговъ негулкихъ,
Печаль и сонъ пустыни городской.

Глухія зданія на старомъ звѣздномъ фонѣ.
— Зайдемъ въ кафэ. (Не холодно - ль тебѣ?)
Тамъ хриплый рваный голосъ въ граммофонѣ
Споетъ намъ — не о нашей ли судьбѣ.

Я ждалъ тебя давно: предвидѣлъ и предслышалъ.
Я зналъ, что ты придешь и улыбнешься мнѣ
Своей улыбкою (милѣе нѣтъ, ни — тише...)
Съ такимъ довѣріемъ, какъ будто мы во снѣ.

Знакомы мнѣ твой грустный лобъ и плечи,
И нѣжное дыханіе твое,
И токъ души живой и человѣчьей...
Я зналъ тебя до нашей странной встрѣчи,
И полюбилъ тебя давно.

Вокругъ — все то же: ночь, глухія зданья.
На башнѣ бьетъ какъ - бы послѣдній часъ.
Но глазъ твоихъ стыдливое сіянье,
Но грусть твоихъ непримиримыхъ глазъ,
(Ихъ гордое, мятежное безсилье..!)
Но грусть и страсть неутоленныхъ глазъ
Все измѣнили, все преобразили,
Все переплавили, освободили насъ

Отъ міровой, отъ безпощадной власти —
Для счастья краткой встрѣчи городской,
Для темнаго безвыходнаго счастья,
Чреватаго горячею тоской.

2.

По твоимъ виновато - веселымъ глазамъ,
По улыбкѣ твоей, воровато - невинной,
По твоимъ постарѣвшимъ — мгновенно — губамъ,
По испуганнымъ пальцамъ, прелестнымъ и длиннымъ,
Задрожавшимъ чуть - чуть въ моей твердой рукѣ,
По сердечному, острому, краткому стуку,
По мгновенной, смертельно - блаженной тоскѣ,
(Когда я цѣловалъ замиравшую руку)
Я узналъ обо всемъ. Я все понялъ, мой другъ.
Я воочію видѣлъ: обманутъ и преданъ.

И ушелъ. И вступилъ въ очистительный кругъ —
Одиночества, грусти, свободы, побѣды.

1.

Туманами образы отъ рая до ада
Изъ болотъ до вершинъ, къ изступленью
И стынутъ смертельною лѣнью,
И цѣпкими взмахами падаютъ.
Измѣряетъ въ душѣ полуночные будни
Спокойное райское море,
Въ жизни безумное горе
Безъ вѣры, любви — блудное.
Усталость природно разумная
— Постоянной, невольной бѣдности —
Силится душу на звѣзды нести
Въ послѣднюю, умирая, грозу.
Кто то упорный любви хотѣлъ,
Чтобъ на землѣ (вѣдь больше нигдѣ)
Изъ-за счастья скомканныхъ дѣлъ
—Корчилось битое тѣло.

2.

О тишинѣ мельчайшаго дробленья,
Изъ ничего оглохнувшаго зова
— Луна молчитъ и море изъ низовъ
Буранами застыло въ звеньяхъ.
Молчитъ душа, взметенная насильемъ
Невольной жизни — райскаго закона,
Умъ загнанный молитвою закованъ
И снится бунтъ ему о силѣ.

Тяжелымъ шагомъ Демоны повисли
Надъ простотой — о, такъ безумной, — рая
И слово въ горлѣ пламенемъ сгораетъ.
Взлетаютъ вдругъ и замираютъ мысли.
И умираетъ ночь, какъ умираетъ день,
Такіе разные и равные другъ другу,
Сжигая образы по облачному кругу,
Молчитъ душа, безлюдная вездѣ.

3.

Лѣсъ, вечеръ, покой,
Пролетаютъ торжественно птицы,
Умираютъ звѣздныя лица
Въ травѣ подъ ногой.
Замираетъ въ вискахъ на днѣ
Напряженность скользкаго гнѣва.
...Запахъ ушедшихъ дней,
Западъ осенній въ огнѣ...
На деревьяхъ цвѣтетъ тишина,
— Покорный, привычный плѣнъ —
Такъ, не сжимая колѣнъ,
Въ любви догораетъ жена.

НИКОЛАЙ ОЦУПЪ.

1.

За конторкой бюро,
У прилавка бистро,
Въ камерѣ Г. П. У.
И на свѣтскомъ балу,

И свободные и несвободные,
Всѣ мы сердцемъ и жребіемъ сходные.

Отдается въ наемъ,
Продается на сломъ,
Разрушаются стѣны кирпичныя,
Повторяются сцены обычныя. . .

Эти ночи въ звѣздахъ,
Эти сны о деньгахъ,
Эти граждане, эти правительства,
Эти подвиги, эти мучительства

И о счастьѣ своемъ
Разговоры вдвоемъ.

2.

Для силы сладострастія —
Любви нераздѣленность,
Для нѣжнаго участія —
Надежда и влюбленность...

Но будни, если у двоихъ
Вся тайна мира и согласія,
По образу въ любви святыхъ
Пульхеріи и Афанасія, —

Такой распространяютъ свѣтъ,
Что вамъ о жизни назначеніи
Не надо спрашивать: отвѣтъ
Весь въ непрерывномъ воплощеніи.

1.

Городъ дѣтства, блаженная грусть
Этихъ улицъ мнѣ такъ знакома.
Отъ гимназіи и до дома
Знаю вывѣски всѣ наизусть.
Помню ранца стукъ на бѣгу,
Молоко въ плетеной корзинкѣ.
На скалистомъ, зломъ берегу
Ищетъ сердце дѣтства тропинки.
Всѣ начала и всѣ концы,
Все наличье счастья земного —
Городъ дѣтства, весна, скворцы,
Даже блѣдные леденцы,
Что краснѣютъ въ памяти снова!

2.

Притихъ базара гулкій улей,
Усталъ отъ крика и жары.
Надъ мѣдно желтою кастрюлей
Остановилися пары.
Изсохла хлѣбная лепешка
Въ іюльскомъ воздухѣ густомъ,
И распластавшаяся кошка
Виляла медленнымъ хвостомъ.
Цвѣты и зелень никли вяло,
И былъ такой горячій свѣтъ,
Такое солнце осѣняло,
Что даже розовый мѣняла
Дремалъ надъ горкою монетъ.

3.

Въ этомъ мірѣ стыда и полушекъ
Прегрѣшенья его сочтены.
Блѣденъ ротъ, оттопырены уши,
Подъ колѣномъ истерты штаны.
Это мальчикъ убогій и хворый,
Что земли до конца не постигъ,
Весь источенный мудростью Торы,
Именуемой Книгою Книгъ.
Эти руки, не къ небу ль воздѣть ихъ?
Не къ тому ль кто безмѣренъ и золъ?..
И часами въ рѣшетокъ просвѣтѣ
Онъ мелькаетъ и смотритъ какъ дѣти
На площадкѣ играютъ въ футболъ.

4.

Стучится дождь незначущій и робкій,
Проноситъ рыбъ клеенчатый рыбакъ.
Въ промокшемъ домѣ тишина и мракъ,
Забытый соръ и пыльныя коробки.
Дворняги лаютъ медленно, безъ силъ,
Дрожатъ листы на лужѣ синеватой.
Давно ужъ гость звонка не теребилъ,
И вотъ вчера каштанъ прощальный сбилъ
Послѣдній дачникъ палкой суковатой!

1.

Если ты любишь кого - нибудь больше себя,
Если ты вѣришь кому - нибудь такъ какъ себѣ,
Если въ отвѣтъ никогда не любили тебя,
Если солгали и лгали, и лгали тебѣ.

Рано иль поздно объ этомъ узнаешь и ты.
Рано иль поздно — о, если - бъ ты могъ не узнать! —
Остановится сердце, окаменѣютъ черты,
И прозрѣютъ глаза и уже не сомкнутся опять.

Можешь тогда, ты того человѣка убить,
И Господь не осудитъ тебя и душа не осудитъ,
Можешь тогда, ты того человѣка простить
Но еще тяжелѣе тебѣ послѣ этого будетъ.

Потому - что убивъ ты не сможешь его позабыть,
Потому - что простивъ ты не сможешь его разлюбить.

2.

Семь буквъ, три слога, слово, имя, Ты —
Сіянье изъ небесной темноты.

Семь буквъ, какъ цѣпь стальная — не порвать,
Семь буквъ, до смерти ихъ не дописать,

Три слога, три крыла, взметая прахъ
Какъ вѣтры пролетаютъ въ небесахъ.

Одно простое слово, но оно
Какъ уголь до бѣла раскалено.

3.

Въ томленіи смертномъ, на смятой постели,
Хрипя, задыхаясь, томясь
Отъ боли и страха... Но ангелы пѣли
Надъ комнатой душной кружась.

Никто ихъ не видѣлъ и пѣнья не слышалъ
— Всѣ знаютъ что Ангеловъ нѣтъ —
Томилась душа и стонала все тише,
И гаснулъ за окнами свѣтъ.

Но ангелы пѣли — кружась надъ душою,
Цѣлуя оскаленный ротъ —
О вѣчномъ блаженствѣ, о вѣчномъ покоѣ,
О славѣ надзвѣздныхъ высотъ.

ЮРІЙ СОФІЕВЪ.

I.

Отъ загара и отъ вѣтра бурый
Надъ волнами ты имѣешь власть.
Днемъ работаешь — толково, хмуро
Чинишь ты разорванную снасть.

Ну, и я, старикъ, тружусь до пота
Подъ немолчный и глухой прибой.
Ты смѣешься надъ моей работой
И качаешь бѣлой головой.

О тебѣ я думаю: счастливецъ!
Ты въ мой трудъ не вѣришь — блажь и ложь.
Думаешь: "бездѣльникъ и лѣнивецъ"
Помогать тебѣ къ сѣтямъ зовешь.

А когда угаснетъ день несносный,
Трудъ дневной и мы доволочимъ,
Приходи на дальніе утесы —
Посидимъ, покуримъ, помолчимъ.

2.

Все выпито. Послѣдняя, пустая
Бутылка убрана. Уже разсвѣтъ.
Летитъ обыкновенная дневная,
Земная жизнь — навстрѣчу и въ отвѣтъ.

Выходимъ мы на улицу глухую
(Чуть обозначенъ городъ по утрамъ).
Друзья мои, подумайте, какую,
Какую жизнь поднять хотѣлось намъ!

Она еще въ рукопожатьи каждомъ.
... Всплываетъ шаръ. Плыветъ въ туманѣ влажномъ.
Изъ черныхъ трубъ густой клубится дымъ
И грохотъ утреннихъ телѣгъ по мостовымъ.

3.

Я былъ плохимъ отцомъ, плохимъ супругомъ,
Плохимъ товарищемъ, плохимъ бойцомъ.
Обманывалъ испытаннаго друга,
Лгалъ за глаза и льстилъ въ лицо.

И дѣвушекъ довѣрчивыхъ напрасной
Влюбленностью я мучилъ вновь и вновь.
Но вмѣсто страсти сильной и прекрасной
Унылой похотью мутилась кровь.

Но Боже мой, съ какой послѣдней жаждой
Хотѣлъ я вѣрности и чистоты,
Предѣльной дружбы, братской теплоты,
Съ надеждою встрѣчался съ каждымъ, съ каждой.

1.

Отъ ненависти, нѣжности, любви
Останется въ мозгу воспоминанье,
Желчь въ печени, соль мудрости въ крови,
Усталость въ голосѣ, въ глазахъ — сіянье.

Когда нибудь — прійдутъ такіе дни —
Я жизнь пойму, мной взятую невольно,
Совсѣмъ одинъ, вдали отъ всѣхъ, въ тѣни,
И станетъ мнѣ такъ ясно, пусто, больно.

И я почувствую себя безъ силъ,
И будетъ тайное мое открыто:
Все, для чего я лгалъ, молчалъ, грѣшилъ,
Что про себя таилъ. Моя защита,

Любовь моя, окажется жалка —
Какое ей придумать оправданье?
Какъ въ воздухѣ просѣять горсть песка?
Жизнь лишь обманутое ожиданье.

Да, часто къ Богу я въ слезахъ взывалъ,
Преображенья ждалъ, добра и чуда,
Но не пришелъ никто, не отвѣчалъ
Ни съ неба, ни изъ праха, ниоткуда.

2.

Умѣть молиться, вѣрить и любить,
Найти слова, спокойныя, простыя,
Быть искреннимъ — нельзя. Намъ страшно жить;
Неправедные, ко всему глухіе,

Среди людей, пронзенныхъ древнимъ зломъ,
Ночами, въ свѣтѣ безъисходномъ, ложномъ,
Тревожимые внутреннимъ огнемъ,
И ты и я, всегда о невозможномъ

Зачѣмъ мы думаемъ, сестра моя?
Стучатъ шаги. Надъ городомъ печальнымъ
Міры — іерархія бытія —
Нѣмыя звѣзды. Въ ларчикѣ хрустальномъ

Ключъ счастья спрятанъ гдѣ то на лунѣ;
Багдадскій воръ несется на пегасѣ
По облакамъ за кладомъ. Если бъ мнѣ!..
— Что дастъ намъ счастье? Въ каждомъ нашемъ часѣ,

Въ минутѣ каждой мѣста нѣтъ ему,
И въ жизни нѣтъ спасенья, нѣтъ покоя.
Идти сквозь одиночество и тьму
Домой — ты знаешь, что это такое.

ИГОРЬ ЧИНОВЪ

1.

Я за весною пошелъ.
Путь не открылся далекій.
Въ близкую, долгую мглу
Канетъ, кончаясь, мой слѣдъ.

Снится чужая земля.
Сердце забьется и смолкнетъ.
Сердце весною, зарей,
Синью полно и мертво.

2.

Меркнетъ дорога моя.
Боли не выскажу людямъ.
Болѣе пѣть не могу,
Сердце смолкаетъ мое.

Счастье мерцало и мнѣ.
Канула капля слѣпая.
Слабая мгла глубока.
Рано смеркается смерть.

АНАТОЛІЙ АЛФЕРОВЪ

ДУРАЧЬЕ

До самого конца Иванъ Осиповичъ Хлыстовъ жилъ своей обычной жизнью — "какъ всѣ". Только въ послѣдній день за ужиномъ онъ, вдругъ, всталъ изъ-за стола и сказалъ, обращаясь почему-то не къ хозяину-французу, а къ русскому сосѣду: "Эхъ, вы! — супа — и того не умѣете приготовить! "Слова были произнесены по французски громко и дерзко въ присутствіи всѣхъ завсегдатаевъ. Ивана Осиповича съ бранью выпроводили... Затѣмъ его видѣли танцующимъ въ дансингѣ часовъ до одиннадцати вечера; половина двѣнадцатаго — онъ разговаривалъ на улицѣ съ Сычевымъ (Сычевъ былъ пьянъ и помнитъ только, что Иванъ Осиповичъ казался бурно-веселымъ, безпрестанно хлопалъ его по плечу, за что-то хвалилъ, разсказалъ о своемъ уходѣ съ завода — его въ этотъ день сократили—и на прощанье далъ пять франковъ на водку), а въ двѣнадцать онъ повѣсился. Когда на утро прислуга вошла въ комнату, то колѣни его почти касались пола, малѣйшее, даже безсознательное усиліе могло спасти его отъ смерти... Вотъ и косякъ оконной рамы, черезъ который онъ перекинулъ веревку. Хозяйка разрѣзала ее потомъ на двадцать три части и распродавала по десяти франковъ за обрѣзокъ. Послѣдній — самый маленькій и оборванный достался мнѣ, какъ подарокъ за небольшую услугу. Онъ и сейчасъ лежитъ у меня на полкѣ въ трюмо, на немъ еще уцѣлѣла сѣроватая пыльца отъ высохшаго мыла.

Хлыстовъ не оставилъ послѣ себя ничего: все его богатство заключалось въ засаленномъ костюмѣ, съ заложенной въ боковой карманъ предсмертной запиской. Она содержала одно только слово: "Дурачье"!

. . . .

Скучно въ нашемъ пригородѣ и пусто — до тоски. Даже этотъ суррогатъ времени, что остается послѣ работы, вымученный десяти-

часовымъ трудомъ, обезкровленный и безвкусный, какъ спитой чай — мнѣ въ тягость. Хочется все думать, думать... а думать не о чемъ: отъ жизни тошнитъ.

Иногда по вечерамъ къ заходу солнца выхожу побродить по улицамъ, навѣстить знакомыхъ — не своихъ (своихъ у меня нѣтъ), — хлыстовскихъ. Но и здѣсь не легче: на улицахъ душитъ чужая толпа, а у знакомыхъ — свое, родное.

. . . .

Вотъ они — знакомые... неотвязною тѣнью скользящіе за мной въ пропасть, маленькіе, жалкіе, уязвленные люди — обыватели — какъ я.

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ СЫЧЕВЪ И КЕЛЬНЕРША АННА ИВАНОВНА

Сычевъ работаетъ на постройкѣ чернорабочимъ. Онъ высокъ, худъ, мускулистъ, широкоплечъ, одѣтъ въ дырявый “комбинезонъ”, на затылкѣ апашская каскетка, лѣтъ ему — за сорокъ. Почти каждый вечеръ передъ “шабашомъ” его можно видѣть въ верхнемъ окнѣ зданія съ ладонью, козырькомъ прижатой къ бровямъ, съ пьянымъ взглядомъ, устремленнымъ куда-то вдаль черезъ Парижъ, черезъ все видимое — онъ “провожаетъ солнце”. Къ работѣ онъ явно не пригоденъ, его терпятъ за чудачества, за дѣтское благодушіе, за безпримѣрное, стоическое непостоянство въ исполненіи обязанностей.

Съ Анной Ивановной они знакомы уже нѣсколько мѣсяцевъ. Вопреки слухамъ Егоръ Петровичъ вовсе не волочится за ней, онъ только умиляется передъ окружающей ее атмосферой женственности и благопристойности. Ему, напримѣръ, пріятно бываетъ ласкать ея ребенка, называть его самыми нѣжными, ни на что не похожими именами, съ многозначительнымъ видомъ повторять незначущія, случайно оброненыя ею слова, сидѣть на ея стулѣ...

Анна Ивановна — кругленькая, румяная дама, похожая, по словамъ Егора Петровича, на сдобный пирожокъ съ жару, ходитъ по ресторану, какъ боярышня, лебединой поступью, что завсегдатаевъ приводитъ въ восторгъ, а у новыхъ людей вызываетъ усмѣшку. Ее можно было-бы назвать совсѣмъ миловидной если-бы не странноровное, холодное и тупое сіянье глазъ, словно у изваянья Будды или женщины съ улицы. Когда Анна Ивановна сердится (это случается

при подсчетѣ чаевыхъ), ея глаза надменно сощуриваются, лобъ наливается блогородною кровью (ея дѣдъ былъ при дворѣ). Анна Ивановна, несомнѣнно очень цѣльная натура. Лишь три вещи сбиваютъ ее съ толку: 1 — несоотвѣтствіе между добромъ и воздаяніемъ, 2 — куда дѣвались прежніе военные? 3 — почему она родилась не при дворѣ Людовика 14-го? Всю остроту этихъ положеній особенно живо испытываютъ на себѣ двое людей — мужъ и Егоръ Петровичъ. Мужъ — бывшій военный — "мямля", съ первыхъ дней совмѣстной жизни пріученъ чувствовать себя неблагодарнымъ, хотя женой не нахвалится и работаетъ, какъ рабъ; "Мой мужъ ничѣмъ не замѣчателенъ — любитъ говорить Анна Ивановна — но онъ славенъ своей женой!" Сычевъ — бѣдняга, ему и военнымъ-то совсѣмъ не привелось быть (онъ — бывшій судебный слѣдователь), добра отъ Анны Ивановны, по совѣсти, не видалъ, но всю вину за ея "убѣжденія" безоговорочно взваливаетъ на себя. Тому есть особая причина. Тутъ начинается такая чепуха, что и разсказывать стыдно.

Однажды въ субботу вечеромъ забрелъ къ Егору Петровичу въ чуланъ товарищъ по работѣ — закадычный и вѣроломный другъ, по прозвищу — Интеллигентъ. Интеллигентъ принесъ съ собою двѣ бутылки водки, краюху хлѣба и штукъ восемь соленыхъ огурцовъ. Друзья напились до одурѣнія. И тутъ-то Интеллигентъ подползъ къ уху Сычева и конфиденціально сообщилъ ему, что Анна Ивановна въ него влюблена. "Врешь, — прохрипѣлъ Сычевъ — этого не можетъ быть, это не иначе, какъ насмѣшка!" Но блаженная улыбка расплылась по его лицу, глаза посоловѣли, онъ размечтался. Другъ торжествовалъ, какъ могъ. "Теперь вообрази... — пролепеталъ онъ Егору Петровичу, прыская со смѣху — вообрази, что я — Анна Ивановна, а ты — Егоръ Петровичъ... и что-бы ты сказалъ или сдѣлалъ?!" Сычевъ опрокинулъ стаканъ и страшнымъ взглядомъ въ упоръ взглянулъ на Интеллигента, затѣмъ, не спуская глазъ, приподнялся на отяжелѣвшихъ ногахъ, повелительно протянулъ къ двери указательный палецъ и гаркнулъ зычнымъ голосомъ на весь домъ: "Пошла вонъ, потаскуха!!"

На слѣдующее утро на его привѣтствіе Анна Ивановна отвѣтила уничтожающимъ молчаніемъ. Егоръ Петровичъ бочкомъ подобрался къ ней и попытался жалкими словами снискать снисхожденіе; онъ такъ пресмыкался, несъ такую околесину, что Анна Иванов-

на удостоила, наконецъ, его презрительнымъ взглядомъ. Сычевъ воспрянулъ духомъ.

— Анна Ивановна, голубушка, печальница вы моя, — сказалъ онъ — вѣдь, слова мои — не въ обиду вамъ, а въ честь, не такъ все это надо понимать, вѣдь, я-же — прежній Егоръ Петровичъ...

— Вы гадкій, низкій, распущенный, неблагодарный человѣкъ — тихо отвѣтила Анна Ивановна — оставьте меня въ покоѣ: я васъ ненавижу.

При первой встрѣчѣ съ Интеллигентомъ Сычевъ вытянулся во весь ростъ, судорожно сжалъ кулаки. "Подлецъ, какъ только я терплю тебя!" — процѣдилъ онъ сквозь зубы. Интеллигентъ — человѣкъ мелкаго тѣлосложенія — съежился весь, оскалилъ зубы и грустно хихикнулъ въ рукавъ.

Анна Ивановна не злопамятна, черезъ нѣсколько дней все было забыто. Но Сычевъ помнитъ; съ тѣхъ поръ онъ еще болѣе опустился, сталъ совсѣмъ ползучимъ растеніемъ и всѣ грѣхи Анны Ивановны беретъ на себя.

И что самое удивительное, оба продолжаютъ оставаться при твердомъ убѣжденіи: Егоръ Петровичъ — что въ него влюблена Анна Ивановна, Анна Ивановна — что въ нее влюбленъ Егоръ Петровичъ.

ГИТАРИСТЪ ТРИШКА

Тришка — таково его прозвище — служилъ на одномъ заводѣ съ Хлыстовымъ и былъ съ нимъ знакомъ. Четыре года онъ слылъ героемъ труда: не гнушался никакой работы, никогда не впадалъ въ отчаянье и, вдругъ, — "свихнулся". Все пошло прахомъ, за нѣсколько непристойныхъ, шальныхъ поступковъ его съ позоромъ выгнали. Передаютъ, будто онъ преднамѣренно попортилъ части новыхъ машинъ, звѣрски избилъ шефа, а вечеромъ уже навеселѣ, забѣжавъ въ какое-то бистро, обхватилъ руками чугунную печку, вырвалъ ее вмѣсте съ трубою и принялся катать по полу, приговаривая: "И тебя и всѣхъ, и тебя и всѣхъ — презираю!" Съ тѣхъ поръ прошло мѣсяца два, на работу онъ уже не поступалъ, жилъ, какъ "бабочка", за комнату не платя, обѣдая где-то въ кредитъ, все свободное время посвящая гитарѣ и пѣнію — "искусству".

Я какъ-то не удержался — спросилъ, что-же это его такъ вы-

било, изъ колеи. "Тришка" взглянулъ на гитару и улыбнулся кротко и нѣжно, какъ ребенокъ.

— А вотъ — она, все она... — отвѣтилъ онъ.

— Вы уже давно играете?

— Скоро два мѣсяца.

— Подучились?

"Тришка" подозрительно покосился на меня, тоскливый, скорбный огонекъ блеснулъ въ его глазахъ (и какъ такой человѣкъ могъ избить шефа?).

— Плохо... ни слуха, ни голоса! — тихо, словно вздохъ, сорвалось съ его устъ.

— Но какъ-же такъ, что-же заставило васъ пойти на это?!

— А вотъ просто такъ — взялъ и заигралъ...

— И гитару купили?

— Гитару? — нѣтъ... На заводѣ лотерею у насъ устроили: ну, вотъ и выигралъ... Съ этого и пошло.

— Такъ. Что-же дальше предполагаете дѣлать?

"Тришка" сразу перемѣнился, онъ какъ-то ушелъ въ себя, только глаза одни — глаза затравленнаго волка — косо и зло остановились на мнѣ (вотъ такой могъ и машины исковеркать и шефа избить).

— Иггать, пить и гулять! — вызывающе отвѣчалъ онъ, сразу переходя на офицерскій говоръ. — Не угодно-ли лучше закугить? Или, можетъ быть, выпьете гюмку водки?...

МУЧЕНИЦА

Нужно сказать, что Вѣра Карловна вообще не выноситъ евреевъ; евреи, это — саранча, бичъ земли, корыстные виновники всѣхъ нашихъ бѣдствій. Богъ противъ того, кто за нихъ. "И чего они всѣ не поѣдутъ въ эту ихнюю Палестину? — задумчиво говариваетъ она. — Поѣхали-бы, перегрызли-бы другъ-друга, и дѣло съ концомъ!" Если кто-нибудь скромно возражаетъ, что и евреи — люди, Вѣра Карловна усмѣхается. "Какіе-же это люди, государь мой? — благодушно отвѣчаетъ она — Развѣ это люди?.. Это — хамово отродье!"

"Абрамъ" для Вѣры Карловны — наказанье Божіе. Она ночи не спитъ при мысли, что въ квартирѣ — въ ея квартирѣ живетъ

этотъ "извергъ рода человѣческаго". Его постоянное невидимое присутствіе отравляетъ ея жизнь, какимъ-то неумолчнымъ волчкомъ онъ втирается въ ея нехитрыя думы, чертомъ мерещится ей во снѣ. "Оставь ты его въ покоѣ! — часто твердитъ ей мужъ. — Что онъ тебѣ дался? Парень онъ славный, за квартиру плотитъ исправно... Гдѣ ты найдешь такого? И такъ еле концы съ концами сводимъ!" Въ такихъ случаяхъ Вѣра Карловна обычно умолкаетъ изъ любви къ мужу и изъ страха передъ возможнымъ денежнымъ кризисомъ. Но какъ она тогда клянетъ въ душѣ то роковое стеченіе обстоятельствъ ,что свело ее съ "Абрамомъ"!...

Съ годъ тому назадъ, послѣ Пасхальной Заутрени повстрѣчалась Вѣра Карловна Птицына съ группой старыхъ знакомыхъ, гдѣ былъ и "Абрамъ" — въ тѣ времена извѣстный ей лишь по наслышкѣ. Начались, какъ водится, взаимные разспросы, поздравленія, христосованья... по очереди подходятъ къ ней; на душѣ свѣтло и радостно. И видитъ Вѣра Карловна, приближается къ ней "Абрамъ" — самъ не свой, на лицѣ такая грусть, что и сказать нельзя; подошелъ, протянулъ вздрагивающую руку и шопотомъ повторилъ за всѣми: Христосъ Воскресе! Конечно, она отвѣтила, не задумываясь. Именно тогда и было порѣшено сдать ему комнату.

"Абрамъ" — самый обыкновенный еврей "изъ простыхъ"; носъ у него съ горбинкой, надъ губой и на вискахъ пробивается синеватый пушокъ, дѣвичій румянецъ, волосы — курчавые; говоритъ онъ съ анекдотическимъ акцентомъ и нисколько этого не стѣсняется; работаетъ — маляромъ. "Абрамъ", или за глаза — "Абрашка" — какъ всякій еврей, обидъ не забываетъ, но мимоходныя повседневныя оскорбленія сноситъ легко и охотно прощаетъ ихъ при одномъ намекѣ на раскаянье. Вѣрѣ Карловнѣ онъ прощаетъ все даже безъ раскаянья "за доброе сердце". "Ви можите менья увѣрать и говорить все, что вамъ захочется — отвѣчалъ онъ ей обыкновенно — но я вамъ все равно нье повэру!" Бывало сидятъ они втроемъ за чаемъ, и вотъ Вѣра Карловна начинаетъ разсказывать мужу, какъ-бы не замѣчая "Абрама": "Ты знаешь, Темкинъ-то — разорилъ Арбузова, совсѣмъ по міру пустилъ... а вѣдь какой рѣдкостный человѣкъ!.. И всѣ они такіе, и всего-то ихъ съ горсточку, а сколько людей сгубили!" "Абрамъ" лѣниво вскидываетъ глаза. "Проклятый жидъ!" — меланхолически бросаетъ онъ. Вѣра Карловна тотчасъ-же

Ренуаръ. Письмо. **Renoir.** *La lettre.*

Ренуаръ. Купальщица. *Renoir.* ***Baigneuse.***

вскипаетъ, и много, бывало, надобилось мужу времени, чтобы возстановить миръ...

Мало по малу разговоры за столомъ стали сокращаться, потомъ у "Абрама" объявились заказы, онъ перешелъ на самостоятельную работу и уже совсѣмъ пересталъ показываться на глаза. Но мученій отъ этого у Вѣры Карловны не убавилось. Совсѣмъ недавно я слышалъ такой разговоръ между нею и мужемъ:

— Нѣтъ, я не могу, я умру, это — выше моихъ силъ! — жаловалась она — вѣдь отъ одного запаха его въ пору хоть въ Сену бросаться!

— Вздоръ! — холодно отвѣчалъ мужъ. — Да хоть-бы и запахъ — отъ какого маляра не пахнетъ скипидаромъ?

— Скипидаромъ?! Да развѣ это скипидаръ?! Ты понюхай любого спекулянта — и почувствуешь точно такой-же запахъ!

— Такъ чѣмъ-же это по твоему?

Вѣра Карловна какъ-то согнулась по-старушечьи, оглянулась по сторонамъ, перекрестилась и медленно проговорила съ дрожью въ голосѣ:

— Ко-пы-томъ...

Птицына окончила въ Россіи гимназію съ золотой медалью.

. . . .

Какая досада, какая тупая, смертная тоска наблюдать за всѣми этими людьми! Пусть это только осколокъ цѣлаго, пыль эпохи, кривая усмѣшка жизни — но вѣдь это-жъ люди, вѣдь это-жъ русскіе, вѣдь это-жъ мы?!

Бѣжать отъ нихъ! Но отъ нихъ не убѣжишь... Бороться съ ними! Но какъ бить лежачаго?.. Ихъ презирать! Но они-же любятъ меня, они — повсюду со мною, они — во мнѣ, они, это — я!

Лицо Хлыстова въ зеркалѣ становится все пасмурнѣе и пасмурнѣе.

ЕК. БАКУНИНА

ТѢЛО

Введеніе въ романъ.

То что я пишу отъ перваго лица, вовсе не значитъ, что я пишу о себѣ. Мое я потеряно и замѣнено образомъ женщины, отлитой случайно обрушившимися условіями по типовому образцу. Въ этой женщинѣ я тщетно пытаюсь найти исчезающее, расплывающееся — свое. А нахожу чужое, сходное съ другими. Слѣдовательно и разсказывая о себѣ, я говорю о другихъ. Мнѣ только удобнѣе разсматривать этихъ другихъ черезъ себя. Виднѣе. Такъ нѣтъ ничего скрытаго, ошибочнаго, ложнаго, выдуманнаго.

Сейчасъ я долго смотрѣла на себя въ зеркало. Я видѣла лицо, которое совершенно не выражаетъ того, что за нимъ. Между тѣмъ это мое лицо. Случайная смѣсь длиннаго ряда поколѣній. Я совсѣмъ не хочу имѣть такое лицо. Не только потому, что оно некрасиво (хотя некрасивая женщина — неудавшійся замыселъ), а потому, что въ немъ нѣтъ моей сущности. Въ круглыхъ карихъ, маслянистыхъ глазахъ нѣтъ ни горѣнія, ни бунта. Въ спокойномъ состояніи они сонливы и невыразительны. Въ минуты отчаянья (я замѣтила), — глупы. Нѣтъ ничего безсмысленнѣе карихъ глазъ — они всегда похожи на телячьи. Щеки уже не вырѣзаны правильнымъ нѣкогда оваломъ — сказываются годы. Между изломанными темными бровями — двѣ продольныя морщинки. Темно рыжіе, остриженные тифомъ волосы, почти прямы и гладко зачесаны назадъ. Лобъ большой, выпуклый; широкій, татарскій носъ; жестко (или горько) по бабьему поджатый ротъ. Потомъ начинающій отвисать подбородокъ и вянущая шея. Тѣло еще твердое, но уже начинающее полнѣть.

Все это меня возмущаетъ нестерпимымъ контрастомъ между сущимъ и должнымъ. Съ какимъ остервенѣніемъ я сорвала бы эту старѣющую кожу, выбросила груди, колышущіяся при ходьбѣ, вырвала ненавистные, не такіе какъ хочу, глаза. Родиться съ неудоб-

нымъ женскимъ тѣломъ и быть урѣзанной изъ за внѣшности въ своихъ возможностяхъ! Въ этомъ есть нѣчто непоправимое и озлобляющее меня. Но приходится выносить свою наружность и все остальное. Не могу назвать "міромъ" это остальное. Слишкомъ ограничена сфера и срокъ моего бытія и я сама ограниченное существо. Совершенно ясно, что многое недоступно мнѣ только потому, что я женщина. Форма моего тѣла и связанныя съ нею особенности усложняютъ и обезцвѣчиваютъ существованіе. Нахожу въ этомъ завѣдомую несправедливость. Жизнь поэтому возбуждаетъ мой гнѣвъ.

Ея какъ бы нѣтъ. Для человѣка живущаго воспоминаніемъ о прошломъ и мечтою о будущемъ, котораго не будетъ — настоящее не существуетъ. Оно не то, не пріемлется мною и всегда остается позади. Каждый данный моментъ уже прошелъ. Я вступаю въ слѣдующій, самъ собою связанный съ чѣмъ то для меня неизвѣстнымъ. Все навсегда запутано. Я ничего не понимаю. И я уроженка неблагополучной страны, гдѣ и гладъ и моръ, мятежъ и гнетъ смѣняли другъ друга и гдѣ неожиданно, ни съ того, ни съ сего, рождались и смутьянили души Достоевскій и Толстой, Бакунинъ и Ленинъ. Я изъ Россіи, перевернувшейся вверхъ дномъ.

Живя — утопая, захлебываясь, я растеряла весь тотъ грузъ, который даетъ человѣку устойчивость. Стыдъ, долгъ, Богъ, нравственный законъ — все, съ чѣмъ пускаются въ плаванье, пошло ко дну, а я всплыла какъ бочка, съ которой сорваны обручи и которую распираетъ извнутри.

Совершенно непонятно и невѣроятно то, что я живу въ Парижѣ. Если начать разматывать клубокъ воспоминаній, то нить приведетъ къ чиновному петербургскому дому, дачѣ въ Петергофѣ и наслѣдственному мѣсту на кладбищѣ. Въ домѣ была ровная, однообразная, тягучая, вѣками устоявшаяся жизнь. Въ ней разросталась, ширилась и все заполняла собою скука, корни которой питались твердой увѣренностью въ томъ, что будущее можетъ быть только повтореніемъ прошлаго. Однажды вечеромъ, захлопнувъ крышку рояля, я ушла къ поразившему мое воображеніе извѣстному пѣвцу и предложила ему себя съ равнодушной дѣвичьей любознательностью къ тому, что будетъ. Пѣвецъ оказался грубымъ, мнѣ было больно и непріятно (обдѣленность пола сказалась уже тутъ). Я ушла запачканной съ однимъ желаніемъ — не вспоминать о томъ, что было. Но эпизодъ,

бывающій мимолетнымъ для мужчины, для меня затянулся навсегда. Навязанное мнѣ тѣло забеременѣло, пѣвцу пришлось жениться. Это и есть мой мужъ. Банальная случайность, которою почти всегда бываетъ моментъ становленія женщиной, обратилась въ позорную и неопрятную привычку. Въ силу нея, я съ мужемъ измѣняю самой себѣ и иногда пытаюсь найти утраченную вѣрность въ случайныхъ и рѣдкихъ измѣнахъ.

Институтъ современнаго брака включаетъ въ себя адюльтеръ, дающій успокоеніе нервамъ и освѣжающій застаивающуюся до затхлости супружескую жизнь. Къ сожалѣнію я не принадлежу къ числу тѣхъ поверхностныхъ мужеподобныхъ, спортивныхъ женщинъ, для которыхъ одинъ изъ видовъ спорта — любовь — протекаетъ легко, разнообразно и пріятно. Меня не удовлетворяетъ и легковѣсное упражненіе душевно - сексуальныхъ эмоцій, именуемое флиртомъ. Я серьезна и женственна, вольнолюбива и въ то же время есть во мнѣ нѣчто, жаждущее безграничнаго подчиненія. Но перешагнувъ, какъ мнѣ кажется, черезъ то, что именуется условною моралью — я постоянно наталкиваюсь на внутренніе запреты несовмѣстимыхъ съ этимъ понятіемъ поступковъ. Странная явь моего существованія воспринимается мною поэтому тяжело. Особенно тягостна мнѣ покорная, все выносящая преданность мужа. Женившись по необходимости, онъ съ годами привязывается все больше и больше. Мое же отношеніе къ нему развивается въ обратномъ смыслѣ. Я почти ненавижу его за свое отвратительное къ нему милосердіе, расслабляющую жалость, унижающее состраданіе. Жалость вообще разъѣдаетъ меня, какъ материнская любовь.

Отъ чиновнаго Петербурга и Петергофа сохранилась у меня приверженность къ музыкѣ, бездумному бездѣйствію, шелесту листьевъ, движенью облаковъ и морскому простору. А жить приходится въ тѣсной квартирѣ парижскаго большого дома, шумъ котораго непрерывно раздражаетъ. Но у дома есть призрачный сосѣдъ, осколокъ прошлаго — старый, покривившійся и подпертый деревянной балкой домишка. Въ отдаленныхъ кварталахъ Парижа еще сохранились кое гдѣ такіе умирающіе дома съ трогательно уцѣлѣвшими передъ ними деревьями, кора которыхъ черна какъ сажа и подъ которыми на убитой землѣ растетъ не трава, а зелено - желтая плѣсень. Такіе дома кажутся подслѣповатыми, въ нихъ есть что - то

безнадежное и не знаю, что меня въ нихъ привлекаетъ, но скверную свою квартиру я сняла именно изъ за сосѣдства такого полумертваго выщербленнаго, крошащагося какъ гнилые зубы домишки. Рядомъ съ нимъ, на пригоркѣ, наполовину заслоняющемъ мои окна, посѣрѣвшая отъ дождей древняя балюстрада: каменныя кегли съ шариками наверху. Шарики кое гдѣ сбиты. Откуда она? Надъ нею лоскутъ неба, а въ небѣ лопасти листьевъ ближняго каштана.

Этотъ старый домъ осужденъ на сломъ и когда я гляжу на него, мнѣ все кажется, что онъ снится мнѣ. И жильцы въ немъ тѣни, многолѣтніе, доживающіе свой вѣкъ. Вверху старуха со вставнымъ глазомъ, фіолетовыми волосами и попугаемъ и высохшій старикъ въ ермолкѣ. Внизу — въ одной половинѣ — вязальщица съ парализованными ногами. Она всегда вяжетъ, придвинутая къ окну. Ея блѣдные, непрерывно шевелящіеся пальцы, похожи на кишащихъ червей. Полупьяная консьержка носитъ ей остатки пищи. Консьержка пьетъ потому что у нея убили въ Марокко сына. Окно другой половины всегда завѣшено грязной, выцвѣтшей соломенной цыновкой. За нею прячется зеленоватая женщина въ черномъ и раздутый, бѣлый какъ рубцы или вымоченная телячья голова, ея мужъ - часовщикъ. Этихъ людей и этотъ домъ я вижу цѣлыми днями. Но жильцовъ большого дома, гдѣ я живу, — я не знаю. Съ ними я встрѣчаюсь только въ полутьмѣ лѣстницы. Запертыя двери и больше ничего.

Въ моей квартирѣ никогда не бываетъ солнце. Она прямо на землѣ и отдаетъ погребомъ. Поэтому она дешева. Въ окна видно все что дѣлается внутри и ихъ надо завѣшивать тюлемъ. Тюль пылится и отъ него вѣчная полутьма. Но если за нимъ меня не видно и не слышно, то мнѣ все видно и слышно и чужая жизнь назойливо врывается въ мою. А во дворѣ все время перекликаются люди.

Утро начинается разговоромъ одноглазой старухи съ консьержкой, потомъ, съ проходящими мимо въ дворовую уборную, эписьеромъ и мясникомъ, съ женой часовщика, съ часовщикомъ, съ попугаемъ — старуха ужасъ какъ говорлива. Голосъ у нея отвратительно хриплый, дребезжащій; у консьержки сиплый басъ, у эписьера сладкій, поющій фальцетъ, мясникъ говоритъ баритономъ, часовщикъ гнуситъ, у жены его голосъ приглушенно тихій, точно горло ей заткнули кляпомъ. Лаютъ двѣ собаки, гоняясь за кошкой консьержки. Эписьеръ и мясникъ весь день что нибудь скребутъ и моютъ подъ

краномъ, находящимся снаружи окна моей спальни. Мнѣ кажется, что запахъ помоевъ проникаетъ сквозь стѣну, а вода льется въ самой комнатѣ (запахъ и звукъ — мои основныя воспріятія). Я задыхаюсь — у меня больное сердце. Когда же открываю окно — то комната наполняется противной смѣсью жавеля, которымъ консьержка моетъ лѣстницы и нечистой дворовой земли, а мнѣ надо отвѣчать на стереотипныя фразы и улыбаться отвѣтными улыбками. Я закрываю окно. Становится опять душно.

Пѣвецъ давно потерялъ голосъ и теперь сталъ шофферомъ. Вѣра, моя дочь отъ него, ходитъ въ лицей. Ей уже шестнадцать лѣтъ. Случайно зачатая, она вросла сначала въ мое тѣло, а потомъ въ душу, какъ ядовитый наростъ, сосущій соки. Она цѣпко привязываетъ меня къ тому постоянному пересиливанью, перемоганью себя, какимъ является моя жизнь съ того момента, когда съ брезгливымъ удивленіемъ, отвращеніемъ и сознаніемъ безповоротно совершившагося несчастья, я увидѣла ее, выдавленную изъ себя, безпомощно свѣшивающуюся съ ладони акушерки, еще опачканную кровью и слизью, багрово сизую, казавшуюся мяснымъ комкомъ, вырваннымъ изъ моего живого тѣла.

Ужасно слащавы и смѣшны изображенія мадоннъ надъ розовыми младенцами, вообще обожествленіе рожденія! Одно изъ безобразнѣйшихъ, унизительнѣйшихъ насилій на которое обречена женщина... Стоитъ только представить себѣ рожающаго Іисуса Христа или Доріана Грея, чтобы то, что привычно пріемлется, предстало совершенно неописуемо нестерпимымъ. Дьявольски постыдный шаржъ, но опять лишь на женщину. Моментъ страсти, которымъ ограничивается роль мужчины въ дарованіи жизни, можетъ быть, въ какомъ то рѣдчайшемъ, почти не существующемъ сочетаніи — красивымъ. Роды всегда срамны.

Мнѣ было чрезвычайно трудно освоиться съ мыслью, что я больше не принадлежу себѣ, что въ любое мгновеніе и при всякомъ настроеніи меня назойливо можетъ позвать къ себѣ постоянно марающееся, мутноглазое, ненасытное существо. Меня возмущали набухавшія груди, требовавшія сосанья и я себѣ казалась похожей на какое - то крупное отелившееся или ощенившееся животное. Однажды ночью Вѣра такъ измучила меня крикомъ и своею ненужностью, что я рѣзко швырнула свертокъ съ ней на кровать. На мгновенье мнѣ

захотѣлось вовсе избавиться отъ нея, но тотчасъ же я ощутила пронзительную жалость къ ея безпомощности. Именно изъ сознанія ненужности ребенка никому, если ужъ мнѣ не надо, возникла ничѣмъ не оправдываемая, губительная для личности, самозабвенная, жертвенная материнская любовь. Все отдать и ничего, ничего взамѣнъ не ждать! Это стало какъ бы моей второй натурой, и эта любовь, какъ крапива жгучая, какъ крапива же стала глушить желаніе что то спасти для себя, уберечь душу отъ безсмысленнаго расточенія.

Вѣра все больше становится похожа на отца, а отецъ тѣмъ болѣе становится чуждъ мнѣ, чѣмъ болѣе у меня накопляется случаевъ для сравненія его съ другими. Онъ огрубѣлъ отъ работы, пьетъ, нечистоплотенъ. Въ Россіи я почти не жила съ нимъ подъ однимъ кровомъ, такъ какъ онъ часто уѣзжалъ на гастроли. Здѣсь я вынуждена спать съ нимъ въ общей постели. Это и то, что съ этимъ связано, такъ мучительно, что я по ночамъ работаю, часто до разсвѣта. На мое несчастье, женскіе пальцы воспріимчивы къ шитью. Я вышиваю шелковыя платья. Уже давно слѣпну надъ этой работой. Ненавижу ее, тупѣю отъ нея, вѣчно хожу невыспавшаяся съ красными бѣлками глазъ. Но все-таки это лучше, чѣмъ работать по мастерскимъ, какъ я дѣлала раньше. Дома нужны мои руки, Вѣра требуетъ ухода. И хотя я считаю ее стороннимъ, насильно вторгнувшимся въ меня и насильно вышедшимъ изъ меня существомъ — у меня къ ней всепревозмогающее, прощающее чувство. Она же требовательна, груба, эгоистична.

Въ квартирѣ есть нѣкій акустическій фокусъ. Въ мрачномъ корридорѣ, начинающемся отъ входной двери и упирающемся въ кухонную, вслѣдствіе плохихъ дверныхъ и оконныхъ створокъ даже въ тихую погоду слышится по временамъ стонущій вой — воздушная тяга, сквознякъ. Когда же погода вѣтряная — корридоръ завывываетъ какъ буранъ. А въ комнатахъ внезапно начинаютъ стучать водопроводныя трубы. Вой наводитъ на меня тоску, стукъ пугаетъ (пугливость, граничащая съ трусостью, позорно неотдѣлима отъ моего пола).

Впрочемъ страхъ, тоска и непониманіе того что во мнѣ и вокругъ меня — стало моимъ обычнымъ состояніемъ, вѣроятно вслѣдствіе нездоровыхъ условій жизни, лишенной радостныхъ ощущеній. Въ своихъ полутемныхъ двухъ комнатахъ я двигаюсь, совершая все

тѣ же повторныя дѣйствія, подобно разъ навсегда заведенному автомату. Стандартная русская женщина въ эмиграціи. Та, которую революція и послѣдовавшіе за ней разрушительные годы, отъ юности вразъ перенесли къ преддверію старости и втиснули въ однообразный, неизбѣжный укладъ. Вотъ также точно какъ я (а, говорятъ, я — неповторимо), по отелямъ и по квартирамъ, изъ угла въ уголъ, изо дня въ день. Тождество сомнабулъ. Сонъ, отъ котораго никакъ не проснешься. Мнѣ кажется страшно смотрѣть на меня (и на нихъ) со стороны. Молчаливая или тихо бормочущая сама съ собой тѣнь. Иногда я тихонько пою. Но у меня превосходный слухъ и безобразный голосъ. Вслѣдствіе этого я не выношу своего пѣнія и умолкаю, какъ только начинаю слышать, что запѣла. Многое изъ того, что я дѣлаю, я замѣчаю не сразу. Напримѣръ того, что у меня беззвучно шевелятся губы. Или шепчутъ. Что я улыбаюсь своимъ мыслямъ — (вѣрнѣе — кривлю ротъ), что, бываетъ, останавливаюсь посреди комнаты и долго стою, какъ помѣшанная. Можетъ быть и впрямь тѣ, кто какъ я — изъ угла въ уголъ, изо дня въ день — немного помѣшаны. Было отъ чего помѣшаться каждой.

Значительную часть дня (за вычетомъ домашнихъ работъ) я провожу согнувшись за иглой. Но случается, что ничего не въ состояніи дѣлать — напримѣръ передъ обычнымъ нездоровьемъ — и поджавъ подъ себя ноги, сижу на жесткой кровати съ остановившимися глазами. Страшная душевная подавленность (вліяніе того, что независимо отъ меня происходитъ въ моемъ тѣлѣ) выражается въ это время въ томъ, что у меня до боли въ груди стѣсняется дыханіе. Я чувствую себя совершенно, совершенно одинокой, какъ если бы я была одна въ непроницаемой камерѣ затонувшей подводной лодки — и въ то же время противопоставленной тому непостижимому нагроможденію событій, какимъ является міръ. Возможно, что великіе философы, основатели религій, поэты или избранные писатели давно разрѣшили мое недоумѣніе передъ жизнью. Возможно, Но не передо мною самой. Я — частный случай съ сопутствующей этому случаю цѣпью фактовъ, освѣщаемыхъ извнутри. Этотъ внутренній свѣтъ иногда ослѣпляетъ какъ молнія, но затѣмъ лишь, чтобы ярче увидѣть въ мгновенномъ прозрѣніи необъяснимое безсмысліе этого прозрѣнія, если ничего невозможно измѣнить. Все же книги единственный способъ ослабить узы. Но, какъ и большинство жен-

щинъ, я не читаю ничего кромѣ литературной дребедени, случайно попадающей въ руки. Я даже не успѣла переварить тотъ запасъ знаній, какой пріобрѣтался изъ своеобразнаго снобизма — моды на науку — существовавшаго въ Россіи. Уродливый пореволюціонный бытъ въ корнѣ подсѣкъ всякаго рода снобизмъ. И вотъ я тычусь своимъ умомъ, какъ слѣпой котенокъ мордой, въ непонятное, темное, неизвѣстное. Иногда набиваю шишки. Мудрыя же путеводныя книги мнѣ недоступны. Даже въ газетѣ я пропускаю первыя двѣ страницы и перехожу къ происшествіямъ и фельетонному роману.

Но за то я не только не пробѣгаю равнодушно рубрику происшествій, но подолгу думаю надъ каждымъ человѣческимъ несчастіемъ или крупной катастрофой. Я мысленно ставлю себя на мѣсто пострадавшихъ и въ моемъ одиночествѣ достигаю чрезвычайнаго искусственнаго сосредоточенія на каждомъ событіи, какъ бы вживаюсь въ него. Такъ я послѣдовательно становлюсь — самоубійцей, раздавленной землетрясеніемъ, заживо похороненной, утопающей, замерзающей или сгорающей, разбивающейся на смерть при полетѣ или изуродованной автомобилемъ, потерявшей ребенка (особенно мучусь надъ случаями Айседоры Дунканъ и Линдберга) или облитой сѣрной кислотой и т. п. Я довожу себя до полной очевидности и когда зрѣлище страданія становится совершенно нестерпимымъ — предстаютъ неразрѣшимые дѣтскіе вопросы — почему и зачѣмъ. И непримиримое: за что.

И ясно, что разъ неизвѣстно почему и зачѣмъ, и за что — другимъ, то значитъ и меня ждетъ какое нибудь несчастіе (дохожу до совершенной увѣренности въ этомъ). И вотъ я должна жить и ждать, не будучи въ силахъ ничего ни отвести, ни предотвратить. Конечно, сильнѣе всего страхъ за Вѣру. Вѣру я хотѣла бы уберечь отъ всего міра и, пожалуй, цѣной всего міра, такъ чтобы пушинка не упала на ея жесткіе отъ стрижки темно-русые волосы. (Гипертрофія материнскаго чувства преображается въ жестокую готовность не только собой, но в с ѣ м ъ пожертвовать. Богородицы — конфетки материнства, Рафаелевы трафареты, слѣдовало бы поэтому замѣнить болѣе правдивымъ символомъ, вродѣ многорукой богини Кали съ вымазаннымъ кровью ртомъ)... Но я знаю, что Вѣру ждетъ неизбѣжность и что въ этомъ моя вина, вина давшей жизнь. Иначе какъ виной я это не считаю, не могу считать послѣ Россіи... Въ предѣльномъ развитіи

— мысль: было бы лучше если бы Вѣра умерла. Тогда ужъ спокойно... Но дрожу за нее при малѣйшемъ заболѣваніи...

Что мы погибаемъ — очевидно. Старѣемъ и силъ все меньше, а жить все труднѣй. Цѣпляемся за свой жалкій уголъ, но каждый срокъ квартирной платы задолго является кошмаромъ и надолго истощаетъ послѣ. Михаилъ Сергѣичъ шофферъ никуда не годный. Онъ близорукъ, нервенъ, неумѣлъ. У него постоянно несчастія, а въ благополучные дни онъ зарабатываетъ до смѣшного мало. Послѣднее же время, случается, и вовсе ничего не привозитъ. Женскій трудъ вообще оплачивается грошами, но и его становится все меньше. Говорятъ, мое шитье скоро прекратится вовсе. Никому не нужно вещей. Кризисъ... Въ газетахъ все чаще случаи семейныхъ самоубійствъ (точно "семейныя бани"). И способъ установился: газовый кранъ. Мнѣ особенно памятенъ случай въ набитой золотомъ Америкѣ. Въ жутко замолкшемъ "флятѣ" (такъ тамъ зовутъ человѣчьи конуры), взломали дверь и нашли мертвыми отца, мать и сына. Лампочка горѣла въ изголовьи кровати мал:чика, книжка выпала изъ сонныхъ рукъ. Рядомъ, на стулѣ, закушенное яблоко и недопитый стаканъ воды. Мальчику дали сначала уснуть. Онъ ничего не зналъ и его увели съ собой, чтобы не оставлять одного. Такъ и было написано въ предсмертной запискѣ. А умерли потому что стало не на что жить. Невозможно стало заработать деньги — состарились. Это были русскіе.

Неужели мнѣ такъ придется поступить съ Вѣрой и это будетъ высшимъ проявленіемъ моей любви? (Убійства изъ состраданія тоже въ большомъ ходу, но убиваютъ больныхъ. Какъ будто жизнь здоровыхъ не есть перемежающаяся и все усиливающаяся боль). Смогу ли пройти черезъ это? Какъ начнется этотъ день?

Все будетъ какъ всегда — обѣдъ, можетъ быть даже лучшій, чѣмъ обычно: напослѣдокъ. Чаепитіе, разговоръ. Я куплю Вѣрѣ полфунта сушеныхъ абрикосовъ — она ихъ любитъ, но я никогда не въ состояніи купить ей больше четверти фунта. Передъ сномъ я ее поцѣлую, поглажу по головѣ, приложусь щекой къ ея щекѣ, преклонивъ голову къ подушкѣ. (Ни единой слезы. Все въ себѣ). Потомъ подоткну одѣяло подъ матрацъ и присѣвъ буду ждать, когда смежатся длинныя Вѣрины рѣсницы. Я буду мысленно видѣть ее только что родившейся, еще нелюбимой, неомытой, красной, скользкой, съ

прилипшими къ темени влажными, темными волосами. Потомъ сосущей, пальчиками перебирающей мою грудь и косящей на меня однимъ глазомъ... Вотъ она стоитъ въ опрокинутой вверхъ дномъ табуреткѣ... Ползаетъ, смѣшно ѣздя на малиновомъ задкѣ и загребая ногой. Наконецъ, нетвердо ступая, едва удерживая въ равновѣсіи свое тѣльце — ходитъ... А первая ея улыбка, первый невнятный слогъ — мма - мма - мма, и первое боязливое слово — "хоха" (о шумящей въ клозетѣ водѣ). И вотъ вплотную передъ нею будетъ послѣдняя хоха — смерть. Хватитъ ли у меня любви это сдѣлать? Надо - ли? О томъ — вправѣ - ли — не думаю. Вѣдь нельзя же ее оставить одну, какъ не оставили того мальчика. А намъ жить дольше будетъ нельзя и для Вѣры мы ужъ ничего больше не сможемъ сдѣлать.

Въ темномъ углу, наединѣ сама съ собой, я забываю о томъ, что стоитъ лишь сбросить наважденіе одиночества, выйти на свѣтъ, на воздухъ, въ паркъ или просто на улицу, чтобы снова захотѣть жить и не только для Вѣры, но и для себя и чтобы срокъ жизни показался ничтожно краткимъ, а смерть совершенно невозможной, такъ что какъ будто ея никогда и не будетъ, потому что немыслимо допустить, чтобы была. Можетъ быть съ другими и бываетъ, но не со мной, не съ нами... Или гдѣ то далеко, такъ что не видно... И не надо смотрѣть т у д а .

Но въ моемъ погребѣ - склепѣ, — мысли безысходны. Въ Бога я не вѣрю. Какой Богъ, когда возможны война и разстрѣлы, матери, грызущія отъ голода руки и поящія кровью дѣтей (Китай). Матери пожирающія дѣтей (Россія). Отвратительныя, неизлечимыя болѣзни. Омерзительные пороки. Гибель, гибель, гибель, — на сушѣ и на морѣ, въ небѣ и на землѣ. Молиться некому.

Близкихъ у меня тоже нѣтъ. Кровные, которые всегда были обременительно - ненужными — убиты или затеряны въ Россіи. Душевные — растворились по городамъ и годамъ. Мужъ — чужой. Вѣра — пустота. Съ любовникомъ я разошлась. Просто знакомыхъ не люблю. Когда я слышу, что кто нибудь подходитъ ко входной двери и нашариваетъ звонокъ, я замираю, какъ будто это подкрался сбѣжавшій сумасшедшій. Не шевелясь и притаившись, я пережидаю, когда прекратятся повторные звонки и пришедшій уйдетъ, думая, что меня нѣтъ дома. Иногда люди не довольствуются звонками, а, обойдя дворомъ, заглядываютъ сквозь тюль въ окно и стучатъ въ

него... Зловѣщій стукъ пальцевъ по стеклу... А я стою гдѣ нибудь за шкафомъ, красная, съ бьющимся сердцемъ, чувствуя себя отталкивающей, подобной насторожившемуся спруту. (Въ музеѣ Океанографіи я видѣла какъ забившійся въ зеленую, тинистую дыру бѣлесый, надутый спрутъ, съ выпученными, неотрывными, злыми глазищами, дѣлался лиловымъ отъ сладострастной алчности, когда набрасывался на дохлую рыбу. Долго потомъ бываю разстроена, въ какомъ то нелѣпомъ испугѣ, съ нарушеннымъ строемъ мыслей; но постепенно всѣ отстали. "Васъ никогда дома нѣтъ".

Намученная такъ за день самой собою, я бываю рада, когда возвращается Вѣра, а иногда и мужъ. Поздно онъ не ѣздитъ—плохо видитъ. Хлопочу, суечусь возлѣ нихъ, принимаю и подаю, спрашиваю и отвѣчаю. Слова каждый день почти одни и тѣ же. Иностранцу было бы легко научиться понимать семейные разговоры. Потомъ наступаетъ пора ложиться спать.

Писатели зачѣмъ то выдумали любовь. Будто бы существуетъ безпредѣльная душевная близость, нѣжность, нѣга, страсть, наслажденіе, раствореніе другъ въ другѣ, дополненіе другъ друга, красота формы и красота содержанія, беззавѣтная преданность, неразрывность, гармонія взаимнаго влеченія, соотвѣтствіе между таинственной сущностью жизни и обстановкой, въ которой она протекаетъ. Это все взрывчатыя слова. Изъ за нихъ въ моей убогой жизни тлѣетъ фитиль неодолимаго желанія встрѣтить хотя бы подобіе такой любви. Каждая женщина хочетъ этого. Романтизмъ вѣченъ и не въ этомъ ли секретъ успѣха наивныхъ романовъ и кинематографическихъ фильмовъ, любовныя перипетіи которыхъ вызываютъ слезы на глазахъ. Настоящія слезы! Я мысленно измѣняю мужу съ выдуманными героями. Иногда пытаюсь дѣлиться съ нимъ и Вѣрой своими романами. Мужъ, хохоча, говоритъ: "Ну, Вѣра, мама опять влюблена? "Вѣра же на всѣ мои "бредни" повторяетъ: "Любить можно только богатаго. Я выйду замужъ за инженера, хоть какого угодно урода, только чтобы много зарабатывалъ. У меня будетъ шикарная квартира и автомобиль... "Никакой романтики эта дѣвочка не признаетъ. Я же вынашиваю образъ своей любви (которой ужъ никогда не будетъ).

Ночью, когда за желѣзными ставнями затихаютъ людские голоса и отчетливѣй становится слышенъ глухой шумъ города — у меня нѣмѣютъ спина и руки. Мнѣ кажется, что шитье мое длится вѣчность и никогда не кончится. Я сплю, бодрствуя. Лампочка затѣнена синимъ сукномъ, отъ этого въ настоящее вдругъ вклинивается кусочекъ прошлаго:

...первый классъ, спальное купэ, мягкое покачиванье вагона, розы на столикѣ, удушливый ароматъ, спокойствіе увѣренности въ будущемъ, довѣріе къ мчащему паровозу, любимость...

— Мужъ спитъ и всхрапываетъ, за тонкой стѣной сонно вздыхаетъ Вѣра, а я на мягкомъ шелкѣ выстилаю крестъ за крестомъ. Пестрый узоръ, рождаемый моею рукою, единственное во всемъ окружающемъ меня, что носитъ на себѣ вѣяніе искусства. Его насыщенные тона напоминаютъ о солнцѣ, просторѣ, о вѣтрѣ, треплющемъ расшитый рукавъ, о кажущейся легкости чьихъ то жизней... Но скупые обрывки моихъ мыслей отъ воспоминаній, романовъ и ужасовъ неизмѣнно возвращаются въ кругъ домашнихъ дѣлъ: какъ бы не опоздать къ сроку, а то больше не дадутъ работы, да хватитъ ли заплатить за газъ, да сколько привезетъ Михаилъ Сергѣичъ, да не пора ли опять стирать... Точно такія мысли тамъ, по угламъ, у другихъ... Потомъ вдругъ въ ушахъ раздается звонъ и...

...пальцы мои летаютъ по клавишамъ рояля. Я слышу музыку.

Кромѣ нея нѣтъ и не было ничего...

...Вдругъ толчекъ: задремавъ, я качнулась на стулѣ. Изъ того, что есть моя подлинная дѣйствительность, я возвращена въ чуждую, томительную явь. Шить больше нѣтъ силъ. Еле раздѣвшись, немытая, я подползаю подъ одѣяло и, лежа на самомъ краю постели, стараюсь поймать только что одолѣвавшій сонъ. Но засыпаю не скоро: мѣшаетъ храпъ Михаила Сергѣича, спертый воздухъ, а главное озябшія отъ неподвижнаго сидѣнья, холодныя ноги.

Если же у меня нѣтъ работы и я ложусь въ постель одновременно съ мужемъ и если при этомъ не была съ нимъ враждебно суха и каменно холодна (что бываетъ въ періоды моихъ частыхъ мысленныхъ и рѣдкихъ физическихъ "измѣнъ") — то наступаетъ неизбѣжное: весьма распространенная каррикатура на любовь.

Мужъ робко пододвигается, кладетъ голову на плечо жены, трется объ него... Можно и оттолкнуть, но жену связываетъ съ нимъ

привычка, годы жизни, мученія, которыя она ему причиняла, страданія, которыя вмѣстѣ пережиты, дѣтскія болѣзни, сознаніе того, что въ трудную минуту мужъ не покинетъ, какъ собака, но сильнѣе всего отвратительная женская жалость, безстыдно - снисходительная терпимость, животная человѣчность, если допустимо такое сопоставленіе. Баба говоритъ не люблю, а "жалѣю". Должно быть у замужней женщины есть что то отъ этого бабьего жалѣнія. Кромѣ того жена знаетъ, что когда нибудь придется уступить. Лучше ужъ скорѣй, чтобы выгадать отсрочку на будущее время.

Женщина лежитъ не двигаясь. Рука мужа переходитъ въ дѣйствіе. Шарящія движенія, какъ будто слѣпой ощупываетъ кожу. Это совсѣмъ не похоже на ласку... Надо не замѣчать... не думать... Но противъ воли мысль воспроизводитъ ощущенія не мертваго, а отзывающагося тѣла и это вызываетъ глубочайшую брезгливость къ совершаемому надъ нимъ.

Это омерзительное претерпѣваніе, уничижающее жалѣніе, постыдное и безстыдное милосердіе, эта судорога въ темномъ закуткѣ — есть какой то неуловимый остатокъ, пережитокъ понятія долга. Гипнозъ слова — мужъ. Всѣмъ моимъ противящимся существомъ я знаю, что этого не должно быть, что это недопустимо, невыносимо, унизительно для меня, что не можетъ быть такого долга, который переживается какъ позоръ. Но во мнѣ, въ женскомъ моемъ я, живетъ наслѣдственная, вѣками выработанная уступчивость. Женское тѣло м о ж е т ъ отдаваться безъ страсти и въ этомъ его проклятіе. Я лежу и думаю сколько женщинъ, такъ же какъ я, по ночамъ подолгу не смыкаютъ глазъ, обобранныя своей рабьей покорностью, грубой мужской поспѣшностью или повелительной необходимостью. Тихонько беззвучно плачу... Мнѣ хочется гладить себя и цѣловать...

Внезапно начинаютъ стучать водопроводныя трубы. Собака залаяла во дворѣ и откуда то издалека доносится слабый, протяжный паровозный гудокъ. Въ этомъ звукѣ всегда есть щемящая нота, напоминающая разсвѣтъ, снѣжныя поляны, медленно проходящій мимо соннаго города товарный поѣздъ. Бѣлая беззащитная грусть. Оброшенность... Я засыпаю... Въ полуснѣ мысль: что же такое мои измѣны? Измѣны кому и чему?

Въ шесть часовъ утра раздираетъ уши будильникъ. Начинается стандартный день. Въ голову заколачиваютъ гвозди, встать нѣтъ силъ. Я лежу въ тяжелой дремѣ, но опасеніе того, что Вѣра изъ за лѣни уйдетъ въ лицей голодная, заставляетъ подняться. Вѣра мой непрестанный толкачъ и безжалостно обирающій меня ростовщикъ. Во имя чего я расточаю на нее свою жизнь? Кчему эта умиленная, предвосхищающая каждое ея желаніе, готовность все для нея и ради нея сдѣлать? Она ни въ чемъ мнѣ не помогаетъ, скверно учится (по два года въ одномъ классѣ, а чего стоитъкаждый годъ), лжетъ, любитъ только платья, красится... Если бы это была чужая дѣвчонка — я бы выгнала ее. Вѣрины же недостатки я вижу, не прощаю ихъ, но не могу побороть въ себѣ рабскаго чувства матери. Только возмущаюсь, глядя на себя со стороны.

Сунувъ руки въ рукава халата и запахивая его полы, вся охваченная холодомъ полуподвальнаго помѣщенія, я иду въ кухню варить овсянку. Отъ нея бываешь сытъ весь день. Газъ шипитъ. Встаетъ Михаилъ Сергѣичъ, фыркаетъ подъ краномъ, брызгается и брызги циплютъ мой подбритый затылокъ и голыя пятки. Я переступаю на другое мѣсто, волоча по плитяному полу деревянныя сабо и, размѣшивая ложкой хлюпающую, пузырящуюся гейзерами кашу, высчитываю сколько у меня денегъ и что на нихъ можно купить, чтобы ѣды хватило на весь день.

Михаилъ Сергѣичъ тряпкой на щеткѣ подтираетъ полъ, размазывая грязь. Тѣло обнажено до пояса, изъ подмышекъ торчатъ густые рыжіе клоки, лопатки выпячены, плечи сгорблены, между сосками шерсть, животъ выступаетъ впередъ. Изъ брюкъ сзади торчатъ желтоватые хлястики исподняго бѣлья. Никакъ не могу привыкнуть къ неизбѣжному безобразію бѣдности, отсутствію ванны, заношенному бѣлью, которое самой же надо отстирывать, къ этой необходимости видѣть другъ друга полураздѣтыми. Сколько это рождаетъ излишней непріязни и раздраженія! И ко всему — мужская нечистоплотность. Отъ бани до бани, а и бань то нѣтъ!

Почему я никогда не живу настоящимъ? Почему все что я вижу и слышу заслоняется тѣмъ чего нѣтъ, можетъ быть не было и для меня во всякомъ случаѣ никогда не будетъ? Это заставляетъ меня терять много времени на мысленное зрѣніе, которое къ тому же требуетъ отъ меня музыкальнаго выраженія (я могла бы быть

не плохой музыкантшей) и, не получая его, оставляетъ въ непрестанномъ томленіи, похожемъ на сексуальное. Но какой любовникъ насытитъ голодъ творчества! И зачѣмъ этотъ голодъ, если никогда ни одна женщина въ мірѣ но родилась композиторомъ (мелочь — не въ счетъ. Бетховена, Баха, Грига, Гайдна, Шопена, Чайковскаго, Скрябина — женскаго пола не было и не будетъ. Тутъ — предѣлъ. Черта, которой не прейдеши). А между тѣмъ я мыслю звуками, слышу сама себя, изнываю... Зачѣмъ же это, если я задавлена и не могу ни выбраться изъ подъ осколковъ постоянно падающихъ на меня чужихъ жизней, ни освободить душу изъ ограничивающаго ее тѣла. Я хотѣла бы быть змѣей и выползти изъ себя обновленной, какъ она выползаетъ изъ кожи. Но я всего на всего лѣзу вонъ изъ кожи.

Михаилъ Сергѣичъ выходитъ. На смѣну ему появляется заспанная Вѣра въ длинной ночной рубашкѣ и войлочныхъ туфляхъ. Она лѣниво чиститъ зубы и моетъ только лицо, шею и руки. "Сними рубашку, Вѣра, и вымойся какъ слѣдуетъ, "говорю я. Вѣра, которая по утрамъ всегда не въ духѣ, непріязненно взглядываетъ на меня, молчитъ и не дѣлаетъ того, что я прошу. Пусть бы сказала, что не хочетъ. Но почему молчитъ? "Вѣра, ты слышала. "То же молчаніе. Кладетъ на мѣсто щетку, снимаетъ полотенце съ деревянной вѣшалки. "Вѣра". — "Ну, слышу, отзывается, наконецъ, Вѣра, "такъ вѣдь холодно, а воды нѣтъ теплой. Я вечеромъ мылась". И она уходитъ въ комнату, гдѣ оботрется одеколономъ, потому что такъ скорѣе. Она предпочитаетъ его водѣ и чѣмъ старше, тѣмъ становится неаккуратнѣе, соблюдая только внѣшнюю, показную чистоту. На мои слова не обращаетъ вниманія.

Когда это началось? Въ какой моментъ стало таять дѣтское благовоспитанное послушаніе и замѣнилось нескрываемымъ высокомѣріемъ отмалчиванья? И почему мнѣ всегда отъ этого больно? Почему всѣхъ больнѣе ранитъ меня то существо, которому я больше всего отдала привязанности и заботы? Скверная гримаса вмѣсто благодарной улыбки! И это мнѣ никогда не будетъ безразлично.. Безразличіе, презрѣніе, равнодушіе, озлобленіе или просто спокойствіе — все это не для случая — Вѣры. Противъ этого случая мой разумъ безсиленъ.

Мужъ и дочь торопливо ѣдятъ и уходятъ, оставляя послѣ

Манэ. Ателье. *Manet. Atelier.*

Манэ. Баръ. *Manet. Bar.*

себя сбитыя постели, грязныя тарелки, истоптанный полъ. Я ставлю на газъ воду для мытья посуды и иду убирать комнаты. Мыть и убирать свое тѣло я должна погодить и выносить его до этого пыльнымъ и потнымъ. Женское тѣло не приспособлено для тяжелой работы. Жирное, съ открытой полостью, оно грязнится отъ физическихъ усилій. Какъ ужасно проработать цѣлый день въ современной одеждѣ, въ закрытомъ помѣщеніи ни разу не обмывшись! Ненавижу физическій трудъ въ зданіяхъ, также, какъ люблю гимнастическія и спортивныя усилія, воздухъ, наготу и воду. Уборка и всякія домашнія работы мнѣ непривычны. Я утомляюсь вдвойнѣ отъ необходимости приневоливать себя. Но присутствіе въ комнатѣ приходящей прислуги, если бы даже на это у меня были деньги, еще непріятнѣе. У всѣхъ ихъ шарящіе, лживые, насмѣшливые, щупающіе глаза.

Въ квартирѣ душно. Отворяю окно ("бонжуръ, мадамъ. Иль фэ бо тамъ ожурдюи". — или что нибудь въ этомъ родѣ). Поглядываю на ползущее надъ старымъ домомъ облако. Стуки выколачиваемыхъ ковровъ и постелей и гулъ то приближающагося, то удаляющагося трамвая несутся мнѣ навстрѣчу. Влажный и нечистый воздухъ. Вверху, межъ облакомъ и домовой крышей, растянуто небо, похожее на застиранное полотенце.

...Неужели бываетъ полнеба въ закатномъ заревѣ, полморя въ огнѣ?.. Въ каждой щели, въ любомъ углубленіи, на выступахъ и въ яминахъ — навсегда въѣвшаяся грязь. Трясу осторожно простыни, чтобы не запачкались о решетку окна. Консьержка моетъ подъ баллюстрадой крыльцо противоположнаго дома. Сверху смотритъ старуха. Обмѣнъ любезностями. Ежась закрываю окно. Сразу становится темнѣй. Отъ этой утренней противоестественной темноты — нудно. Въ вискахъ ломота отъ недосыпанья, въ поясницѣ боль еще съ послѣдняго аборта. Мнѣ хочется лечь и заснуть, но неубранное помѣщеніе убиваетъ это желаніе. (Мужчина повалился бы все равно). Кромѣ того надо отнести въ мастерскую оконченную вышивку. Вздохнувъ, я принимащсь за безплодный ежедневный женскій трудъ.

Сколько лѣтъ это уже длится? Далеко позади остался Петербургъ съ красивымъ ничегонедѣланьемъ или создаваніемъ воображаемыхъ цѣнностей. Революція обнаружила истинную цѣну вещей, но и она не научила меня не замѣчать того, что противно.

Наоборотъ, всматриваюсь пристально въ ощущенiе отвратительнаго. Меня мутитъ отъ вида скользкой, жирной, заплеванной раковины, но она и запахъ, идущiй отъ короба съ отбросами по какому - то закону противоположностей напоминаютъ мнѣ томительный ароматъ, несшiйся при заходѣ солнца отъ длинной прямой аллеи, густо усаженной по обѣимъ сторонамъ бархатными, бѣлыми цвѣтами табака. Эта аллея вела отъ виллы знаменитой балерины, фаворитки царя, къ морю. Нигдѣ, никогда воздухъ не былъ такъ пряно пахучъ, не сливался въ такой гармонiи съ золотыми крыльями огромной птицы заката. Гамма небесныхъ тоновъ!

...И вотъ предо мною медленно развертываются полотна безумнаго художника — Чурляниса. Музыка въ краскахъ...

...Грязныя тарелки брякаютъ одна о другую, какъ на суетливомъ вокзалѣ. "Пе-ервый зва-анокъ. Масква-а, Курскъ, Аре-олъ" — басовитое, нараспѣвъ, перечисленiе станцiй...

...Звенятъ перемываемыя серебряныя ложки, уцѣлѣвшiя отъ потопа, твердо стукаются одинъ объ другой мокрые деревянные черенки ножей... и я въ вагонѣ - ресторанѣ: крахмалъ салфетокъ и скатертей, ритмическое погромыхиванье колесъ...

Машина времени то поворачиваетъ назадъ, то съ яростной скоростью врывается въ то, что сейчасъ. Толчокъ и опять толчокъ. Обрывокъ музыкальной мелодiи. Это я напѣваю полузабытую арiю и качаю въ тактъ головой...

...струйка воды, побѣжавшая отъ мокрой посуды, капаетъ на ногу. Все съеживается во мнѣ въ скомканный комокъ лежащаго на стулѣ бѣлья. Мнѣ надо выстирать Вѣрину и мою смѣны.

А. БУРОВЪ

БЫЛА ЗЕМЛЯ

Просторные, высокіе, въ два пролета, безъ плафона, пріемные покои, съ хорами на высотѣ перваго пролета, съ двумя стрѣльчатыми, почти во всю высоту стѣны, окнами желто - синяго стекла, уютный мягкій свѣтъ, покой и уютъ, создавали впечатлѣніе чего то увѣреннаго и затаеннаго, впечатлѣніе церковной готики, преддверья какого то храма, таящаго въ себѣ, еще никому пока невѣдомыя, но тутъ же близко, за тяжелыми, двойными, бархатно - атласными портьерами, почти созрѣвшія, оформленныя, рѣшенія нѣкоего строго оберегаемаго частнаго, надгосударственнаго, неофиціальнаго, совѣта, хранилища какихъ то важнѣйшихъ тайнъ... Тяжелые, плотно - тканные, однажды герметически уложенные ковры, — фамильные подарки Шенбрунскихъ дворцовъ старинному роду фонъ-Флатовыхъ, — тоже казалось тщательно хранили, смягчали, оберегали, отъ непосвященнаго слуха, точно впитывали въ себя голоса, оброненныя замѣчанія, обрывки мыслей вліятельнѣйшихъ, родовитыхъ сановниковъ, бывшихъ министровъ, и — кандидатовъ, чаявшихъ новыхъ высокихъ отвѣтственныхъ назначеній... Торжественно, — увы часто очень поздно и неожиданно, — жаловали въ салонъ Стратоновыхъ-Флатовыхъ извѣстные своимъ “либерализмомъ” великіе князья въ сопровожденіи не очень глубокомысленныхъ, но, на все готовыхъ, блестящихъ адъютантовъ. И тогда расшитыя лавровымъ золотомъ генеральскія и министерскія груди, и фраки политически “оппозиціонно” настроенныхъ профессоровъ и общественниковъ, и блиставшія въ залитыхъ оранжево золотымъ свѣтомъ, бальныхъ залахъ, великосвѣтскія красавицы, въ торжественно-радостномъ поклонѣ, встрѣчали, присѣдали... Обожаемый великій князь успѣвалъ съ такой плѣнительной улыбкой, прямо въ сердце стольких красавицъ, на ходу, процѣдить, уронить такихъ всего нѣсколько словъ, — дороже любого жемчуга...

Въ обычные, опредѣленные дни, заѣзжали сюда, къ Стратоновымъ, чаще всего послѣ доклада Государю, пріятно настроенные, и окрыленные милостивымъ пріемомъ, министры, но чаще всего, не встрѣтившіе сочувствія, въ часы доклада, у уставшаго, или обремен-наго семейными и иными путанными вопросами, Его Величества...

Въ заглушенномъ, герметическими коврами и тяжеловѣсными добротными драпри, кабинетѣ сенатора Стратонова, непосвященные, но тоже въ политику игравшіе толстосумы, — при непремѣнномъ условіи, что новый строй долженъ прежде всего оберегать собственность и порядокъ, — эти непосвященные тоже часто улавливали въ воздухѣ, въ кабинетѣ Стратонова, какія то безпокойныя, разъѣдающія, странныя какія то слова: "подгниваемъ ваше высокопревосходительство"... "Пусть ка попробуетъ на этотъ разъ распустить"... "Нашей трибуной будетъ Марсово поле"... "Въ безволіи Его Величества вся наша бѣда"... "Намъ, привыкшимъ вѣрить въ непоколебимость русскаго солдата... а о патронахъ никто не позаботился... Развалъ... Гибнемъ... Дѣйствовать пора"... "Революція будетъ безкровна!... и т. д.".

Полнѣйшій сумбуръ въ рѣчахъ, отсутствіе планомѣрныхъ, разумныхъ и активныхъ дѣйствій вмѣсто съѣздовъ и диспутовъ, отсутствіе воли и плана на ближайшіе дни, полная растерянность при возраставшей демагогической словесности сѣяли всюду тревогу, подозрительность и расшатываніе аппарата...

Стратоновъ любилъ не столько свободу дѣйствія, сколько остроту и "свободу слова". Еще молодымъ профессоромъ его самого плѣняли острые силлогизмы, неожиданныя словесныя построенія, откуда то сами собою вылетавшіе фееверки-афоризмы, острыя, какъ рапира, презрительно - великодушныя ироніи, и этотъ каскадъ апплодисментовъ подъ конецъ его лекцій, когда вдохновенный профессоръ въ воздухѣ такъ изящно и безстрашно отрубалъ голову и "азіатчинѣ" и "татарщинѣ", и молодежь призывалъ "на борьбу съ дьяволами, удушающими свободу", — громъ и стонъ молодыхъ и крѣпкихъ глотокъ потрясали основы аудиторіи, и всѣмъ въ тѣ дни, въ самомъ дѣлѣ, казалось, что какой то поблизости коронованный лютый врагъ задался спеціальной цѣлью мѣшать всѣмъ жить, что только тѣмъ и занято это невидимое чудовище, что подсиживаетъ и подстерегаетъ оно "свободу" каждаго студента, что не

будь этого "дьявола", какъ счастливо жилось бы и "товарищамъ-рабочимъ", и "трудолюбивому крестьянству", и "христолюбивому воинству"...

Молодому Стратонову, профессору дѣйствительно талантливому и большой эрудиціи, казалось недостаточнымъ читать свой курсъ, увлекать и убѣждать, для него съ теченіемъ времени потребность въ обжиганіи юныхъ душъ, въ пусканіи ловко завуалированныхъ и ядомъ, модничающей тогда оппозиціи, отравленныхъ стрѣлъ, въ эффектныхъ феерическихъ словесныхъ выпадахъ, протестахъ, — потребность эта стала для Стратонова органической, въ прямой ущербъ подлинному знанію, учебнымъ догмамъ и основамъ. Сладокъ былъ тогда тотъ ядъ Стратоновыхъ, и полной грудью вдыхали его и младъ и старъ, а лекціи выдающихся ученыхъ, сухихъ и жесткихъ, какъ сама логика, и насквозь пропитанныхъ глубочайшими знаніями подлинной науки — у этихъ ученыхъ аудиторіи пустовали, а сами эти столпы науки, профессора съ міровымъ именемъ, именовались или "учеными сухарями", или — получали презрительную кличку "послушныхъ слугъ министерства народнаго просвященія"... И ничего удивительнаго не было въ томъ, что любимый нѣкогда молодежью профессоръ, Стратоновъ а впослѣдствіи, къ шестидесяти годамъ, сенаторъ съ "оппозиціоннымъ" прошлымъ, встрѣчался въ общественно-политическихъ кругахъ, на юбилеяхъ, на докладахъ, въ разныхъ комитетахъ, съ восторженной почтительностью, и тутъ же избирался въ предсѣдатели какъ оппозиціонными "фрондирующими" фраками, такъ и пролетарско - демократическими пиджаками... Ядъ долгихъ десятилѣтій никого не убивалъ, никого серьезно не калѣчилъ, онъ былъ сладокъ, и его охотно пили, а заграница, Европа, даже очень симпатизировала ему, этому специально восточному напитку, этимъ смѣльчакамъ, этому новому "восточному освободительному теченію"... Но ядъ этотъ сталъ вдругъ у многихъ вызывать рвоту, и въ глазахъ всей, тогда заболѣвшей, интеллигенціи отъ этого дурмана появилась пелена, близорукость, и отравленные этой тогда еще неизвѣстной, странной болѣзнью, стали терять чувство смущенія, осязанія, чувство мѣры и чувство отвѣтственности... Подобно веселящему газу, этотъ ядъ послѣднихъ десятилѣтій настолько одурманивалъ, за рѣдкими исключеніями, самыя трезвыя головы, что когда даже огненная лава

долгожданныхъ свободъ, — свободъ, а не свободы, — ихъ подземные удары, гулъ и пламенный пепелъ уже явно угрожали, потрясали самую основу великой и необъятной, и тогда еще, въ эти страшныя минуты агоніи, на глазахъ у всѣхъ, громы и потоки истерическихъ апплодисментовъ продолжали оглушать, восхищать, ослѣплять самодовольныхъ и восторженныхъ Нероновъ...

Стратоновъ, любимый модный профессоръ, общественный дѣятель, а по женѣ породнившійся съ какими то саксонскими герцогами, вращался въ высшихъ сановныхъ и государственныхъ сферахъ, уважаемый и желанный... И газеты разныхъ направленій, два раза въ году, подъ Рождество и Пасху, избирали его излюбленной мишенью порою весьма ѣдкихъ политическихъ шаржей и памфлетовъ. Также и эта невинная популярность шла на славу и пользу Стратонову, и на слѣдующей же лекціи, встрѣченный не только своими, но и изъ другихъ аудиторій, громомъ апплодисментовъ, онъ подымался до рѣдкихъ высотъ вдохновеннаго протеста, направленнаго противъ "царскихъ опричниковъ", "узурпаторовъ власти" и "предателей свободы"... Аудиторіи ревѣли. И Стратоновыхъ на рукахъ носили, гдѣ бы они ни появлялись, на Югѣ, на Сѣверѣ, въ самомъ сердцѣ страны...

Въ частной семейной обстановкѣ Стратоновъ былъ большимъ хлѣбосоломъ, добрякомъ и радушнымъ хозяиномъ. Студенты, вожаки, сдѣлавшіе изъ него общественнаго оракула и полубога, часто безпокоили его, Стратонова, на дому, и, очень нуждаясь, позанимали, прихватывали толику... Бородатые, часто съ волосатыми затылками, съ засаленными воротниками синихъ мундировъ при двухъ пуговицахъ, со стоптанной обувью, — не столько слабовольный профессоръ, сколько баронесса Стратонова фонъ - Флатова съ ужасомъ обнаруживала на Шенбрунскихъ коврахъ густо пыльные слѣды и запахъ дурно - пахнущихъ папиросъ. И послѣ ихъ ухода происходили обычныя громкія размолвки между супругами, и прислуга на цѣлые часы растворяла всѣ двери и окна...

— Я не понимаю васъ, господинъ профессоръ, этихъ вашихъ студентовъ... Я часто слышу ваши бесѣды о какихъ то "свободахъ"... Я послала бы этихъ вашихъ студентовъ прежде всего постричься, побриться, да въ баню... У насъ въ Дрезденѣ, въ Гетингенѣ, въ Гейдельбергѣ тоже имѣются профессора, и студенты, и высокая наука,

и понимаютъ наши въ наукѣ не меньше вашихъ, но подобнаго безобразія, такого неприличія, такого... забыла одно такое у васъ хорошее слово есть... какъ его... ахъ да... такого хамскаго отношенія къ личности Его Величества и къ его семьѣ... да, да, да!.. это отвратительно, мерзко, гадко!.. да вы у насъ даже отъ послѣдняго шорнфегера, чисторуба, не услышите такихъ альковныхъ мерзкихъ сплетенъ, а у васъ это стало заурядньмъ явленіемъ, у васъ эти сплетни стали въ каждомъ домѣ застольнымъ блюдомъ... Я давно собиралась серьезно поговорить съ вами, Иванъ Константиновичъ. Это отвратительно, понимаете, отвратительно и гадко собирать вокругъ себя этихъ безнаучныхъ, бородатыхъ, вѣчныхъ студентовъ и неопрятныхъ оболтусовъ, и на лекціяхъ вы всегда выбираете почему то тему "противъ", обязательно противъ кого то, и затѣмъ эти ваши будто очень ученые доклады, по моему, просто устарѣли и все о какихъ то "революціхъ" да матеріализмахъ, на которыхъ молокососы и выдохшіеся старцы, и эти... ваши бездѣтныя... дѣвицы только и вздыхаютъ... Неужели, Иванъ Константиновичъ, васъ самого еще не стошнило отъ всѣхъ этихъ пошлыхъ апплодисментовъ и — игръ въ такъ называемую высокую конспиративную политику...

Баронесса фонъ - Флатова уже лѣтъ двадцать замужемъ за Стратоновымъ и въ первые годы ея замужества она многое узнала, читала, поняла и все же полюбила крѣпко, безразсудочно она эту "огромнѣйшую", какъ любила она выражаться, страну ,и писала она это слово съ большой буквы въ своихъ письмахъ домой, къ своей знатной роднѣ, изъ Саксонскихъ бароновъ, графовъ и принцевъ... И какой счастливой чувствовала бы себя ея маленькая родина, — такъ мечтала она часто вслухъ въ своихъ дневникахъ, — если она владѣла хотя бы пятой частью этой богатѣйшей, этой плодороднѣйшей, неисчерпаемой богатствами лѣсовъ, рѣкъ, золота, хлѣба, нефти, металловъ и пушнины, — этой самимъ Богомъ благословенной святой страны, — и какъ бы ея земляки боготворили бы такую родину, какъ возносили бы ее, какъ молились бы за благо ея, какъ защищали бы братья ея до послѣдней капли крови эту Землю! А тутъ — никакъ не могла баронесса разобраться во всемъ надвигающемся хаосѣ окружающаго — куда ни придешь — недоумѣвала баронеса — "одно какое то злорадство и таинственное злопыхательство, — трусливое и недостойное", — и всѣ чего-то ждутъ, жаждутъ, мечутся, бранятся,

сплетничаютъ, и точно заговорщики тихо крадутся, поджидаютъ кого-то... "Но если ужъ нуженъ бой, то открытый, а не выпускать на эстраду однихъ профессоровъ, адвокатовъ и горлодранцевъ"...

Баронессѣ надо было родиться въ Россіи, тогда она не такъ уже строго судила бы "задыхавшійся въ мертвыхъ тискахъ отживающаго самодержавія великій народъ"...

Баронесса фонъ - Флатова смутно и давно ощущала въ воздухѣ, кругомъ, бурю, какой то "Sturm", какъ она выражалась, и не понимала, почему всѣ, почти всѣ, не з а, а п р о т и в ъ. Противъ всего. Противъ чего собственно — ей не объясняли. Европа по своему объясняла себѣ настроенія этой страны. Сущность всего общественнаго круговорота — полагала Европа — была — противъ. Это былъ своего рода восточный общественно-политическій стажъ, долгій, продолжительный лейтмотивъ всего живого, мыслящаго, ведущихъ и ведомыхъ, — какъ то нельзя было, просто неловко и неприлично было въ хорошемъ обществѣ, на лекціяхъ, въ театрахъ не аплодировать этому "противъ", этимъ распалявшимъ страстнымъ выступленіямъ... Это былъ какой-то всеобщій коллективный протестъ, психозъ заболѣвшихъ народныхъ массъ, безъ опредѣленнаго сговору сговоръ завуалированныхъ и разъединенныхъ заговорщиковъ, протестъ и призывъ переходнаго безвременья, — четко слышались уже гулы развалинъ и бури и потоки огненныхъ рѣчей и пламенныхъ надеждъ... Такъ полагали равнодушные къ судьбамъ чужихъ странъ историки Европы...

Рядъ лѣтъ всѣмъ вдругъ показалось, что "просто дышать стало нечѣмъ". И это носившееся въ отравленномъ воздухѣ "противъ" такъ всосалось, такъ сжились, — съ этимъ старъ и младъ, что временами общество, люди и дѣла, точно застывали въ какомъ то оцѣпенѣніи, смутномъ ожиданіи чего-то такъ часто откладывавшагося, чего-то страшнаго и все же страстно долгожданнаго, что въ конечномъ итогѣ, должно было принести, какъ разсуждали дипломаты, освобжденіе этой "полуазіатской странѣ", возрожденіе... И трехсотлѣтній грузовикъ, нѣсколько отсталой конструкціи, долго и упорно неподдававшійся сдвигу, однажды подъ напоромъ "всѣхъ порабощенныхъ массъ", кряхтя и стеная, вдругъ подался на нѣсколько сантиметровъ впередъ, на радость "задыхавшимся въ невѣжествѣ и рабствѣ гражданамъ", навстрѣчу открывавшимся "свободамъ", чтобы

затѣмъ сразу низринуться въ такую пропасть, дно которой узрять лишь поколѣнія грядущихъ вѣковъ...

Послѣдній, осторожно высказанный взглядъ, принадлежалъ "ретроградамъ", одинокимъ профессорамъ "узко - мѣщанскихъ воззрѣній", которыхъ въ порядочномъ, "свободно-мыслящемъ обществѣ" просто не принимали...

О пропасти и о безднѣ не думаютъ въ затрапезные и помпезные историческіе дни...

О пропасти и днѣ никто не думалъ. Думали только о дѣйствіяхъ противъ, о дѣйствіяхъ вообще.

Дѣйствующимъ лицомъ, собственнымъ гробокопателемъ, подталкивателемъ былъ... самъ народъ-интелигентъ, позже и народъ-богоискатель... И когда славное противъ было преодолѣно, когда дальше двигать, толкать, подпихивать, расталкивать было нечего, когда во время этого вавилонскаго строительства, неожиданно для всѣхъ, мишень и самоцѣль исчезли, и душа, такъ жаждавшая "свободъ", почувствовала себя вдругъ приниженной и опустошенной, а отъ старой, неожиданно выдохшейся, никого больше не убѣждавшей, конституціонно - республиканской, словесности, массы вдругъ отпрянули, шарахнулись назадъ, — когда больше толкать было нечего и самый объектъ "противъ" былъ побѣжденъ, всѣ бросились, давя другъ друга, въ поискахъ **за.** Не противъ, а **за.** Просто, за...

Это за было однимъ человѣкомъ, всего только однимъ человѣкомъ, безъ пламенныхъ рѣчей, безъ словъ, простымъ рѣшительнымъ движеніемъ кулака скуластаго матросика пріостановлено. Зачеркнуто. Надолго, быть можетъ на цѣлое новое трехсотлѣтіе пріостановлено...

Послѣднее предположеніе было робко высказано какой - то маленькой группой мѣщанъ - интеллигентовъ, на какомъ - то докладѣ въ Парижѣ, но тотчасъ же голосъ этихъ одиночекъ былъ заглушенъ "президіумомъ" изъ бѣженскихъ профессоровъ и какихъ то молодыхъ литераторовъ, продолжающихъ еще и нынѣ пребывать вымирающими въ летаргическомъ снѣ... и плестись въ хвостахъ "вожаковъ"...

Такъ много лѣтъ спустя, наканунѣ заката Великой, сенаторъ Стратоновъ разъяснялъ, — въ такихъ случаяхъ часто весьма научно, — разъяснялъ и развивалъ передъ женой своей причину вели-

кой разрухи, причину великаго исхода, причину неизбѣжной и неминуемой, самимъ историческимъ ходомъ событій подготовленной, гибели великой страны...

Исторія одна всегда все объясняетъ И всегда post factum.

А въ эту еще раннюю весну только чужой глазъ, извнѣ, съ какой то потусторонней высоты, могъ наблюдать подкрадывающійся огонь, этотъ «Sturm» въ чужой странѣ. Но захлестаннымъ "волной освободительнаго движенія" общественникамъ некогда было пріостановиться, разобраться, подобрать возжи натиска, — не они уже управляли затворами шлюзовъ, напоромъ быстро - несущихся водъ, — ихъ самихъ несло, точно бревна, попавшія въ потокъ водопада...

Вешнія воды въ своемъ стремительномъ потокѣ подхватывали, уносили даже самыхъ робкихъ и осторожныхъ, одинокіе голоса которыхъ тогда, что — вопіющій въ пустынѣ, но и имъ не удавалось приткнуться къ захлестаннымъ, мутной волной, берегамъ. ..

Нельзя было тогда, въ первые дни безумія, не быть з а . Поздно тогда было не быть за, хотя все слабѣе и тише слышался этотъ идеалъ вожделѣнныхъ "свободъ", этотъ тогда всѣхъ возвышавшій и объединявшій обманъ...

Неудивительно, что въ ту пору, когда всѣ пѣли гимнъ безумію, Стратоновъ не сразу сообразилъ, не вникалъ въ слова протестовавшей жены, физически не выносившей людей иного класса. Слова ея однако, столь ясныя и простыя, сразу какъ - то вывели его изъ раздумья, и онъ съ широко открытыми глазами посмотрѣлъ впередъ передъ собой, уставился на жену, точно впервые увидѣлъ онъ ее въ натуральную величину. Да, это была его жена, баронесса фонъ - Флатова, полюбившая сразу, какъ только пріѣхала, въ страну мужа, все - все, точно свое родное, но — не могла она разобраться, понять, почему друзья ея мужа такъ много говорятъ - говорятъ - спорятъ - протестуютъ, кого - то поносятъ, кому - то грозятся и вѣчно чѣмъ то недовольны... И баронесса часто возражала мужу...

— Страна моя маленькая, такая опрятная, и такая тѣсная, что люди локтями работаютъ, едва касаясь другъ друга, и нѣтъ у насъ этого ропота, нѣтъ брюзжанія, а есть покой, вѣра, опрятность, душевная дисциплина, и всѣ мы, какъ одинъ человѣкъ, давно - давно объединенные, не толкаемъ, не бьемъ самихъ себя по больнымъ мѣстамъ, а поддерживаемъ, возносимъ нашу родную землю, вотъ я уже

скоро 25 лѣтъ съ вами въ вашей великой и прекрасной странѣ, и только и читаешь въ "журналахъ у васъ Марксъ да Марксъ", матеріалистическая философія, опять Энгельсъ, опять какой то Бакунинъ, и опять Крапоткинъ, опять Бакунинъ... Вѣдь стошнитъ хоть самаго невзыскательнаго человѣка!.. — Знаете, Иванъ Константиновичъ, если бы у васъ не было Пушкина, Тургенева, Толстого, Бунина, Мережковскаго, — ей-Богу, или повѣсилась бы, или разошлась бы я съ вами, — я не шучу, — вѣдь скучища, смертельная скучища, отвратительная жвачка, всѣ ваши журналистическіе доклады, диспуты!.. И главное, одинъ норовитъ другого да побольнѣй ударить, такъ и выискиваетъ куда бы побольнѣй... Стыдно вѣдь!.. Тошнитъ!.. Прямо тошнитъ, — раскраснѣлась вся, въ негодованіи своемъ, искренно, никого не боясь, ни передъ кѣмъ не смущаясь, изливала, точно жалуясь, собственное горе свое, эта очаровательная, огневолосая саксонка, баронесса фонъ-Флатова...

Сенаторъ, внѣшне покорно и разсѣянно, слушалъ очень злыя, порою, какъ полагалъ онъ самъ, очень справедливыя, сентенціи баронессы, — впрочемъ, когда слова ея очень ужъ ядовито задѣвали живыя, больныя мѣста, сенаторъ колебался, не рѣшался возражать, — все равно не убѣдить ее, иностранку, что все тутъ, подъ бокомъ, расползается, трещитъ, всюду разнобой, безмѣрное казнокрадство, лицемѣріе, подхалимство и трусость министровъ — однихъ, а другіе — просто "держиморды и сатрапы", на десятки лѣтъ отстающіе отъ времени, отъ Европы...

— Далась вамъ эта Европа, — негодовала иногда въ интимномъ кругу саксонка съ мѣднопламеннымъ цвѣтомъ густо плетенныхъ косъ вокругъ, съ такимъ изяществомъ, посаженной головы, — ей, Европѣ этой, завидно глядѣть на вашу шестую часть свѣта, полную неисчерпаемыхъ богатствъ, что только ей одной впрокъ и пойдетъ ваша... какъ ее зовутъ... очень ужъ красиво... да, да... ваша..: собственная "волна освободительнаго движенія"... И попомните вы, уважаемые ученые и exellenz'ы, и попомните мое мнѣніе, а порою прямо пугающее меня личное убѣжденіе, предчувствіе, — не слѣдуетъ вамъ съ моимъ мнѣніемъ считаться, — но запомните, изъ вашихъ "свободъ" ничего не выйдетъ, не выйдетъ, ибо пути и средства не тѣ, — не умѣю я такъ точно опредѣлять, какъ у васъ, въ вашихъ тамъ книгахъ и докладахъ, но попомните, не успѣете достичь излюблен-

ныхъ свободъ, какъ вы сами же, въ первую очередь вы, водители, попадете въ слѣпое орудіе вашихъ же массъ, которыхъ вы въ сущности никогда не знали и съ которыми близко не соприкасались...

Такъ задолго, до великой, въ кабинетахъ и салонахъ, всюду, тревожно обсуждались смутныя дали и перспективы страны, сильно приниженной послѣ міра съ Токіо...

А съ наступленіемъ еще небывалыхъ, столь грозныхъ событій, послѣ первыхъ медовыхъ ура - мѣсяцевъ, съ неудачами на фронтахъ, съ развaломъ по всей линіи оффиціальнаго и гражданскаго тыла, съ растерянностью всѣхъ лидеровъ, всѣхъ мастей, всѣхъ промышленныхъ и общественныхъ организацій, въ рукахъ которыхъ едва еще держались дирижерскія палочки, но изъ привычныхъ устъ, вяло и фальцетомъ, продолжали еще раздаваться, никого впрочемъ больше не убѣждавшія, обычно все тѣ же, кого - то, обличающія рѣчи, сенаторъ Стратоновъ, а съ нимъ рядъ великовельможныхъ коллегъ, друзей, сановниковъ и знатныхъ профессоровъ, — всѣ они, въ эти страшные годы страны, почувствовали вдругъ, а нѣкоторымъ быть можетъ только еще казалось, что кто-то, невидимый извнѣ, сильно ударилъ, однихъ въ темя, другихъ въ грудь... Шли десятки лѣтъ обычной повседневной поступью и дорогой люди, имъ отвѣшивали почтительные поклоны, ихъ издали узнавали, имъ на лекціяхъ и докладахъ апплодировали, десятки написанныхъ ими томовъ, съ такимъ респектомъ къ себѣ самимъ, величественно, внушительно и мирно покоились на книжныхъ полкахъ въ богатыхъ кабинетахъ, университетскихъ библіотекахъ и государственныхъ хранилищахъ, все такъ шло мѣрно и обычно, и залегшіе въ этихъ томахъ освободительные "лозунги" и идеи были съ такимъ удѣльнымъ вѣсомъ, — и вдругъ всего какой-то одинъ "безумецъ", откуда то, — какіе-то стоки водъ хлынули, смели, опрокинули, всѣ томы и кафедры, кто-то безумный и невидимый ударилъ всѣхъ въ темя, въ грудь, и — о, ужасъ, — десятилѣтнія, столь пышныя, слова и мысли вдругъ стали блеклыми, застрѣвали въ горлѣ, слова, недавно еще вызывавшія бурю радужныхъ мечтаній и пламенныхъ надеждъ, и прежнія, такія бывало ясныя и стройныя слова и мысли, стали вдругъ — и неясны и нестройны, пришли въ полное разстройство... И сенаторъ Стратоновъ, такъ нѣкогда любившій, органически сжившійся съ аудиторіей, съ толпами слушателей, читавшій свой

курсъ съ такимъ пафосомъ, внимавшій самъ, что соловей, своимъ смѣлымъ и звонкимъ трелямъ, и онъ съ недоумѣвающей растерянностью сталъ подмѣчать, что и не только слова, но и жестъ и голосъ его не тѣ, вдругъ — не тѣ, что то въ немъ самомъ оборвалось... онъ вдругъ, инстинктивно, какъ - то нерѣшительно еще, почувствовалъ, что будто и онъ и тысячи ему подобныхъ долго - долго дѣлали не то, не то — что было нужно, и какъ часто жаждалъ онъ оставаться одинъ, уйти, бросить засѣданія, комитеты, заткнуть уши, ничего не слышать и никого больше не слушать, а — только самого себя, свою давящую печаль, свою тоску... Что - то опустошило душу, что - то оторвало вѣру, отлетѣлъ, оторвался покой, растерялъ онъ вдругъ ясныя нити и ключи къ вещамъ, казавшимся ему недавно смертельно нужными, драгоцѣнными... И стоитъ онъ, окруженный такими же растерявшимися и вопрошающими, въ своихъ высокихъ, въ два пролета, безъ плафона, теперь неосвѣщенныхъ и тревожныхъ хоромахъ своихъ, и слушаютъ они всѣ теперь долетающіе откуда - то пушечные и пулеметные выстрѣлы и далекое зарево еще не родившейся, но, смутно угадываемой и закатывающейся свободы...

Безъ Фритца, безъ этого, оставшагося такимъ же преданнымъ и почтительнымъ и на своей, уже родной землѣ, стараго камердинера, Стратонову пришлось бы съ голоду, безъ пристанища, заживо похоронить себя...

Близкіе, — нѣкогда коллеги и политическіе единомышленники, продолжали еще и въ зарубежьѣ "стойко и твердо стоять за платформу" и "высоко" держать знамя демократической республики", — они отшатнулись, при случайной встрѣчѣ, обходили, отошли отъ Стратонова. Они рѣшили, что старый профессоръ "измѣнилъ"... Другіе же, едва еще державшіеся за высохшія, худенькія вѣтви старыхъ "лозунговъ", сострадательно прощали профессору его временные, какъ они полагали, прорвавшіеся уклоны, приписывая таковые его болѣзненному состоянію...

Одинъ Стратоновъ ничего не рѣшалъ, онъ только жгуче чувствовалъ огромную пустошь, въ немъ что - то оборвалось, прорвалась невидимая, душевная переборка, и тихая, безсловесная, напорная муть изъ желчи и обиды, злобы и гнѣвнаго удушья, прорвалась на всѣхъ, на весь этотъ обнаружившійся соціальный обманъ,

на это долголѣтнее словесное источеніе, на всю, всѣхъ побившую, нищету и тщету надеждъ, изничтоженность и приниженность... Стратоновъ былъ согласнымъ хоромъ разъ и навсегда вычеркнутъ изъ списка зарубежныхъ, доживающихъ вождей...

— Куда же дѣться... гдѣ голову склонить... переночевать... кости размять... ногамъ отдохнуть... Какъ могло случиться, — вслухъ разсуждалъ онъ, — что для него, Стратонова, ученаго, профессора международнаго права, не оказалось на землѣ, послѣ пройденнаго пути, и пяди какой-то жилплощади"!..

Замѣчать сталъ онъ, что и случайныя, и худыя, благотворительныя подачки стали рѣже и мизернѣе... Но волка ноги кормятъ, и старикъ поддался на сторону, за городъ, далеко отъ шумной столицы, въ царство тѣней, въ колонію, на сборный пунктъ такихъ же, какъ и онъ, тщательно похоронившихъ свое прежнее положеніе, имя, титулъ, званіе, алчущихъ потолкаться, поработать, поискать, поѣсть...

Общество нѣмыхъ фильмовъ въ этотъ день, подъ открытымъ небомъ, дѣлало смотръ сбѣжавшимся со всѣхъ концовъ кандидатамъ на "роль нетонущихъ утопленниковъ" и — особо отвѣтственную — роль профессора - оратора для какого - то новаго фильма съ многообѣщающимъ заглавіемъ "Оставь всякую надежду"...

Природныя кинодарованія даны всѣмъ людямъ безъ исключенія, это только режиссеры, фокусники отъ фильма, придумали какой - то жупелъ — "фотоженичность"... Профессоръ Стратоновъ за свою жизнь и кино то не видалъ, а изъ двухсотъ претендентовъ именно онъ былъ единогласно отмѣченъ... Длинная, давно нечесанная, борода, съ лицомъ и взоромъ потусторонняго, ученаго профессора, высокій лобъ съ упрямо падающими на него волосами, длинное худое лицо съ вопрощающими глазами, высокій тощій согбенный станъ, — нѣтъ, если Стратоновъ киносъемки и не видалъ, все же на сей разъ правильно порѣшила кино - дирекція — лучшаго "типа" не найти... Впослѣдствіи оказалось, къ полному удовольствію той же дирекціи, что профессоръ и плавать умѣетъ, а значитъ за такого утопленника опасаться было нечего...

Въ этотъ день Стратонову повезло. Стратоновъ былъ принятъ. И первымъ дѣломъ новый "артистъ", чувствуя большую неловкость,

и немоготу, все же попросилъ дать ему поѣсть... подкрѣпиться... мочи больше нѣтъ...

— **Wie ist Ihr werter Name,** — спросилъ его режиссеръ, указывая на него регистратору Фритцу.

— Стратоновъ, Иванъ Константиновичъ...

— Отмѣть его, Фритцъ, запиши его... Истратовъ, такъ кажется?.. И дай ему номерокъ... 3013-ый, да въ баню свези его...

— **O, die arme russische Flüchtlinge,** — уже совсѣмъ про себя, съ такой жалостью къ этому русскому "типу" произнесъ режиссеръ.

— Кстати, Фритцъ, погляди за нимъ, умѣетъ ли онъ плавать...

— Стратоновъ?!.. Фритцъ?!.. Какая неожиданная встрѣча!.. Только те...безъ шума... нельзя же на глазахъ режиссера...

Оба добрались до бани... до отдѣленія русской парной бани, съ горячими вѣниками, деревянными кадками, съ досчатымъ амфитеатромъ чуть не подъ самый закоптѣлый, охлажденной росой, нанизанный, потолокъ, а дыму, пару, не передохнуть, не взглянуть...

Порядочно сдалъ же профессоръ, если Фритцъ, его старый, милый Фритцъ, камердинеръ и мажордомъ, не сразу опозналъ своего барина, его высокопревосходительства, сенатора и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Стратонова. Фритцъ за все это время ни своихъ убѣжденій, ни своей профессіи не мѣнялъ. Онъ и послѣ ухода оттуда, уже на своей землѣ, за статность, почтительность, распорядительность и смѣтливость сразу получилъ мѣсто въ одномъ изъ лучшихъ кино, а въ съемкахъ неизмѣнно исполнялъ обстоятельныхъ камердинеровъ и регистратора при наборѣ статистовъ. Любилъ, нѣжной почтительной любовью, любилъ Фритцъ своихъ земляковъ, русскихъ, оттуда **aus Petersburg!..**

— **Was diese Herrschaften können, schafen es keine andere in der ganzen Welt, — jawohl!..**

И твердо отстаивалъ такую свою точку зрѣнія русофилъ Фритцъ...

И парились, долго парились, старые друзья, баринъ и его камердинеръ, и никто изъ нихъ въ эту минуту о соціальной несправедливости не думалъ.

Фритцъ успѣлъ сбѣгать, тутъ же, въ ближайшую лавченку, за бѣлой чистой мягкой сорочкой и усердно такъ, въ роли услужливаго

банщика, укладывалъ онъ старика, своего барина, по деревянному помосту, густо - густо намыливалъ истощенное тѣло, и высохшія длинныя, точно дѣтскія, ноги, и копну сѣдыхъ сплетенныхъ волосъ, и, безъ спросу, на рукахъ понесъ Фритцъ, на самую верхнюю полку, барина, попросилъ его высокопревосходительство спокойненько полежать, а самъ сбѣгалъ по досчатымъ ступенямъ, на цементный полъ, внизъ, да въ огнедышащій котелъ всадилъ полную кадку, одну, другую, и самъ ужъ, какъ призракъ, въ тучѣ пламеннаго пара и дыма, вбѣжалъ наверхъ, къ своей ношѣ, да горячими лиственными вѣниками по намыленному тѣлу, вверхъ, внизъ, и обратно, и вновь на другую сторону деликатненько переложилъ Фритцъ тѣло барина, и по спинѣ... по спинѣ... и истощенное тѣло отъ тепла... стало мягкимъ... эластичнымъ... опрятнымъ...

— Да ты меня, Фритцъ, точно покойника... будетъ, право... Спасибо... спасибо, дружище. Ухъ, какъ славно — какъ хорошо!.. Всѣ косточки поскрипываютъ... Какъ хорошо у васъ, Фритцъ... Спасибо тебѣ!..

— Не извольте шевелиться, ваше высокопревосходительство... Еще немножко массажу... да въ бассейнчикъ... поплавать надо...

И кости старика, подъ руками Фритца, точно поскрипывали... расходились... и вновь сходились...

— А теперь... поплаваемъ, баринъ, надо!... Служба... Отмѣтить и по начальству донести долженъ.. а то на репетиціи утонете, Господи помилуй!..

Въ роли утопленника профессоръ Стратоновъ производилъ прямо потрясающее впечатлѣніе... Когда, послѣ долгихъ, театральныхъ тщетныхъ поисковъ, на поверхности озера выныряло, появлялось вдругъ распластанное, недвижное, медленно уплывающее, зелено-блѣдное тѣло, съ пошевеливающимися длинными волнистыми, отъ бороды и головы, волосами, нѣкоторые изъ публики даже кричали "тащи его... тащи"!.. Публика замирала... она такъ жаждала спасенія этого честнаго старика, такъ жестоко подстрѣленнаго и брошеннаго безжалостными контрабандистами...

Во роли же актера-оратора, лидера какой-то не то соціалъ-демократической, не то крестьянской партіи, — сами режиссеры плохо еще разбирались въ оттѣнкахъ, — Стратоновъ, увы, какъ разъ на этой роли, во время съемокъ, столкнулся, пострадалъ... Режиссеры

разсчитывали, что настоящій профессоръ въ роли такого оратора и лидера партій обязательно сорветъ аплодисменты зала, — достаточно будетъ публикѣ прочитать на экранѣ извѣстные боевые лозунги, и дѣло сдѣлано, но старикъ, опытный ораторъ, и тутъ, какъ и раньше, по сю сторону рубикона, усумнился вдругъ въ текстѣ... говорилъ, жестикулировалъ правильно, наемная толпа усердно апплодировала, но уже на первомъ представленіи платная публика какъ-то холодно отнеслась... совсѣмъ не апплодировала... нѣкоторые, политически невоспитанные, даже шикали...

Стратоновъ текста не писалъ... Но Стратонову приписывали неудачное исполненіе... То онъ не вдохновенно жестикулировалъ, то онъ не обнаруживалъ ни пафоса, ни восторга...

И фильмъ не удался... И Стратоновъ, лишившись послѣдняго убѣжища, пошелъ странствовать... отогрѣваясь душой разъ въ мѣсяцъ, въ углу у Фритца, въ бесѣдѣ съ этимъ близкимъ и чуждымъ ему по духу человѣкомъ, былымъ и вѣрнымъ камердинеромъ Фритцомъ...

— Какъ же вы поживаете, Фритцъ?.. Какъ у васъ тѣсно и... такъ уютно... тепло!..

— Gott sei Dank, man muss zufrieden sein... Я доволенъ. Имѣю постоянную службу, получаю 85 марокъ въ мѣсяцъ и комнатку при ателье...

— О-о!.. Это капиталъ. Давно мы такихъ денегъ не имѣли... Постоянный заработокъ, говоришь?..

Друзья умолкли. Нечего было другъ другу сказать. А Фритцъ меньше всего хотѣлъ бы разговаривать, такъ хотѣлось бы ему барину чѣмъ нибудь помочь, пригрѣть... Если бы не такъ совѣстно было, снялъ бы онъ съ себя тутъ же свое длинное, синее, двубортное пальто, съ желто - мѣдными пуговицами, но куда же его высокопревосходительству синее пальто съ пуговицами... Фритцъ пока что поведетъ его высокопревосходительство тутъ, по близости, в чисто русскій ресторанчикъ и угоститъ профессора настоящими русскими щами, съ косточкой, съ горчицей, да съ кашей, а тамъ пельменей, настоящихъ пельменей, съ лукомъ, съ перчикомъ... и пива пильзенскаго!..

Послѣ горячихъ, въ горячемъ маслѣ, пельменей, пивца холод-

ненькаго!.. И пріятели на славу покушали, а за трапезой профессоръ разсѣянно повторялъ:

— Восемьдесятъ пять марокъ, говоришь, да уголъ теплый!.. А знаешь... вотъ тутъ гдѣ то у васъ... Bayerischer Platz... такъ тамъ одинъ бывшій директоръ Сибирскаго банка папиросы на углу предлагаетъ... Самъ видѣлъ его... не узнаетъ... узнавать не хочетъ... все позабылъ... изъ памяти вычеркнулъ былое...

— А что же ваше высокопревосходительство тутъ печальнаго?.. Ѣстъ свой хлѣбъ человѣкъ. И никто ему не мѣшаетъ. Лучше у насъ папиросами торговать, чѣмъ тамъ... краденными иконами или уворованными царскими сервизами. Тутъ никто никого за горло не хватаетъ... только аккуратъ налоги плати... а не имѣешь... разсрочатъ... русскому человѣку наши всегда разсрочатъ... А вотъ, баринъ, знаю и такихъ, изъ моихъ... Какъ его въ финанцамтъ для контроля али для разсчету позовутъ, онъ полотенце на морду... дюже больной значитъ... совсѣмъ не живой... и вмѣсто разговору, стонетъ, зубы, видите, у него ужасъ какъ болятъ... но нашъ финанцинспекторъ, этотъ ничего... такому и разсрочки ие дастъ... Нѣтъ, у насъ спокойно... хорошо... и каждый свою обязанность и свои привилегіи знаетъ...

— Да... но что - то у васъ не такъ уже спокойно, Фритцъ... Коммунисты здорово пошаливаютъ...

— И совсѣмъ не страшный народъ коммунисты наши... сами живутъ хорошо, но хотятъ еще и еще... Хотѣлъ я ваше высокопревосходительство споначалу въ коммунисты записаться... Языковъ иностранныхъ много знаю... и мѣсто они предлагали и прочая... Но... случай презабавный помѣшалъ. Сидимъ это мы всѣ, человѣкъ двадцать ихъ было, въ Bierhalle..., пьемъ и сосисками закусываемъ... и картофельнаго кисленькаго салату... каждому во какая горка... пьемъ и еще пьемъ... и на разныя модели политическія разговоръ ведемъ... И про француза... и объ репараціяхъ... "грабятъ", одно слово, что и говорить... А какъ расходиться стали мы, пьяненькіе, конечно, запѣли... Человѣкъ не звѣрь... И запѣли они... что бы вы думали, ваше высокопревосходительство! — «Deutschland über alles»!.. Коммунисты?.. А!...

— Даа-съ!.. Вотъ тутъ я и не повѣрилъ, что коммунисты наши настоящіе... Если ужъ въ партію итти, то въ настоящую... въ нацис-

ную... а не то что... Чего же это я попру въ коммунистическую... Можно и свою партію... собственную...

И Фритцъ, глотнувъ шестую пузатую банку пива, осовѣлъ, призадумался...

— А мѣсто, баринъ, получить это точно трудно... нуженъ билетъ партейный... Да чтобы партію твою побаивались... Вотъ я черезъ одного нациса мѣсто свое въ ателье и получилъ... Вотъ это партія!.. Коли не хочешь?.. Такъ я тебя за горло!..

Не понравилась Стратонову черезчуръ практическая сметка его бывшаго камердинера, но не выговоры же дѣлать Фритцу... Онъ у себя дома... и не указывать же ему, что не единымъ хлѣбомъ живъ человѣкъ...

— А есть у твоихъ нацисовъ и лозунги, Фритцъ?..

— Чего?.. Лозунги есть... Какъ безъ лозунговъ?..

Фритцъ Шубертъ имѣлъ основаніе полагать, что съѣденный нуждой русскій профессоръ давно разстался, давно забросилъ свои былыя университетскія лекціи, свою пропагандическую словесность и всякіе тамъ термины, оттуда...

— Лозунгъ, говорите ваше высокопревосходительство?.. А что на него купишь?.. Оно конечно хорошо, когда человѣкъ и съ лозунгами ходитъ... Но спервоначалу надо человѣку теплый уголъ, и пальтишко отъ зимы, и два кило хлѣба въ день... Съ лозунгами конечно... оно посвободнѣй... Съ лозунгами какое хочешь правительство сбросить можно... вотъ какъ у насъ, въ Санктъ - Петербургѣ, ваше высокопревосходительство, но — обратно его не посадишь... У насъ, поглядите, сейчасъ послѣ войны тоже съ лозунгами позачинали... но ихъ было не такъ много какъ у васъ... да и то отъ этихъ лозунговъ и по сю пору едва дышемъ... А у васъ тамъ въ Московіи одни лозунги и были... да правовъ подавай побольше... Правовъ, говорю, ваше высокопревосходительство... У васъ спервоначалу каждый Schnorer правовъ требовалъ... У насъ же, тутъ, по иному... каждый сначала свою обязанность блюдетъ... а тамъ и правовъ себѣ ищетъ... А не наоборотъ... Лозунги дѣло хорошее, какъ компотъ къ хорошему обѣду... Безъ лозунговъ въ хорошемъ домѣ нельзя...

Учрежденіе, вѣдавшее, послѣ войны, уплотненіемъ и размѣщеніемъ нахлынувшихъ, своихъ собственныхъ, и изъ чужихъ странъ, людскихъ массъ, предоставило и переплетчику Майзелю, бѣдному горбуну, послѣ долгихъ мытарствъ и хожденій по комиссаріатамъ, квартирку изъ двухъ съ половиною комнатъ, на второмъ подворьѣ, съ окнами во дворъ, въ первомъ этажѣ, съ палисадничкомъ, гдѣ къ вечеру самъ квартирохозяинъ Майзель со своей женой и съ жильцомъ, подполковникомъ Копыловомъ, распивали чай со сливами, съ яблоками... Жена подполковника, баронесса фонъ - Валь, рѣдко могла участвовать въ этой семейной идиліи. Въ эти часы, темными сумерками, она какъ разъ уходила на службу, въ баръ, гдѣ всю ночь, за стойкой, обязана была, какъ настоящая русская баронесса съ языками, не только занимать гостей, мѣстныхъ и иностранцевъ, но составлять, еще, что въ голову взбредетъ, коктейли изъ разныхъ жидкостей, да и самой участвовать...

Служба въ этихъ танцевальныхъ барахъ — особенная, и хлѣбъ этотъ оказался не только не легкимъ, но — адски алкогольнымъ и если, въ началѣ практики, гости, случайно и не особенно еще настойчиво приставали съ угощеніями, и баронессѣ удавалось только для видимости дѣлать пару глотковъ, то спустя полгода подполковница Копылова, возвращаясь съ глубокимъ разсвѣтомъ, часто хмѣльная, падала безъ силъ, иногда не раздѣваясь, погружаясь въ кошмарные, тревожные разными видѣніями, сны... Полторы комнаты занимала чета подполковника, а дальше, въ другой комнатѣ, работалъ, мастерилъ, клеилъ, переплеталъ горбунъ... Подполковникъ ходилъ по домамъ и набивалъ папиросы, а когда работы такой не оказывалось, Копыловъ разыскивалъ фальшивомонетчиковъ и убійцъ... Первые годы послѣ войны главный контигентъ преступности составляли именно этого сорта люди, и полиція за ничтожную плату охотно набирала такихъ вольныхъ Шерлоковъ. Убійцъ Шерлоки не накрывали, не находили, но слухи корытами доставляли они въ отдѣлъ X. Горбунъ и Копыловъ жили мирно, мирно распивали они чай, хотя подполковнику стоило большихъ силъ спокойно выслушивать политическія воззрѣнія своего квартирохозяина. Оба вспоминали доброе старое время, — подполковникъ, — какъ онъ грудью отстаивалъ "послѣднюю пядь земли", подъ Врангелемъ, а горбунъ — свой родной городъ Кишиневъ и послѣдній Кишиневскій погромъ, когда "русскій

народъ полоснулъ его отца и выпустилъ ему кишки, а самъ онъ, младенцемъ шести лѣтъ, вмѣстѣ съ перинами, спущенъ былъ съ балкона и вотъ... съ тѣхъ поръ онъ... этотъ горбъ...".

— Все, господинъ подполковникъ, измѣняется, все проходитъ, пройдутъ и волны революціи, — все, только онъ, горбъ мой, останется на своемъ мѣстѣ, а былъ я, разсказывала мамаша, славный мальчуганъ, и прямой какъ этотъ фонарь, а за что, позвольте спросить, ваше благородіе, мнѣ такое отъ вашихъ наказаніе?.. Вы все ругаетесь проклятая революція да трусливая интеллигенція, — извините, съ революціей еще какъ нибудь проживешь, а хуже горба ничего не бываетъ... Лучше бы тогда въ Кишиневѣ и меня бы дорѣзали...

Когда переплетчикъ Майзель говорилъ о горбѣ своемъ, онъ какъ бы пришептывалъ, оглядывался, голосъ понижалъ...

— Что революція? Безъ революціи, ваше благородіе, нельзя послѣ этого!... Безъ Кишинева не бываетъ революція...

Не разъ уже вскакивалъ подполковникъ съ табуретки съ углубленнымъ, точно ваксой натертымъ, поблескивавщимъ сидѣніемъ.

— Ну, знаете ли, господинъ Майзель, — вы на меня не обижайтесь, я вамъ добра желаю, — какъ бы ваши большевички не обозвали свою революцію соціалистической, я назвалъ бы ее жидовской, — да, да, жидовской... а вы тутъ непричемъ, и васъ я ни въ чемъ не виню.

Давидъ Семойловичъ Майзель признавался какъ то, что ничему онъ такъ не завидовалъ, какъ только силѣ и росту. И часто горько страдалъ онъ отъ сознанія безсилія, вынужденнаго отступленія передъ каждымъ обидчикомъ. Однако первое же подобное столкновеніе обошлось подполковнику дорого, пара сотенъ готовыхъ папиросъ были растоптаны и выброшены на черный дворъ и — отказъ отъ квартиры!.. Послѣднее оказалось пустой угрозой, ибо угловые жильцы были тогда какъ бы закрѣпленными за "квартирохозяиномъ" и не зависѣли отъ его настроенія. Но — другое дѣло — папиросы чужія, готовыя, набитыя папиросы... И подполковникъ смирялся, глубже долженъ былъ прятать свои сокровенныя, выношенныя имъ, какъ онъ вѣрилъ, еще на фронтѣ, политическія убѣжденія ,не поддававшіяся никакимъ натискамъ добровольныхъ и наемныхъ "жидовствовавшихъ", въ окопахъ, агитаторовъ... Не могъ же русскій подполков-

никъ все это, на его глазахъ происходившее, такъ все просто забыть, и всюду, во всѣхъ своихъ несчастьяхъ искалъ онъ "жида"...

Не забывалъ онъ, и никогда не проститъ онъ, и своего знаменитаго "отца", сенатора, высшаго царскаго слугу, профессора, его высокопревосходительства, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Ивана Константиновича Стратонова!

— Никто какъ онъ! Они, это все они!.. Па-па-шка мой!..

— Охъ, ужъ эти... словесники, и по заслугамъ же наказанны, они, эти пѣтушинные пѣвцы гражданскихъ свободъ!..

Язвительный, но по существу очень добрый и самъ глубоко несчастный, человѣкъ, былъ подполковникъ Копыловъ и, какъ школьникъ изъ неудачниковъ, очень радовался онъ, когда съ его языка срывалась безсмысленная, но витіеватая фраза. Вылетало это у него "пѣтушинный пѣвецъ свободы" и радъ, и самъ, удивленный и довольный, уставлялся онъ на переплетчика.

Вздорожалъ ли табакъ, или побѣднѣлъ народъ, но и подполковникъ лишился какихъ бы то ни было занятій. Убійцы и фальшивомонетчики тоже упорно не давались въ руки, и Копыловъ только и дѣлалъ, что нервно потиралъ свою оголенную волосатую грудь, рѣдко брился, изъ ночной разстегнутой сорочки не выходилъ и пролеживалъ спину на холодномъ клеенчатомъ диванѣ, съ протертыми, паклей вытороченными, боками...

Майзель охотно прощалъ, вѣрнѣе, мимо ушей пропускалъ, всякаго рода специфическія словечки его, не понималъ онъ, и на подвыпивавшаго, духовно одичавшаго, подполковника не оби-жался.

— А пусто стало въ домѣ у насъ... И жены наши не съ нами... А старика отца зря обидѣли вы, ваше благородіе, грѣхъ большой, родителя прогнали!.. Тяжкій то грѣхъ!.. Папаша вашъ, профессоръ, что знамя оттуда, странникъ отверженный, совѣсть наша, а вы то что дѣлали? Приходила воскресенье кухарка Кузнецова, о вашемъ здоровьѣ навѣдываться, — тоже баронессой была, все забыла, и человѣкомъ въ полномъ совершенствѣ стала. А я, съ вашего позволенія, и пригласилъ батюшку вашего, его высокопревосходительство... Вѣдь одни вы все, — и совсѣмъ уже тихо, — изволили опуститься, господинъ подполковникъ, бриться перестали, длинную черную бороду отпустили, духъ потеряли... А профессоръ то намъ, дуракамъ, лекчонку прочтетъ, просвѣтитъ насчетъ перспективъ

тамъ... Кто знаетъ, а можетъ мы скоро и дома у себя будемъ!.. На родину вернемся!..

Переплетчикъ читалъ всякія книжки, всѣхъ направленій, и по этой причинѣ часто задерживаетъ у себя совсѣмъ уже готовыя къ сдачѣ заказы...

— А толкъ то съ него какой, съ папаши то моего! Одинъ только пафосъ свободы и остался... Слышалъ какъ - то — на совсѣмъ уже низкихъ нотахъ сердито прошипѣлъ Копыловъ — даже штановъ, ничего у него теперь нѣтъ. И ни пафоса, ни свободы... Всѣ мы можемъ теперь свободно отъ голодухи вымирать, и никому дѣла до насъ нѣтъ...

Когда работишка еще водилась, подполковникъ цѣлый день сиживалъ въ чужихъ домахъ, папиросы набивалъ, а къ вечеру, чтобы съ женой своей хоть парой словъ обмѣняться, не приходилось, невозможно... Баронесса на службу торопилась и возвращалась далеко за полночь, а часто и глубокимъ разсвѣтомъ. Хорошо еще, что и такая каторжная служба, коктельная, досталась, а то вдвоемъ приходилось бы теперь круто и сухо; военный человѣкъ, что, онъ въ дѣлахъ понимаетъ, а когда дѣлъ и вообще не стало, — народъ что-ли курить пересталъ, — мужъ что трупъ на диванѣ... Дѣла и у переплетчика пошли тише, и жена его, Розалія Борисовна, такая ясная, улыбчатая, крѣпкая, массажемъ занималась, и каждый день нѣсколько монетъ, довольная, домой приносила.

Не радовался чужому массажу только горбунъ. Но въ каждомъ несчастьѣ есть и доля неказистой радости, какое то безпредметное самоутѣшеніе... Вѣдь этому подполковнику еще хуже... онъ вообще своей жены не видитъ...

— У подполковника и жена есть, и какъ будто вовсе нѣтъ ея... Уходитъ она съ закатомъ, а возвращается съ зарей, и странная она такая, веселая, возбужденная, но тихая про себя, и часто тихо плачетъ... только слышно, а не видно... И... и... платье на ней, и шляпка... и — не все застегнуто и — на боку... Вотъ бы разочекъ въ этотъ баръ заглянуть: "народу, говоритъ, страсть какъ много и на десяти языкахъ всѣ говорятъ, и мужчины, и дамы верхомъ на стульяхъ, а почему верхомъ — объяснить не можетъ... Баръ?.. И что тамъ такое господа всю ночь дѣлаютъ, сколько платютъ, а то баронесса все улыбается... плачетъ и улыбается, и съ моей Розаліей шушукается...

Любопытнѣйшее явленіе! А подполковникъ совсѣмъ, совсѣмъ озвѣрѣлъ... Все съ кулаками встрѣчаетъ жену на зарѣ... На жену свою!.. "Стерва, — оретъ, — зарѣжу, задушу"!.. А ей хоть бы что, спитъ какъ прекрасная покойница...

Наблюденія и невольное подслушиваніе заутреннихъ супружескихъ сценъ смущали покой и наполняли душу переплетчика тревожнымъ смысломъ, на его глазахъ разсыпающейся и отравленной чужой жизни, и онъ еще бережливѣй, еще чутче оберегалъ утренній сонъ своей Розаліи, плотнѣй ватнымъ одѣяломъ оберегалъ, накрывалъ онъ свою Розалію, чтобы ничего такого грубаго не доходило до слуха ея, и переплетчикъ Майзель точно заранѣе предугадывалъ, смутно часы считалъ, чувствовалъ предразсвѣтное возвращеніе изъ бара баронессы, подполковницы... Какъ часто, бывало, она, хмѣльная и съ размытой пудрой и румянами на лицѣ, не раздѣваясь, ничего не снимая съ себя, въ мертвой усталости падала она на, дугой изогнутую, неубранную, постель, выкрикивая въ нервномъ снѣ прямо кошмарныя слова, брань, и заливаясь дерзкимъ хохотомъ...

Жалость къ людямъ и животнымъ выдумали женщины. Сами слабыя и беззащитныя, онѣ становились на сторону такихъ же, ища инстинктивно подкрѣпленія и сочувствія къ себѣ самимъ. Подполковникъ растерялъ всѣ виды на заработокъ, потерялъ онъ, въ виду особой службы жены, общеніе съ собственной женой, размякъ, озлобился, разлѣнился, опустился, душевно захирѣлъ... Хлѣбъ жены, зарабатываемый въ ночныхъ барахъ закономъ непредвидѣнными средствами, проглатываніемъ неопредѣленнаго количества коктелей и прочихъ мутныхъ смѣсей, насильнымъ угощеніемъ и простымъ спаиваніемъ разныхъ джентельменовъ, — хлѣбъ этотъ, приносимый домой его женой, баронессой фонъ-Валь, первое время, точно пламенный дымъ, сквозь узкую щель, въ горлѣ застревалъ, обжигалъ, душилъ... Но голодъ и ослабленная воля прокладывали этому корму выжженные пути, и мужъ уже не спрашивалъ, опасался спрашивать, не справлялся, только дикія, злыя, ревнивыя мысли, какъ огненные языки, рвали мозгъ, будили дикія сцены любовныхъ оргій, послѣ закрытія этихъ баровъ... Изрѣдка, искоса бросала жена сострадательные взгляды на мужа, на этотъ преждевременно скошенный, примитивный, дубъ, но взоры эти быстро соскальзывали, трудно судить, кто изъ нихъ двоихъ заслуживалъ большаго сожалѣнія. Не искала,

открыто избѣгала баронесса встрѣчи съ окружающими и, главное, изъ своей среды. Презрѣніе къ себѣ и ко всему живому носила она въ себѣ, презирала и себя, и своего подполковника, и переплетчика, горбуна, что такъ смѣшно цѣплялся за свою крѣпко скроенную Розалію, а еще пуще раздражали ее бесѣды этихъ двухъ политиковъ, съ ихъ какими то тамъ еще міровыми "проблемами", соціальнымъ строемъ, "лозунгами"... Она одна, измученная и налитая, рыхлая и дряблая, познавшая за два года въ барѣ, въ обществѣ разныхъ ученыхъ и неученыхъ разныхъ странъ, званій и состояній, цѣну всѣмъ этимъ словамъ, обѣщаніямъ, ласкамъ, незаслуженной внезапной пьяной грубости и озорства... Что ужъ лозунги и міровыя проблемы!.. Ея фигура стала замѣтно сдавать, недавно еще упругія, какъ кисти винограда, груди свисали что набитыя отъ бокса рукавицы, и желто - оранжевыя, густо - наложенныя, бѣлила не держались больше на рыхломъ лицѣ, и къ тремъ часамъ ночи, потныя, стекали бѣлила по щекамъ, что бугристыя струи отъ таявшей стеариновой свѣчи... Смутно и тревожно чувствовалось, что даже и эта окаянная служба въ барѣ не прочна, уже поколебалась, и ясно видитъ баронесса, что съ десятокъ, какъ бывало она, цвѣтущихъ, глазастыхъ, упругихъ кандидатокъ улыбчато поджидаютъ ея паденія, готовы даже поддержать ее въ случаѣ обморока, чтобы самимъ тутъ же, за стойкой рядомъ сѣсть, и даже безъ жалованья...

По мѣрѣ все возраставшей безработицы квартира Майзеля изъ двухъ съ половиною комнатъ стала постепенно походить на склепъ съ прокоптѣвшими сводчатыми потолками, затхлостью кожъ, и горло сжимающимъ переплетнымъ клеемъ, неубранными обрѣзками, дурно пахнущими окурками и давно нестираннымъ валявшимся бѣльемъ подполковника...

— Господи, да вѣдь въ тюрьмѣ въ тысячу разъ милѣй!.. Хоть бы одного свѣжаго человѣка, хоть бы одного русскаго, простого, сердечнаго, пусть несчастнаго, но — безъ... безъ этихъ "проблемъ"!..

Легко возможно, что нервы обреченной на ночную жизнь женщины, и они не выдерживали больше "политическихъ" дебатовъ, и этихъ двухъ, осѣвшихъ на плечи своихъ женъ, мужей...

Подполковникъ ни газетъ, ни книгъ не читалъ. "Усталъ, говоритъ, никому больше не вѣрю", — читалъ и перечитывалъ только воспоминанья извѣстныхъ генераловъ о бывшихъ нѣкогда ледяныхъ

походахъ... Но стоило и подполковнику столкнуться, прочитать слово лозунгъ, какъ вскакивалъ и онъ, какъ ошпаренный, и бѣдная книга летѣла въ палисадникъ...

— Одни лозунги, чертъ бы ихъ побралъ!.. Господинъ хозяинъ, знаете вы, кто насъ погубилъ?..

Возившійся въ клеѣ переплетчикъ испуганно уставлялся на подполковника, а его роговые очки соскальзывали ему прямо на подбородокъ...

Подполковникъ не унимался.

— Лозунги, братъ Горбуновъ, всѣхъ насъ погубили, л о - з у н - г и ! ! Мать ихъ всѣхъ этихъ нашихъ Лозунгъ Лозунговичей!!!...

— А вы бы, ваше благородіе, не матюкались въ присутствіи дамъ, понимаете, — спокойно и разсудительно обрывалъ этого невоспитаннаго вояку переплетчикъ, тутъ же замѣтивъ, что дамы то не въ комнатѣ и мирно бесѣдуютъ онѣ въ палисадникѣ.

Подполковникъ одинъ знаетъ цѣну своимъ дамамъ... Никто какъ онъ, гдѣ ужъ горбуну разбираться въ этихъ тонкостяхъ...

— А какія такія дамы у насъ, позвольте васъ спросить, господинъ Майзель?! Моя собственная жена во первыхъ не дама! Какія же это дамы въ ночныхъ барахъ?! А ваша очаровательная Розалія Борисовна...

— Вы только посмѣйте!.. Посмѣйте только, господинъ подполковникъ!.. задыхаясь и всѣмъ маленькимъ тѣломъ трепеща, и за станокъ хватаясь, наступалъ маленькій человѣкъ на гориллу, что мышь на ведро, — вы только посмѣйте!.. Мою жену, мою Розалію Борисовну!..

— Жену?!.. Ха-ха-ха!.. Ну и шутникъ же ты, Давидъ... Ну, какой же ты этой здоровенной женщинѣ мужъ?!.. Лозунгъ ты ей, лозунгъ... воздухъ!..

Переплетчикъ потрясалъ кулачками, задыхался, за сердце хватался, и въ изнеможеніи, какъ дохлая, усталая осенняя муха отъ стекла, отскакивалъ онъ отъ этого звѣря и, обхвативъ голову руками, тихо рыдалъ... Не искалъ горбунъ въ квартиранты волосатаго подполковника, помѣстили его туда насильно, ибо время такое было, что двѣ съ половиною комнаты считалось для одной семьи изъ двухъ человѣкъ роскошью...

Подполковникъ легко могъ видѣть и слышать разорванные трупы, кровь, стоны агонизирующихъ, но только не слезы и не крики имъ же, необдуманно, неумышленно, обиженныхъ людей. И онъ бросался къ горбуну, ласкалъ его, даже съ земли, шутя, приподымалъ.

— Ну, Давидъ, прости, прости, не хотѣлъ я тебя обидѣть... Языкъ мой безъ дѣла, безъ костей... ну, вотъ, и ляпнешь глупость... Успокойся, твоя Розалія Борисовна ничего не слышала, успокойся...

На порогѣ робко появились Стратоновъ и Кузнецова.

— Ахъ! А вотъ и папаша?.. Здравствуйте, здравствуйте, Иванъ Константиновичъ, давно бы пора!.. Ну, я, виноватъ, прости, вспылилъ, папаша... Здравствуйте, Марья Ивановна, спасибо, что старика привели!.. Сейчасъ мы самоварчикъ... сливъ... яблочекъ... Ну, вы знакомы, какъ же, — и переплетчикъ сердечно и почтительно пожималъ руку старика, профессора Стратонова!..

— Вотъ сюда, сюда поближе и поудобнѣе, ваше высокопревосходительство!..

Вошла и жена переплетчика и тепло такъ обрадовалась свѣжему человѣку, почтенному старику, знаменитому профессору, и скоро наскребли варенья, лимону, масла, огурцовъ, хлѣба, чаю... чаю...

Кузнецова, не ожидавшая такого теплаго и привѣтливаго пріема старику Стратонову, скоро вошла въ роль хозяйки дома и помогала хозяйкѣ быстро все наладить, хлѣба съ масломъ, съ огурчикомъ подсолить, помидоръ нарѣзать, длинный рабочій верстакъ простыней перекрыть, и всѣ почувствовали себя, отъ такой незначительной перемѣны, такими мирно настроенными, примиренными, старыя дрязги позабывшими, и всѣ такъ на старика, на такого знатнаго профессора, умиленно глядѣли, точно вотъ онъ, всезнающій, такое откровеніе, такое чудесное слово скажетъ о родинѣ, что сразу падутъ, сгинутъ и этотъ ихъ склепъ, и эта бѣженская могила, и воскреснутъ, зацвѣтутъ новыя надежды, и возрадуется усталое притупившееся сердце...

... Молчалъ старикъ. И только съ сына, съ подполковника N-скаго Гусарскаго Ея Величества полка не спускалъ онъ своихъ большихъ , вопрошающихъ глазъ, въ которыхъ можно было читать и безсловесную тоску, и надломленную вѣру, и тщету и приговоръ всему содѣянному и чувство какой-то вины, —

почему именно отъ него, отъ Стратонова, — вѣдь ихъ, такихъ какъ онъ, были тысячи и тысячи, — "почему именно отъ меня, едва полуживого, всей жизнью заплатившаго, ожидаютъ эти люди какихъ - то пророчествъ, путей, перспективъ и надеждъ... На что?"... Значитъ всѣ они, какъ и тѣ аудиторіи, откуда онъ бѣжалъ, знаютъ, слышали, какъ онъ, Стратоновъ, не только писалъ, громилъ, хулилъ, требовалъ, они знаютъ, что и онъ былъ въ числѣ тѣхъ "освободителей", что требовали у лежачаго и связаннаго — отреченія, что и онъ лягнулъ его!.. И не вѣритъ Стратоновъ учтивости и радушію этихъ скромныхъ людей... Ихъ нужда, ихъ страданіе, ихъ обликъ — всѣмъ этимъ, этой безысходной нуждой, ему обязаны они, — всѣ ему одному обязаны они своимъ позоромъ, своимъ униженіемъ, своей нищетой!..

Стратонова, взвалившаго на себя, за себя и за всѣхъ, тягчайшія гири мученичества, пробиравшагося и часто лишаясь послѣднихъ силъ, когда ему казалось, что скоро - скоро онъ, Ему Праведнѣйшему, отдастъ свое дыханіе, Стратонова въ эти минуты агоніи, утоляли вспыхивавшіе, изъ глубины возникавшіе, огни... думы...

Не убивай себя. Была великая, святая, богатѣйшая, плодороднѣйшая, необъятная... Да, была! Былъ и Христосъ! Но — преступной и темной толпой распятый — явилъ онъ спустя вѣка міру величайшее чудо, безмѣрную драгоцѣнность и непоколебимыя установленія!.. Воскреснетъ и Она, распятая, твоя страна, а случившееся свершилось лишь только раньше срока... но не свершиться оно не могло!..

Но эти проблески только мгновеньями утишали боль...

И Стратоновъ все больше и больше погружался въ себя самого, въ какое то уединенное самосозерцаніе, избѣгалъ споровъ, диспутовъ, людского шума и суеты, часто откладывалъ, не дочитывая, тяжеловѣсные фельетоны и горячія полемическія статьи въ толстыхъ журналахъ —не потому, что авторы, коллеги и земляки его, дѣлали ненужное дѣло, — напротивъ, — онъ имъ удивляется, удивляется ихъ мужеству, неустанности, ихъ привычкѣ одну и ту же молотую рожь еще и еще молотить, выбивая и лишая ее ея жизненныхъ витаминовъ...

Лишившись всего, Стратоновъ захотѣлъ, быть можетъ, въ сей послѣдній его часъ, взглянуть еще разъ на сына... на первый грѣхъ его первой страстной любви... тамъ, далеко... въ Италіи... Дѣтей другихъ, въ законномъ бракѣ, у него не было, и привезенный, доставлен-

ный ему такъ неожиданно двухлѣтній мальчуганъ, чтобы не разбить своей и чужой семейной жизни, былъ Стратоновымъ принятъ, не могъ не быть принятымъ, но — усыновить тогда не могъ... А потомъ. Отцы и дѣти разошлись. Дѣти отстаивали послѣднюю пядь родной земли, отцы же — словесно воевали...

Все же обрадовался и сынъ старику, но это однако не мѣшало подполковнику отзываться о сочиненіяхъ, диспутахъ старика съ нѣкоторой легкой ироніей...

— А вы бы, папаша, какую нибудь намъ лекчонку накрутили.

— Накрутили?..

— Да не въ словахъ, дорогой Иванъ Константиновичъ, дѣло!.. Эхъ, если - бы я зналъ, о чемъ, я бы и самъ такую лекцію, такой докладъ съ преніями отмочилъ!.. Вся колонія пальчики бы облизала... Лучшаго занятія и не придумаешь... А на чемъ другомъ теперь пару монетъ заработаешь?!..

— Извините, господинъ подполковникъ, — откликнулся изъ угла Майзель, — если я скажу, что вы человѣкъ не почтительный...

— А вы, ваше высокопревосходительство, не обращайте вниманія на этого, очень добраго, но... извините, немножко придавленнаго человѣка... Не обижаться на него, а пожалѣть его надо, — и совсѣмъ уже тихо, наклонившись надъ ухомъ профессора, горбунъ продолжалъ, — одичали мы, господинъ сенаторъ, и мы всѣ, и всѣ кругомъ насъ духомъ кончаются, и ничему мы больше не вѣримъ, не на что больше надѣяться, только и пища духовная наша, печатныя разныя воспоминанья да сочиненія, — вотъ, поглядите — "Очерки русской культуры", славная книга, океанъ знаній!..

— А вы, папаша, какъ бывшій сторонникъ высшей соціальной справедливости, — ну что бы вамъ въ самомъ дѣлѣ лекчонку публикѣ преподнести!.. И вспрыскиваніе для духомъ падшихъ, да и пару монетъ заработать можно, — я бы, папаша, вновь пріобрѣлъ бы себѣ живой папиросный возокъ... а то.. а то иногда просто... руки на себя наложить хочется...

Подполковникъ вспомнилъ въ этотъ моментъ хлѣбъ жены и... раскисъ...

Подполковникъ одно время не могъ жаловаться на свою судьбу .Цѣлые дни разъѣзжалъ онъ, а то подолгу останавливался онъ на оживленныхъ площадяхъ и углахъ въ своемъ имъ самимъ смастерен-

номъ папиросномъ, на колесахъ, и съ одной оглоблей во внутрь, досчатомъ домикѣ, изъ котораго не вылѣзалъ человѣкъ иногда сутки... Только по выступавшей, — больно высокаго роста былъ этотъ военнаго званія папиросникъ, — изъ подъ крыши - потолка этой живой лавки, что закоптѣлая труба изъ хибарки, — только по этой головѣ прохожіе догадывались о продавцѣ папиросъ. И знали прохожіе эту живую папиросную лавку, и волосатая рука протягивала покупателю сигары и "настоящія русскія папиросы"... И зарабатывался хлѣбъ, и оплачивались полторы комнатки, и были еще кой - какія сбереженія. Но на одномъ мѣстѣ ничто вѣчно не остается, и однажды возокъ, со всѣмъ живымъ и мертвымъ инветаремъ, въ осеннее ненастье, отъ неосторожнаго поворота такси оказался въ щепы расколотымъ, а подполковникъ, съ раненой головой, долгіе мѣсяцы въ больницѣ набирался, въ который разъ, новаго живого духа... Вотъ съ тѣхъ самыхъ поръ жена его и стала самостоятельно зарабатывать хлѣбъ...

— Папаша... вы слышите меня, папаша, — спазмы вдругъ перекосили горло и нѣсколько жесткихъ слезъ застлали выцвѣтшіе глаза, — понимаете, папаша, я питаюсь уже нѣсколько мѣсяцевъ ея даяніями... ея хлѣбомъ... ночнымъ хлѣбомъ... Нищета огромнѣйшая... И достаетъ она, жена моя, этотъ хлѣбъ въ какихъ то ночныхъ барахъ... руки и ноги цѣловать мнѣ у нея... а я ее!.. Такими словами!.. И... презрѣнный я, послѣдній человѣчишко... вы еще многаго не знаете... не угадаете... какая то пакость на мои плечи легла... я, напримѣръ, у этого маленькаго человѣка, у такого добраго горбуна, нищаго переплетчика, быть можетъ, послѣднее отнялъ, — онъ перевелъ духъ, тяжко вздохнулъ, — и сдѣлалъ я замѣчательное наблюденію, папаша, — гдѣ нищета, тамъ и пакость... пакость тащится за нищетой и наоборотъ... Презрѣнный я и... мой квартирохозяинъ замѣчательный человѣкъ, а я его обокралъ... обокралъ... мы душевно и духовно умираемъ.. вымираемъ, папаша, а вы... столько сочиненій и докладовъ написали о... о... соціальной справедливости и... международномъ правѣ...

Слушали всѣ, одни ничего не понявъ, другіе — удивленные прорвавшейся сердечностью... самоистязаніемъ подполковника, но всѣ чувствовали, что такъ то лучше... лучше для самаго подполковника... Такъ, ѣдкая, давящая, знойная пыль отлетаетъ отъ первыхъ

капель долгожданнаго дождя... Меньше другихъ понялъ горбунъ, переплетчикъ. Онъ зналъ, изъ книгъ, что разъ у человѣка, пусть и на мгновеніе, открылось сердце, разъ человѣкъ, на людяхъ, не щадя себя, обнажилъ свои раны, свои ошибки, то онъ готовъ взвалить на себя и свои и чужіе грѣхи...

— Ну, что ужъ могъ одинъ бѣднякъ украсть у другого нищаго, — нѣтъ, это подполковникъ зря себя истязуетъ, у него, горбуна, украсть нечего, — голый онъ... оба голые...

И переплетчикъ подмигивалъ и профессору, обрадовался горбунъ такому душевному откровенію, — не мѣшайте, молъ, подполковнику, пусть еще и еще говоритъ, исповѣдуется, пусть клевещетъ на себя... сердце очищенія, покаянія жаждетъ...

— Ваше высокопревосходительство, господинъ профессоръ, господинъ подполковникъ преувеличиваютъ, ихъ благородіе человѣкъ добрый, сердечный, но... какъ всѣ мы... ни къ чему... Поплакалъ человѣкъ, значитъ ему же и лучше и... значитъ жива еще душа человѣка...

Старикъ слушалъ... молчалъ... въ прахъ бы отъ переживаемыхъ мукъ разсыпался бы... но — "этимъ людямъ нуженъ не прахъ... и не думы... и не... теорія соціальныхъ справедливостей... и — что можетъ онъ, пробирающійся, дать имъ конкретнаго, если не голодъ, то хоть душу утоляющаго"..

— "А если у всѣхъ у нихъ душа изныла, что могу я, самъ духовно нищій, сказать имъ... слова"?...

И точно въ унисонъ съ переживаніями профессора переплетчикъ, этотъ ненасытный книжникъ, все приставалъ къ Стратонову, хотѣлъ какъ бы набраться свѣжей мудрости...

— И дивлюсь я, ваше высокопревосходительство, ваши коллеги еще живутъ... еще жить могутъ... Вотъ нашъ народъ возьмите, какъ палъ нашъ Храмъ... и стѣны Іерусалима... и мы всѣ... перемерли... и не возсоединимся мы такъ скоро!.. и ужъ сколько тысячелѣтій!.. только и живемъ... что... по Нансеновскому паспорту... Всѣ евреи, гдѣ бы они ни жили... это дѣти Нансена... Я такъ полагаю, господинъ сенаторъ, что будетъ такъ долго... долго, пока огромнаго жертвеннаго подвига кто нибудь изъ вашихъ не совершитъ!.. Да подвига... Опредѣленно... А ваши... какъ будто ничего и не случилось... Пишутъ... пишутъ... Такое Добро!.. Такой Храмъ!.. Такую, можно ска-

зать, золотую родину въ пропасть свалили, опрокинули... а продолжаютъ еще что-то писать... другимъ что-то доказывать... А жилъ бы я въ дни паденія Іерусалима, я бы, я бы вмѣстѣ со своими, со всѣми, на весь божій міръ, всенародно бухнулся бы въ землю, да въ самый прахъ, да и крикнулъ бы передъ чужими народами, — пусть знаютъ, пусть запомнютъ, пусть своe крѣпко оберегаютъ, и собралъ бы я всѣхъ своихъ и завопилъ бы:

— Вотъ мы, окаянные, предъ вами... не ждите отъ насъ откровеній, весь нашъ пафосъ свободъ — одна высокопарная демагогія, что пузыри... и предательство... Сами мы... мы сами... вамъ, европейцамъ, на утѣху, на утѣху, развалили, подожгли мы нашъ домъ, нашъ храмъ... нашу несравненную великую!.. Великое это слово — родина!...

Подполковникъ поднялся во весь свой ростъ, обнажилъ волосатыя руки.

— И послѣ, — подполковникъ оборвалъ переплетчика, — вышелъ бы и я одинъ впередъ и вызвалъ бы кого нибудь изъ почтеннѣйшей иностранной публики и сталъ бы просить, чтобъ трахнулъ меня кто нибудь по мордѣ... чтобъ кровь пошла... и если бы не нашелся такой, то самъ... самъ себѣ судья... то со всего размаху или прямо головой объ стѣну... Не осознали мы еще всего нашего настоящаго уничиженія... А осознаемъ... скоро... скоро... Дальше — еще хуже!.. И только такая кара, такое осознаніе выпрямило бы нашу спину... исцѣлило бы... помогло бы подняться... выпрямиться... а то мы еще хорохоримся. что - то будто очень важное сдѣлали... пѣтухами въ преніяхъ разныхъ то и дѣло время проводимъ... окаянные!..

— Назначить такой одинъ день въ году, — вмѣшался снова переплетчикъ, — и въ отрепьяхъ, пепломъ осыпанные, всенародно, на міру у всѣхъ, передъ союзниками и несоюзниками, и безъ особыхъ рѣчей лечь костьми, во прахѣ, и пусть чужіе народы пройдутся по насъ, не босыми, а стоптанной обувью...

— Ну, нѣтъ-съ, господинъ Майзель, извините, я не согласенъ. Достаточно валялся я въ окопахъ... Я стойко и мученически служилъ, защищалъ и оберегалъ честь нашего оружія... вплоть до февраля!.. А за остальное пусть отвѣчаютъ они... они... эти... вотъ они.., — указываетъ на старика — Лозунгъ Лозунговичи!... Это вы, это они въ тылу пѣли гимны свободѣ... гимны безумію!.. "Свобода, молъ, по-

Манэ. Скверъ. *Manet. Square.*

Манэ. Кафе-концертъ. *Manet. Café-concert.*

купается кровью", — чьей? "Война до послѣдняго солдата", — за счетъ чьей страны? — дозвольте васъ спросить!..

Вошли и дамы, доставшія кой-какую провизію и хлопотавшія за накрытымъ столомъ, — какъ же не накормить, не принять, не побаловать такого почтеннаго, такого безпомощнаго и все грустно посматривавшаго, молчавшаго старика!.. Всѣ перешли на кухню - плиту, въ комнату квартирохозяина, усѣлись за столъ, и впервые за долгіе, быть можетъ, мѣсяцы, повѣяло тутъ чѣмъ - то мирнымъ, уютнымъ, семейнымъ, и всѣ почувствовали себя обновленными... облегченными...

З. Н. ГИППІУСЪ

ПЕРЛАМУТРОВАЯ ТРОСТЬ

(Опять Мартыновъ)

Писалъ любовные мемуары. Бросилъ. Все какіе то случайные анекдоты, короткіе. А вѣдь бывало - же посерьезнѣе? Попробуемъ. И чтобъ краткостью не соблазняться, но чтобъ не надоѣдали и подробности, а писать искренно и старательно. Долгихъ подступовъ къ исторіи тоже не побоюсь.

I.

БАБУШКА

Случилось это въ годы, когда я былъ женатъ на моей бабушкѣ.

Бабушка къ исторіи отношенія прямого не имѣетъ. Упоминаю вскользь, ради отношенія очень непрямого, — дальше видно будетъ, какого. А про женитьбу скажу только, что былъ моментъ, когда мнѣ нужно было оказаться "женатымъ", иначе хоть въ петлю. Почему — неинтересно. Вотъ она тогда и выручила меня, дорогая моя покойная бабушка (я ей троюроднымъ внучатымъ племянникомъ приходился, но съ дѣтства любилъ, уважалъ и бабушкой звалъ). У нея, въ Долгомъ, въ Тамбовской губерніи, мы и обвѣнчались утречкомъ рано, а послѣ, днемъ, я уѣхалъ. Почти что прямо опять въ Германію.

Вотъ, собственно, и все. Теперь будетъ новый подступъ, длинный, въ видѣ цѣлой исторіи: чужой, не моей, но для моей ее приходится разсказать.

II.

ЧУЖАЯ ИСТОРІЯ. НАЧАЛО

Францъ фонъ Галленъ.

Самый мой близкій другъ, даже единственный другъ среди кучи пріятелей, студентовъ Гейдельбергскаго университета.

Старше меня, — ну, положимъ, я - то былъ тогда чуть не самымъ юнымъ изъ всѣхъ студентовъ. Никогда я не думалъ, что такого (современнаго) нѣмца могу встрѣтить. Зналъ, были прежде, но живого не надѣялся увидать. Былъ очень нѣмецъ (изъ хорошей, старой нѣмецкой семьи, чрезвычайно, притомъ, богатой) и окружало его какое - то нѣжнѣйшее обаяніе. Мечтательной тишины — соединенной съ острой мыслью, всегда глубокой. Писалъ, конечно, стихи (мнѣ они казались прекрасными, не хуже Новалиса) и серьезно занимался философіей.

Съ философіи сближеніе наше началось; потомъ ужъ пошло дальше.

И съ виду Францъ мнѣ казался такимъ, какимъ долженъ бы, по моему представленію, быть или молодой Шеллингъ, или тотъ - же Новалисъ, — кто нибудь изъ дорогихъ мнѣ прежнихъ нѣмцевъ; я ихъ обожалъ. Отъ плотнаго бурша въ немъ — ничего. Какіе глаза, съ голубыми блесками! Тонкій, даже слишкомъ тонкій станъ. Рисунокъ губъ немножко безпокоилъ: розово - нѣжныя, складывались онѣ съ какой - то трогательной безпомощностью.

Мы стали неразлучны. У меня не было отъ него тайнъ. У него, я думалъ, тоже. Отношенія идеальной дружбы. Какъ Тикъ и Вакенродеръ, восторженно вспоминалъ я.

Никакого оттѣнка старшинства въ его дружбѣ не было. Только временами, неожиданно, проявлялось въ ней что - то не совсѣмъ понятное для меня; какое - то нѣжно - ласковое отдаленіе, словно бережность по отношенію ко мнѣ.

Но я не задумывался надъ этимъ.

Потомъ мы разстались. И потекли годы. Раздѣлили насъ? И да, и нѣтъ. За эти годы я нѣсколько разъ видѣлъ его, возвращаясь

въ Германію; но не это, а наша, не всегда частая, но постоянная переписка сблизили насъ... и совсѣмъ по новому. Ушла юная, гейдельбергская восторженность, — Богъ съ ней! Я узналъ Франца, какъ онъ есть, и, по человѣчески, вѣрно, привязался къ нему. Я, впрочемъ, вообще вѣренъ.

Потому, когда пришло это послѣднее письмо, гдѣ онъ звалъ меня пріѣхать, хоть ненадолго, — я не задумался. Давно его не видалъ, но то, что случилось съ нимъ года два тому назадъ, — зналъ. Теперь Францъ зоветъ меня. Зоветъ успокоеннымъ, почти веселымъ письмомъ. Но все таки зачѣмъ - то я ему нуженъ? Поѣду.

И поѣхалъ.

III.

ДРАМА И ТРАГЕДІЯ ФРАНЦА

Сквозь глициніевый покровъ, блѣдно - сиреневую сѣтку, шелковистую — ядовито - зеленое Іоническое море. Высокое. Съ муаровыми ласами ближе къ скаламъ. А больше ничего. Направо и налѣво отъ веранды — буйно - заросшіе горные уступы, — это садъ. Вилла — крошечный домикъ, — точно спрятана со всѣхъ сторонъ, точно провалилась она въ цвѣтущую заросль.

— Ты мой другъ, говоритъ Францъ, самый близкій другъ. Ты все знаешь, ты все можешь проникнуть умомъ и сердцемъ. Ты мнѣ нуженъ иногда, какъ никто въ мірѣ. Но я не обманываю себя: понять ты меня не можешь.

Милый, тонкій профиль на сиреневомъ шелкѣ глициній. Глаза опущены.

— Францъ, что ты называешь "понять?"

— Какъ еслибъ ты былъ мной... на минуту. Да нѣтъ, вернулсябы въ себя — опять забылъ. Это — вотъ эта часть человѣческой жизни и существа, — самая забвенная. И другъ въ другѣ самая непонятная, если не схожая. Могу встрѣтить человѣка случайнаго, далекаго, глупаго, противнаго, но который будетъ понимать. Мы съ нимъ будемъ "мы"...

— А я съ тобой — никогда? перебилъ я. — Ты правъ, вѣроятно; если рѣчь о такомъ пониманіи. Только видишь - ли... Ты слушаешь меня, Францъ? Одни, какъ ты, познали себя; для другихъ, какъ для меня, все тутъ загадочно, и я самъ не знаю хорошенько, съ кѣмъ я — "мы". Кажется, не съ тобой... Да, не съ тобой. Но, кажется — и не съ ними...

— Нигдѣ? улыбнулся Францъ и всталъ. — Вотъ ужъ неправда! Это - то я о тебѣ знаю, и ты самъ знаешь. Но оставимъ пока. Хочешь, пройдемся? Къ Дикой скалѣ, внизъ?

Неслышно ступая, вошелъ одинъ изъ служителей Франца.

— Signor...

Сказалъ что - то Францу, я не разобралъ, хотя по итальянски зналъ недурно. Но къ сициліанскому ихъ говору еще не привыкъ.

— Вотъ, не могу, — произнесъ Францъ, слегка пожавъ плечами. — Джіованне увѣряетъ, что со снимками что - то неладно, которые у меня сушились. Надо пересмотрѣть. Ты придешь вечеромъ? Передъ закатомъ?

Я обѣщалъ. И, взявъ шляпу, вышелъ изъ сада на ослѣпительную каменистую тропинку.

Я не живу у Франца. Онъ устроилъ меня въ знакомой ему семьѣ, у венгерскаго художника, женатаго на нѣмкѣ; красивая вилла по ту сторону городка, Флоріола.

Домикъ Франца, запрятанный такъ, что ни откуда его не видать, называется Pax. А Францъ здѣсь, въ этомъ крошечномъ городкѣ Bestra — навсегда. Такъ онъ говоритъ, такъ мнѣ вѣрится, хотя... мнѣ почему - то за него больно, я даже возмущаюсь. Всю жизнь... а есть - ли ему 35 лѣтъ?

Францъ занимается художественной фотографіей. Для себя, конечно. Снимки его дѣйствительно прелестны. Почти всѣ сдѣланы у него же въ саду, а садъ этотъ, съ его могучей растительностью, съ неизвѣстными мнѣ подчасъ, странными деревьями, похожъ не на садъ, а скорѣе на рай въ счастливые дни, до грѣхопаденія.

Францъ живетъ одинъ, — съ нѣсколькими служителями. Они же и помощники его. Они же и натурщики, когда онъ снимаетъ свой райскій садъ.

Сначала я ихъ не различалъ: всѣ одѣты одинаково, всѣ одного,

сициліанскаго, типа — не совсѣмъ итальянскаго, съ какой - то примѣсью: короткій, прямой носъ, и смуглота особая, съ золотомъ. Теперь я знаю и Джіованне, и Джузеппо, и Нино... и какъ его? самый маленькій?

Знаю немножко Бестру, знаю, почему ее именно выбралъ Францъ, когда, больше двухъ лѣтъ тому назадъ, рѣшилъ искать уединенія, "навсегда" порвалъ съ семьей и съ родиной.

Онъ мнѣ писалъ объ этой драмѣ. Писалъ подробно, открыто, не щадя ни себя — ни другихъ. И я хорошо понялъ, что грубый скандалъ, разыгравшійся въ грубомъ берлинскомъ обществѣ (такъ называемомъ "лучшемъ", къ нему принадлежалъ Францъ) — не могъ не быть для Франца "драмой", — и не могъ онъ ее не завершить, какъ завершилъ.

Я понялъ драму. Совсѣмъ, совсѣмъ, до конца понялъ. Но вѣдь за драмой Франца стоитъ трагедія? Вѣдь о ней - то и говорилъ онъ, что я не могу — какъ онъ понимаетъ пониманіе — ее понять?

Кажется, не могу. Или могу?

IV.

ПРОДОЛЖЕНІЕ

Дома я засталъ вакханалію цвѣтовъ.

То-есть, не у меня, не въ моихъ комнатахъ, а въ громадной, полупустой, красивой комнатѣ — салонѣ - столовой — хозяевъ. Я туда сразу прошелъ, хозяйка окликнула меня изъ лоджіи, сверху.

Самого стараго венгерца, Маріуса, какъ, всегда, не было. Въ мастерской, очевидно. Я туда къ нему заходилъ; хорошо, только жара! а вѣдь еще апрѣль въ началѣ.

На столахъ, на стульяхъ, даже на полу, кучами лежали цвѣты. Всякіе, отъ лилій, — и какихъ-то странныхъ, голубыхъ, — до полевыхъ и горныхъ асфоделей, фрезій, оранжевыхъ и розовыхъ ромашекъ. Эти вороха ловко разбирала Клара, съ помощью трехъ прислужницъ.

— Идите помогать! крикнула она, повернувъ ко мнѣ худое,

молодое лицо. Блеснуло pince-nez, съ которымъ она не разставалась. — Это все друзья мои здѣшніе нанесли, нынче, вѣдь, день моего рожденія... А, дона Чиччія! перебила она себя, вставая навстрѣчу какой-то дикой сициліанской бабѣ съ очереднымъ снопомъ красныхъ цвѣтовъ. Заболтала съ ней по сициліански.

Хозяйка моя была очень популярна. Но я долго не могъ взять въ толкъ, почему и что это, вообще, за семья. Вилла Флоріола, едва я вошелъ, поразила меня гармоничностью линій, вкусомъ строгаго, скупого, внутренняго убранства. И нѣсколькими картинами, — масломъ, сепіей, гуашью — женскія лица такой прелести, что не вѣрилось въ портретность. Произведенія Маріуса, пояснила мнѣ хозяйка, фрау Цетте (или Клара, какъ я мысленно ее называлъ). Клара эта была, прежде всего, ужасная "нѣмка", съ ногъ до головы: ноги довольно плоскія, а бѣлокурые волосы съ чуть зеленоватымъ отливомъ.

— Нашъ общій другъ, Monsieur von Hallen, находитъ Флоріолу недурной , сказала она пѣвуче. Васъ здѣсь ничто не будетъ оскорблять.

Я сразу понялъ, что эта нѣмка не просто себѣ молодая нѣмка, отлично ведущая хозяйство. Хозяйство - то ведетъ, но она, кромѣ того, нѣмка съ "чтеніемъ" и съ "запросами". Это по русски, впрочемъ, — съ "запросами"; по нѣмецки надо - бы какъ нибудь иначе, — съ "порывами", съ "мечтаніями"... практикѣ не мѣшающими.

Почему, напримѣръ, говоритъ она со мной по французски? При Маріусѣ мы переходимъ на нѣмецкій, а чуть вдвоемъ — она французитъ. Говоритъ бѣгло, акцентъ небольшой, но интонаціи голоса глубоко нѣмецкія.

И причемъ этотъ Маріусъ, приземистый, грубоватый, диковатый, съ сѣдыми висками? Клара не очень красива, худа, костлява даже немного; однако наружности не непріятной, — птица въ пэнсънэ; и совсѣмъ молода, тотчасъ объявила мнѣ, что ей двадцать пять лѣтъ.

— Маріусъ самъ строилъ Флоріолу, по своему плану, самъ смѣшивалъ и краски для каждой комнаты; мы ее выстроили, когда поженились. Ахъ, она мнѣ дорого стоила! разоткровеничалась Клара (и это съ перваго знакомства). Вотъ не мечтала, что тутъ останусь

жить. Пріѣхала изъ Мюнхена ненадолго, съ братомъ - художникомъ... Маріусъ жилъ здѣсь ужъ давно.

Я заключилъ изъ этого, что Маріусъ былъ бѣденъ, она — богата. Но зачѣмъ они поженились — не понималъ. Мнѣ было все равно, да ужъ такой характеръ: люблю, глядя на людей, какъ - то ихъ психологически устраивать, о нихъ догадываясь. Часто дѣлаешь невѣрныя догадки; ищешь непремѣнно смысла въ людскихъ поступкахъ, а всегда - ли онъ есть?

Тутъ я рѣшилъ, что Маріусъ не влюбился въ Клару, сумѣлъ какъ то обольстить богатую молоденькую дурнушку, и получилъ вмѣстѣ съ ней виллу и чудесную мастерскую. А увидѣвъ воочію оригиналы маріусовыхъ рисунковъ, такъ меня прельстившихъ, — каюсь: въ первую минуту заподозрѣлъ даже, что Маріусъ завелъ себѣ и гаремъ.

Вышло глупо: нѣтъ, три красавицы, — подлинныя красавицы! — были самыми несомнѣнными служанками четы Цетте. Вѣроятно, ихъ выбирали, какъ годныхъ и для этюдовъ Маріуса; но только съ этой стороны онъ ими интересовался. Клара учила ихъ работать и обращалась съ ними, какъ строгая мать. Три дѣвушки, — даже дѣвочки: старшей, Маріи, едва минуло 16 лѣтъ. Пранказіи, самой темной и огнеокой — 14. А Джованнинѣ всего 12. Но Боже мой, какъ онѣ, всѣ разныя, были хороши! Не буду описывать, пусть бы Гоголь... Да и Гоголь спасовалъ со своей Анунціатой; кромѣ того, здѣсь и не было никакихъ условныхъ "итальянскихъ", римскихъ, красавицъ. Куда Анунціата передъ лицомъ Маріи, напоминающей Мадонну какого - то стараго испанскаго художника, или передъ ангельскимъ личикомъ Джованны! Я не могъ не подумать, что и Маріусъ, все таки, исказилъ ихъ, не справился. И я не могъ рѣшить, которая лучше. Ну, Богъ съ ними.

— Вы сегодня будете обѣдать у насъ, сказала Клара, проворно связывая цвѣты. Хотя въ такіе - же красивые букеты, то длинные, то широкіе, связывали цвѣты три пары смуглыхъ рукъ — ворохъ не уменьшался. Послѣ доны Чиччіи еще являлись такія - же "доны", и всѣ съ цвѣтами.

— Придетъ signor il dottore, придутъ... Клара назвала нѣсколько лицъ изъ "высшаго" мѣстнаго общества. Да, въ Бестрѣ было свое "высшее" общество: древнія фамиліи сициліанскія. Я даже былъ,

съ фрау Цетте, съ визитомъ въ такой семьѣ — Клара повела меня туда, отрекомендовавъ, какъ своего друга, иностраннаго "барона", интересующагося старинными вещами. Онѣ были мнѣ показаны, но потрясло меня другое: существованіе, въ двадцатомъ вѣкѣ, такихъ людей, съ такими обычаями, въ такихъ домахъ живущихъ. Каменная лѣстница, вѣчная сырость, вѣчный темный холодъ: окна никогда не отворяются. На желѣзные узорчатые балконы никто никогда не выходитъ. Не принято. Мы видѣли какихъ - то старыхъ фефелъ, — я ихъ не различалъ въ сумракѣ и едва понималъ. Барышни не показываются. Впрочемъ, онѣ и на улицу не показываются. Гуляютъ изрѣдка, и только въ сумерки, съ накинутымъ на голову кружевомъ. Гулять не принято. А что было - бы, если бъ какой нибудь изъ этихъ "синьоринъ" пришло въ голову надѣть шляпку! Ничего нѣтъ болѣе "непринятаго". Къ счастью, синьоринамъ такой мысли въ голову не приходитъ.

— Когда я ихъ приглашаю обѣдать, я не зову иностранцевъ, продолжала Клара. — Вы — ничего, вы живете въ домѣ. Мы сами иностранцы, но мы уже мѣстные жители. И то нашъ единственный, кажется, домъ, гдѣ они бываютъ. Такъ вы придете?

Обычно я обѣдалъ у себя, внизу, если не у Франца. Но случалось и у хозяевъ.

— Я... не знаю, отвѣтилъ я заплетающимся языкомъ. У меня... голова болитъ. Прошу... извините меня.

Дѣло въ томъ, что цвѣты меня одолѣли. Отуманили, одурманили. Въ сонъ какой - то погрузили. У меня было ощущеніе, что я объѣлся цвѣтами. Полусознательно продолжалъ ихъ перебирать, однако.

Клара ничего не замѣтила.

— Приходите! Или вы обѣщали M-r von Hallen?

Я вспомнилъ, обрадовался:

— Да... Ему обѣщалъ... Мадамъ Цетте, вы меня извините, у меня кружится голова...

— А, это fiori di Portugaio! Съ непривычки, въ комнатѣ...

— Нѣтъ, всѣ, кажется вмѣстѣ. Какъ вы этотъ... цвѣтопадъ выдерживаете?

Она засмѣялась. Хлопнула въ ладоши и — presto - presto!

велѣла своимъ дѣвочкамъ утащить куда - то вороха. Букеты остались. Голова у меня продолжала кружиться. Нѣтъ, пойду на воздухъ! Я всталъ.

— Je l'aime... Oh, que je l'aime... произнесъ около меня чей-то тихій голосъ. Это не имѣло никакого смысла, некому было и говорить, а потому я испугался: бредъ, что - ли, начинается?

— Какъ жаль, что вы не можете! сказала Клара. Вы намъ измѣняете. Вотъ и M-r von Hallen — съ тѣхъ поръ, какъ вы здѣсь, — Флоріола его совсѣмъ не видитъ. Это ваша вина.

Смѣясь, погрозила мнѣ пальцемъ, еще что - то болтала, но я уже не слышалъ: скорѣй, на террасу, и дальше, на дорогу. Хорошо бы на свѣжесть моря, — а то, вѣдь, и на воздухѣ (теперь я чувствую) вездѣ тутъ пахнетъ цвѣтами, цвѣтами, цвѣтами...

V.

ПРОДОЛЖЕНІЕ

Францу я аккуратно разсказывалъ мои впечатлѣнія отъ Бестры. Онъ очень внимательно слушалъ, самъ не говорилъ ничего, какъ будто хотѣлъ, чтобы я самостоятельно осмотрѣлся. Какъ будто выжидалъ... чего?

Въ тотъ вечеръ, на острой Дикой Скалѣ, я ему не безъ юмора сообщилъ, какъ я "объѣлся" цвѣтами. Потомъ спросилъ:

— Что, собственно, эта чета Цетте изъ себя представляетъ? Ты ихъ давно знаешь?

По правдѣ сказать, другой вопросъ вертѣлся у меня на языкѣ, поважнѣе Цеттовъ: что—они! знаю ихъ три дня, уѣду и не вспомню... Меня занимало нѣчто болѣе важное. Зачѣмъ нуженъ я Францу? Конечно, долгая разлука создаетъ отдаленіе, сразу не войдешь въ полосу открытыхъ разговоровъ. Надобно время, чтобы даже близость письменную, когда она есть, перевести на разговорную. Но все - таки! Онъ — спокойнѣе, чѣмъ я ожидалъ. Драма его, мнѣ извѣстная, какъ будто отошла въ прошлое, а трагедія... онъ сказалъ, что я ее не понимаю и не пойму. Зачѣмъ я ему нуженъ?

На вопросъ о Цетте онъ ничего не отвѣтилъ, точно не слышалъ. Смотрѣлъ на высокое море подъ нами. Изъ за ледяной, разползшейся Этны падали послѣдніе лучи заката, море стало совсѣмъ муаровымъ.

— Скучно... сказалъ вдругъ и обернулъ ко мнѣ тонкое лицо. Я невольно подумалъ, — это часто случалось, — что Францъ особенно, одухотворенно красивъ. Даже не чертами, а Богъ вѣсть чѣмъ.

— Ты знаешь, Отто женился, прибавилъ онъ.

Отто — молодой графъ X., изъ за котораго и разыгралась тяжелая драма Франца. Женился? Я не зналъ, что сказать и молчалъ.

— Да, женился. И, главное, очень счастливъ. Онъ мнѣ написалъ.

— Такъ что же... началъ я и договорилъ скороговоркой: или ты его еще любишь?

Францъ сдвинулъ брови, лицо его стало жестко. Пожалъ плечами. И — мнѣ показалось — съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на меня:

— Но я и думалъ... ты не поймешь.

— Опять?

— Да. Впрочемъ, когда нибудь, можетъ и поймешь. Не желаю тебѣ этого.

— Францъ, право надоѣло. Очень хочу понять, увѣренъ, что пойму. И не драпируйся ты въ эту тогу непонятаго, — передо мной! Я самъ давно хотѣлъ спросить тебя...

— Потомъ, потомъ! съ нетерпѣніемъ и мучительствомъ перебилъ Францъ.

Мы замолчали. Вдругъ онъ, неожиданно:

— Ты, кажется, спрашивалъ меня о Цетте?

Это... примѣчательная семья. И онъ... и Клара.

Я поднялъ глаза. Удивился. Столько доброты, грустной, правда, но почти нѣжной, было въ лицѣ Франца. Впрочемъ, я зналъ и эту его черту: онъ былъ безконечно добръ къ людямъ, и не къ людямъ только, а ко всему живому. Онъ какъ-то свѣтился весь иногда, — не оскорбляющей, пронзительной добротой — жалостью.

— Она очень несчастна, сказалъ онъ. Клара.

Я изумился.

— Клара? Клерхенъ? Да что ты!

— И невинно - несчастна, прибавилъ Францъ, вставая. Но ты...

— Опять и этого не пойму? Нѣтъ, Францъ, ты просто смѣешься надо мной...

Францъ и дѣйствительно расхохотался, да такъ весело, что и я, глядя на него, то же.

Стояли другъ передъ другомъ и хохотали. Будто опять два студента въ далекомъ Гейдельбергѣ. Будто не чаша южнаго моря зеленѣла передъ нами; не темнѣющій жаркій воздухъ дышалъ на насъ безстыднымъ запахомъ "цвѣтовъ португальскихъ", и не широкая Этна лежала въ углу; — а сѣрыя, свѣжія гейдельбергскія горы смотрѣли на насъ. Милая, чистая, острая свѣжесть! Сама — какъ молодость.

VI.

ВЕЧЕРЪ ВЪ РАХ

Францъ жилъ вовсе не такимъ отшельникомъ, какъ я себѣ сначала воображалъ. Съ мѣстными старыми "фамиліями" онъ, правда, не общался, но въ этомъ глухомъ скалистомъ городишкѣ, изъ одной — единственной улицы состоявшемъ, было, оказывается, не мало иностранцевъ. Для пріѣзжихъ имѣлось два отеля, — очень скверныхъ; но большинство иностранцевъ — люди не пріѣзжіе: по зеленымъ скатамъ, тамъ и здѣсь, лѣпились бѣлые домики - виллы, а собственниками были богатые люди, заблагоразсудившіе въ Бестрѣ поселиться, — англичане, американцы, нѣмцы... вотъ французовъ я что - то не помню. Всѣ жили уединенно, какъ Францъ, но не отшельнически; не чуждались общенія между собою, кое - кого я у Франца уже встрѣтилъ.

Городская улица съ обѣихъ сторонъ заканчивалась древними каменными воротами: Восточными и Западными. Всѣ виллы - домики ютились по крутымъ склонамъ внѣ города, за городскими воротами. Въ глаза не бросались, иныя точно совсѣмъ были запрятаны въ густую зелень, чуть замѣтна плоская крыша. Отъ виллы Франца, —Рах — и крыши не видать: скалы заслоняютъ.

Наша Флоріола была, напротивъ, на скалѣ: низенькая съ до-

роги — она, съ другой стороны, была въ три этажа. Мой длинный чугунный балконъ - галлерея висѣлъ надъ проваломъ, глубокимъ зеленымъ скатомъ. Вдали, за нимъ, туманилось высокое море. “Рах” былъ не такъ близко: къ Францу я попадалъ, пройдя Восточныя ворота, всю городскую улицу и ворота Западныя, выходящія на Этну. Могъ, впрочемъ, обойти городъ узкими горными тропами, вдоль города вьющимися, но я въ нихъ путался, особенно ночью.

Рѣдко видѣлъ я Франца въ нашей Флоріолѣ, и то не у меня, а у моихъ хозяевъ: вчера пришелъ приглашать ихъ къ себѣ, на “праздникъ въ Рах”. Это, — какъ онъ объяснилъ мнѣ, — немножко музыки, нѣсколько случайныхъ друзей...

Обычай Бестры, вѣроятно. Я уже привыкъ, что въ Бестрѣ много обычаевъ, съ виду не странныхъ, но все - же своеобразныхъ: то, что вездѣ — и не совсѣмъ то, а иногда и совсѣмъ не то.

Загадка Бестры была загадка простая; но такая тонкая, что я долго не могъ найти словъ и для нея, и для отвѣта на нее.

Одно было ясно: попалъ я въ міръ, въ какой еще не попадалъ. Неистовый югъ, сициліанскій, на другіе не похожій (а я бывалъ и южнѣе) цѣпкій, сладкій, тяжело - ладанный — обнималъ тѣло, внутрь проникалъ и словно тамъ, въ душѣ, тоже что - то по своему передѣлывалъ. Вѣдь вотъ, цвѣты голову кружили, до тошноты, а я оторваться отъ нихъ не могъ: безъ мысли, готовъ былъ часами перебирать шелковые лепестки, прятать въ нихъ губы и лицо. А ночью, на балконѣ, надъ темнымъ проваломъ, откуда, словно клубы удушливаго ладана, подымались на меня земные запахи, — я отдавался имъ со сладкимъ безволіемъ. И даже любилъ, кажется, это безволіе — чего? души или тѣла?

Въ этомъ особомъ мірѣ была и Бестра, тоже особая и внѣшне, и внутренно.

Но тутъ, хоть и скучно, я долженъ сказать два слова о себѣ. Для ясности дальнѣйшаго.

Полной ясности, конечно, все - же не будетъ: Францъ говорилъ правду, самая непонятная сторона въ человѣкѣ — его сторона... любовная. Францъ говорилъ — непонятная для другого. Прибавлю: и для самого себя.

Какъ всякій размышляющій человѣкъ, я объ этой сторонѣ очень много думалъ. И вообще, и относительно себя. Пришелъ къ

довольно интереснымъ выводамъ и заключеніямъ. Мало по малу у меня создалась даже своя теорія, не лишенная гармоничности и крѣпко построенная.

Я былъ очень доволенъ, пока не замѣтилъ: живу я, чувствую, поступаю, дѣйствую такъ, какъ будто никакой у меня теоріи нѣтъ. Даже не вопреки ей живу, люблю и ненавижу, а помимо нея, начисто всю ее забывая, когда приходится жить и дѣйствовать.

Когда же, въ свободное время, я ее вспоминалъ — она опять казалась мнѣ стройной, всеобъясняющей, идеально - прекрасной; и было досадно и удивительно, что даже въ мелочахъ, въ подробностяхъ, она для жизни оказывалась не нужной и къ жизни неприспособляемой.

Виновата, конечно, не теорія (или моя "Философія Любви", какъ я называлъ) — виноватъ я самъ, до нея не доросшій. Я самъ ее создалъ, — лучшей частью моего "я", — но моя физіологія и даже психологія — примитивны и по своему — знать ничего не желая, — живутъ; своимъ примитивнымъ законамъ покоряются.

Да, очень досадно. Но я не отчаявался. Несоотвѣтствіе? Но оно съ теченіемъ времени можетъ, вѣдь, сгладиться? Или нѣтъ?

Во всякомъ случаѣ, разсуждая о любви, — я обязательно высказывалъ мои теоретическіе взгляды; говорилъ о великомъ единствѣ любви и великой свободѣ въ любви (хотя и объективно свободу эту какъ - то не очень понималъ и принималъ).

Францъ не сомнѣвался, что я утверждаю его святое право на ту любовь, какая ему дана и послана. И я не сомнѣвался, — еще бы я это святое право не утверждалъ!

Я сурово судилъ человѣческіе предразсудки, привычные и неподвижные. Назвали одну форму любви — "нормой", по большинству, дали большинству права, а у меньшинства отняли всѣ. Портятъ жизнь себѣ и другимъ, отравляютъ подозрѣніями, презрѣніями, гоненіями... Драма Франца, — не отсюда - ли?

И то, что я самъ порою, въ наитемнѣйшей глубинѣ, тоже ощущалъ норму — нормой, а другое — чѣмъ - то такимъ, о чемъ "не говорятъ и скрываютъ" — повергало меня въ немалый ужасъ. Власть привычнаго, обывательскаго предразсудка? Даже надо мною? Нѣтъ! Нѣтъ!

Вотъ она, милая Бестра, вотъ разгадка ея радостной особенно-

сти: здѣсь — "говорятъ и не скрываютъ"; здѣсь не тащатъ за собой предразсудковъ; здѣсь все просто; здѣсь свободно — всѣмъ.

Когда я это все разгадалъ, мнѣ стало вдвое веселѣе.

VII.

О Н О

Праздникъ Франца отложенъ. Почему? Какіе - то, будто, цвѣты не расцвѣли еще. Вотъ вздоръ! А можетъ быть правда? Клара не удивилась - же, приняла, какъ понятное.

Но на Франца что - то нашло. Я ужъ сталъ, было, привыкать, что онъ успокоенно - счастливъ и что для того онъ меня и вызвалъ, чтобы я на его успокоенность посмотрѣлъ; а тутъ вдругъ выступило изъ подъ нея новое... или старое, прежняя какая - то его мука. Всегда она у него была, въ немъ чувствовалась. Трагедія, которой я не понимаю?

Мы съ Францемъ и молчать вмѣстѣ умѣли, и говорить. Но случалось - ли что нибудь со мной, или съ нимъ, — ни я, ни онъ не начинали разсказывать. Только если другой догадывался, приблизительно, въ чемъ дѣло, — могъ начаться разговоръ.

Францъ обо мнѣ всегда догадывался. Я — рѣже. Ужъ очень много было въ немъ неожиданнаго. Однако, я его слишкомъ любилъ, а потому тоже угадывалъ часто, что его мучитъ, хотя бы и не понималъ самой муки.

Тутъ я вдругъ почувствовалъ, что Францу всего тяжелѣе сейчасъ — графъ Отто, а почему графъ Отто — я объяснить себѣ не могъ. Вопросъ мой: развѣ ты его еще любишь? — былъ грубый, пошлый, поверхностный вопросъ: я зналъ, что Францъ его не любитъ.

Два дня я Франца совсѣмъ не видѣлъ. Потомъ мы цѣлый день гуляли вмѣстѣ, далеко, въ горахъ, и молчали. Вечеромъ, у него, опять молчали. Я поднялся уходить. Онъ меня не удерживалъ. Я ужъ сошелъ со ступенекъ веранды. Постоялъ, поглядѣлъ на звѣзды надъ

моремъ, невыносимо безпокойныя, громадныя; медленно вернулся и, самъ не знаю какъ, сказалъ:

— Отто?

Францъ кивнулъ головой, а я ушелъ.

Ночью проснулся отъ ужаса: темнота комнаты была наполнена сонмомъ визжащихъ вѣдьмъ. Я еще не зналъ, что это вѣтеръ, не зналъ, что такое вѣтеръ Бестры. Это не на яву, и не во снѣ. Точно въ сорокоградусномъ жару летѣлъ я самъ куда - то въ бездонную пропасть вмѣстѣ съ этимъ полчищемъ орущихъ вѣдьмъ, грохочущихъ и хохочущихъ дьяволовъ. Не было похоже ни на бурю, на грозу съ громомъ; ни на что не похоже. Ни одной мысли въ головѣ — только этотъ рѣжущій визгъ. Мнѣ стало казаться, что и я самъ, и все тѣло мое визжитъ, пролетая темныя пространства.

Къ утру я пришелъ въ себя, хотя визгъ продолжался. Попробовалъ встать, — ничего, всталъ. Къ изумленію — увидѣлъ даже, что красавица Марія несетъ мнѣ завтракъ, — идетъ по внѣшней лѣстницѣ къ дверямъ балкона. Золотые волосы бились у ея лица, платье, какъ мокрое, обнимало ноги.

Я набрался мужества, пріоткрылъ дверь. Думалъ, меня оглушитъ, но звукъ ужъ, кажется, не могъ усилиться. Марія ловко вошла, поставила подносъ на столикъ, что - то говорила, улыбаясь, но словъ разслышать было нельзя.

Весь этотъ день — день удивленій.

Клара пришла ко мнѣ, но такъ какъ и ея я разслышать не могъ, она взяла меня за руку и безстрашно повела, сквозь весь этотъ сѣрый ужасъ крика и лета, — наверхъ. Тамъ, въ большой и пустой комнатѣ, мнѣ показалось еще невозможнѣе: къ визгу цимбалы какія то присоединились, металлическіе звоны....

Въ углу былъ накрытъ чайный столъ. Черносизое море въ бѣлыхъ локонахъ смотрѣло въ окно. А за столомъ сидѣлъ Францъ.

Онъ улыбался, улыбалась Клара, смѣялись дѣвочки. Мнѣ стало стыдно. Голоса Клары я еще не могъ разслышать, но крикъ Франца началъ понимать. Оказывается, онъ очень любилъ этотъ вѣтеръ. Онъ зналъ, что я, съ непривычки, потеряю голову. Но пора ее найти..

Клара улыбалась, у нея было пріятно взволнованное, даже по-

Чапскій. Мясная. **Chapsky. Boucherie.**

Чапскій. Ложа. *Chapsky. La loge.*

розовѣвшее лицо. Францъ былъ любезенъ, наше чаепитіе выходило премилое, но я все таки не совсѣмъ еще понималъ, что вокругъ меня творится и говорится — даже на какомъ языкѣ. То будто по нѣмецки, а то по французски. Или, вдругъ по итальянски. Я улавливалъ отрывки фразъ, слова, неизвѣстно кѣмъ произносимыя, иногда нелѣпыя, которыя явно никому изъ насъ не могли принадлежать. Напримѣръ, откуда вдругъ это: — «voglio bene... voglio tanto bene»...? Вѣдьмы, конечно, издѣваясь провизжали...

И — хлопъ! Камнемъ вдругъ упала тишина. Никогда я не думалъ, что она можетъ упасть такъ тяжело. Я глядѣлъ, раскрывъ ротъ, на Клару, потомъ на Франца. Всѣ молчали. Францъ улыбался.

— Къ этому тоже надо привыкнуть, сказалъ онъ тихонько (мнѣ показалось — ужасно громко). Только не радуйся: еще вернется. Воспользуемся, впрочемъ, минуткой: проводи меня.

Онъ всталъ.

— Но Monsieur не успѣетъ... Клара поглядѣла на меня съ жалостью.

— Ничего, это будетъ первый урокъ. Идемъ, mon ami. Да не надо шляпы, что ты!

Мы вышли.

Да, удивительный день! Начался удивленіемъ, продолжался и кончился. Удесятиренный вопль и вихрь, послѣ каменной тишины; мы съ Францемъ на острой тропѣ, крѣпко другъ за друга держащіеся; и этотъ разговоръ въ вихрѣ... почему, однако, я уже хорошо слышу Франца, а онъ меня?

Я кажется понялъ трагедію Франца. И очередную его, сегодняшнюю, муку понялъ, Словами разсказать, какъ я понялъ, — нельзя, конечно. Разскажу потомъ словами, но заранѣе знаю, будетъ рѣшительно не то.

Догадался я также, что еще что - то здѣсь, около Франца, постороннее путается, досада какая - то, печаль какая - то для нѣжножалостливаго его сердца. Но еще не зналъ, гдѣ она, откуда.

Узналъ послѣ.

VIII.

ПЕРЕДЫШКА

Нужные цвѣты, вѣроятно, расцвѣли, потому что отложенный праздникъ въ Рах снова былъ назначенъ.

Незадолго до него, я проснулся однажды съ необыкновенной легкостью въ душѣ, въ тѣлѣ и въ памяти. Бываютъ такія странныя... ну не полосы жизни, для полосъ слишкомъ кратко, но промежутки, когда все важное, тревожащее, точно отступаетъ, отпадаетъ отъ тебя; знаешь, что оно есть, иной разъ даже предчуствіе чего - то важнаго въ будущемъ есть, или было вчера... А сегодня — ничего нѣтъ, кромѣ легкаго и милаго настоящаго.

Бестра, я думаю, городъ, гдѣ особенно часто случается это съ людьми. Такое ужъ ея свойство...

Прекрасное утро мое не для меня одного встало странно прекраснымъ: Клара смѣялась внизу съ какими то старыми англичанками, смѣялась пробѣжавшая внизъ Пранказія. А когда я вышелъ къ Восточнымъ воротамъ въ городѣ и разболтался со знакомыми мальчиками у старой стѣны, я увидѣлъ Франца, да такого веселаго, съ такимъ безпечнымъ лицомъ, что мнѣ стало совсѣмъ хорошо. Францъ держалъ въ рукахъ букетъ совершенно необычныхъ голубыхъ розъ: онѣ ростутъ только въ саду signore il dottore, это его тайна! Францъ заходилъ къ нему въ садъ и смѣшной этотъ докторъ Бестры преподнесъ ему розы, съ гордостью.

Мы условились, что я приду вечеромъ: у Франца нынче день работы. Право, и онъ, какъ я, не думаетъ сегодня ни о чемъ!

А я пока рѣшилъ слазить на Monte Venere. Гора не гора — острая сѣрая скала, какъ разъ надъ виллой Рах. Наверху — крошечное селенье и старенькій монастырь.

Забавная это гора — Венеры. Какъ все забавно и мило въ Бестрѣ, теплой, пахучей, бѣло - голубой. Издревле свободны ея граждане, старые и юные. Всѣмъ это извѣстно, извѣстны и старыя ея привычки, обычаи мирной жизни. Но юность буйна, а добрый порядокъ нуженъ. И carabinieri (ихъ цѣлая пара), за нимъ все - же слѣдятъ. Смуглые юноши, отъ Восточныхъ - ли, отъ Западныхъ - ли

воротъ, если черту порядка, бываетъ, переступятъ, — посылаются, съ отеческимъ наставленіемъ, въ ссылку: не надолго, и недалеко, всего то на гору Венеры, въ старый монастырь. Не строгій, ну а все-же юноши этого не любятъ и ведутъ себя, большей частью, добропорядочно.

Мнѣ у Венеры понравилось. Тишина какая! У монаховъ пряники винные. А ссыльныхъ не случилось.

Вечеромъ у Франца... давно намъ не было такъ весело. Мы болтали глупости, хохотали, шутили съ Пеппо, съ Нино; они тоже разошлись, какъ никогда. Только Джіованне держался въ сторонѣ. Самый красивый! Нѣтъ, Нино тоже очень хорошъ. Изъ райскаго сада несло такими благоуханьями, что голова тихо кружилась и опять это тихое, безвольное блаженство... Подъ конецъ ужъ и говорить не хотѣлось: такъ сладостно блаженное томленіе.

Мѣсяцъ давно закатился; ночь, какъ чернила, какъ тушь китайская; въ двухъ шагахъ не видѣлъ я ни Франца, ни его кресла. Но я чувствовалъ Франца. Его и себя вмѣстѣ чувствовалъ — въ одномъ, а что это "одно" было — неизвѣстно; что - то вродѣ томительнаго счастья.

Пробили далекіе городскіе часы.

— Какъ поздно, — сказалъ я, но не двинулся.

— Подожди. По нижней тропинкѣ дойдешь въ пять минутъ.

— Нѣтъ... Слишкомъ темно.

— Тебя проводитъ... Джіованне. Нѣтъ, Нино. Нино, возьми фонарь.

Легкая тѣнь метнулась по верандѣ. Мерцающій огонекъ зажегся, освѣтилъ на секунду кресло, глициніи, блѣдныя черты Франца...

— Ecco, signore.

Мы съ Нино на крутой скользкой тропѣ. Налѣво — скала, выше — полуразрушенныя стѣны города. А направо — черное ничего: однако оно чувствуется громаднымъ и пустымъ. Только густые запахи его наполняютъ, но я ужъ, кажется, перестаю ихъ слышать.

Моя рука лежитъ на узкомъ плечѣ Нино. Я гораздо выше Нино (мы, вѣдь, съ Францемъ почти одного роста). Я чувствую худенькое плечо сквозь тонкую ткань рубашки. Качающійся огонь

снизу освѣщаетъ нѣжное, смуглое лицо, особенно незнакомое въ этихъ тѣневыхъ неровныхъ лучахъ. Моя рука скользитъ, протягивается дальше... она уже на другомъ плечѣ Нино. Весь онъ ближе ко мнѣ, совсѣмъ близко... Мы еще идемъ, но все тише. Тише колеблется кругъ свѣта. Моя рука скользитъ...

— Signor... Signor... шепчетъ Нино.

Я тоже шепчу какія - то простыя слова. Наклонившись, ищу его лица, ищу губами его свѣжихъ губъ.

— Oh, signore... Impos...

Знаю, знаю эти шопоты, это "нѣтъ", которое всегда звучитъ "да, да..."

Но что случилось? Точно чья то холодная рука ласково отстранила меня отъ Нино. И я разжалъ объятія. Прислонился къ скалѣ. Неподвижно и безмысленно глядѣлъ, цѣлое долгое мгновенье, на неподвижный теперь огонекъ фонаря на землѣ, пока огонекъ не закачался снова. Шопотъ Нино я продолжалъ слышать, но какъ - то не слушалъ, не понималъ. Кажется, Нино шепталъ, что мы уже выходимъ на большую дорогу, что она вотъ, «gia qua», и что «i carabi nieri sono adosso... sono adosso...»

Мнѣ было это теперь рѣшительно все равно.

Дома я заперъ окна, ставни, зажегъ свѣчу, присѣлъ на постель.

Сердце билось рѣдкими, тяжелыми ударами, словно было оно во мнѣ ужасно большое.

Что случилось? Почему я...? Нѣтъ, Францъ не понялъ бы меня. Да и кто понялъ - бы, если я самъ себя не понимаю?

Францъ сказалъ - бы, пожавъ плечами: "ну да, вы всѣ такъ... Еслибъ Нино былъ не "онъ", а "она"...

Но это неправда! Неправда! Въ памяти мелькнула далекая исторія ранней юности, ницскій карнавалъ, глаза Марсель, — чьи? Кто это, "онъ" или "она?" Я не зналъ, я не думалъ объ этомъ, Марсель была (или былъ) для меня "ты"... Единственное "ты" въ мірѣ...

А Нино — прежде всего, и навѣрно, не "ты". И тогда ужъ безразлично опять, "онъ" ли, "она" - ли. Потому что Нино тогда — "оно".

Я чувствовалъ, какъ я путаюсь, путаюсь, и все безнадежнѣе

запутываюсь въ ниткахъ собственныхъ мыслей. Рвалъ нитки, злился, но отстать не могъ.

Половину ночи просидѣлъ такъ нелѣпо на постели.

А когда рѣшилъ, наконецъ, раздѣться и лечь, то одно только зналъ навѣрное: что передышка - то, во всякомъ случаѣ, кончена.

IX.

ПЕРЛАМУТРОВАЯ ТРОСТЬ

У Клары въ послѣднее время такое бѣдное, измученное лицо, что я ни въ чемъ не могу ей отказать. Зоветъ меня пойти съ ней къ знакомой англичанкѣ - художницѣ.

Я этихъ Клариныхъ англичанокъ терпѣть не могу. И проѣзжихъ, изъ отеля, и мѣстныхъ. Потому что мѣстныхъ, со своими виллами, въ Бестрѣ тоже много. Что онѣ тутъ дѣлаютъ — кто ихъ знаетъ. Живетъ такая англичанка, непремѣнно староватая и уродливая, одна, чаще съ другой, компаньонкой, и занимаются чѣмъ нибудь "художественнымъ": рисуютъ онѣ, что - то, будто, пишутъ, или коллекціонируютъ...

Я, впрочемъ, мало этими знакомыми Клары интересуясь, видѣлъ ихъ только издали. Типъ англичанки на континентѣ извѣстенъ; въ Англіи - же я не бывалъ и почему - то совсѣмъ меня туда не тянуло: ни страна, ни народъ, ни даже литература англійская не привлекали. Бываютъ такія идіосинкразіи.

Блѣдненькую Клару пожалѣлъ огорчить и, хотя не то что къ англичанкѣ, а совсѣмъ никуда не хотѣлось мнѣ въ тотъ день итти, — пошелъ.

По дорогѣ задумался, что - же это съ Кларой? Маріусъ ей надоѣлъ, съ мрачнымъ видомъ своимъ и толстыми черно - сѣрыми усами? И почему Францъ такъ значительно сказалъ о ней: невинно-несчастна?

Клара старалась занять меня, разсказывала о художницѣ; она будетъ рада видѣть меня, Клара ей обо мнѣ говорила. Она интересуется современными идеями въ литературѣ и философіи. А въ живо-

писи она увлечена кубизмомъ. Клара не поклонница его... Но все таки любопытно.

Мнѣ было совсѣмъ не любопытно. Увидавъ - же кубистку, я окончательно сникъ. Одно, развѣ, утѣшительно: эта разползшаяся дама, съ крутыми, явно - крашеными, темно - красными волосами, оказывалась скорѣе нѣмкой, нежели англичанкой, а въ саду ея виллы было сидѣть пріятно.

Садъ спускался внизъ полукруглыми террасами. На одной изъ нихъ, около низкой, широкой каменной ограды — парапета, былъ приготовленъ чайный столъ. Какое - то густое темное дерево, похожее на иву, — но не ива, конечно, — струило длинныя мягкія вѣтви внизъ, стлало ихъ по камню низкой ограды. Казалось, тѣнь отъ этого дерева особенно свѣжа и тиха. Свѣжую тишину и болтовня англійской нѣмки не нарушала, я не слушалъ. Не помню даже, на какомъ языкѣ шелъ разговоръ: на нѣмецкомъ? На англійскомъ? На французскомъ? Или все вмѣстѣ?

По гравію шаги. Новая гостья. Клара и хозяйка встрѣтили ее привѣтливыми восклицаніями. Я обернулся, всталъ съ соломеннаго кресла.

Хозяйка что - то спрашивала у новопришедшей по - англійски. Клара обратилась ко мнѣ, принялась насъ знакомить.

Гостья была маленькая дѣвочка. Такъ мнѣ показалось съ перваго взгляда. Очень маленькая и худенькая — да, но чуть она робко присѣла на каменный парапетъ, прямо подъ струящимися вѣтвями, я увидѣлъ, что это, пожалуй, и не дѣвочка. Некрасивое, узкое личико даже старообразно. Все въ немъ остро: острый подбородокъ, длинноватый острый носъ. Только блѣднорозовыя губы — дѣтскія.

Клара назвала ее "баронессой"... фамиліи я не уловилъ. Хозяйка спросила что - то о здоровьи «your mother» Клара, думая, вѣроятно, обо мнѣ и привыкнувъ говорить со мной по французски, перебила:

— Oh, parlons donc français!

— Parlons français! согласилась маленькая баронесса, но я понялъ, что это не ея языкъ. Раньше она сказала нѣсколько словъ по нѣмецки, потомъ по англійски, но и тамъ мнѣ почудился едва уловимый акцентъ. Кто она?

Хозяйка съ такой же силой болтливаго краснорѣчія разлива-

лась теперь по французски. Но я не слушалъ. И не на нее смотрѣлъ. Короткое сѣрое платье; и какъ - то жалобно скрещенныя ножки въ сѣрыхъ чулкахъ и бѣлыхъ туфелькахъ. Немножко сутулится, оттого, сидя, кажется еще меньше. Широкій жакетъ англійскаго покроя, англійская соломенная шляпа.

— Dites moi, Monsieur, qu'est ce que c'est que le symbolisme? Dites moi...

Обернулся къ хозяйкѣ, не видя ее.

— Mais je ne sais pas, Madame. Je ne sais rien du tout. Je ne pense jamais à rien...

Къ счастью, вмѣшалась Клара. А я продолжалъ свое странное занятіе, — ни о чемъ, дѣйствительно, не думая, глядѣть на баронессу и на свисающія вѣтки.

Нѣмка - англичанка затрещала о современной музыкѣ. Маленькая баронесса сняла шляпку, положила ее на парапетъ, рядомъ. Я увидѣлъ коричневые волосы, съ золотыми искорками. Остриженные высокимъ бобрикомъ, они пышно поднялись надо лбомъ. Не волнисто, а только пышно.

— Какая у васъ красивая палка, сказалъ я.

Она молча протянула мнѣ свою трость. Черное дерево внизу, а вся верхняя половина покрыта сплошь перламутровой инкрустаціей. Но я почти не видѣлъ; я увидѣлъ глаза, свѣтло - свѣтло каріе, съ желтымъ ободкомъ вокругъ зрачка, и въ нихъ, и въ томъ, какъ она протянула мнѣ эту свою трость, увидѣлъ... не знаю что, неопредѣлимо, часъ судьбы, можетъ быть. Знаю только свое увѣренное чувство тогда: съ этимъ существомъ я могу сдѣлать все, что захочу, оно — мое.

— Ахъ, Элла, я всегда любуюсь этой прелестной палкой! тараторила художница. — Мадамъ Цетте, вы видѣли трость Эллы? Неправда - ли, вещь замѣчательной красоты? Гдѣ миссисъ Миддль достала для васъ такую?

Клара хотѣла взять перламутровую трость у меня изъ рукъ, но я отдалъ ее маленькой Эллѣ.

Она сказала робко, не опуская свѣтлыхъ глазъ.

— Старинная... Ma mère нашла ее въ Египтѣ. Я всегда съ нею...

Потомъ все было очень просто. Мы вышли отъ художницы

втроемъ, — Клара сказала, что мы проводимъ Эллу до отеля, намъ и по дорогѣ. Элла развеселилась, улыбнулась раза два, по дѣтски, и, хотя говорила больше Клара, я кое - что объ Эллѣ узналъ: она музыкантша, композиторша, кончила лондонскую консерваторію, живетъ всегда въ Англіи, но миссисъ Миддль такъ любитъ путешествовать, что онѣ весь свѣтъ, кажется, изъѣздили... Въ Бестрѣ сейчасъ проѣздомъ, но бывали и раньше. Спеціальность Эллы — оркестровая музыка. Миссисъ Миддль очень заботится о карьерѣ Эллы, для этого нужно поддерживать въ Лондонѣ связи.

Вдругъ Клара онѣмѣла. Навстрѣчу шелъ Францъ. Сдвинутыя брови, опущенные глаза. Но онъ поднялъ ихъ, увидѣлъ насъ. Лицо сразу измѣнилось. Стало добрымъ и привѣтливымъ. Къ удивленію, съ Эллой онъ поздоровался, какъ со знакомой. Но онъ не зналъ, что она въ Бестрѣ.

Мы поговорили съ минуту. Праздникъ въ Рах — завтра. Баронесса Роонъ (какая странная фамилія!) тоже придетъ, неправда - ли?

Мы разошлись, а такъ какъ это было въ двухъ шагахъ отъ Bella Vista, гдѣ жила Элла съ матерью, то мы простились и съ Эллой.

Почему, однако, мать ея миссисъ Миддль? А гдѣ - же баронъ? Замужемъ, эта дѣвочка?

Клара была странно молчалива. Подходя къ дому, я все таки спросилъ:

— Она хорошая музыкантша, эта маленькая дама?

— Элла? Очень хорошая. А ей всего двадцать четыре года...

— Она разошлась съ мужемъ?

— Съ какимъ мужемъ? Да она вовсе не замужемъ! Съ чего вы вообразили?

Клара засмѣялась. Отворила калитку. Съ балкона послышался голосъ Маріуса:

— Cla - ra!

— Ich komme! отвѣтила Клара и побѣжала наверхъ.

А я пошелъ къ себѣ.

X.

НАКОНЕЦЪ ПРАЗДНИКЪ ВЪ РАХ

По совѣсти говоря, я преувеличилъ, когда объявилъ, что послѣ вѣтрового съ Францемъ разговора я все рѣшительно понялъ, и только словами сказать не умѣю.

Понялъ - то я понялъ, а все - же не такъ какъ Францъ разумѣетъ пониманіе. Понялъ больше извнѣ, чѣмъ изнутри. Въ такое пониманіе ,хотя тоже большое, много входитъ вѣры. Но за то разсказать о немъ легче.

Такъ вотъ, прежде всего, я понялъ, что въ душѣ человѣка, вѣрнѣе — въ существѣ человѣка, можетъ подняться великой силы вихрь, великой и непреодолимой. Малое подобіе его былъ тотъ природный вихрь, который меня обезумилъ. Но по сближенію я понялъ. Важна непреодолимость. Онъ сметаетъ все, чѣмъ могъ - бы человѣкъ его преодолѣть. Борьба безполезна. Уляжется самъ, а не уляжется — лети въ немъ до конца. Хорошо, что не каждое человѣческое существо достаточно глубоко и широко, чтобъ поднимались въ немъ такіе ослѣпляющіе вихри.

Но Францъ... онъ ихъ знаетъ. Помочь ему тутъ нельзя (непреодолимо!) но когда онъ увидѣлъ, что я, около него стоящій, кое - какъ уразумѣлъ это, почувствовалъ, — ему было утѣшеніе.

А затѣмъ еще другое о Францѣ, насчетъ Отто. Болѣе частное, и во что я, говоря откровенно, не совсѣмъ проникъ, на вѣру - же принялъ вполнѣ.

Францъ не можетъ и не хочетъ принять того, что Отто счастливъ... съ женщиной. Онъ говоритъ: если это такъ, значитъ Отто, котораго онъ, Францъ, любилъ, былъ вовсе не Отто, а кто - то другой. А настоящаго Отто вовсе и не было. Но любовь - то Франца была; была — къ никому? Вотъ этого Францъ перенести и не можетъ. Спасается тѣмъ, что еще не вѣритъ въ счастье Отто. Мнѣ показалось, что здѣсь онъ надѣется на какую - то мою помощь. Но какую?

Иногда я точно опоминаюсь: да все это, en bloc, не катится

ли по краю безумія? И Францъ, и я, разбирая его сложности, сочувствуя какимъ - то, съ точки зрѣнія нормальнаго смысла, нелѣпостямъ? Францъ не любитъ Отто. Откуда эта дикая ревность, сухая ревность безъ любви? Мало того, дикая по односторонности: вѣдь онъ ревнуетъ Отто къ женѣ, только! Еслибъ Отто измѣнялъ ему не съ женой, а такъ, какъ раньше, и какъ измѣнялъ ему самъ Францъ...

Нѣтъ, нѣтъ, тутъ въ самомъ корнѣ какая - то неразложимая непонятность, можетъ быть нелѣпость. Любовь тутъ ни при чемъ. Да вотъ и вихри - то эти, что захватываетъ существо человѣка, — любовь? Не любовь. Любовь во все это вплетена, запутана, а какъ ее выплести, какъ освободить — не понимаю. Можетъ быть, мы еще и въ глаза любви - то никакой не видали. И понятія о ней настоящаго не имѣемъ. Богъ знаетъ, въ чемъ барахтаемся, да такъ и умремъ, не увидѣвъ...

Вотъ до чего я дошелъ. Любовные мемуары, воспоминанія о томъ, что не было... Ложь! Ложь!

Въ такія минуты (просвѣтлѣнія) мнѣ хочется все бросить. Тѣмъ болѣе, что по самой чистой совѣсти говоря — я считаю, что "бросить любовь", или то, что мы къ этой области относимъ, отнюдь не значитъ "все" бросить. Далеко она не все и — даже не такая ужъ важная, не первая, область жизни...

Но я смиряюсь. И бросаю только разсужденія. Они, дѣйствительно, могутъ довести до бѣшенства. И совершенно безплоднаго.

Францъ, какой онъ ни есть, живой человѣкъ. И со своими вихрями въ живой жизни живетъ. И я тоже, съ моими нелѣпостями. Началъ про людей, съ ихъ — пусть гримасами любви, — буду разсказывать дальше.

Понимаетъ - же насъ — пусть ужъ Богъ.

Вилла Рах, такая знакомая, — сегодня другая.

Изъ комнаты съ краснымъ каменнымъ поломъ раскрыты настежъ двери, широкія, почти во всю стѣну, — на веранду. Цвѣтные огни сверху, узорчатые фонарики, и не поймешь, какой свѣтъ: лавандово - розовый, но свѣтлый и пріятный. Бѣлая скатерть на столѣ отливаетъ серебромъ, а плотный занавѣсъ глициній розовѣетъ. Тамъ, дальше, — такая черная темнота, точно міръ кончается. Ничего, кромѣ мрака.

Кое кто сидѣлъ у стола, другіе поодаль, на низкихъ табуретахъ. Было человѣкъ шесть - семь; я не всѣхъ узналъ сразу, освѣщеніе измѣняетъ. Громадный ,молодой американецъ съ дѣтскимъ, серьезнымъ лицомъ. Нѣмецкій графъ, извилистый, тонкій, какъ стебель ириса. Молчаливый и пріятный датчанинъ; другіе, — я встрѣчалъ ранѣе почти всѣхъ. Клара (она пришла съ Маріусомъ) сидѣла около Франца, веселаго, немножко разсѣяннаго.

Мелькали фигуры служителей въ длинныхъ, складчатыхъ, сициліанскихъ одеждахъ. Джіованне, съ алой повязкой на смоляныхъ кудряхъ, былъ удивительно хорошъ. Какая грація движеній, когда онъ, вмѣстѣ съ другими, опускалъ передъ гостями подносъ: высокіе кубки на подносахъ, еще что - то — я не разобралъ.

Элла — одна, поодаль, около глициній. Я сразу увидѣлъ пятно ея бѣлаго платьица, но не подошелъ; поискалъ глазами мать: никакой матери не было.

Оживленный, но не очень громкій, нѣмецкій разговоръ. Американецъ, впрочемъ, только улыбался, изрѣдка перекидываясь съ Нино и Джузеппе итальянскими словами: онъ по нѣмецки не понималъ.

Францъ поднялся, хлопнулъ въ ладоши. И сейчасъ же оттуда, изъ сада, изъ черной темноты, гдѣ, казалось, ничего быть не могло, міръ кончался, — тонко зазвенѣла первая струна.

Невидимые музыканты заиграли тарантеллу.

Сициліанская — она особенная; да, впрочемъ, я потомъ и въ Сициліи такой не слыхалъ.

Несложный, быстрый и странный напѣвъ; не то, что тоскливый, а тяжелый: какъ страсть бываетъ тяжелая.

Начали танецъ Джузеппе и Нино. Секретъ тарантеллы (этой, по крайней мѣрѣ) въ постоянномъ ускореніи темпа; но ускореніи медленномъ. Эта медленность, при наростаніи непрерывномъ, позволяетъ незамѣтно очутиться въ вихрѣ движенія. Въ такомъ вихрѣ, что, и глядя, точно съ нимъ несешься; несешься, куда — все равно, но только бы донестись, скорѣй, скорѣй! Ибо не можетъ же это не кончиться.

Кончается сразу. Мгновенной остановкой, обрывомъ движенія. Джузеппе исчезъ, а Нино неподвижно остановился передъ тонкимъ графомъ. Это — выборъ.

Музыка не оборвалась, и къ первой медленности темпа не перешла, чуть чуть лишь умѣрилась и утишилась, словно отдалилась. Поэтому графъ, выйдя на кругъ, началъ сразу быстро.

Онъ плясалъ такъ хорошо, что даже въ современной одеждѣ, и рядомъ съ красавцемъ Нино, не былъ смѣшонъ. По своему граціозенъ, какъ - то нѣжнѣе и въ вихрѣ - безпомощнѣе.

Вино - ли странное въ странныхъ стаканахъ, цвѣты ли, невидная ли музыка изъ чернаго пространства, или тарантелла, — но я прямо чувствовалъ, какъ измѣнялся воздухъ, атмосфера среди насъ. Не могу сказать, что она пьянила; никакого тумана, все было четко; лишь внутренній огонь въ ней наросталъ, — ну и во мнѣ, конечно, какъ въ другихъ.

Когда вышелъ Джованне — отъ него трудно глаза было оторвать. Красивѣе всѣхъ, но не въ томъ дѣло. Не знаю, въ чемъ. Помню смоляные кудри подъ алой повязкой и узкую полоску лба, смуглаго, гладкаго, съ крошечными капельками пота. Помню быстрыя, легкія, — и все таки тяжелыя — движенія подъ тяжелый, однообразный и потрясающій напѣвъ. А главное, помню взоръ черныхъ, точно безсвѣтныхъ, глазъ: безмысленный, пристальный. Когда Джованне, вдругъ оборвавъ движеніе, сталъ передъ Францемъ, я испугался этого взора: я его узналъ. Въ громадныхъ черныхъ, совершенно черныхъ глазахъ было тоже самое, безыменное, неопредѣлимое, что я увидѣлъ на мгновеніе, такъ недавно, въ глазахъ свѣтло - карихъ, съ топазовыми блесками. И что заставило меня увѣренно почувствовать: это существо — мое.

Францъ, улыбаясь, всталъ. Но онъ только сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился неподвижно на серединѣ веранды. О, да, ему и не нужно было танцовать. Такъ и нужно, только стоять, иногда поворачивая голову къ Джованне, плясавшему передъ нимъ, — для него, и потому какъ бы съ нимъ.

Четкій и воздушный профиль Франца на пологѣ блѣдныхъ глициній... и вдругъ, случайно отведя отъ него глаза, я увидѣлъ и опять узналъ знакомый взоръ... да что это? Умственныя галлюцинаціи какія - то? На Франца этимъ отдающимся, почти страшнымъ, взоромъ смотрѣла — Клара.

Я не стерпѣлъ. Былъ недалеко отъ нея, отъ стола, но тутъ сталъ пробираться еще ближе. Сѣрые, выпуклые глаза, почти неви-

дящіе, неотрывно прилѣплены къ Францу. Мнѣ показалось, губы что - то шепчутъ. Неслышное, конечно. А вдругъ привычное, столько разъ мнѣ чудившееся, — je l'aime, je l'aime?

Да, или я незамѣтно погрузился въ психопатію воображенія, или бѣдная Клара до тла влюблена въ Франца... Мало того: онъ знаетъ, что влюблена. Вотъ, онъ обернулся, встрѣтилъ взоръ, — и ничего, съ какой доброй улыбкой!

Я не успѣлъ добраться до Клары: музыка затихла, перерывъ, заговорили всѣ, зазвенѣли стаканы, Францъ вернулся на свое мѣсто къ столу.

Съ подноса Нино я взялъ стаканъ розоваго вина, выпилъ залпомъ. Потрясенный новымъ открытіемъ, я совсѣмъ забылъ объ Эллѣ. Увидѣлъ бѣлое платье тоже у стола: молодой американецъ обрадованно свистѣлъ по англійски, бѣленькая дѣвочка оживленно ему отвѣчала.

Я не вслушивался, опять забылъ о ней, и такъ до конца вечера, когда пришлось вспомнить.

Онъ еще длился —вечеръ — не знаю, сколько времени; знаю, что горячность атмосферы не ослабѣвала, можетъ быть усиливалась, и самое однообразіе смѣнъ, звуковъ, движеній тому помогали. Я былъ, къ концу, не совсѣмъ такой я, какимъ пришелъ, и всѣ, не говоря о Кларѣ и Францѣ, казались мнѣ не такими.

Не замѣтилъ, какъ многіе ушли; точно исчезли, неслышно и таинственно выскользнули, пропали въ пустой чернотѣ.

Кто - то оставался, я не видѣлъ, кто: я стоялъ на самомъ краю свѣта, на самой чертѣ мрака, — и лицомъ къ нему. Маленькая Элла стояла рядомъ со мной.

Голосъ Франца, сзади:

— Подождите, теперь они сыграютъ вамъ прощальную серенаду. Они играютъ ее не часто. Старую сициліанскую.

Три раза хлопнулъ въ ладоши.

И въ послѣдній разъ, изъ мрака понеслась музыка, опять точно сама тамъ рождаясь, ни отъ кого. Была она не похожая на тарантеллу, — или похожая? У меня къ музыкѣ совсѣмъ свое, совсѣмъ особенное отношеніе, но объ этомъ потомъ. Теперь я читалъ музыку по лицу дѣвочки, рядомъ стоящей. То - же острое, тонкое лицо лисички; бобрикъ каштановый, пышный, надо лбомъ; но лицо невыра-

зимо посерьезнѣвшее, все — слушающее. Даже глаза: потемнѣли и тоже какъ будто не смотрятъ — слушаютъ.

Она была длинная, серенада. Но ужъ кончилась, и ужъ, должно быть, ушли эти вѣчно - невидимые музыканты, а мы все молчали, точно ждали что - то.

— Oui. C'est bien, сказала чуть слышно Элла.

Подняла на меня глаза. Опять! Опять! Въ третій разъ сегодня это навожденіе, этотъ взоръ. Но въ коричневыхъ, топазовыхъ глазахъ онъ иной, онъ обращенъ ко мнѣ.

И я даже разозлился. Довольно съ меня! Флюидами какими - то занимаюсь! А что касается маленькой баронессы — влюбленъ я, что - ли, въ нее? Нѣтъ, нѣтъ. Нисколько.

XI.

ДЕНЕКЪ

Такая яркость жаркая, такое сверканье, а въ головѣ такая путаница идіотическая, что нѣтъ! Не выйду до вечера. Сумрака хочется, тишины.

Въ сумракѣ своей затѣненной комнаты я и лежалъ на кушеткѣ, ничего не дѣлая. Но вотъ легкій стукъ въ припертую ставню. Въ дверь съ балкона проскользнула Клара.

— Вы отдыхали? Я вамъ помѣшала? О, простите! Но я пришла... быть можетъ, вы поднимитесь къ намъ около шести, къ чаю? Маленькая баронесса и sa mère, миссисъ Миддль, придутъ съ прощальнымъ визитомъ. Онѣ завтра уѣзжаютъ.

— Уѣзжаютъ?

— Да, въ Римъ, кажется. Она очень пріятна, Элла, неправда - ли? И ея mère adoptive тоже мила.

— Такъ это mère adoptive?

— Ну да. Я думала, вы знаете. Пріемная мать. Значитъ, мы васъ ждемъ? Да?

Я подвинулъ ей кресло, но она не садилась. Говорила бѣлымъ

голосомъ, точно думая о другомъ. Мои глаза привыкли къ полутьмѣ, я видѣлъ лицо Клары очень ясно, и видѣлъ его не такимъ, какъ раньше. Можетъ быть, отъ вчерашняго воспоминанія смотрѣлъ иначе. Мнѣ было стѣснительно, не то больно, не то стыдно, и хотѣлось, чтобъ она скорѣе ушла. Поспѣшно обѣщалъ быть къ шести и думалъ, что этимъ кончится. Но тутъ - то и началось.

Клара двинулась, было, къ двери, потомъ остановилась. Обернулась.

— Къ Monsieur von Hallen вы пойдете позднѣе вечеромъ? Да? Скажите ему, что я его люблю... Онъ знаетъ. Онъ все знаетъ. Но повторите ему и вы, его лучшій другъ, que je l'aime. Je l'aime tant...

На мгновенье я онѣмѣлъ. Но тотчасъ - же пришелъ въ себя. Лучшее, что тутъ нужно, — быть хладнокровнымъ.

— Зачѣмъ - же говорить ему это, милая madame Клара? Тѣмъ болѣе, если ему извѣстно, зачѣмъ буду повторять это я? Безцѣльно, жестоко... И, вѣдь, безнадежно? Еслибъ вы знали Франца....

— Я знаю, знаю, спокойно перебила Клара и улыбнулась. — Я знаю, что онъ не любитъ меня, не полюбитъ и не можетъ полюбить, это безнадежно. Но почему вы думаете, что я хочу отъ него любви?

— А чего - же вы хотите? спросилъ я глупо, теряя, если не хладнокровіе, то всякое пониманіе.

— Чего я хочу — онъ вамъ скажетъ самъ. Да, навѣрно скажетъ. И тогда, если онъ спроситъ васъ о чемъ нибудь, и вы будете отвѣчать, помните, молю васъ... Помните о моей любви. Я такъ люблю!

Посмотрѣлъ на нее, хоть и ничего толкомъ не понимая, съ уваженіемъ почти: вѣдь дѣйствительно любитъ, какая она тамъ ни на есть. Любовь - то, она у всякаго одна. Клара прямо на глазахъ похорошѣла.

Всю путаницу я, однако, рѣшилъ сегодня - же съ Францемъ распутать. И относительно Клары, да и себя. Что, въ самомъ дѣлѣ! Пріѣхалъ, хожу, какъ дуракъ, вѣдь не для того же Францъ меня вызвалъ, чтобы я съ его мальчишками заигрывалъ, тарантеллу смотрѣлъ и былъ конфидентомъ влюбленныхъ въ него дамъ? А черезъ недѣлю я уѣду. Я предполагалъ, по дорогѣ, еще въ Римѣ и кое - гдѣ вообще въ Италіи остановиться.

Римъ... Господи, а Элла? Странно, я, какъ будто, все время о

ней забываю, но, не помня, все время помню. Очень странно. Ну, завтра уѣдетъ, хоть съ этимъ кончено.

Я даже вслухъ сказалъ: "хоть съ этимъ". Однако, радости, что "кончено" — ни малѣйшей. И врать передъ собой не буду.

Гости уже сидѣли за наряднымъ чайнымъ столомъ, когда я пришелъ наверхъ.

Клара (что она за милая, умѣлая хозяйка!) по нѣмецки пѣвуче, вела любезный французскій разговоръ. Представила меня... такъ вотъ она, mère adoptive! Большая, совсѣмъ не старая, бѣлая, жирная, рыжая. Не ярко, а свѣтло - рыжая: англичанки часто бываютъ такія, прославленный пепельный цвѣтъ ихъ волосъ почти не встрѣчается. Эти желторыжіе волосы у миссисъ Миддль взбиты на лбу кудерьками, а обширная, лилово - шелковая грудь увѣшана какими - то цѣпочками, колечками и медальонами.

Я тотчасъ примѣтилъ, что м-съ Миддль очень слабо говоритъ по французски и почти ничего не понимаетъ. Но, нисколько этимъ не смущаясь, она пыталась говорить все время и даже перебила Клару нѣсколько разъ. Такъ была велика, что за ней, да еще за пышнымъ букетомъ бѣлыхъ цвѣтовъ, я, въ первую минуту, даже не увидалъ Эллу. Только ужъ потомъ замѣтилъ ея маленькую фигурку, въ томъ же сѣромъ англійскомъ костюмѣ, слегка сутулившуюся.

Я плохо знаю по англійски, да еслибъ и хорошо, врядъ-ли удалось бы мнѣ перевести разговоръ на родной языкъ м-съ Миддль: слишкомъ нравилось ей говорить по французски, или, можетъ быть, считала она, что именно здѣсь, именно сейчасъ, ей хорошо и слѣдуетъ говорить по французски. Этой увѣренностью, и своей величиной, она положительно доминировала за столомъ.

О чемъ былъ разговоръ — не знаю, я не понималъ и мало старался понимать. Прислушивался, когда м-съ Миддль упоминала имя Эллы (а упоминала она его часто), однако и тутъ не все разобралъ. Нѣтъ злостнѣе англійскаго акцента: онъ всякій языкъ можетъ сдѣлать абсолютно непонятнымъ.

Къ счастію, Клара что - то ловила, и пыталась повторять фразы м-съ Миддль. Тоже принялась дѣлать и Элла, — когда рѣчь шла не о ней. Такъ я узналъ, что онѣ, дѣйствительно, ѣдутъ теперь въ Римъ, а сколько останутся тамъ — неизвѣстно, у м-съ Миддль въ

Англіи дѣла, путешествуютъ же онѣ давно... Потомъ всякія «beautés» ихъ путешествія, потомъ опять что - то о музыкальной карьерѣ и лондонскихъ успѣхахъ Эллы, потомъ о старинной вазѣ («la» vase) которую м-съ Миддль купила въ Бестрѣ...

Элла усердно помогала «mother», какъ она звала м-съ Миддль. Эллу я, въ первое свиданье, принялъ за дѣвочку очень застѣнчивую. Но уже на вечерѣ Франца замѣтилъ, что она не робка и довольно самостоятельна.

Хорошо, но почему я стараюсь не смотрѣть на Эллу? Скользить глазами мимо, не останавливать взора на ея лицѣ? Чего я боюсь?

Не жирной англичанки, во всякомъ случаѣ. Что такое эта «mère», да еще adoptive, и почему, — я не понимаю. Но какое мнѣ дѣло, когда я почти не вѣрю, что она существуетъ? Ни пространность ея колыхающихся тѣлесъ, ни увѣренный звукъ горлового голоса, наполняющаго комнату, еще не доказательства ея бытія...

— Я тоже скоро покидаю Бестру. И тоже въ Римъ ѣду.

Сказалъ это почти неожиданно для себя и въ первый разъ посмотрѣлъ на Эллу.

Если я воображалъ, что увижу опять что нибудь "такое" (кто меня знаетъ, — ждалъ, вѣроятно) — ошибся. Глаза англичаночки (хотя она не англичанка, увѣренъ) были опущены и острое личико спокойно.

Непонятное мнѣ самому заявленіе, что я тоже ѣду въ Римъ, пропало даромъ. Я ужъ обрадовался, было, такъ какъ ничто меня больше своихъ непонятностей - глупостей не раздражаетъ. Но Клерхенъ сказала, вѣроятно изъ машинальной любезности:

— Ахъ, такъ вы еще встрѣтитесь въ Римѣ, быть можетъ! Вы гдѣ остановитесь, cher Monsieur?

Я хотѣлъ сказать "не знаю", но прежде, чѣмъ "не знаю" выговорилось — назвалъ маленькій отель надъ Monte Pinchio, гдѣ всегда живу, когда попадаю въ Римъ.

Все это скользнуло быстро, миссисъ Миддль ничего не поняла, а Клара уже, слышу, проситъ Эллу что нибудь сыграть (піанино тутъже, въ углу).

— Я, вѣдь, не піанистка, chère Madame, отозвалась Элла, улыбнулась, точно извиняясь, но встала.

— Да, да, она — композиторъ! Но иногда мы забавляемся вмѣстѣ, и какъ у насъ выходитъ! Помните, Элла, наше «Ça ira! Ça ira!» Сыграйте это, хотите?

Миссисъ Миддль тоже встала, — я ужаснулся ея величинѣ, — но потомъ почему - то сѣла, ожидая, вѣроятно, первыхъ аккордовъ.

Конечно, Элла не піанистка. Что за піанистка съ такими руками, дѣтски - крошечными, хотя и крѣпкими, мальчишескими, съ чуть узловатыми пальчиками?

Видѣлъ только наклоненный профиль и надъ нимъ, острымъ, коричневый бобрикъ волосъ (она сняла шляпу).

Я ужъ говорилъ, у меня особенно, ни на чье не похожее, отношеніе къ музыкѣ; и здѣсь, опять, не буду его касаться. Скажу только, что всѣ (кромѣ Франца) твердо знали, что я ее и не люблю, и не понимаю. Они были вполнѣ правы, эти всѣ: да, не любилъ, какъ они, не понималъ въ ней ничего, — какъ понимали многіе, тонко и знающе. Я былъ невѣжда. Никогда не ходилъ ни въ какіе концерты, не выносилъ ихъ. И особенно не любилъ рояля.

Но ничего, какъ будто, удивительнаго не случилось для меня, едва заиграла маленькая незнакомка. Только пропала комната Флоріолы, Клара, рыжая толстая дама, солнечный свѣтъ. Я былъ у Франца, я опять стоялъ рядомъ съ дѣвочкой въ бѣломъ платьѣ, на самой чертѣ мрака. Оттуда, изъ черной пустоты, и шли странные звуки, которые я слышалъ.

Когда они прекратились, я еще полминуты оставался въ оцѣпененіи. Кажется, и Клара: она молчала.

Отлично понималъ, съ первой ноты понялъ, что была это — вчерашняя серенада. Но откуда идетъ и гдѣ сила волшебства, заставившая меня не вспомнить, а снова, всѣми пятью чувствами, перечувствовать бывшее, какъ настоящее? — Талантъ худенькой дѣвочки, что - ли, воспроизводящій прошлое до его воскресенья? И что это за талантъ? Или это во мнѣ, въ меня, въ темную глубину какую - то попали эти звуки, именно такъ, а не иначе посланные, и волшебство совершилось — во мнѣ?

Вотъ и Клара молчитъ; а если и въ ней что - то отвѣтило — о, по другому совсѣмъ, — на тѣ-же звуки?

Полминуты, не больше, длилось наше молчаніе. Даже меньше,

пожалуй. Насъ троихъ, — м-съ Миддль его и не замѣтила. Черезъ полминуты, когда Элла тихо поднялась изъ - за піанино, «mother» воскликнула:

— Оуа, вы не хотите Ça ira?

Элла покачала головой. За мамашей поднялись и мы.

— Намъ пора, mother, вы не думаете? сказала Элла по англійски. — Намъ нужно еще зайти къ Miss Toll. Вы устанете...

Клара уже пѣла какія - то любезности, превратившись въ хозяйку дома. Я тоже что - то говорилъ. А можетъ быть и нѣтъ. Помню только пожатіе маленькой холодной ручки и мое спокойствіе. Волшебство? Да, такія вещи бываютъ на свѣтѣ. Мало - ли что бываетъ!

XII.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ДЕНЬКА

Ужъ темно, а какая жара. Даже здѣсь, у самаго - самаго моря, на галькахъ, — ни вѣтерка.

Оба лежимъ мы подъ скалами, что - то шуршитъ около насъ, на небѣ пологій острый мѣсяцъ, углами кверху, точно улыбается.

— Ну да, говоритъ Францъ. Ты поѣдешь и узнаешь. И потомъ скажешь мнѣ в с ю правду. Я даю годъ. Больше года прожить безъ нея не могу.

— Трудно это, Францъ.

— Конечно, трудно. Но ты можешь...

— Могу. То - есть постараюсь.

— Можешь. Ты одинъ можешь. Это ничего, что ты не совсѣмъ понимаешь, зачѣмъ мнѣ эта правда.

— Кажется, понимаю, перебилъ я.

— Отвлеченно формулировалъ? да ничего. Тебѣ - же лучше. Но узнать правду ты можешь, и передать мнѣ; и тебѣ одному я повѣрю. Годъ. Наскоро, сразу, нельзя узнать. Будущей весной мы съѣдемся... все равно гдѣ, и тогда ты скажешь.

Мы замолкли. Шуршало межъ гальками. Улыбался мѣсяцъ.

Въ этотъ странный день ничто уже не казалось страннымъ. Я

принялъ, безъ споровъ, порученіе Франца. Когда я вижу, что ему что нибудь дѣйствительно нужно, я не могу, ну просто не могу, отойти безъ помощи. Никто, кромѣ меня, ему и не дастъ ея, а главное, ни у кого, кромѣ меня, никакой онъ не попроситъ. И не просилъ.

Францъ хочетъ, чтобы я, за этотъ годъ, узналъ правду объ Отто. Не внѣшнюю, а внутреннюю правду его существа. (Я, конечно, сразу понялъ, какую правду). Отто женился. И счастливъ. Счастливъ - ли? Можетъ ли быть счастливъ? Любовь Франца къ Отто, была - ли это любовь — къ "никому"? Или, на худой конецъ, къ кому - то неизвѣстному, не тому Отто, какого видѣлъ Францъ? Но тогда и любви не было?

Я тутъ, для себя, въ разсужденіяхъ путался, и скоро ихъ оставилъ въ покоѣ. Понимаю, чего хочетъ Францъ, съ Отто я хорошо знакомъ, случай приглядѣться къ нему съ нужной стороны — найду, кстати - же этотъ самый Отто всегда казался мнѣ довольно незамысловатымъ: я лишь не интересовался его ларчикомъ, но откроется онъ, полагаю, безъ труда.

Ну и довольно. Что я не вполнѣ, не "изнутри" понимаю даже свои собственныя объясненія желаній Франца, (узнать, к о г о любилъ), и сухой ревности безъ любви, да еще дико — односторонней не понимаю, — Францъ знаетъ, и это неважно.

А вотъ...

— Послушай, есть еще... Есть еще, совсѣмъ другое.

Францъ повернулся ко мнѣ. Оперся на руку. Я привыкъ къ мѣсяцу и видѣлъ теперь блѣдное лицо. Оно было удивительно доброе, съ тѣмъ выраженіемъ тихой нѣжности, которую я зналъ въ другѣ.

Но почему - то испугался. Еще? Что еще?

— Не бойся. Это не о маленькой музыкантшѣ. Не о тебѣ.

Обо мнѣ? О ней? Что онъ хотѣлъ сказать? Я удивленно посмотрѣлъ, не отвѣтилъ.

— Это о бѣдной Кларѣ.

Ахъ! Я вспомнилъ все. Вспомнилъ вчерашній вечеръ, сегодняшнее утро...

— Подожди, выслушай меня сначала, продолжалъ Францъ. — Вѣрь, — да вѣдь ты мнѣ всегда вѣришь, — но не удивляйся ничему, не смѣйся; пойми, какъ ты умѣешь многое понимать.

XIII.

БѢДНАЯ КЛАРА

— Она меня любитъ, началъ Францъ. — Ты это, конечно, знаешь. Догадался, или она тебѣ сказала — все равно. Подлинная любовь — великій даръ, кому бы ни былъ посланъ. Онъ — счастье, и онъ - же несчастье. Кларина любовь ко мнѣ — громадное, почти сплошное несчастье. И она это знаетъ, съ самаго начала знала. Но кому любовь посылается — тотъ ужъ обреченъ нести ее, какая послана. А черезъ маленькаго этого человѣка, ничѣмъ незамѣчательную женщину, Клару, — несчастье ея любви — и мое несчастье.

Я не выдержалъ, разсердился, перебилъ, почти закричалъ:

— Францъ, опомнись! твое несчастье? Извини, я отвыкъ отъ этой романтики. Не хочу я тутъ "высокаго штиля". Что это, въ первый разъ восторженная, праздная дама въ тебя влюбилась? Бывало, помнится... И чтожъ, вмѣстѣ со всѣми ты страдалъ? Право, сейчасъ ты напомнилъ мнѣ... были такіе въ серединѣ прошлаго вѣка, у насъ, въ Россіи... чувствительные юноши... Такъ же пустяки размазывали и такъ - же изъяснялись торжественно. Твое несчастье! Случайная нѣмка упрямо влюбилась, въ кого не слѣдовало, а ты изъ - за этого страдаешь! И ужъ конечно, — голову прозакладую! — ты то не виноватъ!

— А она? тихо сказалъ Францъ.

— Она? Виновата — не виновата — не знаешь ты женщинъ, Францъ! Надъ ними время всесильно; если заставить ихъ у этого врача полѣчиться — каждая выздоровѣетъ. Хочешь, я поговорю съ Кларой? Уѣдетъ провѣтриться въ Германію, и увидишь, какъ все обойдется.

— Нѣтъ, оставь.

Францъ не сердился, хотя я говорилъ грубо и раздраженно.

— Лучше потомъ кончимъ, сказалъ онъ, вставая. — Ты злишься, — я понимаю! Забылъ, что я такой: гдѣ невинное страданье, да еще черезъ меня, я ужъ не успокаиваюсь, всячески размышляю, прикидываю, какъ бы его смягчить. Когда могу.

— Обмани... Разведи съ Маріусомъ и женись на дурѣ... буркнулъ я.

Францъ засмѣялся, но тотчасъ сказалъ серьезно:

— И шутить такъ не надо, Иванъ. Это не я, а ты не знаешь женщинъ. Понятно: тебѣ некогда о женщинѣ думать: ты въ нее влюбляешься, а тогда ужъ не до размышленій. Спросилъ бы Клару, хочетъ - ли она обмана или, хоть безъ обмана, но чтобъ я на ней женился?

— Такъ чего же она отъ тебя хочетъ?! Почти въ отчаяніи закричалъ я.

Едва съ крутой дорожки не сорвался: тьма, мѣсяцъ давно закатился, духота.

Но Францъ не сказалъ. И мы разстались.

XIV

СРЕДИ ВСЕГО

Нелѣпость и чепуха. Ну какъ - же не чепуха, если опомниться, и эта моя развѣдка насчетъ черноглазаго, тонконогаго графчика, глупаго, кажется (не знаю, не интересовался), и эта нѣмка, до которой дѣла мнѣ нѣтъ, и вся Бестра съ ея вѣтрами, мальчишками, серенадами, маленькими и большими англичанками... У меня, наконецъ, своя жизнь есть, свои мысли, свое дѣло, — да еще какое! Пора...

Что — пора? Я золъ, раздраженъ, барахтаюсь въ кошмарѣ — но, вотъ, вижу, что поверхъ всего — у меня боль за Франца.

Почему я его не дослушалъ? Какой онъ тамъ ни на есть, съ его воображеніями и странностями (не измѣнишь!) — я его люблю. Насчетъ Отто развѣдывать поѣду. О Кларѣ ему нужно было что - то сказать мнѣ, знаю, что нужно (случалось прежде, говорилъ о своемъ и совѣта спрашивалъ) — а я вдругъ грубо его оборвалъ.

Эта боль за Франца (въ любви моей къ нему столько пронзительной жалости... нѣтъ, какой - то нѣжной, заботливой нѣжности!) совсѣмъ меня разстроила. Но итти къ нему, стараться возобновить разговоръ —нельзя; опять грубо. Надо ждать, или придумать что нибудь другое.

Я на цѣлый день уѣхалъ въ Катанью. Хотѣлъ вернуться вечеромъ, но остался ночевать. Грязный городъ, грязная гостинница, жара ужасная.

Пріѣхалъ на Флоріолу — совсѣмъ больной. И утромъ — уже не могъ встать. Не знаю, что такое было. Говорятъ, случается это въ Сициліи, потрясающее какое - то недомоганье, чуть не съ бредомъ, — и внезапно проходитъ, черезъ два дня. Выздоровленіе же, хотя тоже быстрое, но какъ будто послѣ тяжелой болѣзни.

Въ эти два дня я помню шепеляваго и милаго Signor il dottore, потомъ Франца, а, главное, все время помню около себя тихую Клару, которая ухаживала за мной неотступно, съ чисто - материнской заботливостью.

Я ужъ чувствовалъ себя совсѣмъ хорошо, но она еще не позволяла вставать.

— Завтра, завтра, — улыбалась она, садясь съ какимъ - то рукодѣліемъ, у затѣненной лампы, въ моей комнатѣ. — Завтра встанете, но еще нельзя выходить, и никого я къ вамъ не пущу, даже M-r v. Hallen. А послѣзавтра — все кончено, вы свободны. Это пустяки, это наше солнце, вы были неосторожны, да, можетъ быть, разстроены...

Я смотрѣлъ на нее, и, въ тихой комнатѣ, она сама тихая, казалась мнѣ другой. Какъ будто и не та глупая нѣмка, на которую я изъ за Франца такъ разозлился.

— Мадамъ Клара... произнесъ я.

Она подняла на меня близорукіе свѣтлые глаза. Потомъ, просто:

— Онъ вамъ сказалъ?

Я не отвѣтилъ ничего, хотя понялъ вопросъ.

— Ему трудно, онъ думаетъ, что это большая отвѣтственность... продолжала она, какъ бы про себя, опустивъ глаза на работу. — Онъ все понимаетъ, только вотъ это: какая - же отвѣтственность? Одна моя, и я такъ хочу, чтобъ была одна моя.

— Клара, но вѣдь вы знаете... Вы его любите...

— Да. Мы все знаемъ другъ о другѣ, и говорить даже почти не надо было. Онъ всегда зналъ, что я не думаю, и не хочу его любви... Мнѣ своей слишкомъ достаточно, прибавила она съ какой-то вовсе не печальной, хорошей улыбкой.

Нѣтъ, я не понималъ. Да въ чемъ-же дѣло? Опять какія нибудь фантазіи Франца? Но вѣдь она - то, пусть сантиментальная, но практичная нѣмка. Она что - то хочетъ отъ Франца, на что онъ... не соглашается?

Клара, не смущаясь моимъ молчаніемъ, продолжала:

— Онъ угадалъ мое сердце, всю меня, какъ никто не могъ бы. Никто другой. Я не жена. Я не возлюбленная. Я умѣю любить, такъ дано мнѣ, но любовь любимаго — зачѣмъ? Нѣтъ, сердце не въ ней...

Я вдругъ сѣлъ на постели. Промелькнули, пронеслись отрывочныя фразы, слова, какія то предупрежденія Франца: "выслушай до конца... Ты не знаешь женщины... И не смѣйся... "А теперь: "онъ меня угадалъ... Я не жена... Я не возлюбленная..."

— Клара. Вы хотите имѣть ребенка? Его ребенка?

— Да.

XV.

ДЕМОНЪ

Послѣ этого "да" — точно по волшебству сложилась передо мною, изъ кусочковъ и обрывочковъ видѣннаго, слышаннаго, мимо ушей пропущеннаго, цѣлая картина, въ общемъ такая вѣрная, что Францу потомъ пришлось дополнить ее только небольшими хотя и неожиданными подробностями. Зная Франца, какъ я его зналъ, мнѣ и труда не составляло догадаться о его чувствахъ и о взглядахъ на маленькую драму Клерхенъ. Для нея самой она не была маленькой; значитъ, при серьезности Франца, когда шло дѣло о человѣкѣ, не была маленькой драма Клары и для него. Онъ, конечно, вѣрилъ (и Клара, да и — кто его знаетъ, можетъ такъ оно и было?) что эта женщина, дѣйствительно, не "жена", не "возлюбленная", а только, — главнымъ образомъ, — "мать". Бываютъ - же такія. Я не замѣчалъ, положимъ, да просто не думалъ объ этомъ; Францъ можетъ быть и правъ, что я не знаю женщинъ, что некогда мнѣ о нихъ думать.

Отлично понялъ я, словно въ книгѣ прочиталъ, все сложное душевное состояніе Франца, его влекущую силу доброты, а рядомъ

— вѣчное чувство отвѣтственности... И что еще? Да, да, все, кажется, поняла моя любовь къ Францу. Но... тутъ я, съ сожалѣніемъ, опять долженъ сказать кое - что о себѣ. Вѣрнѣе — о моемъ демонѣ.

Воистину проклятый демонъ: нападаетъ онъ на меня всегда неожиданно, и всегда въ самое неподходящее время; бросается на то, что я отъ него какъ разъ и хотѣлъ - бы сберечь.

Но онъ безпощаденъ, этотъ демонъ, — смѣха... Смѣха самаго грубаго, самаго издѣвательскаго. Излюбленная мишень — я самъ, конечно, хотя не считается онъ ни съ кѣмъ — и ни съ чѣмъ.

До сихъ поръ вспоминаю: нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ я влюбленъ въ двухъ женщинъ, — двухъ сразу. Клянусь, влюбленъ серьезно, глубоко, любилъ обѣихъ съ одинаковой силой, — по разному; вѣдь и онѣ были разныя совсѣмъ. Мать и дочь. Дочь была моя невѣста. А мать, совсѣмъ неожиданно для обоихъ насъ, — стала моей любовницей. Самое ужасное — это что я дѣйствительно любилъ обѣихъ, обѣ мнѣ были одинаково нужны; и онѣ любили меня; выходъ - же мнѣ былъ одинъ: обманувъ обѣихъ — разстаться съ обѣими.

Помню трагическую ночь, когда я такъ смертно мучился, разрывая непонятную сѣть, зная, чѣмъ будетъ этотъ разрывъ для меня, и для нихъ, — для каждой, — (для нихъ еще съ обманомъ, развѣ могъ я сказать правду? развѣ поняли бы онѣ, когда я и самъ ея не понималъ?) Такъ вотъ — въ эту ночь вдругъ навалился на меня, сверхъ всего, проклятый дьяволъ смѣха. Я не только смѣялся надъ собой, я издѣвательски хохоталъ, грубо дразнилъ себя, будто я Хлестаковъ: "Анна Андреевна! Марья Антоновна!" Нельзя - ли молъ, съ обѣими "удалиться подъ сѣнь струй..." Чтожъ такое, что одна "въ нѣкоторомъ родѣ замужемъ?"

Ну, не стоитъ теперь объ этомъ. Знаю, что едва - едва не пустилъ себѣ пулю въ лобъ, и вотъ отъ невыносимаго этого смѣха, — куда хуже онъ, чѣмъ смѣхъ "сквозь слезы".

А вспомнилось потому, что послѣ знаменательнаго Кларинаго "да", когда я ее, и Франца, — всю картину понялъ, и даже, если можно, еще больше моего серьезнаго и нѣжнаго Франца полюбилъ, а Клару пожалѣлъ, — до утра не сомкнулъ глазъ: такъ этотъ поганный дьяволъ хохота меня душилъ и трепалъ. Вмѣсто Франца онъ мнѣ показывалъ столь глупую, комическую фигуру, что я покатывался со

смѣху; — а Клара видѣлась многоликой истерической рожей—сколько ихъ шляется къ знаменитостямъ: "прошу сдѣлать мнѣ ребенка! И немедленно!"

Чортовы штуки — сближать факты внѣшніе, чтобы смѣшать ихъ, убить живое внутреннее содержаніе тамъ, гдѣ оно есть. Драму превратить не въ комедію даже, — въ грязный водевиль.

Я всю ночь и превращалъ, издѣваясь надъ Францемъ: (— попалъ въ переплетъ и еще вздыхаетъ). Надъ Кларой: (а Маріуса почему не желаешь?) И надъ собой: (совѣтчикъ! потомъ попросятъ совѣта, какого акушера пригласить! А сначала — роль моя tenir les chandelles, что - ли? О, соглашусь, я таковскій!).

Лишь къ утру задремалъ; проснулся въ холодномъ ужасѣ: что будетъ, если дьяволъ схватитъ меня и при Францѣ? Или при Кларѣ? А я не справлюсь и захохочу имъ въ глаза?

Нѣтъ, тутъ рѣшительно есть доля самаго настоящаго моего безумія...

Но прислушался: молчитъ, проклятый.

Марія принесла кофе. Освѣдомляется о здоровьѣ. Signora сказала, что если signor чувствуетъ себя лучше....

— Совсѣмъ, совсѣмъ хорошо, mia figlia! Скажите синьорѣ, что я здоровъ и сейчасъ встану!

XVI.

ТЕЛЕГРАММА

Послѣдняя моя недѣля Бестры проходила въ самомъ тѣсномъ общеніи съ Францемъ, въ длинныхъ съ нимъ разговорахъ. Мы совершали прогулки, далеко въ горы; случалось, набредя на крошечную деревушку, тамъ и заночевывали.

На Флоріолѣ, вечеромъ, я нерѣдко сталкивался съ Кларой на моей террасѣ. Мало по малу и съ ней у насъ установились откровенныя отношенія. Вмѣстѣ, Франца и Клару, я почти никогда не видалъ, да они, кажется, и не бывали вмѣстѣ. Изрѣдка Францъ приходилъ къ 5 часовому чаю.

Имъ точно и вправду не было нужды вести другъ съ другомъ длинные разговоры: все понялось и сказалось сразу въ малыхъ словахъ.

Я угадалъ вѣрно взглядъ Франца на Клару: просто его принялъ.

Принялъ такъ - же и Клару, съ ея любовью, съ упорной волей и... практичностью.

Мнѣ понравилось ея рѣшеніе: она "во всякомъ случаѣ" расходится съ Маріусомъ, и уѣзжаетъ изъ Бестры навсегда. Флоріолу она даритъ Маріусу. У нея есть еще средства, есть и небольшая вилла на итальянскомъ побережьи (она не сказала, гдѣ) тамъ живетъ теперь старая ея тетка.

— Съ M-r v. Hallen, прибавила она, мы условимся передъ моимъ отъѣздомъ. Онъ можетъ пріѣхать на нѣсколько дней... лучше всего въ Санъ - Ремо. Если, конечно...

Она не договорила, никогда не договаривала. Въ первый разъ, при такихъ словахъ, я ужасно испугался: вдругъ дьяволъ тутъ - то меня и схватитъ? Но она произнесла это такъ просто, такъ невинно - просто, что я — ничего. Даже не улыбнулся.

Ну, а что-же Францъ? О рѣшеніи Клары покинуть Бестру онъ зналъ, онъ, какъ будто, все зналъ, все, какъ будто, принималъ... Да, но онъ не Клара, и разговоры у насъ съ нимъ иные. Ближе нельзя, кажется, и такъ ясно представлялъ я себѣ, что дѣлается въ этой серьезной и сложной душѣ. Сталъ думать, что доброта, — вотъ его свѣтящаяся доброта — побѣдитъ, должна побѣдить. Я ужъ не смѣялся, — на такихъ особыхъ рельсахъ шелъ всегда нашъ разговоръ.

Не засмѣялся я и тогда, когда вдругъ замѣтилъ еще какую - то сложность, мучающую Франца. Я только безпомощно разсердился и сразу рѣшилъ объ этомъ совсѣмъ не думать, такъ какъ сразу увидѣлъ, что не понимаю, и не пойму. На Франца разсердился: можно-ли доводить себя до такихъ извилинъ? Допутаться — ну ей Богу до несуществующаго? Въ какую связь онъ ставитъ для себя исторію Клары (и это несчастное San - Remo) — съ моей обѣщанной развѣдкой насчетъ графчика? Нѣтъ, просто закрыть уши, отвернуться, забыть, — вонъ баба сициліанская съ кувшиномъ на головѣ идетъ, дѣвочка крошечная у двери съ кошкой играетъ, пѣтухъ гдѣ - то за-

пѣлъ... милая, грубая, понятная жизнь! И чего люди выкрутасничаютъ!

Францъ угадалъ, кажется, что я сержусь и почему: объяснять мнѣ ничего не сталъ, не настаивалъ, улыбнулся, къ другому перешелъ.

Нѣтъ, довольно, очень меня утомила Бестра съ загадочными ея исторіями и неожиданными сплетеніями. Кое что распуталось, — я понялъ, зачѣмъ я былъ нуженъ Францу, теперь можно вздохнуть съ облегченіемъ. Конечно, нелѣпость этихъ исторій остается, — и Клара, и порученіе Франца... Но не стоитъ думать. Таковъ ужъ Францъ, поѣду въ свое время и Отто пытать. Насчетъ Клары — онъ знаетъ мои разсужденія...

И съ радостью, даже съ волненіемъ, ждалъ я, что вотъ, черезъ два дня, свободный, поѣду путешествовать... куда поѣду? Все равно, — въ Сиракузы, въ Палермо... Оттуда, черезъ Неаполь — въ Римъ. Знаю его. Но Сіенна, Орвіетто... еслибъ туда? На возвратномъ пути надо остановиться въ Берлинѣ, хоть начать съ этимъ глупымъ Отто... Ну, до этого еще далеко! Сейчасъ — словно "тайной радости жду впереди" — жду путешествія...

Укладывалъ, посвистывая, чемоданъ (хотя еще цѣлыхъ два дня!) когда Марія, съ утреннимъ кофе, принесла мнѣ телеграмму.

Раскрылъ. Ничего не понимаю. На какомъ языкѣ? По французски? По итальянски? Ахъ, по англійски! Вопросъ, когда я буду въ Римѣ... «Could travel with you... Mother goes England. Ella».

Стоялъ съ раскрытой телеграммой въ рукахъ. Смотрѣлъ на наклеенную полоску словъ. Обернулъ, — да, мнѣ. Очевидно, надо отвѣтить? Куда? Это изъ Рима. Да вотъ адресъ отеля, — мой - же, гдѣ я всегда останавливаюсь.

Но соображалось плохо. «Mother goes England»...Не показать ли Кларѣ?

Тотчасъ рѣшилъ, что не покажу. Пойду въ городъ самъ и отвѣчу. Когда я буду въ Римѣ? Черезъ недѣлю? Раньше? А Сиракузы, Палермо? Ну, можно и безъ Сиракузъ. Въ Палермо день; ночь до Неаполя... Черезъ пять дней я могу быть въ Римѣ.

ЮРІЙ ФЕЛЬЗЕНЪ.

ПИСЬМА О ЛЕРМОНТОВѢ.

ПИСЬМО ПЯТОЕ

Съ тѣхъ поръ какъ вамъ — неизмѣнно и точно — два раза въ недѣлю пишу, я для васъ приберегаю каждую мысль, мнѣ представляющуюся плѣнительной, въ чемъ - нибудь любопытной и новой — все равно, услышанную, прочитанную или самостоятельно найденную. Но сколько бы ни волновали меня подобныя мысли, нечаянныя душевныя "открытія", вдохновенное сочетаніе словъ, я удерживаюсь отъ немедленнаго ихъ высказыванія и не пишу до очередного понедѣльника или четверга — и ради порядка, и еще болѣе, чтобы слишкомъ скоро вамъ не наскучить. Правда, потомъ я боюсь забыть приготовленное для васъ, безъ конца его себѣ повторяю, отъ повтореній, отъ постояннаго дразнящаго откладыванія увлекаюсь и разукрашиваю, и поневолѣ у меня появляются напоръ, стараніе, пылъ, я придаю значительность и сложность, несоотвѣтствующія предназначенному вамъ "открытію", и вы должны мнѣ простить чрезмѣрную договоренность, вѣроятное косноязычіе и неудачи, неизбѣжныя изъ - за считанія съ вами, изъ - за невозможности для меня по иному оставаться собой.

Вотъ вчера во французскомъ критическомъ фельетонѣ я наткнулся на фразу пожалуй случайную, но вѣрную и страшную — объ "умираніи произведеній" — и, какъ примѣры, съ нѣкоторой осторожностью были названы "Пѣснь о Роландѣ" и "Эмиль". Мнѣ сразу вспомнились прежніе наши споры, когда я высказывалъ нѣчто похожее и называлъ произведенія куда болѣе громкія и всѣми любимыя, а вы, со свойственной вамъ тогда презрительной ко мнѣ непріязнью, говорили о моемъ "кощунствѣ", о желаніи "быть своеобразнымъ и поражать", объ отсутствіи у меня отклика на все величественное, о "страхѣ передъ всякимъ величіемъ" и даже — о мелкой моей недобросовѣстности: "про каждую книгу рѣшать — устарѣла — это

черезчуръ легкій способъ подчеркивать свою современность". О какъ насмѣшливо и злобно вы растягивали слово "современность": я отъ обиды, отъ внезапно возникавшей мстительности — съ улыбкой превосходства, столь вами ненавидимой — выдавалъ эти мысли за свои, за что - то, мнѣ одному (мнѣ единственно умному) понятное, за какое - то свое надъ всѣми, да и надъ вами, необычайное торжество. Между тѣмъ подобныя мысли, когда - то, по чужому намеку или указанію, меня поразившія и сегодня въ газетной статьѣ лишній разъ случайно подтвержденныя — эти мысли давно сдѣлались навязчиво мнѣ близкими. Въ различныя времена по странному меня преслѣдовалъ рядъ сходныхъ наблюденій и страховъ — въ каждое время о чемъ - нибудь одномъ — и всѣ эти "маніи" одинаково вызывались неудовлетворяёмой жалостью къ людямъ, вѣчной невозможностью отвести несправедливость и помочь. Такъ, въ дѣтствѣ, гимназистомъ однажды я услыхалъ, что какой - то малознакомый господинъ "тиранитъ жену" — это надолго меня возмутило, заставило искать жестокость и насиліе въ самыхъ невинныхъ, въ самыхъ шутливыхъ поступкахъ всякаго мужа съ женой: обычное остроумничаніе мнѣ стало казаться издѣвательствомъ, похлопываніе по плечу — "проявленіемъ власти", каждый мужъ представлялся непремѣнно "тираномъ", я съ ужасомъ воображалъ, что происходитъ у супруговъ вдвоемъ — и дѣйствительно нерѣдко видѣлъ самоуправство и женское отчаяніе тамъ, гдѣ другіе ничего не замѣчаютъ. Затѣмъ, послѣ первыхъ женщинъ, послѣ той радости, того разрѣшенія, которое онѣ давали, послѣ откровеннаго разговора съ некрасивой и немолодой барышней, мнѣ восхищенно завидовавшей, я вдругъ проникся жалостью, сознаніемъ неравенства и какой - то своей вины передъ многими сверстницами, передъ старшими ихъ сестрами, взволнованно ожидающими замужества (и будто бы всегда помнящими, что "теряется ихъ лучшее время"), передъ такими, какъ моя собесѣдница, безнадежными старыми дѣвами, передъ всѣми, у кого не бываетъ мнѣ доступной, блаженно - успокоительной радости. Теперь, кажется, измѣнились нравы (или я огрубѣлъ и занятъ другимъ), но тогда меня это — не смѣйтесь — мучило и лишало какого-то права (въ прямолинейной моей наивности) пользоваться мужской ненаказуемостью и свободой, приводило къ постоянному самосгрызанію — впрочемъ безцѣльному и бездѣйственному. Впослѣдствіи

бывали у меня иныя — отъ чрезмѣрной совѣстливости — разнообразныя "маніи", иные длительные порывы возмущенія и грусти (и я бы сдѣлался соціалистомъ, если бы всякое мое возмущеніе не соединялось съ увѣренностью въ собственномъ безсиліи и безпомощности) — въ послѣдніе мѣсяцы или годы меня преслѣдуетъ именно мысль о конечности, о несомнѣнномъ умираніи того, чѣмъ мы восхищаемся, что мы считаемъ, вѣрнѣе, хотимъ считать безсмертнымъ, что является, въ сущности, лишнимъ доказательствомъ человѣческаго стремленія ухватиться за какой - нибудь (хотя бы завѣдомо - иллюзорный) "кусочекъ вѣчности" среди шаткой и преходящей земной жизни.

Но вы оспариваете мои слова (какъ видите, не торжествующія и не самодовольныя) совсѣмъ не по настроенію, въ нихъ выраженному, а по самому ихъ существу, вы назовете тысячелѣтнія книги, картины, "общепризнанно - безсмертныхъ" творцовъ. Но прислушайтесь, присмотритесь также и къ себѣ: не случалось ли вамъ — отъ упорства, отъ нечаянной удачливости — находить обобщеніе, вамъ же казавшееся открытіемъ, новизной, васъ вдохновенно радовавшее и какъ бы окрывлявшее — и затѣмъ, послѣ многихъ дней, разочаровываясь убѣждаться, что ваше "открытіе" не опровергнуто, но незамѣтно тускнѣетъ, особенно если было вслѣдъ за нимъ другое, съ нимъ какъ - нибудь связанное или на него похожее. Послѣднее непремѣнно въ себѣ заключаетъ сгустокъ, "душу" открытія предшествовавшаго (и столькихъ еще предшествовавшихъ, забытыхъ или незабытыхъ), непремѣнно оказывается болѣе, чѣмъ они, исчерпывающимъ — и подобное неминуемое "первенство послѣдующаго" превращается для каждаго изъ насъ въ суровый и страшный законъ, переносится изъ опыта личнаго въ общій — на тотъ (не только воображаемый) "интеллектуальный потокъ", который словно бы опоясываетъ землю и словно бы въ себя вобралъ всѣ трудныя, героическія, иногда смертельно - опасныя открытія и усилія — и въ этомъ, еле нами постигаемомъ, надчеловѣческомъ, надземномъ полетѣ по странному очевиденъ жестокій "законъ" (что послѣдующимъ продолжено и улучшено и, въ концѣ концовъ, вытѣснено предыдущее) — и вотъ, какъ мальчикъ передъ неправедностью, передъ условностью и ложью взрослыхъ людей, я не могу успокоиться и навязчиво - горько осуждаю смѣшное, неисправимое наше самохвальство и въ

то же время я переполненъ жалостью къ напраснымъ подвигамъ и напряженію, къ удачамъ, казавшимся ослѣпительными и постепенно превратившимися въ пустыя, мертвыя, о чемъ то давно превзойденномъ по старчески напоминающія слова.

Неужели, какъ износившееся платье, эти безсмертныя "вѣчныя произведенія" становятся никому ненужными и существуютъ изъ милости или по недомыслію. Я часто, словно бы стараясь кого - то утѣшить, думаю, что ихъ сила въ неповторимости человѣка или времени, въ нихъ сказавшагося, въ невозможности полнѣе и соотвѣтственнѣе выразить жизнь и надежды какого - то круга людей, но все это до скучности явно вымышлено: и людей и время легко поддѣлать — увы, неподдѣльны лишь усилія чего - то достигнуть, но совсѣмъ не достиженія, осязаемыя и наглядныя, да и стоитъ - ли кому нибудь изъ насъ поддѣлывать то, что другіе неизбѣжно потомъ превзойдутъ.

Все это (съ вами напередъ согласенъ) просто и плоско, но вѣдь простое и плоское иногда вѣрно — и я попробую переиначить свое утвержденіе и васъ убѣдить въ его — пускай непритязательной — правильности: мнѣ кажется, мы какъ - то охватываемъ все человѣческое прошлое, сгущенную суть разнообразнѣйшихъ временъ — и прославленныхъ твореній каждаго времени и чьихъ - то невѣдомыхъ напряженныхъ трудовъ — охватываемъ не полностью, не въ стройномъ порядкѣ и не сознавая охваченнаго, а слѣпо принявъ тотъ, хотя и произвольный, но неслучайный и умный отборъ, который производится у всякаго прошлаго слѣдующими вѣками и людьми — такіе постепенно отбираемые "сгустки прошлаго" (нерѣдко болѣе всего и достойные быть усвоенными) доходятъ до внимательныхъ умовъ каждаго позднѣйшаго поколѣнія, и въ нашемъ (какъ и во всякомъ другомъ) настоящемъ, въ его "интеллектуальномъ потокѣ" — если бы можно было подобный "потокъ" прервать и безвдохновенно - добросовѣстно разложить — словно бы заключено все творческое прошлое (о чемъ говорилось уже не разъ), и только отъ него отталкиваясь, мы добьемся новаго и большаго. Вы язвительно скажете — "что же, теорія прогресса" — и вамъ извѣстно, какъ неловко теперь объ этомъ упоминать, но для меня не постыденъ "прогрессъ", и онъ явился бы даже спасеніемъ, только его не могу найти: вѣдь отъ всѣхъ этихъ усложненій, отъ правдивости, отъ всякаго новаго,

Мако. *Mako.*

Мусатовъ. *Moussatoff.*

съ трудомъ отрываемаго, "кусочка истины" становится меньше утѣшающихъ надеждъ, легкомысленныхъ духовныхъ соблазновъ, происходитъ то, о чемъ мы столько съ вами говорили, что "слѣпое счастье замѣняется зрячимъ горемъ", а главное, какой же прогрессъ, какое обогащеніе, если мы сами исчезаемъ и весь напыщенно - раздутый земной "мірокъ" когда - угодно можетъ исчезнуть. И всѣ способы изобрѣтеннаго нами безсмертія — человѣческой души и человѣческаго творенія — все это противъ правды единственно - очевидной, правды великаго человѣческаго исчезанія.

Конечно, изобрѣтательность наша простительна: когда мы любимъ и наслаждаемся раздѣленностью, когда мы горюемъ изъ-за отвергнутости, когда — послѣ любви, послѣ наслажденія и горечи — мы щедро наполнены просвѣтленной творческой силой, намъ просто непонятно, что эта радость, эта острота пройдутъ, мы стараемся не вѣрить возможному концу, какъ впослѣдствіи, охлажденные, не хотимъ вѣрить предшествовавшему, уже неживому и словно бы не бывшему никогда порыву. Между тѣмъ намъ бы слѣдовало себѣ сказать: да, мы знаемъ, мы отмѣтили то, что было и что прошло, и никакое воспоминательное творчество — ослабляющее или усиливающее, однако непремѣнно по своему передѣлывающее — казавшагося безсмертнымъ не удержало. Но если это "казавшееся безсмертнымъ" невоскресимо въ насъ уничтожилось, то оно и внѣ насъ сохраниться не могло — мы же, преодолѣвая низкую очевидность и свою неотступную о ней боль, придумали вѣчное потустороннее безсмертіе — божественную неумирающую свою душу — и въ непозволительной самонадѣянности чуть ли не распоряжаемся тѣмъ, о чемъ лишь можемъ бездоказательно и безотвѣтственно гадать — міровой жизнью и судьбой — а здѣсь у себя (впрочемъ, у себя ли), на землѣ, попросту раздаемъ, капризничая и мѣняя, суетное, внутренно - печальное земное безсмертіе.

Однако есть у каждаго изъ насъ предѣлъ безпощадности къ себѣ: я спорю съ воображаемыми опровергателями и хочу у нихъ отнять послѣднее утѣшеніе и надежду, но вотъ едва доберусь также и до своего прошлаго, до немногихъ своихъ привязанностей, до нашей съ вами, неровной и все - таки родной дружбы — и нѣтъ у меня примиренія со всѣмъ оканчивающимся и навсегда неповторимымъ, я опять яростно возмущаюсь, что разставался, что долженъ былъ

разставаться — для непохожихъ на прежнія, отчужденно - далекихъ, отъ времени обездушенныхъ встрѣчъ, я опять послѣ поисковъ нахожу вознаграждающія и ничѣмъ неоправданныя объясненія: они застилаютъ присутствіе конца, и жизнь кажется цѣлесообразной и великолѣпной. Увы, то, что однажды разоблачено, будетъ лишь ненадолго возстановлено, и даже сознаніе собственной правоты вскорѣ перестанетъ насъ утѣшать, разъ оно не измѣнитъ сути разоблаченнаго.

И все же какіе бы мы ни были раздавленные, слѣпые, безсловесные, мы не можемъ не чуять за собой неуловимаго движенія, отдаленной страшной борьбы, и не можемъ не различать какого - то своего касательства или участія, непонятной удовлетворенности, иногда недовольства и безутѣшности изъ - за такого своего участія, но къ смутной, единственно - вѣрной этой догадкѣ мы примѣшиваемъ трусливую необходимость въ личномъ, животномъ неумираніи и крѣпко держимся всего искусно перемѣшаннаго — откровеній, вѣрованій, системъ — или же, дойдя до отчаянія, по безнадежному все отвергаемъ, подобно женщинѣ, обманывающей и безчестной, но въ чемъ - то заподозрѣнномъ правой и съ особеннымъ упорствомъ отстаивающей всю свою правоту или уже совсѣмъ не защищающейся. Мы также можемъ предполагать, что въ отдаленной, намъ еле слышной борьбѣ невольно сказываются и отражаются натянуто - напряженныя, побѣдившія какую - то косность, чуть - чуть взлетающія человѣческія жизни, и эти подвиги въ отношеніи міра, себя до конца не сознающіе, чѣмъ - то напоминаютъ — бездоказательно и туманно — любовь, скрываемую отъ возлюбленной, безвѣстное самопожертвованіе на войнѣ и пожалуй — медленную смерть заживо погребеннаго.

Что - то далекое до насъ доходитъ, чего намъ не опредѣлить и не назвать никакимъ сочетаніемъ неуклюжихъ нашихъ понятій — пространства, цѣлесообразности, времени — и въ чемъ человѣческія усилія какъ - то по слабому все же участвуютъ, но имѣются и земные, мелкіе, нами по бухгалтерски ведущіеся счеты, и въ нихъ - то усилія пропадаютъ и забываются, а въ рѣдкихъ, наполовину произвольныхъ случаяхъ остается перечень достигнутаго, мертвая легенда о пути.

Примѣромъ возьму тотъ видъ человѣческой дѣятельности,

который мнѣ ближе другихъ и который хоть немного знаю — литературу. Увы, придется называть имена, и это больно не потому, что ихъ какъ будто снижаю (на самомъ дѣлѣ сниженія нѣтъ и пожалуй происходитъ обратное), но такъ, въ письмѣ, въ двухъ словахъ, играть именами людей мученическаго напряженія и высокихъ духовныхъ подвиговъ печально и стыдно, однако же необходимо, чтобы вамъ мои мысли пояснить. Всего честнѣе сразу же привести имя особенно дорогое и безспорное — для насъ съ вами имя Пушкина — и на его примѣрѣ убѣдиться въ кратковременности земного безсмертія. Попробуйте перечитать прозу Пушкина — безъ обычнаго готоваго благоговѣнія — и васъ вѣроятно удивитъ, какая она гладкая, тускло - сѣрая и легковѣсная. Вы съ досадой подумаете: хоть бы ее одухотворялъ искренній личный тонъ, отдѣльныя, поражающія, вырванныя гнѣвомъ замѣчанія... Нѣтъ, ни къ чему придраться нельзя, но и ничто не радуетъ, ни условно - стройный сюжетъ, ни подогнанное, безъ неожиданностей, его развитіе — и надо для сравненія прочесть забытыхъ Пушкинскихъ современниковъ, чтобы ахнуть, какой имъ совершенъ переворотъ, какая по тому времени благородная сухость, точность и мѣра въ Пушкинской прозѣ, сколько въ ней ироніи, ума и скрытой примиренной мудрости, какой одержанъ успѣхъ надъ грузной человѣческой природой. Конечно, несравнимо труднѣе столь же безпристрастно отнестись къ стихамъ, особенно знаменитымъ и каждому памятнымъ — труднѣе изъ - за дѣтскихъ впечатлѣній, съ ними связанныхъ и неотразимо длительныхъ, изъ - за влюбленныхъ и счастливыхъ дней, когда эти стихи неслучайно нами повторялись, и пожалуй всего труднѣе — изъ - за другихъ безчисленныхъ дней, когда, вмѣстѣ съ воспоминаніями влюбленными и счастливыми, мы эти же стихи, какъ бы сопутствовавшіе всей нашей жизни, взволнованно и свято берегли. Помните, я вамъ, подобный тысячамъ влюбленныхъ, читалъ (и этимъ больше, чѣмъ своей влюбленностью, васъ трогалъ) Пушкинское прославленное — "я васъ любилъ, любовь еще быть - можетъ" — а вы нравоучитально (со всегдашнимъ желаніемъ меня поднять, сдѣлать довольнымъ и стойкимъ, не поступаясь ничѣмъ своимъ), вы приводили другіе Пушкинскіе стихи — "сохраню ль къ судьбѣ презрѣнье? Понесу ль навстрѣчу ей непреклонность и терпѣнье гордой юности моей?" — "презрѣнье" къ тому, что у Пушкина же выражено какъ - то условно

и вяло (по крайней мѣрѣ, для меня): "снова тучи надо мною собралися въ вышинѣ; рокъ завистливый бѣдою угрожаетъ снова мнѣ". Но "ваши" строки прелестны, и недаромъ одна изъ нихъ повторена Блокомъ въ иномъ — пока еще безупречномъ — окруженіи:

Пусть душа твоя мгновенна —
Надъ тобою неизмѣнна
Гордость юная твоя,
Вѣрность женская моя.

Въ томъ, какъ мы поддаемся стихамъ, разобраться не совсѣмъ просто: ихъ ритмъ, словесныя сочетанія и то неуловимое, что "между словъ", какъ - то незамѣтно въ насъ проникаютъ и навсегда сливаются съ душевной нашей природой, явно участвуя въ ее создаваніи, вмѣстѣ съ другими создающими душу силами — любовной борьбой, книжными подсказками, каждодневными глупыми мелочами и непонятнымъ, неисчерпаемымъ, самовысѣкающимся внутреннимъ огнемъ. Я не хочу перебирать отдѣльныхъ стихотвореній и пытаться васъ убѣдить, что многія изъ нихъ умираютъ или умерли (сколько бы ни внушали они привычнаго восторженнаго довѣрія), что иныя строки давно стерлись и не волнуютъ, я только посовѣтую — ради сравненія — прочитать Ронсара, Расина или Мюссэ, вѣроятно, мало вамъ извѣстныхъ и не близкихъ, и даже не стану объяснять, почему вы окажетесь къ нимъ (съ дѣтства, съ первой любви волнующимъ каждаго француза) холодной и удивленно - осуждающей и почему искренно восхититесь при чтеніи Бодлэра, какихъ - нибудь французскихъ современниковъ, сразу трогающихъ и близкихъ: если вы несогласны со мною, не стоитъ ничего доказывать и васъ безжалостно — по вашимъ же словамъ — "обѣднять", лишая привычнаго отъ снижаемыхъ мною стиховъ утѣшенія (да я и не люблю споровъ и только радъ вдохновляющему, добросовѣстно - дружескому обмѣну мнѣній), если же вы начинаете думать ,какъ я, будемте вмѣстѣ удивляться тому, что намъ представляется величайшей нелѣпостью и жестокостью — смерти умершихъ, жизни живыхъ (или современниковъ), незаслуженной побѣдѣ Блока надъ Пушкинымъ, Бодлэра надъ Ронсаромъ и Расиномъ. Я также не стану вамъ досаждать произвольными разсужденіями о томъ, какія произведенія живутъ сравнитель-

но долго, какія воскресаютъ или же гибнутъ безвозвратно — пусть занимается этимъ унылая "исторія литературы", напоминающая мнѣ кладбище, куда постепенно словно бы свозится "живая, дѣйствующая литература", всѣ самоотверженныя усилія и достиженія. Можетъ - быть, историко - литературныя "похороны" (перворазрядныя, торжественныя — простите за грубость моего образа) — болѣе прочная награда для творца, чѣмъ искусственное его оживленіе — отъ невѣжества, боязливости и слѣпоты. Можетъ быть, именно Пушкинъ это подозрѣвалъ (вѣдь ему приписываютъ что - угодно) и ко всему, даже къ "вѣчнымъ произведеніямъ" относилъ безнадежно - безстрашную свою сентенцію: "мертвый, въ гробѣ мирно спи, жизнью пользуйся, живущій"...

Еще разъ простите, что бѣгло и какъ бы мимоходомъ пишу о вещахъ столь отвѣтственныхъ, но не хочется въ этихъ письмахъ, меня волнующихъ изъ - за другого, приводитъ какія - то пространныя доказательства. Буду совсѣмъ откровененъ: я ничего и не сумѣю доказать — кое какъ лишь могу объяснить то, что давно и безъ колебаній знаю, внутренно чувствую, изъ - за чего возмущаюсь и скорблю (разумѣется, меньше, чѣмъ изъ - за своего, личнаго). Нисколько не увѣренъ, что передъ вами оправдался, предупредивъ о своей поверхностности и въ ней признавшись: вѣдь такъ можно, предупредивъ о любой пошлости, ее высказать и требовать снисхожденія (что равносильно моднымъ теперь и не всегда ироническимъ кавычкамъ, будто бы покрывающимъ всѣ "стертыя мѣста" — видите, безъ кавычекъ уже никакъ и не обойтись). Притомъ вы строже другихъ и часто бываете справедливѣе: вы не довольствуетесь добровольнымъ признаніемъ въ винѣ и, если есть вина, обычно требуете исправленія, и я боюсь вашего гнѣва, вызваннаго легкомысліемъ моихъ утвержденій и еще болѣе — разными личными моими намеками, похожими на "дешевое кокетничаніе" (чуть не послѣднія ваши обо мнѣ слова). Я даже слышу вашъ голосъ — "или говорите прямо или молчите, лучше молчите" — и, какъ при васъ, теряюсь и вѣроятно, какъ тогда, ничего не измѣню и васъ ничѣмъ не задобрю. Вотъ намекаю, пытаюсь упрекнуть и разжалобить — все способы, вами осуждаемые и ненавидимые — и письмо, которое такъ долго я откладывалъ, на которое съ надеждой набросился, это письмо безповоротно испорчено, а на придумываніе другого не хватитъ у меня стойкости.

Вы просите написать обо мнѣ. Внѣшне — ничего новаго, но какая - то существенная перемѣна у меня происходитъ: прежде я ощущалъ каждую свою секунду (такъ именно, какъ ее ощущаешь, когда нетерпѣливо кого - то ждешь или помнишь недавнюю обиду и мучаешься) — только любя, только вдвоемъ съ возлюбленной (и то при спокойствіи, при обезпеченности такимъ спокойствіемъ) я какъ будто не замѣчалъ времени. Теперь я научился — отъ увлеченія дневниковой работой, по вашему столь безполезной (или же просто отъ того, что постарѣлъ и куда - то все полетѣло) — я научился "глотать время", секунды, минуты, иногда часы, вдругъ удивляться, что поздно, темно, что уже воскресенье и опять пронеслась недѣля. Порядокъ моего дня все тотъ же — словно бы случайный, постыдно избаловывающій и безвольный. Опять не мѣняю библіотечныхъ книгъ и побаиваюсь — я повидимому не очень съ женщинами смѣлъ — хмурящейся библіотечной барышни. Перечитываю, какъ вы мнѣ совѣтовали, Лермонтова.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ

Есть радостная, насъ какъ бы вздымающая сила въ сознаніи, что мы — капризно и безсознательно — кого - то выбрали, на немъ сосредоточили всю нѣжность, всю героичность и внимательность, на которую только способны, все ожиданіе отвѣтной благодарности, всѣ надежды, всю "ставку" на наше будущее: пріятно какого - нибудь человѣка случайно и безъ усилій облагодѣтельствовать (отъ этого возникаютъ у насъ предположительные вдохновенные разговоры, сладкое и вѣроятно ложное съ такимъ человѣкомъ соотношеніе), невыразимо пріятнѣе облагодѣтельствовать того, кого мы рѣшили считать и уже считаемъ единственнымъ, кого ежеминутно избаловываемъ и вниманіемъ, и услугами, и помощью, для него существенной и намъ иногда трудной. Мы нерѣдко забываемъ первоначальную причину трогательности (то, что мы проявили свою волю, что какъ бы тронуты сами собой) и хотимъ одного — непрерывно благотворить и вѣрить понимающей благодарности — и вотъ, чѣмъ становимся мы щедрѣй, чѣмъ произвольнѣе и незаслуженнѣе постоянная жертвенная наша помощь, тѣмъ, можетъ - быть, дальше отъ

истины воображаемая дружба, благодарность и отвѣтность, тѣмъ упрямѣе наше воображенiе расходится не только съ дѣйствительностью, но и съ нашимъ же чувствомъ дѣйствительности, и эта двойственность, эта несогласуемость нашихъ стремленiй и воспрiятiй, удобныхъ намъ вымысловъ и трезвящаго, разочаровывающаго чутья, всегда у насъ остается и во всемъ сказывается, и каждый разъ — обреченно о дѣйствительность разбиваясь — мы душевно себя уродуемъ и калѣчимъ. Подобное произвольно - упрямое предпочтенiе, подобная, намъ отрадная и нужная заботливость, возникающая оттого лишь, что мы любимъ себя, свой будто бы особенный выборъ и свои столь незамѣнимыя о другихъ заботы — все это не только относится къ любви (на что, какъ вы подозрѣваете, я сейчасъ намекаю), все это относится хотя бы и къ дѣтямъ — вспомните, почему иныхъ дѣтей мы балуемъ, задариваемъ игрушками, полувлюбленно поддразниваемъ, хотимъ коснуться и погладить, и чѣмъ ихъ больше мы успѣли обласкать, тѣмъ они кажутся смѣшнѣе и милѣе — и мы забываемъ себя, свой выборъ, причину ласкъ и подарковъ, но тому, кто выбранъ, уже никакъ не измѣнимъ. Нѣчто похожее и въ нашихъ писательскихъ "романахъ" — впрочемъ, я безошибочно знаю ядовитыя, уничтожающiя ваши возраженiя, гримасу на каждую, по вашему искусственную или безотвѣтственную мою фразу, и даже теперь легко могу васъ представить читающей мое письмо и въ вашихъ глазахъ, на вашемъ нахмуренномъ лбу — привычную тѣнь недоумѣнiя: "что это еще за выдуманные романы, почему столько о нихъ говорится, причемъ столько безтолковаго и неяснаго?" Вы такъ мучаете меня своимъ недоброжелательствомъ и невѣрiемъ, такъ надо мной нечаянно властны, что я обычно готовъ себя признавать неправымъ и въ чемъ - угодно съ вами соглашаться, только бы вы оцѣнили доброе наше единенiе и считали, будто мы во всемъ заодно. Правда, моя уступчивость не придаетъ вамъ благожелательности и довѣрiя, и я, разумѣется, знаю, что въ конечномъ счетѣ дѣйствую себѣ же во вредъ, но бываютъ такiе случаи и отношенiя, когда всякое замалчиванiе и всякiя слова неизмѣнно дѣйствуютъ намъ во вредъ, и я былъ не разъ доведенъ до того, что искалъ лишь спокойствiя на ближайшiя десять минутъ. Къ счастью, теперь вы далеко, я невольно успокоился и окрѣпъ и въ спорѣ о "романѣ" вамъ не уступаю. Я, можетъ быть, неумѣло (зато для себя правильно)

назвалъ романомъ нечастое длительное свое состоянie, всегда вызывавшееся какимъ - нибудь писателемъ или поэтомъ, но въ такомъ — не кратко - экзальтированномъ, а именно длительномъ и надежномъ — состоянiи основа и многiя свойства произвольной односторонней влюбленности. Вотъ я подумалъ о Лермонтовѣ и тотчасъ же — безъ поисковъ и старанiй — выступаютъ различные любовные признаки: въ его имени для меня (какъ я уже вамъ писалъ) что - то волшебно - волнующе - единственное, въ его образѣ, въ его стихахъ и фразахъ (точно въ словахъ возлюбленной) особенная неопредѣлимая "одна черта" — и только мало неожиданностей, какая - то увѣренность, обезпеченность (то, что французы называютъ «sécurité») въ немъ, уже не мѣняющемся и не предающемъ, отчего у меня отвѣтная признательность, иногда скука и, какъ обычно въ этихъ грустно - неравныхъ отношенiяхъ, опасное любопытство ко всему постороннему. Если бы вы знали также, до чего просто разбиваются преграды времени, смерти, возможности взаимнаго пониманiя, какiе влюбленно - вдумчивые (чтобы поразить) разговоры я незамѣтно для себя часами веду, вы бы не морщились и меня бы не высмѣивали — видите, сколько удается объяснить въ письмѣ, чего на словахъ не выскажешь (впрочемъ это лишь у меня съ вами — отъ моей напуганности, отъ вашей, какъ бы намѣренно - отчуждающей и со мной презрительной нетерпѣливости).

Всѣ случайныя свѣдѣнiя о Лермонтовѣ, дневники, письма его знакомыхъ (недавно приводившiяся въ одной книгѣ, мною "проглоченной" въ нѣсколько вечеровъ), все это волнуетъ меня, какъ будто — оставаясь спрятаннымъ и безнаказаннымъ — я подглядываю, подслушиваю, слѣжу за кѣмъ - то, кого люблю и о комъ собираю то новое и запретное, что съ нимъ постепенно сливается, что становится неопровержимымъ и словно бы вѣчнымъ, заставляя еще больше его любить. Черезъ стихи, черезъ письма и чужiя воспоминанiя меня поражаетъ собственное Лермонтовское умѣнье любить, наполненность, готовность, сперва неопредѣленная, затѣмъ связанная съ образомъ блѣднымъ, скрываемымъ, но всегда угадываемымъ и уже неизмѣнно однимъ. Это Варенька Лопухина — повидимому чахоточная, несчастная Вѣра въ "Княгинѣ Лиговской" и "Княжнѣ Мэри" (о ней въ чьемъ - то дневникѣ вѣроятно преувеличенно говорится "молоденькая, умная, какъ день, и въ полномъ смыслѣ восхититель-

ная"), шестнадцатилѣтняя дѣвочка, которую добродушно и любовно дразнятъ ея сверстники: "у Вареньки родинка, Варенька уродинка". Почему - то и у Лермонтова, какъ у столькихъ замѣчательныхъ людей, вышло, что его "Варенька" оказалась замужемъ за другимъ и онъ въ упрямой уединенной работѣ старался осмыслить и оправдать свою, внѣшне безцѣльную, неудавшуюся жизнь, зато внутренно былъ онъ, какъ немногіе, цѣленъ и вѣренъ, и нерѣдко женщинъ лишь обманывало настойчивое его вниманіе — ему, должно быть, не однажды мерещились "черты другія", и не къ одному случаю могъ бы Лермонтовъ отнести знаменитыя свои строки:

Когда, порой, я на тебя смотрю,
Въ твои глаза вникая долгимъ взоромъ,
Таинственнымъ я занятъ разговоромъ,
Но не съ тобой я сердцемъ говорю.

И послѣдняя свидѣтельница, наивно-трогательная его cousine вспоминаетъ подобный же "разговоръ" — въ самый день смерти, убійства Лермонтова, "вѣчно - печальной дуэли" (какъ нечаянно выразился сынъ убійцы).

Мнѣ кажется, и у Лермонтова (подобно всякимъ другимъ мечтателямъ, великимъ и малымъ) былъ свой "романъ съ поэтомъ", можетъ - быть нѣсколько, и главный изъ нихъ не съ Байрономъ (что пожалуй всего естественнѣе предположить), а съ Пушкинымъ, и еще мнѣ кажется, будто Пушкина никто такъ не любилъ, какъ Лермонтовъ (который — при его то гусарскихъ понятіяхъ о чести — считалъ, что Пушкину все надо прощать) и никто столькимъ не пожертвовалъ и столь безпощадно не былъ наказанъ за свою любовь. Мнѣ также хочется признаться, что не только я самъ люблю (и больше не буду "прилично" и стойко объ этомъ молчать), но и люблю всякихъ любящихъ, всякую любовь, свою и чужую, особенно напрасную, никѣмъ и ничѣмъ не подогрѣваемую — и безнадежной, осознанно безнадежной своей вѣрностью мнѣ восхитителенъ и понятенъ Лермонтовъ, и часто я въ какомъ - то (какой бываетъ послѣ чуда) ледяномъ необъяснимомъ страхѣ, что вотъ черезъ умную, горькую эту безнадежность я ворвался въ живое теченіе его жизни, щедро - безпечной, трудной, самолюбивой, отказывающейся отъ легкаго и простого, съ

готовностью за все отвѣтить, съ опаснымъ вызовомъ благополучію и пошлости.

Не правда ли, въ каждомъ чувствѣ должна наступить полоса зрѣлости, даже старости — того, что Ларошфуко называетъ «la vieillesse de l'amour» и чему приписываетъ одни страданія. Я думаю, это — прекраснѣйшее, самое человѣчески - значительное время любви, время терпимости, зрячести, отсутствія преувеличеній и разочарованій, и длится оно иногда до самой смерти любящаго — видите, какой я бываю наивный и неисправимый энтузіастъ, хотя самъ и не назову пылкой своей довѣрчивости энтузіазмомъ и постараюсь передъ вами какъ - нибудь ее отстоять: вотъ, скажемъ, настала такая "старость любви" и любовь не прошла — вѣдь если мы раньше находили какія-нибудь ложныя достоинства, это уже обнаружено, если насъ отталкивали случаи предательства и явные недостатки, мы знаемъ и это, и все это любви не убило, что же ее убьетъ, и къ чему только мы не готовы? Зато мы научились какой - то безстрашной честности, произвели неумолимо - вѣрную оцѣнку самаго близкаго, самаго намъ любопытнаго человѣка, о которомъ особенно трудно судить и думать безъ всякой пристрастности. Въ насъ раскрывается стремленіе быть и во всемъ вдохновенно - безпристрастными, мы нечаянно отыскали способъ постепенно до этого доходить. Вотъ такая пора "любовной зрѣлости" (помня конечно о различіи между любовью настоящей, ощутительной, властной, и условнымъ "писательскимъ романомъ") наступила у меня для Лермонтова, и я не только восхищаюсь, но и возможно - безпристрастно оцѣниваю, причемъ оцѣнка соотвѣтствуетъ восхищенію — правда, уже не слѣпому, безъ первоначальной измѣнчивости и ненадежности.

Я, кажется, лишь недавно понялъ, что именно въ писателѣ (да и вообще въ людяхъ) мнѣ близко и почему одно, а не другое, поражаетъ и для меня становится необъяснимо - высокимъ достиженіемъ, я лишь недавно въ этой путаницѣ разобрался (по собственнымъ, вѣроятно заимствованнымъ цѣлямъ) и больше съ собой не ошибаюсь, и только мнѣ странно теперь по взрослому, по зрѣлому одобрять то, что притягивало когда - то безотчетно — какъ это произошло у меня съ Лермонтовымъ. Я твердо знаю, никакая "игра ума", никакіе остро поставленные — объ ускользающемъ и запредѣльномъ — вопросы, никакое придумываніе и оспариваніе "новыхъ идей" ни-

сколько не кажутся мнѣ достойными и даже творческими, и я, не колеблясь, улавливаю, какъ подмѣняется напряженная, ведущаяся въ темнотѣ, медленная и страшная человѣческая работа чѣмъ - то легкимъ, случайнымъ и безотвѣтственнымъ. Я брезгливо - равнодушенъ въ искусствѣ ко всякаго рода "гимнастикѣ" и "гимнастамъ" и люблю людей, тяжело и осторожно думающихъ, добросовѣстныхъ, до наивности серьезныхъ, и если имъ повезетъ, если медленное ихъ вдохновенiе, похожее на пытки, на самомучительство, на отдѣльныя послѣдовательныя самоубiйства, сумѣетъ какъ бы оторвать и выразить ту или иную сущность, частицу сущности, "крупинку" подвижнической ихъ жизни (такъ что цѣлое ихъ творчество — словно бы "сгустки душевной крови", остановленные, умерщвленные, разъ это "сгустки" и кровь уже въ нихъ не течетъ, но въ такомъ мгновенно - застывшемъ видѣ единственно схватываемые и передаваемые), если подобная "частица сущности" найдена, передана, я ничего большаго не хочу и ничему другому не повѣрю: вѣдь того, что не отмѣчено, не выражено, того попросту для насъ нѣтъ, какъ не существуетъ для насъ неизвѣстнаго человѣка въ чужомъ и неизвѣстномъ городѣ или камешка на далекомъ берегу. Всякiя же откровенiя, пророчества, благодать — это всегда и предположительно и спорно, а вотъ такiя, названныя словами, оплотненныя душевныя силы какъ - то по своему можетъ провѣрить каждый изъ насъ, онѣ бываютъ подлинными или ложными и ужъ непремѣнно — хотя бы и по плоскому — ощутимы. Конечно, передъ странностью нашей судьбы и это безмѣрно - трудное напряженiе людей, готовыхъ себя, какъ бы досоздавая, передѣлывать и затѣмъ творчески - взволнованно изображать, оказывается напраснымъ и ни къ чему не приводящимъ (и намъ лучше не жить или жить, не оглядывась и куда - то безслѣдно отъ себя прячась), но лишь это, ненужное и суетное, напряженiе не есть попытка ввести въ обманъ и не является слѣдованiемъ обману, и если нѣкоторымъ изъ насъ дано стремленiе узнавать все новое не только во - внѣ, но и въ насъ самихъ, то другого способа пожалуй не отыщется. Для меня такiе безконечно - совѣстливые, праведные творцы — Толстой и Прустъ: Достоевскiй ставилъ острые вопросы и нагромождалъ запутанныя, невѣроятныя положенiя, Толстой и Прустъ неизмѣнно пытались — иногда неудачно и бѣдно — улавливать, додумывать, объяснять. Мнѣ кажется, Лермонтовъ былъ на пути Толстого и бы-

валъ “до наивности серьезенъ” въ непрестанномъ желанiи что - то свое додумать, выразить, разъяснить (когда - нибудь, если справлюсь со своею лѣнью, вамъ это старательно, текстами, докажу), и такая внутренняя честность въ немъ, гусарѣ, свѣтскомъ человѣкѣ, поэтѣ вѣроятно счастливаго, быстраго вдохновенiя — для меня самое неожиданное и прельщающее.

Впрочемъ, гусаръ, “повѣса”, свѣтскiй человѣкъ — это лишь внѣшняя поза Лермонтова, куда болѣе благородная, доказывающая большую его готовность за свои поступки расплачиваться и отвѣчать, нежели высокiя “трагическiя” позы, принимаемыя многими и даже знаменитыми людьми, которые распредѣляютъ соперниковъ и друзей по степени “благополучiя” или “трагичности”, причемъ тому и другому вѣрятъ на - слово и сами о своей трагичности говорятъ черезчуръ громко, съ презрительнымъ самодовольствомъ оглядывая молчаливыхъ и, значитъ, благополучныхъ. Лермонтовъ былъ и умнѣе и совѣстливѣе всѣхъ этихъ развязныхъ трагическихъ крикуновъ — и насколько онъ, постоянно рискующiй жизнью, непонимаемый, нелюбимый и одинокiй и въ то же время по - свѣтски равнодушно - скрытный и никогда никому не жалующiйся, насколько онъ достойнѣе и какъ - то по человѣчески милѣе.

АНАТОЛІЙ ШТЕЙГЕРЪ

КИРПИЧИКИ

Плечи у Ивана Петровича были узки и голосъ пересталъ ломаться совсѣмъ недавно. Весною онъ перешелъ въ шестой классъ, а осенью его назначили помощникомъ воспитателя въ отдѣленіе малышей, которымъ воспитатель велѣлъ называть его по имени-отчеству.

Первоклассники называли его Иваномъ Петровичемъ изъ почтенія, скоро Иваномъ Петровичемъ его стала называть вся гимназія. Издѣваясь и чуть завидуя называли товарищи по классу, иногда улыбаясь называли даже учителя, потому что къ своимъ обязанностямъ Иванъ Петровичъ отнесся серьезно. Онъ слѣдилъ за чистотой въ дортуарѣ, дѣлая мальчикамъ замѣчанія за грязныя руки, и выстраивая ихъ по военному для вечерней и утренней молитвы.

— Пусть привыкаетъ къ отвѣтственности, говорилъ о немъ инспекторъ. — Это прекрасно формируетъ характеръ въ юношескомъ возрастѣ.

Но Иванъ Петровичъ не думалъ о своемъ характерѣ. Онъ былъ очень несчастенъ въ послѣднее время. И въ своемъ дневникѣ онъ писалъ: "Лучше умереть, чѣмъ такъ жить. Я больше не вѣрю ни въ любовь, ни въ чудо. Уроки, уроки, издѣвательства товарищей такихъ пустыхъ и грубыхъ. Ужасные разговоры и Демидова, и Аксенова. Господи, какъ они говорятъ объ этомъ. Но нельзя умереть, пока не узнаешь, что такое любовь". Мысль о самоубійствѣ все чаще и чаще приходила ему въ голову. "Любви нѣтъ и нѣтъ счастья", — писалъ онъ, разгоряченный. Сегодня ему особенно хорошо писалось.

— Иванъ Петровичъ, позвалъ его голосъ воспитателя.

Иванъ Петровичъ вскочилъ и прикрылъ тетрадку физикой Краевича. Вмѣстѣ съ воспитателемъ входила въ дортуаръ красивая накрашенная дама въ широкой шляпкѣ и мальчикъ лѣтъ десяти, который прятался за ея спину.

— Вотъ, новенькій, сказалъ воспитатель, подталкивая мальчика къ Ивану Петровичу. — А это, мадамъ, мой помощникъ, подъ начальство котораго попадаетъ вашъ сынъ. Вы не безпокойтесь, ему будетъ у насъ хорошо. Неправда-ли, малышъ? Какой онъ у васъ хорошій.

Мальчикъ смотрѣлъ на воспитателя съ глубокимъ равнодушіемъ, даже съ презрѣніемъ. Его глаза не двинулись, словно онъ не слышалъ воспитательскихъ словъ. Не поднялъ онъ глазъ и на Ивана Петровича.

— Прошу его любить и жаловать, сказала дама. — И ты будешь всѣхъ слушаться. Ну, теперь мнѣ пора, я хочу еще успѣть на этотъ поѣздъ. Она поцѣловала мальчика, который холодно ей подставилъ щеку, пожала руку Ивану Петровичу и пошла къ дверямъ, напутствуемая воспитателемъ, который жаловался ей на провинціальную скуку. — Вотъ вы счастливая, пріѣхали изъ Парижа, будете теперь выступать въ Вѣнѣ. Тамъ у васъ идетъ жизнь настоящая, полная и красивая. Здѣсь будетъ стоять кровать вашего сына.

Мальчикъ стоялъ на мѣстѣ. Онъ не обернулся вслѣдъ матери. — Ты изъ Парижа пріѣхалъ, спросилъ его Иванъ Петровичъ, думая, что мальчикъ возволнованъ и разстроенъ. Но мальчикъ вынулъ изъ кармана стеклянные шарики и принялся ихъ разглядывать. Иванъ Петровичъ смотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Ты изъ Парижа пріѣхалъ, спросилъ онъ снова и голосъ его зазвучалъ рѣшительнѣе и строже. — Я здѣсь старшій и изволь мнѣ отвѣчать.

Мальчикъ перекатывалъ стеклянные шарики изъ одной ладони въ другую. Онъ былъ все такъ же спокоенъ. Иванъ Петровичъ подошелъ къ нему вплотную.

Мальчикъ былъ не великъ и не малъ ростомъ, шея была открыта, на немъ былъ англійскій спортивный костюмъ. Волосы были свѣтлые, очень тонкіе и мягкіе, а глаза сѣрые и большіе. Иванъ Петровикъ зналъ, что глаза мальчиковъ, когда они упрямятся или злятся, бываютъ похожи на твердые круглые шарики, но глаза этого мальчика на шарики не были похожи. Просто для Ивана Петровича въ нихъ не было мѣста.

Иванъ Петровичъ подошелъ къ мальчику еще ближе. И вдругъ мальчикъ запѣлъ. Очень тихо, очень спокойно, шарики за-

сунулъ въ карманъ, — чуть-чуть покачиваясь, съ очень серьезнымъ выраженьемъ на лицѣ.

Иванъ Петровичъ опѣшилъ. Мальчикъ пѣлъ по французски, (по французски Иванъ Петровичъ понималъ плохо), пѣлъ, не обращая на Ивана Петровича никакого вниманія. Мальчикъ продолжалъ пѣть. Чуть покачиваясь, очень тихо, не повышая голоса, ровнымъ и ангельскимъ голомъ. — Какъ ты поешь, уже совсѣмъ другимъ тономъ хотѣлъ сказать Иванъ Петровичъ, но сказать не рѣшился.

— Новенькій, новенькій, раздались вдругъ крики. Дортуаръ сразу наполнился шумомъ и грохотомъ. Это окончились вечернія занятія и мальчики вернулись въ дортуаръ.

Иванъ Петровичъ съ разбѣга врѣзался въ толпу. Что происходитъ что-то неладное, онъ почувствовалъ это еще издали. На футбольную площадку бѣжали не только малыши кое гдѣ въ толпѣ были видны длинныя фигуры шестиклассниковъ.

— Бѣги, бѣги, крикнулъ ему шестиклассникъ Демидовъ. — Это въ твоемъ отдѣленіи. Хорошъ помощникъ воспитателя.

— Француза бьютъ, кричали въ толпѣ. — Бей его. Стеблевъ, дай ему какъ слѣдуетъ. Такъ ему... Бей его. Дай ему въ морду.

Маленькій и коренастый Стеблевъ не нуждался въ поощреніяхъ. Его мускулы и кулаки славились во всемъ классѣ и перечить ему во всемъ классѣ не смѣлъ никто. Вліяніе его на товарищей и власть были безграничны.

Но защищался и французъ. Онъ защищался отчаянно, какъ "воинъ, рѣшившійся дорого продать свою жизнь". Въ одну минуту Иванъ Петровичъ понялъ, что здѣсь происходитъ не обычная школьная драка, — на лицахъ было больше злорадства, чѣмъ спортивнаго любопытства, Стеблевъ дрался не соблюдая установленныхъ правилъ, его маленькіе пудовые кулаки молотили Француза по головѣ, по груди, по глазамъ.

— Пропустите.

Но здѣсь съ Иваномъ Петровичемъ произошло что-то невѣроятное. Такъ бываетъ иногда во снѣ, во время тяжелаго кошмара: хочешь ринуться, броситься, помочь, — знаешь, что отъ этого дѣйствительно "все" зависитъ, — а что то держитъ, не пускаетъ, чьи то руки, камень? Какая-то тяжесть не даетъ шевельнуться даже.

Аксеновъ и Демидовъ скрутили ему руки за спину. Умолять ихъ

было безполезно. Кто-то изъ малышей подставилъ ему подножку. Падая, онъ увидѣлъ, что лицо у Француза сплошь залито кровью. И въ эту минуту опять раздалось пѣнье. Чуть слышное, но уже неровное, какъ разбитый и обломанный стекляный колокольчикъ, опять то-же самое необыкновенное ангельское пѣніе.

— Сми-ррр-на. Кому я говорю? Стоять смир-на. Глѣбовъ и Линцъ не пойдутъ сегодня на прогулку. Безъ разговоровъ. Кто тамъ разговариваетъ? Тебѣ дежурство по дортуару внѣ очереди. Пока вы не успокоитесь, мы не пойдемъ въ столовую. Линцу три дежурства внѣ очереди.

Иванъ Петровичъ стоялъ передъ длиннымъ строемъ. Носки врозь, въ линію, руки по швамъ, передъ нимъ стояли мальчики. Тридцать шесть паръ злыхъ глазъ, снизу вверхъ, уставясь, смотрѣли на него.

— Это я виноватъ во всемъ, думалъ Иванъ Петровичъ. Когда его назначили помощникомъ воспитателя, онъ хотѣлъ обращаться съ мальчиками не такъ, какъ обращались съ нимъ “старшіе”, когда онъ былъ въ приготовительномъ классѣ, онъ хотѣлъ чтобы его мальчики въ будущемъ не были похожи на Демидова и Аксенова. И вначалѣ казалось, что у нихъ устанавливается дружба.

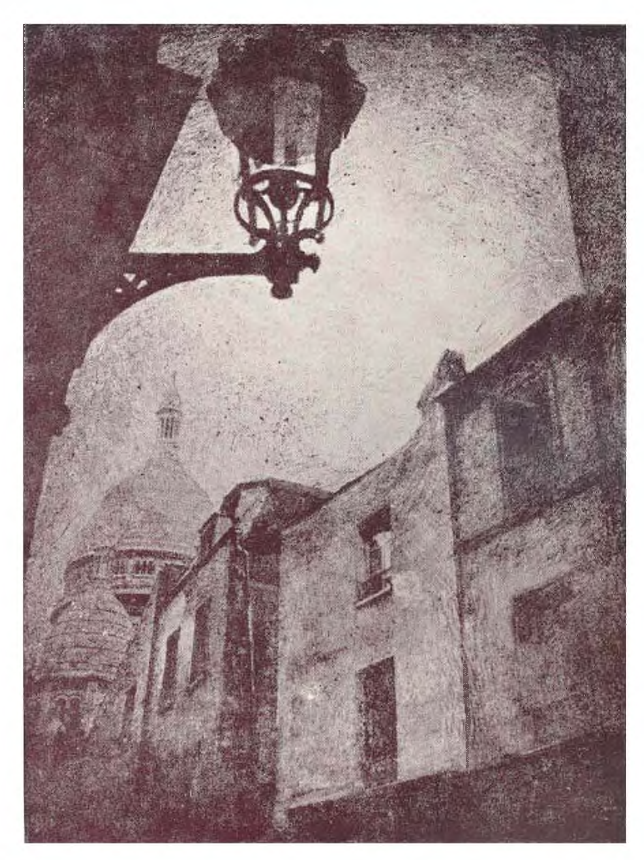
Но потомъ пріѣхалъ Французъ и съ его пріѣздомъ все почему-то измѣнилось.

Французъ подчинялся всѣмъ правиламъ и исполнялъ всѣ приказанія. Въ гимназической сѣрой рубашкѣ онъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ гимназистовъ. Даже волосы воспитатель велѣлъ остричь ему подъ гребенку. Но и въ сѣрой рубашкѣ, но и съ изуродованной бѣдной золотой головой, онъ казался Ивану Петровичу не совсѣмъ такимъ, какъ другіе.

Иногда Иванъ Петровичъ клалъ Французу руку на плечо. Французъ не обращалъ на это никакого вниманія, илидѣлалъ видъ, что не обращаетъ. Однажды вечеромъ Иванъ Петровичъ присѣлъ къ нему на кровать, уже послѣ того, какъ потушили электричество. Французъ натянулъ одѣяло на голову и лежалъ вытянувшись и не откликаясь. Иванъ Петровичъ взялъ въ руки завернутую голову маленькой теплой мумiи. Мумія запѣла у него въ рукахъ. Изъ шершаваго шерстяного шарика, который онъ держалъ въ рукахъ, сквозь шерсть, чуть пробивалось тихое ровное пѣніе.

Сергѣй Лифарь. *Serge Lifar.*

Пейзажъ. Фотогр. Марковича *Paysage photographié par* ***Markovitch.***

— Иванъ Петровичъ, заткните его, Французъ спать мѣшаетъ, раздался въ темнотѣ злой и бодрый голосъ съ сосѣдней кровати. Иванъ Петровичъ долженъ былъ встать и уйти.

Товарищи, встрѣтившіе Француза насмѣшливо — ихъ забавлялъ его неправильный русскій языкъ, его англійскій спортивный костюмъ, его постоянное пѣніе, — но хорошо в общемъ, скоро къ нему перемѣнились. Послѣ того, какъ замѣтили, что Иванъ Петровичъ кладетъ Французу руку на плечо, послѣ того, какъ сосѣдъ Француза разсказалъ на другое утро всему дортуару, что Иванъ Петровичъ приходилъ наканунѣ къ Французу: — съ нѣжностями.

Француза начали травить, на травлю Иванъ Петровичъ отвѣчалъ строгостью и наказаніями. Тогда къ воспитателю отправилась депутація съ жлобой.

— Онъ насъ наказываетъ ни за что. Онъ намъ ничего не позволяетъ. Мы, право, хорошо себя ведемъ, а онъ къ намъ придирается. Французъ что дѣлаетъ, а ему ничего. У, французишка проклятый.

Воспитатель оставилъ всю депутацію безъ сладкаго, но предупредилъ Ивана Петровича, что дальше такъ продолжаться не можетъ: — Изъ алгебры у васъ опять двойка и мальчики на васъ жалуются, что однимъ вы потворствуете, а къ другимъ придираетесь. Потрудитесь поправиться до конца четверти.

— Разрѣшите, пожалуйста, я только на одну минуту. Я, правда, долго у него сидѣть не буду.

Гимназическая сестра милосердія преграждала Ивану Петровичу дорогу. — Вы опять принесете папиросы, или еще какую нибудь мерзость. У него поднимется температура.

— Да я не къ Братину, честное слово не къ нему. Можно мнѣ видѣть Француза?

— Вы не к Братину, удивилась Евгенія Константиновна. — Къ Братину я вобще больше никого не пускаю. Идите, пожалуйста, можно.

Французъ лежалъ въ отдѣльной маленькой комнатѣ. Глазъ у него былъ обведенъ чернымъ и нога высока лежала на подушкѣ. — Какіе негодяи, говорила въ дверяхъ сестра милосердія. — Когда его принесли, мѣста на немъ живого не было. А на колѣнѣ у него такой синякъ, что только послѣ Рентгена будемъ...

Когда сестра ушла, Иванъ Петровичъ, какъ тогда ночью, присѣлъ на кровать къ Французу. Французъ не шевельнулся. Иванъ Петровичъ взялъ его за руку.

— А что будетъ со Стеблевымъ? спросилъ Французъ.

— Онъ сидитъ въ карцерѣ. Потомъ будетъ педагогическій совѣтъ и его выгонятъ, навѣрное.

— Если вы меня любите, сказалъ Французъ, — передайте ему какъ нибудь это. Вы можете, если вы меня любите.

Иванъ Петровичъ взялъ въ руки небольшой свертокъ. Въ бумагѣ что-то перекатывалось, пока онъ мялъ его пальцами. — Только не мните, пожалуйста, попросилъ его Французъ. — А то разорвется. Передадите, вы мнѣ обѣщаете?

— Довольно, сказала входя Евгенія Константиновна. — И вамъ, Иванъ Петровичъ, тоже пора, а то вы опоздаете на уроки.

Иванъ Петровичъ ходилъ къ Французу каждый день и ходилъ такъ цѣлый мѣсяцъ. Лицо у Француза побѣлѣло, зажила губа и опять отросли его волосы. Говорили они ни о чемъ и о пакетикѣ, который Иванъ Петровичъ долженъ былъ передать Стеблеву, Французъ не спросилъ ни разу. Черезъ мѣсяцъ состоялся консиліумъ и врачи, нашедшіе у него туберкулезъ колѣна, рѣшили отправить Француза въ Швейцарію. За нимъ опять пріѣхала красивая дама, его мать, которая громко жаловалась на порядки въ эмигрантской гимназіи. — Одни непріятности, говорила она. Хорошее національное воспитаніе. Лучше бы я его оставила въ колежѣ.

Два дня къ Французу никого не пускали, а потомъ пустили за нѣсколько минутъ до отъѣзда.

— Я не хочу уѣзжать, сказалъ Французъ и лицо его искривилось самою обыкновенною гримасою, когда очень маленькія дѣти начинаютъ плакать. А отъ долгаго лежанья онъ вытянулся и казался худымъ и длиннымъ. На немъ опять былъ спортивный "городской" костюмъ, а не сѣрая гимназическая рубашка.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Француза, Ивана Петровича разжаловали изъ помощниковъ воспитателя, онъ остался на второй годъ въ шестомъ классѣ и родители перевели его въ нѣмецкую школу. Но, чтобы имѣть и русскій аттестатъ зрѣлости, Иванъ Петровичъ опять попалъ въ эмигрантскую гимназію, гдѣ такъ неудачно оборвалась его педагогическая дѣятельность.

— Заходите ко мнѣ чай пить, позвалъ его учитель исторіи, когда окончились экзамены. — Заходите, ничего, мы не будемъ вспоминать старое.

— А Французъ, что съ нимъ сталось, спросилъ Иванъ Петровичъ, размазывая на блюдечкѣ варенье, послѣ того, какъ онъ разсказалъ объ эмигрантскихъ собраніяхъ и о Гинденбургѣ. — Умеръ?

— Французъ, умеръ? удивился учитель. — Да, хотите я его сейчасъ позову?

— Да, нѣтъ, сказалъ Иванъ Петровичъ. — А что его нога? Поправилась?

Но учитель исторіи все же послалъ за Французомъ. Иванъ Петровичъ не отрываясь смотрѣлъ на дверь.

Дверь распахнулась и запыхавшійся мальчикъ, широкоплечій, высокій, ростомъ съ Ивана Петровича, въ толстыхъ грязныхъ футбольныхъ ботинкахъ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ Ивана Петровика, вопросительно остановился на порогѣ.

— Тебя тутъ хотѣли видѣть, сказалъ учитель. — Какой ты грязный. Вотъ онъ, вашъ Французъ.

Французъ смущенно щелкнулъ каблуками, какъ учили въ гимназіи. Руку онъ подалъ неумѣло, деревяшкой, видъ у него былъ бодрый, здоровый, одичавшій.

— Онъ у насъ очень хорошо поетъ, сказалъ учитель исторіи. На праздникѣ Русской Культуры, онъ выступалъ въ боярскомъ костюмѣ...

— Спой что нибудь, словно обрадовавшись, сталъ просить Иванъ Петровичъ. — Заставьте его, пожалуйста, что нибудь спѣть. Я васъ очень прошу. Я тебя очень прошу, спой что нибудь, пожалуйста.

— Я не хочу, сказалъ Французъ. — Я ничего новаго не знаю. Я не хочу пѣть.

— Я тебя очень прошу. Хоть что нибудь. Хоть начни, — что хочешь.

Я ничего, право, не знаю...

— Ну, не кривляйся, какъ дѣвченка, сказалъ учитель исторіи. — Что это за глупости. Спой, если тебя просятъ.

Французъ молчалъ.

— Спой, я тебѣ говорю. Ты слышишь, я тебѣ говорю.

— Тогда не надо, сказалъ Иванъ Петровичъ. — Пусть не поетъ.

— Я только "Кирпичики", вдругъ, подумавъ, сказалъ Французъ. И, покраснѣвъ, онъ началъ не глядя на Ивана Петровича.

Но голосъ былъ тоже иной, на тотъ голосъ совсѣмъ непохожій. Только въ одномъ мѣстѣ Ивану Петровичу показалось, что звякнулъ стеклянный и тоненькій колокольчикъ.

И вотъ за Сеничку,
Да за кирпичики,
Полюбила я этотъ
Заводъ.

Отъ учителя исторіи они вышли вмѣстѣ. — До свиданья, сказалъ Французъ. — Мнѣ пора. У меня матчъ завтра.

— А ты хорошо играешь, спросилъ Иванъ Петровичъ. — Помнишь шарики, что ты мнѣ далъ для Стеблева. Они все у меня.

— Какіе шарики, покраснѣлъ Французъ, — Ахъ, это тѣ... Ну, до свиданья. И онъ побѣжалъ къ футбольному полю.

В. ЯНОВСКІЙ

РАЗСКАЗЪ МЕДИКА

Въ это утро мы работали на женскомъ отдѣленіи.

Въ большой палатѣ — на сорокъ коекъ, — подъ грубыми простынями лежали больныя. Дѣвушки и старухи; женщины и подростки метались отъ боли на сѣрыхъ подушкахъ. А мы ходили отъ койки къ койкѣ и всюду, — въ негнущихся суставахъ, въ хрипящихъ бокахъ, въ сухихъ животахъ, — мы узнавали: то сифилисъ, то чахотку, то ракъ.

Мы глядѣли на нихъ и гадали, когда и отъ какой болѣзни придется намъ умирать.

Возлѣ больной съ глубоко впавшими, точно обуглившимися глазами, мы остановились.

Уложивъ ее на бокъ я руками придерживалъ ея плечи; кто-то другой держалъ ноги. И когда принесли инструменты, я замѣтилъ какъ больная поспѣшно сунула себѣ въ ротъ край салфетки, рукой судорожно смыкая челюсти.

Острую трубу взялъ въ руки ассистентъ и приставивъ межъ седьмымъ и восьмымъ ребромъ, — твердо надавилъ.

Я слышалъ, какъ хрустнули скулы больной; я слышалъ свистящій клекотъ подъ салфеткой.

Глубже и глубже вводилъ ассистентъ никелированную трубочку. Медленно, нехотя разступалось живое тѣло. О, какъ томительно медленно шли секунды. Я видѣлъ вдругъ блеснувшій изъ подъ волосъ пьяный взглядъ больной. Дикій взглядъ терзаемаго мяса.

Ассистентъ привинтилъ насосикъ къ трубкѣ и двинулъ валъ. Желтовато-лимонная жидкость поднялась изъ плевръ. Тогда ассистентъ отвинтилъ насосъ и выпустилъ гной въ стеклянную пробирку. А острая металлическая трубка торчала межъ седьмымъ и восьмымъ ребромъ, приподымаясь въ тактъ дыханью больной.

И глядя, какъ ассистентъ снова и снова привинчиваетъ насосъ

ко впалымъ, горящимъ бокамъ, — я думалъ, что все-таки надо быть очень безжалостнымъ, что-бы умѣть помогать людямъ.

И вдругъ горячій ознобъ облилъ меня. Не сверху, а снизу, изнутри, пришелъ онъ. Я какъ бы ощутилъ жаръ своего сердца; потъ на легкихъ и печени. Въ глазахъ посѣрѣло, — только верхнимъ угломъ, краемъ, еще мерещились мнѣ окна. Въ груди, словно гвоздемъ заковыряли, какъ въ нарывѣ. Не хватало дыханія.

Тогда, выпустивъ больную, я невѣрными шагами отошелъ немного и прислонился къ стѣнѣ. Крупныя капли испарины покрыли меня. — Только бы не упасть. Только бы не упасть! — молилъ я себя.

У меня хватило силы еще, съ безразличнымъ видомъ, вынуть и поглядѣть на крышку часовъ, — а потомъ, будто вспомнивъ что-то, деревянно — прямо направиться къ двери.

На терассѣ я нашелъ уже нѣсколькихъ сокурсниковъ. Перегнувшись черезъ перила, они жадно, — какъ рыбы въ лохани, — глотали воздухъ.

Избѣгая взгляда другъ друга, мокрые, зеленые, мы изнеможенно подставляли мутные лбы подъ холодный вѣтеръ.

А потомъ насъ повели дворомъ куда-то внизъ. Мы проходили мимо часовни:

Старинная, древняя съ широкими отлогими ступенями. Высоко, припавъ къ самымъ периламъ, изъ глины, глядѣлъ внимательно и строго Христосъ, кого-то выглядывая среди проходящихъ, а вверху надпись:

"Азъ есмь путь истинный и жизнь".

Мы вошли въ подвалы; насъ встрѣтили усатые сторожа съ засученными рукавами.

На столахъ лежали умершіе за эту ночь. — Желтые, холодные, ссохшіеся, съ картонными номерами на худыхъ рукахъ; они лежали ненужные, — будто уже вышедшіе въ тиражъ билеты, какой-то большой лотереи.

Насъ подвели къ приготовленному трупу.

Инструментомъ уже былъ приподнятъ верхній пластъ кожи и жира. Одинъ за другимъ мягко разступались ребра. Но ключицы были тверды и простой скальпель ихъ не бралъ. Пришлось переку-

сить ихъ большими щипцами. Съ сухимъ трескомъ онѣ ровно отсѣклись.

— Великолѣпно, — сказалъ ассистентъ, и приподнялъ грудную клѣтку.

Мы хищно взрѣзали легкія. Онѣ были покрыты желтыми ранками. И пока ассистентъ намъ разсказывалъ объ этихъ кратерахъ и о судьбѣ легкихъ занятыхъ ими, — мы торопливо совали безформенныя, какъ у водолазовъ, руки, въ резиновыхъ перчаткахъ, все глубже и глубже. Мы мяли сердечный мѣшокъ, кололи почки, отдѣляли печень. Отъ синеватыхъ перстовъ кишекъ поднимался парный запахъ непроваренной пищи.

Мы кривились, задерживали дыханіе, и что-бъ не слышать гадливой вони человѣческихъ внутренностей, — жадно курили папиросу за папиросой. Пепелъ падалъ на сухія, только, кожей обтянутыя руки, мертвеца.

Онъ былъ желтъ, худъ какъ всѣ чахоточники; рѣдкая, жесткая, бороденка, паклей торчала на подбородкѣ. Не знаю почему, его щеки все еще были повязаны марлей. Вытянутыя палки ногъ торчали большими пальцами врозь, и желтыя пятки, похожія на блины, мерцали вялыми подушками мозолей.

А на сосѣднихъ столахъ лежали старухи, — сѣдыя пряди ихъ волосъ казались огромными, возлѣ ссохшихся маленькихъ тѣлъ, — напоминая посинѣвшихъ, ощипанныхъ цыплятъ съ пышными хвостами.

Онѣ были уже послѣ вскрытія: съ проваленными животами выпиленными ребрами; сидящія, лежащія затылками вверхъ, — онѣ казались похожими на парящихся въ банѣ вѣдьмъ, сѣрыхъ отъ пара и копоти.

А потомъ мы снова шли дворомъ. Бодрый холодъ сильнѣе гналъ кровь; о, какъ жадно дышала грудь.

Мы шагали важные, серьезные, въ бѣлыхъ халатахъ; а встрѣчные больные, враждебно сторонились, уступали намъ дорогу потупивъ глаза. И снова со свода старинной часовни, внимательно и строго глядѣлъ Христосъ, кого-то выглядывая среди проходящихъ; а внизу надпись:

"Вѣрующій въ меня имѣетъ жизнь вѣчную".

Обѣдали мы въ этотъ день поздно. Противъ насъ сидѣли ве-

селыя молодыя дѣвушки, задорно поглядывавшія. И наливая вино въ стаканы я вдругъ сказалъ своему другу, упрямому хохлу изъ Черкассъ, словами пѣсни:

— Выпьемъ куму, выпьемъ тутъ, на томъ свѣтѣ не дадутъ.

Поднося стаканъ къ сѣрымъ губамъ, онъ отозвался:

— Выпьемъ куму лучше тутъ.

И столько было въ его, сиротливо мигнувшихъ, глазкахъ примиренности со своей судьбой; столько жалостливаго, усталаго недоумѣнія, — что мнѣ вдругъ опять стало не по себѣ.

А кругомъ сидѣли люди; сочно жуя и чавкая, ѣли, пили. И глядя на нихъ я думалъ, что если наложить щипцы на ключицы то онѣ разступятся съ сухимъ трескомъ, а въ лицо ударитъ запахъ теплаго мяса и непроваренной пищи.

ГЕОРГІЙ АДАМОВИЧЪ

КОММЕНТАРІИ

Исторія литературы — лѣтопись легкомыслія и непостоянства. Нѣтъ, кажется, ни одного теченія, ни одной теоріи, которая черезъ двадцать пять — тридцать лѣтъ не показалась бы вздорной и плоской.

Сейчасъ новые беллетристы пишутъ большей частью «подъ Пруста»; стараются, по крайней мѣрѣ... Крайне вѣроятно, что черезъ двадцать пять лѣтъ будутъ ужасаться тому, что намъ сейчасъ нравится. Опять будутъ возстановлены въ правахъ вещи и внѣшній міръ. Опять будетъ считаться признакомъ изящнаго тона — писать короткими фразами. Найдены будутъ умные, язвительные, временно-неотразимые доводы противъ психологизма. Однимъ словомъ, мы останемся въ дуракахъ... Не черезъ двадцать пять лѣтъ, такъ черезъ пятьдесятъ, не въ томъ видѣ произойдетъ переворотъ, такъ въ другомъ. Но произойдетъ навѣрно.

Единственный выводъ изъ всего этого: надо слушать *голосъ* книги, то, что за словами, послѣ словъ и что переоцѣнкѣ не подлежитъ. Не имѣетъ никакого значенія, каковы пріемы автора. Конечно, писатель дѣлающій подлинно-творческое усиліе, почти всегда бываетъ и формально новъ, т.-е. бываетъ въ согласіи съ временемъ: это дважды два четыре, не стоитъ объяснять... Но все таки важно только то, что остается въ памяти, когда остовъ книги забытъ, когда тускнѣетъ фабула и обликъ героевъ: если не остается ничего, значитъ ничего въ книгѣ и не было, какъ бы «блестяща» она ни казалась. Все можно поддѣлать, кромѣ этого arrière-gout, безошибочно опредѣляющаго цѣнность творчества, отражающаго то, безъ чего литература есть всего лишь праздная пошлость (Метерлинкъ въ ранней молодости очень вѣрно сказалъ «развлеченіе для дикарей»).

Толстой, въ «Аннѣ Карениной».

Анна, передъ самоубійствомъ, ѣдетъ въ коляскѣ по московскимъ улицамъ, и растерянно-сомнамбулически смотритъ по сторонамъ. «Тютькинъ ку-

афферъ. Je me fais coiffer par Тютькинъ». Этотъ Тютькинъ въ свое время многихъ поразилъ.

Но теперь онъ поражаетъ по другому: зачѣмъ это понадобилось Толстому, въ концѣ великаго и грознаго его романа, когда въ послѣднiй разъ склоняется онъ надъ своей жертвой, когда тема отмщенiя звучитъ какъ какой-то средневѣковый органъ, на этихъ предѣльныхъ для человѣческаго искусства страницахъ, — зачѣмъ понадобился ему этотъ вѣрный, и пусть даже въ свое время смѣлый, но все таки дешевый, непрочный эффектъ. Ну, да, конечно: подмѣчено и найдено безошибочно. Но съ тѣхъ поръ вѣдь всѣ научились такъ подмѣчать, и неужели Толстой не долженъ былъ пренебречь тѣмъ, что всякому стало такъ легко доступно? Для чего это щегольство деталями, — разъ уже и безъ нихъ все безпощадно - ясно, и никакой Тютькинъ къ сути дѣла ничего добавить не можетъ, а наоборотъ только разсѣиваетъ вниманiе.

Когда-то я объ этомъ говорилъ Бунину. Онъ сразу, съ живостью согласился: «да, да, конечно» — и перемѣнилъ разговоръ, будто не желая разглядывать пятенъ на солнцѣ.

Насъ во многомъ упрекнетъ будущее. Но кое-что мы все-таки нашли такое, отъ чего не откажемся никогда, какъ никогда никто насъ не убѣдитъ, что не были мы правы: сознанiе тщеты и суетности всего, что не окончательно неустранимо въ литературѣ, желанiе покончить разъ навсегда со всѣми маленькими «красотами», которыя заслоняютъ главную, единственную красоту, недовѣрiе къ образной яркости, къ образамъ вообще. «Я лютеранъ люблю богослуженье». Говорятъ, лютеранство убило религiю, можетъ быть *это* убиваетъ литературу, ограничиваетъ ея область, во всякомъ случаѣ, — и чѣмъ дальше вдумываешься, тѣмъ кругъ все тѣснѣе. Но все таки «я лютеранъ люблю богослуженье», чистую, позднюю, трагическую простоту его.

Какъ можно не видѣть, что христiанство уходитъ изъ мiра!

Доказательствъ нѣтъ. Но вѣдь не все же надо доказывать. Достаточно вглядѣться повнимательнѣе: позднее утро сейчасъ, солнце взошло уже высоко, — и все слишкомъ ясно для общихъ восторговъ, испуговъ и надеждъ. «Тайна» осталась на самыхъ низахъ культуры иногда на самыхъ верхахъ, но въ воздухѣ ее нѣтъ, и нельзя уже мiру ее навязать... Будетъ трезвый, грустный и умный день.

Мережковскiй кричитъ: «кѣмъ же надо быть, чтобы оставить Его въ

эти дни!». Увы, увы, это лишь полемическій пріемъ, одинъ изъ тѣхъ, безъ которыхъ въ такихъ дѣлахъ лучше было бы обойтись. Отвѣтъ несомнѣненъ: кѣмъ надо быть? — подлецомъ. Возражающій посрамленъ — и умолкаетъ. Но дѣло вовсе не въ оставленіи «Его», не въ личномъ предательствѣ, о нѣтъ: можно быть вѣрнымъ ,не надо быть слѣпымъ, можно ужасаться грядущей пустотѣ въ душахъ, безсмысленно все таки ее отрицать... И честнѣе, мужественнѣе подумать: чѣмъ же эту пустоту заполнить? «Что дѣлать намъ и какъ помочь?». Мережковскій брезгливо упирается, опасливо прячетъ голову въ подушку, какъ ни въ чемъ не бывало сочиняетъ новые догматы, — старыхъ ему, очевидно, мало... Отъ увѣренности, что обладаетъ истиной, онъ то, можетъ быть, и предаетъ ее: въ темныхъ углахъ, по забытымъ душевнымъ убѣжищамъ еще прячется она, отступая, бросая все за собой, и не до догматовъ ей! Страшно сейчасъ христіанину въ мірѣ, страшнѣе чѣмъ было на аренѣ со львами, — тогда все рвалось впередъ, а сейчасъ впереди ничего. «Оссана сыну Давидову»: послѣднія пальмы, послѣднія слабѣющія руки тянутся вслѣдъ Ему, и ужъ какія тутъ догматическія увѣщанія и споры, будто на вселенскихъ соборахъ, если исчезаетъ духъ, тема, образъ.

«Мы свой, мы новый міръ построимъ». Лично — отказываюсь (не о себѣ; «я» предполагаемое). Остаюсь на той сторонѣ. Но не могу не сознавать, что остаюсь въ пустотѣ, и тѣмъ другимъ ни въ чемъ не хочу мѣшать. Хочу только помочь... Удивительно, что Мережковскій не захотѣлъ понять «потусторонняго» риска христіанства, и пристыдивъ воображаемаго собесѣдника - подлеца насчетъ «оставленія Его», не замѣтилъ, что даже и въ религіозномъ планѣ, съ допущеніемъ проникновенія во всякую мистику и метафизику, ставка христіанства можетъ быть проиграна. Ибо въ конечномъ счетѣ «подлецъ» говоритъ: «не люди, — Богъ противъ Него; не можетъ быть, чтобы сотворившій міръ хотѣлъ испепелить его, не можетъ быть, что этотъ вызовъ всему всемірному здоровью или благоразумію былъ въ согласіи съ всемірной жизненной волей...». И такъ далѣе. И тутъ же страшныя евангельскія цитаты: блаженны нищіе, — отчего именно нищіе? блаженны плачущіе, — отчего только плачущіе? Отчего неудачники блаженны, вообще? И непонятный, навсегда непонятный разсказъ о блудномъ сынѣ, окончательно, если вдуматься, взрывающій все «вверхъ дномъ». И богатый юноша, который не напрасно же «отошелъ съ печалью». И, наконецъ — послѣднее: «кто не возненавидитъ отца своего, и матери, и жены, и дѣтей, и братьевъ, и сестеръ, и притомъ и самой жизни, тотъ не можетъ быть Моимъ ученикомъ». «Ужасное» одиночество Христа тогда и обнаруживается впол-

нѣ. Не только, кажется, люди оставляютъ Его: природа міра отказывается подчиниться Ему. Послѣдній, предсмертный крикъ на крестѣ: «Боже мой, Боже мой...» еще не потерялъ значенія, и ужъ если быть Ему вѣрнымъ, то «il ne faut pas dormir pendant ce temps-là», какъ дрожащей отъ волненія и любви рукой писалъ Паскаль. Надо согласиться на все: даже и умереть съ Умершимъ.

Еще гораздо страннѣе (если бы не была такъ давно знакома) — добродѣтельная новоградско-утвержденская модернистическая кашка изъ приторнаго нестеровскаго православія и соціалистическихъ «достиженій», вся эта вообще революція на лампадномъ маслѣ. Доказать и тутъ ничего нельзя. Но вся фальшъ, которая есть въ Достоевскомъ, — въ «Дневникѣ Писателя» больше всего, хотя и въ письмахъ ,и даже въ «Карамазовыхъ», — и во всей этой государственно-православной литературной линіи, съ отклоненіями то къ Соловьеву, то къ Леонтьеву, здѣсь сгущена до нестерпимой отчетливости. Народъ нашъ — Богомъ отмѣченъ, ризой пречистой одѣтъ, царя и церковь святую чтитъ, однако, «ружей бы намъ побольше» (увы, Достоевскій). Главное: они хотятъ «строить», реально, во времени и исторіи, на землѣ, — и не чувствуютъ неумолимаго «или — или», раздѣляющаго христіанство и будущее. Если иногда и чувствуютъ, то конфетокъ новѣйшаго производства у нихъ припасено достаточно, чтобы внезапную эту горечь заглушить.

Не опровергнуто христіанство, конечно. Но «испустило духъ», выдохлось, изошло за два тысячелѣтія всѣми своими силами и всей страстью. Сейчасъ мы смотримъ *вслѣдъ* ему, — смотримъ и не можемъ оторвать глазъ. «О, свѣтъ вечерній». Единственный свѣтъ, никогда не было такого, надо бы на колѣни стать, провожая его.

Но слѣпота ничему не поможетъ. Уже и подумать нелѣпо, чтобы можно было опять вдохнуть его въ кровь человѣчества, и поднять, напримѣръ, какіе нибудь новые крестовые походы. Кровь по другому кипитъ теперь, о другомъ кипитъ. Сейчасъ люди это лишь до - любливаютъ, до - вѣрываютъ, до-думываютъ, и если въ нѣкоторыхъ душахъ христіанство дѣйствительно будетъ (или должно бы) жить вѣчно, то лишь въ разбитыхъ и растерянныхъ душахъ, въ такихъ, которыхъ жизнь хорошенько потреплетъ передъ тѣмъ... Въ выбывшихъ изъ строя, однимъ словомъ. Тогда они вспомнятъ: «блаженны нищіе» — и поймутъ. Удивительна въ Евангеліи именно эта побѣда надъ без-

надежностью: нѣтъ положенія изъ котораго не было бы выхода, по Христу, нѣтъ «дна» вообще. Въ этомъ смыслѣ — нѣтъ смерти.

Кстати, у Мережковскаго приведено незаписанное, отвергнутое церковью изрѣченіе, — въ дополненіе къ тому, извѣстному, что «если двое соберутся во имя мое...»:

— «Гдѣ и одинъ человѣкъ, Я съ нимъ».

Будто торопливая, запоздалая поправка, въ предѣльно-ясновидящемъ и милосердномъ пониманіи того, что иногда нужно человѣку... Церковь должна была ее отвергнуть. Но все очарованіе христіанства въ этихъ словахъ. Нечего больше сказать.

Вѣяніе подлинности. — Наука ничего о Христѣ не знаетъ. «Il est insaisissable», замѣтилъ недавно осторожный Рейнакъ.

Но избытокъ осторожности умерщвляетъ самую возможность знанія... Случается, что перечитывая Евангеліе останавливаешься, и пораженный чувствуешь: этого не могло не быть. Есть изрѣдка, кое-гдѣ, у всѣхъ евангелистовъ такіе «проблески», въ особенности у Марка. Читаешь въ сотый разъ, почти ничего уже не видя, — и вдругъ каждое слово становится по новому ясно.

Разсказъ о Крестной смерти.

— Въ девятомъ часу возопилъ Іисусъ громкимъ голосомъ: «Элои, элои, ламма савахфани?«, что значитъ «Боже мой, Боже мой! для чего Ты меня оставилъ?». Нѣкоторые изъ стоявшихъ тутъ, услышавъ, говорили: «вотъ, Илію зоветъ» То же повторено у Матфея.

Невѣроятно! Какъ я могъ столько лѣтъ читать и знать это, ничего не замѣчая. Вѣдь подумайте: если этого не было на самомъ дѣлѣ, въ простѣйшей и реальнѣйшей дѣйствительности, то кому же надо было сочинять эту подробность относительно «нѣкоторыхъ», можетъ быть тугихъ на ухо, которые не разслышали и сказали: «вотъ зоветъ Илію». Можно ли у простодушнаго Марка предположить такой профессіональный писательскій опытъ и эстетическую изощренность, чтобы выдумать этотъ «штрихъ», ни для чего абсолютно не нужный, кромѣ какъ для беллетристической живости, которую онъ не могъ же цѣнить! Вѣдь это впору умѣлому теперешнему бытовику — такъ сочинять, Тригорину какому нибудь... Значитъ — было. Маркъ не заботится о картинности. Маркъ только записалъ то, что зналъ: эпизодъ, почти

анекдотъ, не имѣющій никакого значенія, — какъ собиралъ и другое. Значитъ было все: по одному слову убѣждаешься въ цѣломъ.

Онъ говорилъ съ людьми рѣшительно обо всемъ. Но онъ ни разу не сказалъ имъ, что надо быть честными... Нагорная проповѣдь, заповѣди, блаженства. Представьте себѣ: «Блаженны честные». Невозможно! Сразу будто барабанъ какой-то вторгается въ райскія скрипки: все тутъ же меркнетъ, все прозаливается и умолкаетъ. Невозможно.

Но Римъ и здѣсь одержалъ побѣду надъ нимъ. Отъ всяческихъ римскихъ Муціевъ Фабриціусовъ, которые вмѣстѣ съ конемъ и, конечно, въ полномъ вооруженіи бросались со скалы, если были «обезчещены», идетъ прямая соединительная нить къ какому нибудь нашему сѣдоусому, грозноокому орлу-полковнику, который «не моргнувъ» подсовываетъ своему набѣдокурившему сыну револьверъ:

— Иди, застрѣлись. Это твой послѣдній долгъ.

И потомъ гордо и страдальчески, съ облегченной совѣстью, смотритъ «прямо въ глаза» обществу, которое почтительно восхищено... Это Римъ въ чистѣйшемъ видѣ, въ самомъ высокомъ видѣ его. Отъ Христа здѣсь не осталось ничего, и хотя подполковникъ, вѣроятно, ходитъ по праздникамъ къ обѣднѣ и лобызаетъ золотой крестъ, выносимый его пріятелемъ — батюшкой, все таки онъ душой всецѣло съ тѣми, кого ужаснуло когда-то христіанство, какъ позоръ и мерзость. Если бы ему сказали это, онъ удивился бы, потому, что привыкъ чтить все установленное вѣками... Какъ ему враждовать съ Христомъ? Жестокій, длительный, кропотливый реваншъ Рима произошелъ негласно, тутъ же «подъ самымъ носомъ» церкви, при тайномъ ея согласіи, или непониманіи того, что дѣлается, или въ рѣдчайшихъ случаяхъ, подъ ея безпомощные, грустные вздохи... Надо было вновь укрѣпить и скрѣпить расшатавшійся міръ, нельзя было допустить, чтобы надъ идеаломъ общественно-нужнымъ вознесенъ былъ иной идеалъ, общественно-неясный и опасный. «Долгъ выше всего, честь выше всего». Человѣкъ нашего времени повторяетъ это спокойно и увѣренно; даже если не въ силахъ этимъ твердымъ принципамъ слѣдовать, онъ въ нихъ не позволяетъ себѣ усомниться, и въ безмятежномъ невѣдѣніи своемъ опять толкаетъ забытаго, мнимо-чтимаго Учителя на «второе пропятіе».

По Христу все это не существенно. Онъ не «противъ» и не «за»: ему

некогда о такихъ вещахъ думать. «Воздадите кесарево...». Только навѣрно это не выше всего. Это просто «законъ».

ПИСЬМА А:

Тема Пушкина не даетъ мнѣ покоя. Тема «Пушкинъ», вѣрнѣе... Тема искусства. Бываетъ, что мѣ хочется погрозить ему кулакомъ, «ужо тебѣ!» какъ Евгеній Петру въ «Мѣдномъ Всадникѣ». А потомъ я принимаюсь читать — и мало по малу все забываю, «сдаюсь».

Чудный и грѣшный поэтъ, «несчастный какъ сама Россія», по чьему-то вѣрному — не помню, кто сказалъ — слову. Непонятно, когда это успѣли накурить передъ нимъ столько благонамѣреннаго фиміама, что за дымомъ ничего уже и не видно. Къ фиміаму большинство и льнетъ: удобно, спокойно. «Поклонникъ Пушкина, но человѣкъ неглупый...» — эту фразу написалъ я какъ-то само собой, не сразу замѣтивъ ея парадоксальность.

Иногда представляешь его себѣ, — схематически, такъ сказать: страшный оскалъ негритянскихъ, сіяющихъ зубовъ, не то въ усмѣшкѣ, не то въ предсмертномъ изнеможеніи, — и безвоздушное, черное — черное пространство вокругъ, безъ всякихъ Боговъ и утѣшеній. О, какъ тяжело ему жилось!

Кто-то вполголоса, разсѣянно запѣлъ въ сосѣдней комнатѣ:

Онѣгинъ, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была...

Вотъ, услышалъ я эти строчки, и простите, другъ мой, если сантиментально, едва не заплакалъ, застигнутый врасплохъ, не успѣвъ во время душевно «защититься»... Не могу безъ слезъ этого читать и слушать. Есть вообще въ послѣднихъ главахъ «Онѣгина» такая предѣльно-пронзительная для меня, улетающая и грустная прелесть, что не могу ее выдержать. «Пушкинъ, Пушкинъ, золотой сонъ мой». Но послушайте, вотъ, — это слишкомъ хорошо, и поэтому, жизнь уже не вмѣщается въ это. Оттого и грусть. Не увѣренъ что правильно здѣсь сказать «поэтому»... Но жизнь рвется мимо, мутнымъ, тепло-рвотнымъ, грязно-животворящимъ потокомъ, и я все таки хочу быть съ ней, несмотря ни на что, превозмогая иногда отвращеніе, и знаю, что обратно ее въ былую стройную прелесть вогнать уже нельзя: уже другіе элементы

вошли въ игру, уже явственно звучитъ другая музыка, и я хочу быть съ ней! Поймите, мнѣ иногда мечтается новый «Онѣгинъ». Для разума моего онъ еще невозможенъ, не могу себѣ представить его, но сердцемъ жду: опять все пронизать такой же гармоніей, найти всему имя и мѣсто, упорядочить данныя міра, одно къ одному, — и не такъ какъ теперь, реакціонно-музейно, жмурясь отъ одинокаго наслажденія, вдыхать ароматъ рѣдкаго, полуувядшаго цвѣтка, а всѣмъ своимъ существомъ чувствовать влагу, еще идущую отъ земли.

Отсюда переходъ. Не удивляйтесь рѣзкости скачка, но я всегда объ этомъ, почти только объ этомъ, и думаю. Вѣрнѣе — сразу думаешь обо всемъ вмѣстѣ съ поэзіей. Ну, вотъ, скажу прямо, банальнѣе банальнаго: «впередъ безъ страха и сомнѣнія». Или со страхомъ и сомнѣніемъ, но все таки-впередъ. И не то, что «да здравствуетъ Москва», нѣтъ, о нѣтъ, — но да будетъ то, что будетъ, то, что должно быть. Не отъ пассивно-мечтательнаго безволія моего говорю это, но отъ моральнаго, — насколько оно мнѣ доступно, — ощущенія времени и бытія... Въ прошломъ было благолѣпіе. Были ли вы когда нибудь въ Версалѣ зимой, въ сумеркахъ, бродили ли по пустымъ аллеямъ его: это — какъ «Онѣгинъ», потому что здѣсь жизнь тоже достигла какого-то острія своего, какой-то окончательно-завершенной формы, — и исчезла... Но я отъ благолѣпія отказываюсь, отрываю отъ сердца любовь къ нему, потому что сколько ни вглядываюсь, не вижу другихъ основаній для него — кромѣ тьмы. Благолѣпіе держалось на тьмѣ: на выбрасываніи всякихъ шестерокъ и двоекъ изъ колоды, на безпощадномъ, ювелирномъ выборѣ и просѣиваніи матерьяла. Защитники «стиля», эстеты исторіи это хорошо знаютъ, — и если революцію они ненавидятъ, то не столько за казни и за «грабежъ награбленнаго», сколько за прорывъ плотины. Но другъ мой: да будетъ то, что будетъ.

...У Константина Леонтьева: «какое же великое человѣческое дѣло не было замѣшано на крови!». Отвратительно! — потому, что не просто «констатированіе факта», а и скрытая попытка оправдать его, со смакованіемъ даже, какъ бѣгаютъ полюбоваться на пожаръ. Однако достойно все таки вниманія, что эта мысль встрѣчала живѣйшее сочувствіе и поддакиваніе у людей того же склада, которые теперь революціей такъ возмущены, — пока «неизбѣжная» во всѣхъ великихъ человѣческихъ дѣлахъ «кровь» относилась къ убійствамъ съ молебнами. Исчезли молебны: совѣсть сразу стала необычайно чуткой... Кстати, о Леонтьевѣ. Умъ, какихъ немного въ нашей литературѣ (Чаадаевъ? Герценъ?). Блистательный талантъ: меня всегда поражало его преклоненіе передъ Соловьевымъ, который куда же блѣднѣе и бѣд-

нѣе его. При всемъ томъ, ничего не сдѣлалъ, ничего не оставилъ послѣ себя, кромѣ двухъ-трехъ удивительныхъ по остротѣ *эстетическаго* сужденія критическихъ статей, въ частности о Толстомъ. Кажется, разгадка въ глубочайшей исторической «безнравственности» его духа, въ предпочтеніи законченности творчеству. Не серьезно, въ концѣ концовъ. Увлекательное чтеніе, любопытнѣйшій психическій случай, — но и только.

Когда-то Александръ III замѣтилъ, что кухаркиныхъ дѣтей не слѣдовало бы пускать въ университетъ.

По всей вѣроятности, съ его стороны это было лишь брезгливое брюзжаніе: полвѣка спустя еще видишь всю сцену, слишкомъ хорошо знакомую по общей россійской атмосферѣ; еще слышишь скрипъ тяжелаго высочайшаго пера, накладывающаго «резолюцію»... Но инстинктъ самосохраненія сказался здѣсь въ полной мѣрѣ, замѣнивъ зоркость ума.

Безошибочный неумолимый расчетъ: увеличеніе знанія, распространеніе его въ ширину должно было неминуемо привести къ «потрясенію основъ». Не только блекнулъ ореолъ царскаго помазанничества, священнаго уже только для нѣкоторыхъ искреннихъ чудаковъ и для толпы безсовѣстныхъ публицистовъ (вспомните «Новое Время» въ 1917 году), но и вдалекѣ, за всяческими свободами, вставалъ призракъ соціальнаго переворота... Всѣмъ все раздѣлить поровну: едва только человѣкъ пойметъ, что онъ имѣетъ на этотъ дѣлежъ право, — а не понять онъ разно или поздно не можетъ, — какъ будетъ его требовать и къ нему идти. Нельзя поровну раздѣлить, такъ хоть владѣть сообща: иначе всѣмъ по справедливости размѣститься на землѣ невозможно... Усилія власти, которая этого страшилась, должны были быть направлены на то, чтобы тѣ, нежелательные, кухаркины дѣти, подольше ничего не понимали, — и потому то русская монархія и была давно обречена, что у нея не было силы противостоять общей тягѣ вѣка и эпохи къ образованію. Резолюція Александра III вызвала вѣдь вездѣ осужденіе, даже у самыхъ «благонамѣренныхъ» людей, которые представляли себѣ «свѣтлое будущее» въ такомъ видѣ, что повсюду откроются школы, мужички будутъ по вечерамъ при электрическихъ лампочкахъ читать газеты и благодарить добраго царя. Монархія сидѣла на двухъ стульяхъ — и провалилась. Тысячу доводовъ найдутъ вамъ въ отвѣтъ, чтобы сбить съ толку: не обольщайтесь, это именно такъ, въ грубой простотѣ своей. Просвѣщеніе работаетъ на лѣвизну, неотвратимо.

Вообще, свѣтъ идущій отъ человѣка — лѣвый. Божій... ну, это не по моей части, на это есть спеціалисты, считающіе себя главноуполномоченными Бога на землѣ. Ничего бы я противхъ нихъ не имѣлъ, если бы только поменьше они шуллерничали.

О совѣтской Россіи.

Множество неудоумѣній. Много вопросовъ хотѣлось бы задать, — но кому? Первое, насчетъ того, что намъ отсюда кажется притворствомъ и безстыдствомъ: насчетъ полнаго исчезновенія «фрондированія», завѣдомаго довѣрія къ новымъ авторитетамъ и всяческаго вообще удовлетворенія въ полномъ согласіи всѣхъ со всѣми.

Притворщиковъ и безстыдниковъ — безъ конца, не стоитъ о нихъ говорить. Но нѣтъ ли за ними естественнаго и здороваго ощущенія, которое сомнительно для насъ только по нашей непривычкѣ къ нему? Иронія разъѣдаетъ сознаніе, какъ ржавчина: мы заподазриваемъ все, и, конечно, не всегда напрасно. Кромѣ того, россійская исторія пріучила къ недовольству, и оно вошло въ «плоть и кровь». Насъ возмущаетъ не только угодничество передъ властью, но и отсутствіе предвзято-протестующаго начала въ отношеніяхъ личности къ обществу. Признаемся: насъ раздражаетъ «товарищество». А какая, должно быть, отрада, какое облегченіе: повѣрить, довѣриться, протянуть руку; примириться, сказать «давайте жить вмѣстѣ», прекратить поиски тайныхъ мыслей у другихъ... Не знаю, есть ли это въ Россіи. Но можемъ быть, есть — и хорошо, если было бы.

Затѣмъ, о огрубеніи и опрощеніи, особенно ясномъ въ литературѣ. Какой то нѣмецъ написалъ имъ недавно: «ваша литература отстала отъ европейской на пятьдесятъ лѣтъ» — и по своему былъ безспорно правъ. Но одна-ли только прямая, «столбовая» дорога у людей? Не правильнѣе ли предположить, что существуютъ рядомъ тропинки, никуда не приводящія, и что заблудившіеся въ нихъ, и возвращающіеся назадъ, хотя бы и на «пятьдесятъ лѣтъ», могутъ оказаться все таки впереди тѣхъ, которые безмятежно продолжаютъ идти къ тупику? Все дѣло въ этомъ. Не политически, но морально: реакція ли та потеря тонкости и сложности, которая произошла въ духовномъ мірѣ Россіи, — или исцѣленіе? Можно ли жить, т.-е. вынести жизнь и идею развитія, сохраняя въ душѣ все то, что знаетъ (слышитъ, какъ обертона) культурный, «на уровнѣ вѣка» теперешній европейскій человѣкъ? Не требуетъ ли природа и исторія какой-то жертвы, — какъ не разъ уже

бывало? Или никакихъ тупиковъ нѣтъ, и надо продолжать, все продолжать, только продолжать, — какъ молотомъ въ стѣну, пока въ трещину, съ противоположной стороны не блеснетъ свѣтъ?

Наконецъ, послѣднее, самое важное. Сталинъ объ этомъ вѣроятно не думаетъ, не думалъ и Ленинъ... хотя, сидя въ Кремлѣ, ну, когда нибудь ночью, послѣ докладовъ и совѣщаній, чувствуя все таки отвѣтственность за все, что было сдѣлано, и что будетъ сдѣлано, неужели могъ онъ ни разу не побезпокоиться, ну, ни на одну минуту, ни на одну секунду объ этомъ? Неужели ни разу не спросилъ онъ себя: а что же дальше? Отлично, водворится коммунизмъ, безклассовое общество, придетъ полное разрѣшеніе соціальныхъ проблемъ. А дальше? Въ планетарномъ, такъ сказать, масштабѣ? Что будетъ съ человѣкомъ, что будетъ съ міромъ? А если Богъ все таки есть? А если страданіе неустранимо, и не стоило, говоря попросту, огородъ городить? И какъ говорилъ Толстой, «послѣ глупой жизни придетъ глупая смерть», тоже въ планетарномъ масштабѣ. Была пятилѣтка. Но есть ли тысячелѣтка? Въ смутныхъ, смутнѣйшихъ чертахъ существуетъ ли истинный «планъ», возможенъ ли онъ, — или игра ведется вслѣпую?

Пишу и ловлю себя на мысли: въ сущности, какое мнѣ дѣло? «Смерть и время царятъ на землѣ». Умру, ничего не буду знать, значитъ — все равно, пей, голубчикъ, и веселись, пока можно. Но нѣтъ, мнѣ не все равно, не буду же я самъ себя обманывать. Вѣроятно, правда: жизнь одна вездѣ.

Иногда думаешь: неужели это совершенно невозможно? Неужели все это исчезло навсегда, и нельзя никакъ, никакимъ способомъ, въ Россіи все вернуть къ тому состоянію, о которомъ многіе такъ горько, и въ сущности безкорыстно, мечтаютъ?

Чтобы опять зазвенѣлъ валдайскій колокольчикъ, надъ тройкой, въ темномъ, вѣковомъ лѣсу, да ямщикъ — ну, конечно, въ «красномъ кушакѣ» — насвистывалъ пѣсню. Чтобы мужики въ холщевыхъ рубахахъ кланялись въ поясъ рѣдкимъ проѣзжимъ. Чтобы томились купчихи на перинахъ въ бѣлокаменной Москвѣ, подъ смутный, неумолкающій гулъ колоколовъ. Чтобы въ сумеркахъ, на глухой станціонной платформѣ шептались гимназистки, подъ руку, отъ поѣзда до поѣзда, съ тургеневскими думами въ сердцѣ, и тяжелыми косами, — и вдалекѣ гасла узкая, желтая полоска зари. Чтобы свободно и спокойно текли рѣки, чтобы утопали въ прохладныхъ рощахъ синеглавые въ звѣздахъ монастыри и гостепріимныя усадьбы. Что-

бы воскресла «святая Русь», однимъ словомъ, — и настала прежняя тишь, да гладь, прежняя сонная благодать.

Надо было бы сжечь почти всѣ книги, консервативныя и революціонныя, все равно, закрыть почти всѣ школы, разрушить всѣ «стройки» и «строи» — и ждать сто лѣтъ, пока не умретъ послѣдній, кто видѣлъ иное. Надо было бы на сто лѣтъ прервать всякую связь съ зараженнымъ міромъ, закрыть всѣ границы: это бредъ, конечно, это невозможно — но я говорю предположительно... Послѣ этого, когда улетучится всякое воспоминаніе объ усиліяхъ и борьбѣ человѣка, можно было бы, пожалуй, попробовать свято-россійскую реставрацію. Въ глубокой тьмѣ, — какъ скверное дѣло.

Блокъ: «да, и такой моя Россія, ты всѣхъ краевъ дороже мнѣ». Да, вѣрно: «и такой». Блокъ какъ всегда правъ. Но въ сущности онъ еще любовался, и намъ теперь труднѣе: то, новое, чуждое, чужое — будто уже и не Россія. Что же дѣлать! Оставимъ все таки мертвыхъ хоронить мертвецовъ.

Въ оправданіе стиховъ. — Конечно, никакого вліянія, ни на кого, ни на что. Въ журналахъ — балластъ, и если редакторы все таки печатаютъ ихъ, то лишь изъ боязни прослыть некультурными: редакторы въ журналахъ пошли нынче всепонимающіе и всепрощающіе, «Аполлонъ» побѣдилъ все таки «Русское Богатство», редакторы захлебываются «помилуйте, мы привѣтствуемъ все красивое», и даже сами втайнѣ озабочены, чтобы матерьялъ солидный, серьезный украсить этакими виньеточками. Полная беззащитность отъ упрековъ, которые, кстати, такъ легко и эффектно дѣлать. «Въ наше время, когда...» — такъ пожалуй люди литературно-грамотные уже не пишутъ, но внутренно все, даже въ лучшихъ случаяхъ, остается по прежнему: мы, умницы, заняты дѣломъ, вы, лодыри, дайте же намъ хоть поэзію, достойную этого дѣла, — и скрытое, инстинктивное злорадство при этомъ отъ сознанія, что требованіе невыполнимо, и что «вы», съ вашимъ непонятнымъ, смутно-тревожнымъ бредомъ въ головѣ, будете все таки уличены в дармоѣдствѣ.

Но вѣдь стихи всегда беззащитны. По совѣсти: кому они нужны, — въ жизни, ну для этого «жизнетворчества», для работы и бодрости, кому? Все идетъ мимо. Не будемъ же лгать, оставаясь съ глазу на глазъ: это лунное, тихое дѣло — не надо на него нападать. Это два слова тамъ, два слова здѣсь — еле замѣтно, не всегда внятно, — которыя два сердца, два слуха то здѣсь, то тамъ услышатъ. Прогресса не было въ поэзіи, не будетъ и упадка. Два

слова еще, двѣ-три струны, будто задѣтыя вѣтромъ... И ничего больше. Остальное — для отвода глазъ, для прикрытія слишкомъ безпомощно-нѣжной сущности — и ничего больше. Круговой порукой, молчаливо, мы это знаемъ, и даже пожалуй, чѣмъ дальше, тѣмъ лучше знаемъ. Сейчасъ я ошибся и не то сказалъ: прогрессъ есть. Человѣкъ учится ощущать и выбирать, время точитъ душу, поэзія освобождается отъ трескотни, становится чище и тише. Другого ничего не можетъ быть и не должно быть. Критическіе фельетоны объ упадкѣ необходимы, потому, что иначе, безъ этого общаго склада и стиля нельзя жить: здѣсь иначе нельзя жить. «Да здравствуетъ разумъ, да скроется тьма». Но поэзія не здѣсь, а туда и оттуда. Затѣмъ, еще: есть у человѣка дневныя мысли, и есть ночныя... Узкій дымокъ. Два-три слова, которыя мы лучше все таки слышимъ теперь, чѣмъ сто лѣтъ назадъ.

П. БИЦИЛЛИ

ВѢНОКЪ НА ГРОБЪ РОМАНА

Недавно — неизвѣстно точно, котораго числа, мѣсяца и года, — послѣ долгой и тяжкой болѣзни, скончался Романъ. Покойный достигъ весьма преклоннаго возрста — достаточно напомнить, что онъ безъ малаго на два столѣтія пережилъ своихъ сверстниковъ: Оду, Трагедію и Героическую поэму; — въ послѣднее время состояніе его здоровья внушало серьезныя опасенія его многочисленнымъ друзьямъ и знакомымъ, и заставляло ихъ принимать героическія мѣры, дабы хоть нѣсколько отдалить роковую развязку. Однако ничто, даже режимъ усиленнаго питанія преміями, сіе давно испытанное и не однажды засвидѣтельствовавшее свою благодѣтельность средство, не было въ состояніи поддержать съ часу на часъ угасавшія силы страдальца; а неусыпное наблюденіе, которымъ онъ былъ окруженъ со стороны авторитетовъ науки, мы боимся, лишь способствовало ускоренію наступленія того момента, когда неизбѣжное свершилось, — хотя, повторяемъ, преждевременной кончину Романа никакъ нельзя назвать.

Жизнь покойнаго столь изобиловала поучительными примѣрами превратности судебъ, что даетъ богатую пищу для размышленій, коимъ какъ нельзя болѣе умѣстно предаться надъ свѣжею могилою. Чтя истину превыше всего, мы рѣшаемся отказаться отъ строгаго соблюденія правила, завѣщаннаго древними римлянами «О мертвыхъ ничего кромѣ хорошаго!» — и открыто заявляемъ — давность происшествій, о которыхъ идетъ рѣчь, да послужитъ намъ извиненіемъ! — что годы юности усопшаго протекали отнюдь не безупречно и притомъ въ такой обстановкѣ и въ такихъ компаніяхъ, какими люди благовоспитанные справедливо гнушаются.

Однако, можно ли это поставить въ упрекъ покойнику? Никакъ, ибо такъ, еще съ колыбели, было опредѣлено ему фортуною. Въ отличіе отъ своихъ вышеупомянутыхъ сверстниковъ, Романъ увидѣлъ свѣтъ не въ позлащенныхъ чертогахъ Царей, но гдѣ-то въ корчмѣ на большой дорогѣ.[1]) Дивиться-ли, что побродяги, странствующіе комедіанты, кавалеры индустріи и улич-

---

1) Во избѣжаніе недоразумѣній, укажу, что рѣчь идетъ исключительно о Романѣ въ прозѣ, а не о его соименникѣ, Романѣ въ стихахъ. Изъ Пушкина извѣстно, что между обоими романами — существуетъ «дьявольская разница».

ныя дѣвки были первыми его пѣстунами, а впослѣдствіи сотоварищами его забавъ и упражненій? Отъ нихъ перенялъ онъ и сохранилъ надолго ихъ вкусы, понятія, нравы, повадку и рѣчь, по которой получилъ и самое имя свое, которому пребылъ онъ вѣренъ и тогда, когда судьба неожиданно взыскала его своими милостями и вознесла его на высочайшія степени преуспѣянія и благоденствія.

Съ Романомъ случилось то, что обыкновенно случалось съ его собственными героями. Герой Романа коснѣетъ въ безвѣстности и въ ничтожествѣ, водится съ самыми непочтенными людьми, ему самому угрожаетъ опасность стать пропащимъ человѣкомъ — и вдругъ: нѣкто, богатый и знатный, узнаетъ въ немъ свое дѣтище и устраиваетъ его счастье. Отличіе судьбы Романа отъ судьбы его героевъ лишь въ томъ, что, лицо, бывшее виновникомъ переворота, происшедшаго съ Романомъ, искало, если ему вѣрить, не столько того, чтобы его осчастливить, сколько, чтобы ему напакостить. Такъ это или нѣтъ, — важно, что, однажды связавшись съ Романомъ, Сервантесъ сталъ ему прямо-таки вторымъ отцомъ и надѣлилъ его всѣми тѣми свойствами, которыми онъ не переставалъ привлекать впослѣдствіи сердца такихъ благодѣтелей, каковы: Фильдингъ и Дикенсъ, Стендаль и Флоберъ, Толстой и Достоевскій.

Встрѣча съ подходящими людьми — дѣло случая. Однако, сдѣланный сейчасъ перечень именъ говоритъ за то, что случай еще не все въ жизни и что перемѣну происшедшую съ Романомъ на половинѣ его жизненнаго пути, едва-ли можно объяснять столь упрощенно, какъ объяснялись подобныя вещи въ старинныхъ романахъ и какъ онѣ уже никогда не объясняются въ новѣйшихъ.

Прежде всего обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что Романъ, снабженный средствами къ дальнѣйшему безбѣдному существованію благороднымъ испанцемъ, не пожелалъ оставаться въ отечествѣ послѣдняго, а заявилъ себя въ рядѣ другихъ земель обитаемаго міра, однако, отнюдь не повсемѣстно, а почти исключительно въ трехъ странахъ: въ Англіи, Франціи и въ далекой, варварской Россіи. У итальянцевъ есть только одинъ образецъ подлиннаго, «классическаго», т. е. соціально-психологическаго романа, — «Обрученные» Манцони. Романъ прекрасный, но своею единственностью и несмѣняемостью напоминающій вѣчное дежурное блюдо дешевыхъ ресторановъ. У нѣмцевъ есть Гете, но только: называть творца Вертера и Dichtung und Wahrheit творцомъ Вильг. Мейстера, не значитъ-ли это проявить прямо-таки грубое непониманіе тѣхъ совершеннѣйшихъ образцовъ ху-

дожественной прозы, каковы Вертеръ и Dichtung und Wahrheit? А между тѣмъ именно В. Мейстеръ и есть подлинный соціально-психологическій романъ «большой формы», — произведеніе умнѣйшее, значительнѣйшее по замыслу, но и невыразимо, невыносимо, безпросвѣтно скучное. Есть у нѣмцевъ новѣйшіе романисты, писатели очень почтенные, очень обстоятельные и даже, можетъ быть, глубокіе; но ихъ романы словно писаны для Нобелевской преміи или «для юношества и самообразованія», и въ концѣ концовъ могутъ прекрасно быть переработаны въ какой-нибудь Grundriss der Sittengeschichte des... Jahrhunderts quellenmässig dargestellt von..., ö. o. Professor an der Universität..., in 2 Bänden mit Sach-und Namenregister. (Я оставляю въ сторонѣ упоительные скандинавскіе романы — лирическая поэмы въ прозѣ). Случай Германіи тѣмъ поразительнѣе, что, въ отличіе отъ Италіи, литература которой послѣ Ренесанса, вообще, за малыми исключеніями, заглохла въ провинціализмѣ, были же у него въ новѣйшее время міровые поэты драматурги, наконецъ, единственные, несравненные мастера философско-художественнаго слова, каковы Шопенгауэръ и Ницше.

Въ чемъ тутъ дѣло? При попыткѣ разобраться въ вопросахъ подобнаго рода, вопросахъ исключительной сложности, и дать на нихъ—конечно гипотетическій—отвѣтъ, полезно начинать съ обращенія къ какому-нибудь особо бьющему въ глаза примѣру. Таковъ примѣръ какъ разъ В. Мейстера. Гете, какъ мало кто, проникъ въ самую суть романа, понялъ, до Бальзака и Стендаля, чѣмъ онъ можетъ и чѣмъ долженъ быть, и выполнилъ заданіе съ исключительными добросовѣстностью и самообладаніемъ, не позволяя себѣ никакихъ отклоненій, никакихъ нарушеній внутренняго закона избраннаго имъ «жанра», извлекъ изъ своей темы всѣ возможности, такъ что В. Мейстеръ могъ бы считаться классическимъ, чистѣйшимъ образцомъ романа — не будь онъ до такой степени скученъ. Вопросъ сводится къ тому, почему онъ такъ скученъ. В. Мейстеръ — «образовательный», какъ говорилось тогда, романъ. «Образованіе», т. е. духовное формированіе «героя» протекаетъ здѣсь на нашихъ глазахъ, отъ начатковъ до завершенія. Оно распадается на два большихъ періода. Сперва «годы ученія», затѣмъ — «годы странствованій». Личность сперва слагается въ «маломъ» свѣтѣ, затѣмъ, вступаетъ въ «большой» и научается постепенно познавать свои возможности и свои границы, достигаетъ полноты своего самоосуществленія, своей конкретизаціи, состоящей въ органическомъ единеніи «Я» съ не-Я». Тема В. Мейстера т. обр. связана съ темой Фауста. Но она, т. сказ. скромнѣе, умѣреннѣе — «большой міръ» В. Мейстера все-таки не «Всеединство» Фауста — и тѣмъ самымъ

прозаичнѣе: прямая тема романа, а не мистеріи. И вотъ замѣчательно, что если поэтическая, неизмѣримо, казалось-бы, труднѣйшая, тема Гете далась, если не цѣликомъ, то хоть частично (вся 1-ая часть Фауста, отдѣльныя мѣста 2-ой), то прозаическая, болѣе простая, не далась вовсе. Почему? Потому что этотъ «малый міръ», въ которомъ родился и выросъ Гете, который онъ изобразилъ съ такой пластичностью и свѣжестью красокъ въ D. und W., со «Всеединымъ» былъ связанъ органичнѣе, прочнѣе, нежели съ «большимъ міромъ». Личность, семья, отцовскій домъ въ родномъ городѣ, затѣмъ, сразу, даже не «Вселенная», а именно «Все», «Всеединое». Таковъ міръ Гете, — міръ всякаго истиннаго нѣмца, по крайней мѣрѣ, того времени. Промежуточныя же ступени, общество, отечество, нація, — еще только «постулаты разума», а не данные реально объекты.

Вернемся снова къ Донъ-Кихоту. Сервантесъ первый согналъ своего героя съ большой дороги и заставилъ его хоть умереть дома. Расцвѣтъ романа съ этого начинается. Дѣйствіе его съ дороги переносится въ домъ, — сперва въ усадьбѣ, затѣмъ и въ городѣ. Изъ непомнящаго родства, подкидыша, бастарда, герой обращается въ «потомка» и вмѣстѣ «предка», изъ безпаспортнаго босяка — въ собственника, хозяина и гражданина. Торжество романа наступаетъ тамъ и тогда, гдѣ и когда слагается общественный слой, сильный вѣковой традиціей, сохраняющій свою собственную, специфическую физіономію, и вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣ того какъ онъ — волею или неволею — сталъ носителемъ общенародной идеи, исполнителемъ обще-національной задачи, вступившій въ стадію рефлексіи, критики, самосознанія. Герой новаго романа уже не авантюристъ, не «чистая личность», которая тѣмъ самымъ и безличность, общее мѣсто любыхъ «возможностей»; онъ пріобрѣтаетъ осѣдлость и вмѣстѣ съ нею — характеръ; онъ — часть быта, но часть мыслящая и отвѣтственная: ибо онъ, осуществляя свою судьбу, «представляетъ» свой классъ, свое сословіе и свой народъ. Въ такомъ положеніи былъ англійскій country-gentleman, начиная со времени Перваго Георга, русскій помѣстный дворянинъ со времени Петра, французскій буржуа съ того же времени. Англія, Франція, Россія — три страны, первыми осуществившія національно-государственное объединеніе и жившія полной и богатой національной жизнью, между тѣмъ какъ Испанія, послѣ слишкомъ быстраго подъема, впала въ долгій сонъ, а въ Германіи и въ Италіи провинція и городъ возобладали надъ общимъ отечествомъ.

Національное возрожденіе, реализація общенародной идеи наступили въ этихъ послѣднихъ странахъ поздно, уже при тѣхъ соціально-бытовыхъ

условіяхъ, которыя привели къ тому, что Романъ и тамъ, гдѣ было его собственное царство, сталъ клониться къ упадку. Агентомъ исторической жизни, гражданиномъ, выразителемъ «общей воли», сталъ въ нашей время человѣкъ, въ одномъ отношеніи похожій на героя стариннаго, «плутовскаго» романа. Тотъ былъ существомъ, потерявшимъ свой классъ, свой домъ, свой бытъ. Этотъ, сидя дома, оставаясь въ рамкахъ своего класса и въ условіяхъ своего быта, живетъ все равно что внѣ дома, внѣ класса, внѣ быта, ибо классы уравнялись, бытъ «стандардизовался», домъ смѣнился квартирой. Тотъ былъ безличенъ, ибо оторвался отъ среды, и будучи ничѣмъ, былъ тѣмъ самымъ «способенъ на все» въ томъ смыслѣ, что съ нимъ могла случиться любая авантюра — въ поискахъ ея онъ и мотался по большой дорогѣ; — этотъ безличенъ потому, что всецѣло связанъ съ насквозь «стандардизованной», обезличенной средой, и вся его жизнь — сплошной для него случай, строжайше предусмотрѣнный какой-то конъюнктурой, непреложной волей какого-нибудь концерна анонимныхъ акціонерныхъ компаній, этой его раціонализованной, разоблаченной, но не менѣе отъ этого могущественной Судьбой.

Въ различныхъ условіяхъ по разному возникаетъ и различный характеръ пріобрѣтаетъ личное сознаніе. Герой классическаго романа достигалъ самосознанія какъ отвѣтственный выполнитель миссіи, выпавшей на его родъ, на его классъ, его родину. Герой стариннаго «дорожнаго», «плутовскаго» романа, съ которымъ могло «все случиться», тѣмъ самымъ склоненъ былъ считать себя способнымъ на все и ко всему. Новѣйшій человѣкъ, съ которымъ случается только то, что «со всѣми», и который не отвѣчаетъ ни за что, имѣетъ особую амбицію: единственной возможностью для него не слиться со всѣми, сохранить себя, кажется для него — уйти въ себя, отдѣлить свою, единственную, свою собственную «внутреннюю» жизнь отъ всеобщей, одинаковой «внѣшней». Онъ возводитъ себя въ герои новаго романа, въ которомъ уже нѣтъ среды, ни быта, нѣтъ и событій, «внѣшнихъ фактовъ», — развѣ только какъ поводы для «переживаній». Тѣмъ значительнѣе для него все «внутреннее», духовное или матеріальное, — безразлично; все — вплоть до разнаго рода секрецій, каковымъ тоже отводится мѣсто — и немалое — въ произведеніяхъ новѣйшаго фасона, выдающихъ себя за наслѣдниковъ покойнаго Романа.

Случается порой и Новому Человѣку выглянуть на свѣтъ божій и удостоить «внѣшнее» своимъ милостивымъ вниманіемъ. Что же онъ видитъ тогда? Не знаю, былъ-ли кѣмъ либо замѣченъ фактъ необыкновеннаго разви-

тія, въ современной литературѣ, пародіи. Пародія есть особый видъ насмѣшки, болѣе коварный и ядовитый, чѣмъ карикатура. Эффектъ несоотвѣтствія между ожидаемымъ и воспринимаемымъ, лежащій въ основѣ комическаго, въ карикатурѣ достигается тѣмъ, что въ ней подчеркиваются, выпячиваются, нѣкоторыя черты въ изображаемомъ. Три, ровнымъ счетомъ, волоса на головѣ Бисмарка, — вотъ простѣйшій примѣръ карикатуры. Въ пародіи высмѣиваемыя черты не шаржируются, не преувеличиваются, а только обезсмысливаются. Достигается это тѣмъ, что въ опредѣленную форму вливается постороннее, съ ней не связанное, ее прямо-таки подчасъ исключающее содержаніе. Тѣмъ самымъ, изъ органическаго единства символовъ, форма обращается въ кучу «пріемовъ». Карикатура всегда трактуетъ свой предметъ какъ живую величину; она участлива и сочувственна. Три волоска Бисмарка смѣшатъ лишь того, для кого Бисмаркъ — конкретный человѣкъ, а не «представитель германскаго имперіализма». Идіотская, автоматическая скупость Гарпагона или Плюшкина смѣшитъ насъ лишь въ томъ случаѣ, если мы воспринимаемъ ихъ какъ мыслящія, сознательно-волящія существа. Напротивъ, если что-либо становится предметомъ пародіи, то это значитъ, что оно для пародирующаго умерло. Такъ обычнымъ предметомъ пародіи были до сихъ поръ литературные «жанры», стили, «пріемы» — именно тогда, когда они начинали восприниматься какъ «пріемы», когда отъ нихъ отлетала та ихъ душа, которой они были символами. У Пруста пародированы различные соціально-культурные стили французскаго общества. Въ романахъ великолѣпнаго знатока Италіи Aldous Huxley, пародированы жизненные стили чуть-ли не всѣхъ эпохъ ея исторіи. Это еще бы ничего. Но у Пруста, предметомъ пародіи бываетъ сама жизнь, а у Андре Жида она является уже единственнымъ такимъ предметомъ. Что это значитъ? Обезсмысленіе жизни у ея пародистовъ состоитъ не въ томъ, что «возвышенное», въ изображеніи ея у нихъ, отступаетъ передъ «низменнымъ», «красивое» — передъ «безобразнымъ», «героическое» передъ «пошлымъ», но въ томъ, что и «возвышенное» и «красивое» и «героическое» объясняются, а объясненіе заключается въ «сведеніи» объясняемаго къ простѣйшимъ психо-физическимъ процессамъ. Элементы этого обращенія съ жизнью даны уже у «великаго упростителя» какъ недавно назвалъ Толстого С. В. Завадскій. Однако, упрощая, разлагая, Толстой даетъ новый синтезъ жизни; ибо онъ оперируетъ, т. ск., извнутри, участвуя всѣмъ своимъ существомъ въ той Все-жизни, что даетъ себя знать въ процессахъ, на какіе онъ «сводитъ» ея высшія проявленія. Поэтому, сводя высшее къ низшему, Толстой не обезсмысливаетъ его; разлагая Сложное на

Простое, не умерщвляетъ его, разоблачая секреты живущихъ, дѣлаетъ лишь ощутимѣе Тайну самой Жизни. Прустъ, Поль Валери и Жидъ, оперируютъ извнѣ; не сопереживаютъ, а наблюдаютъ, не соучаствуютъ, а принимаютъ къ свѣдѣнію (Америка и Лига Націй!) и потому, разоблачая современную культуру, «сводя» ее къ сплошному ряду «пріемовъ», въ конечномъ итогѣ обезсмысливаютъ Все. Толстой подчиняетъ Жизнь Хозяину. Новый Человѣкъ сотворилъ себѣ божество иного сорта, Господина Голову (Monsieur Teste), Поля Валери, божество, наконецъ-то избравшее позицію достойную своего сана, уже по настоящему трансцендентное, не то что всѣ прежніе боги, относительно которыхъ свѣдущіе люди терялись въ догадкахъ: трансценденты-ли они по отношенію къ Міру, или иманентны. Это божество не удостаиваетъ матеріи своимъ прикосновеніемъ — какъ бы рукъ не замарать? Творить, распоряжаться, — для него дѣло черезчуръ хлопотливое и неопрятное. Оно только познаетъ. Это его монополія; у познаваемаго же отымается всякій его собственный смыслъ. Жизнь обращается тѣмъ самымъ въ свою собственную Пародію. Надо отдать справедливость Андре Жиду: у него все-же есть какой-то Идеалъ полной, цѣлостной жизни. Но привычка-ли къ Пародіи, или то обстоятельство, что въ эмпирической жизни онъ не видитъ ни намека на воплощеніе этого идеала, — только его собственныя воплощенія цѣлостнаго человѣка сами сбиваются на пародіи. Романъ-же, изображающій пародію на жизнь, самъ можетъ быть только пародіей романа. Жидъ этого и добивается, намѣренно сшивая матерію своихъ романовъ бѣлыми нитками, механизируя конфликты, утрируя параллелизмы ситуацій и т. п.

Надѣемся, что всѣмъ вышеизложеннымъ мы успѣли окончательно убѣдить любезнаго читателя въ истинности печальной вѣсти о смерти Романа. А теперь, слѣдуя классическому пріему романистовъ, мы подносимъ читателю сюрпризъ и радуемъ его извѣстіемъ, что Романъ снова воспроизвелъ судьбу столькихъ своихъ героевъ. Начавши за упокой, мы кончаемъ за здравіе. Романъ и не думалъ умирать. Это намъ такъ только показалось, по причинѣ узости нашего кругозора, — свойство всѣхъ любителей Изящнаго. Мы все смотрѣли въ литературу; что бы намъ заглянуть и въ беллетристику? Плебейское происхожденіе Романа выдало таки себя. Его аристократическіе сверстники умерли разъ навсегда, не торгуясь съ жизнью. У Романа на это не хватило доблести и достоинства. Разоблаченный и высмѣянный, выгнанный изъ литературы, гдѣ онъ занималъ положеніе поистинѣ царственное, обратно въ беллетристику, изъ которой онъ нѣкогда вышелъ, онъ не сгорѣлъ со стыда, онъ не изнемогъ подъ ударами Рока, а проявилъ удивительную и,

правду говоря, мало привлекательную живучесть. Пріютившись на пятой страницѣ ежедневной газеты, онъ терпѣливо дожидается читателя — и оказывается правымъ: вѣрный старому другу, читатель, минуя Бунина, Тэффи и Ремизова, пробирается къ нему на газетные задворки и съ тѣмъ же нетерпѣніемъ, кажущимся цѣнителямъ изящнаго тупоумнымъ, на самомъ дѣлѣ глубоко человѣческимъ, — съ какимъ онъ нѣкогда торопился узнать, свидится-ли Хариклея съ возлюбленнымъ Ѳеагеномъ, удастся-ли душкѣ-рыцарю выбраться изъ заколдованнаго лѣса, ждетъ, чтобы красивый и симпатичный агентъ Скотландъ-Ярда раскрылъ передъ нимъ тайну убійства мистера Вилькинса и снялъ бремя подозрѣнія, тяготѣющаго надъ невинной дактило.

Изъ исторіи Романа, хронологически совпадающей съ исторіей умѣющаго грамотѣ Человѣка, позволительно извлечь нѣкоторую мораль. Мѣняются эоны, боги, культы — но все это пустяки и одна видимость: ибо любезный читатель Recognitiones, Амадиса Галльскаго и Арсена Люпэна, остается тѣмъ же самымъ любезнымъ читателемъ, какимъ онъ былъ во времена царя Турна и Іосифа Прекраснаго, безсмѣннымъ, присносущимъ, тождественнымъ себѣ и развѣ что смѣнившимъ хитонъ на епанчу и епанчу на пиджакъ. Смерть Романа въ литературѣ и его посмертная жизнь въ беллетристикѣ — впрочемъ, онъ жилъ въ ней всегда, и можно было бы написать его biographie romancée подъ заглавіемъ «Двойная жизнь Романа», — явленіе, имѣющее значеніе символа. Оно говоритъ о смерти культуры Новаго времени, событіи, спору нѣтъ, весьма прискорбномъ, но до котораго подавляющему большинству людей, именуемыхъ культурными, не болѣе дѣла, какъ до прошлогодняго снѣга. А изъ этого слѣдуетъ, что исторія вовсе не такая ужъ важная вещь, какъ это вообразили себѣ историки. Историкамъ и философамъ культуры любезный читатель съ полнымъ правомъ противопоставляетъ скотницу Хавронью, бывшую, какъ извѣстно, мастерицею сказывать исторіи.

НИК. ОЦУПЪ.

СЕРЕБРЯНЫЙ ВѢКЪ

Хотя и напечатанная въ газетѣ*) статья Георгія Адамовича «Стихи» успѣла остановить вниманіе всѣхъ, для кого поэзія не пустое мѣсто.

Автору статьи — поэту, не скрывшему разочарованія въ современныхъ стихахъ, ставили даже въ вину автобіографическій характеръ его разочарованія. Если въ этомъ и есть какая - то доля правды, врядъ ли слѣдуетъ обращать особое вниманіе на эту сторону статьи.

Еще менѣе справедливо было бы въ ней искать нарочитой недооцѣнки кого-либо изъ современниковъ. Здѣсь не мѣсто говорить о поэзіи самого Адамовича, но въ его критическихъ работахъ есть то, что справедливо отмѣтилъ у Андрея Бѣлаго Пастернакъ — способность безкорыстно восхищаться успѣхами другихъ безъ оглядки на собственное свое мѣсто въ литературномъ генералитетѣ.

Тѣмъ убѣдительнѣе, казалось бы, — горечь упоминаемой статьи. Мнѣ думается, что — къ утѣшенію любителей современной поэзіи — горечь эта не безысходна. Вѣроятно самъ Адамовичъ отчасти съ этимъ согласится.

У критика, особенно если онъ поэтъ, есть иногда капризное сознаніе, что можно такъ, а можно и совсѣмъ наоборотъ. Сегодня онъ поэзію похоронилъ, завтра быть можетъ посвятитъ ей хвалебное слово.

Это почти всегда вѣрно о поэтахъ и критикахъ-декадентахъ. Адамовичъ — ближайшій ихъ родственникъ. Оговорюсь, что для меня у декаденства не меньше достоинствъ, чѣмъ недостатковъ, и что Анненскій, величайшій декадентъ, кажется мнѣ однимъ изъ нужнѣйшихъ поэтовъ.

Но вопросъ о декадентствѣ завелъ бы слишкомъ далеко и я долженъ, не безъ сожалѣнія, пока оставить его въ сторонѣ.

Какова бы ни была природа горечи поэта о современныхъ стихахъ, устойчива ли она или нѣтъ, — если ей въ какой - то моментъ удалось собрать въ себѣ какую - то часть скрытыхъ лучей современной поэзіи, стоитъ на этомъ остановиться.

Мнѣ кажется, что у Адамовича во всякомъ случаѣ вѣрно наблюденіе (и самонаблюденіе) о затрудненности стихотворной рѣчи у нѣкоторыхъ со-

*) «Послѣднія Новости».

временныхъ поэтовъ, быть можетъ не наиболѣе одаренныхъ, но вѣроятно наиболѣе отвѣтственныхъ.

Позволю себѣ подѣлиться своими мыслями по этому поводу...

Кто знаетъ, сколько разъ безъ этого запоя,
Труда кошмарнаго надъ грудою листовъ,
Я духомъ пасть, увы! я плакать былъ готовъ,

Среди неравнаго изнемогая боя;
Но я люблю стихи — и чувства нѣтъ святѣй:
Такъ любитъ только мать и лишь больныхъ дѣтей.

Эти строки Анненскаго мнѣ хотѣлось взять эпиграфомъ къ моей статьѣ, но такъ какъ она въ сущности только отсюда и начинается и такъ какъ принято никакими поясненіями эпиграфа не сопровождать, пользуюсь здѣсь своимъ правомъ.

Да и что прибавить къ краснорѣчивѣйшимъ этимъ строчкамъ?..

Есть золотой и есть серебряный вѣкъ искусства. И въ тотъ и въ другой — люди другъ друга стоютъ. Врядъ ли первые другой природы чѣмъ вторые.

Равновѣсіе нарушается стихіей.

Стихія ренессанса, какъ бы выбирая углубленія, замедляется и собирается въ большихъ артистахъ своего времени. Они и сами замѣчательны, но стихія дѣлаетъ ихъ великими.

Но вотъ стихія схлынула, выговорилась.

На смѣну тѣмъ артистамъ пришли другіе, врядъ ли менѣе подлинные. Но они предоставлены только своимъ силамъ. За нихъ ничто уже не дѣйствуетъ, не говоритъ. Имъ недостаточно, какъ тѣмъ, болѣе счастливымъ, всмотрѣться и вслушаться. То, что недавно было полно свѣта и звуковъ, стало похожимъ на тишину и сумерки. Художнику серебрянаго вѣка не помогаетъ стихія.

Но организація человѣка все та же и безъ союзника ирраціональнаго онъ все же дѣлаетъ свое дѣло.

Героизмъ серебрянаго вѣка въ этомъ и состоитъ. И что - то въ созданіяхъ его художниковъ, несмотря на неизбѣжную блѣдность, даже лучше искусства золотого. Тамъ слишкомъ ужъ все полногласно, слишкомъ переливается черезъ край. Здѣсь — мѣра человѣческихъ силъ.

Все суше, бѣднѣе, чище, но и, болѣе дорогой цѣной купленное, ближе къ автору, болѣе — въ человѣческій ростъ.

Разумѣется, въ Сикстинской капеллѣ царь и Богъ — одинъ только художникъ. Но, когда послѣ четырехъ - пяти посѣщеній душа посѣтителя, какъ бы измятая бурей, устаетъ отъ Микель-Анджело и начинаетъ желать отдыха, — глаза съ удивленіемъ — «какъ же я раньше этого не замѣтилъ?» — и благодарностью — впервые замѣчаютъ на длинной боковой стѣнѣ скромныя фрески художниковъ серебрянаго вѣка. Какое чувство мѣры, какой ровный, умѣло и любовно распредѣленный свѣтъ, какъ все это «по плечу» обычному, будничному состоянію души и какъ все это, несмотря на то, что голосъ художника почти кажется сдавленнымъ шопотомъ рядомъ какъ-бы съ трубами титановъ, слышными, когда повернешься къ «Послѣднему Суду» или поднимешь глаза на потолокъ къ Сивилламъ и Пророкамъ Микель - Анджело, —какъ все таки и этотъ шопотъ возвышаетъ душу!..

Ничуть не ювелирная отдѣлка маленькихъ, недолговѣчныхъ и прелестныхъ вещицъ составляетъ суть серебрянаго вѣка. Бываетъ и это. Но такъ, между прочимъ, для утоленія «переутонченности», которая можетъ быть и является единственнымъ признакомъ упадка.

Нѣтъ, художникъ серебрянаго вѣка не ищетъ болѣе ничтожныхъ темъ, нежели его счастливый предшественникъ. Онъ такой же искатель и носитель послѣднихъ истинъ. Онъ пытается, съ неизмѣримо большимъ трудомъ, чѣмъ тѣ, кому помогала стихія, дать образъ своей и всей вообще человѣческой жизни.

Онъ — труженикъ искусства, не баловень его.

Ошибочно думать, что первый обязательно Сальери, второй — Моцартъ.

Я уже цитировалъ строчки Анненскаго — свидѣтельство поэта о самомъ себѣ. Если Сальери у Пушкина, при всей глубинѣ произносимаго надъ нимъ суда, все же въ музыкѣ — неудачникъ, Анненскаго неудачникомъ въ поэзіи не назовешь. И ужъ никакъ не назовешь имъ Бодлэра.

А это ли не труженикъ поэзіи!

L'homme a, pour payer sa rançon
Deux champs au tuf profond et riche,
Qu'il faut qu'il remue et défriche
Avec le fer de la raison;

Pour obtenir la moindre rose,
Pour extorquer quelques épis,
Des pleurs salés de son front gris
Sans cesse il faut qu'il les arrose.

L'un est l'Art et l'autre l'Amour ...

Это сопоставленіе труднаго искусства и трудной любви (у Бодлэра любви къ женщинѣ, у Анненскаго — материнской, къ больнымъ дѣтямъ), освящаетъ тяжесть труда, но «соленыя слезы» и тутъ не забыты.

Нѣтъ, разумѣется, никакой возможности съ точностью опредѣлить границы вѣка золотого и вѣка серебрянаго.

Всего проще, быть можетъ, считать золотымъ вѣкомъ два - три лучшихъ десятилѣтія жизни «свой вѣкъ увлекающаго генія».

Золотой вѣкъ русской поэзіи прошлаго столѣтія, «первая любовь» Россіи — жизнь и стихи Пушкина.

Благодаря Баратынскому, серебряный вѣкъ существуетъ одновременно съ золотымъ.

Не таковъ случай Языкова. Онъ по свободѣ и звучности голоса — образчикъ вѣка золотого, но это образчикъ второго или третьяго сорта.

На Лермонтовѣ золотой вѣкъ какъ - бы замедляетъ свое исчезновеніе.

Историческое десятилѣтіе и столѣтіе, разумѣется, не имѣютъ никакого отношенія къ лѣтоисчисленію поэзіи.

Ея золотой вѣкъ для двадцатаго столѣтія — Тютчевъ и Блокъ. Не существенно, что между ними — десятилѣтія. Между Виргиліемъ и Данте — двумя вершинами европейскаго золотого вѣка — столѣтія.

Въ несравненно болѣе маломъ масштабѣ — для Россіи и для ея поэтовъ, нынѣ дѣйствующихъ — Тютчевъ и Блокъ — поэты одной стихіи. Есть въ ней и что-то отъ Лермонтова, но Лермонтовъ наполовину — съ Пушкинымъ, съ тѣмъ давно-прошедшимъ золотымъ вѣкомъ.

Тютчевъ — весь въ двадцатомъ столѣтіи и нашъ современникъ Блокъ нисколько Тютчева не устраняетъ, не замѣняетъ, а только становится рядомъ съ нимъ. Оба — въ сердцѣ всего, что движетъ современной поэзіей.

Блокъ къ тому же далъ голосъ нашей злободневности и былъ какъ-бы физически ощутимымъ, страшнымъ и ангельскимъ лицомъ нашего золотого вѣка.

Съ исчезновеніемъ своего генія время теряетъ голосъ, онъ кажется сдавленнымъ, охрипшимъ.

Но и въ немъ та же тема и даже ея какъ бы подземное углубленіе.

Хочется вѣрить, что именно это присутствуетъ въ современной послѣблоковской поэзіи и что это послужитъ рано или поздно ея оправданіемъ.

2.

"КЛИМЪ САМГИНЪ"

Въ этой вещи Горькій пытается изообразить средняго русскаго интелигента до революціи. Годъ за годомъ отъ дошкольной поры (лучшая часть эпопеи) до превращенія въ адвоката Самгинъ переходитъ съ одной страницы на другую свидѣтелемъ и вялымъ участникомъ всего, что было въ Россіи въ концѣ прошлаго и въ началѣ двадцатаго вѣка.

Уже въ дѣтскіе годы «умненькій» мальчикъ, поощряемый вниманіемъ взрослыхъ, повторяетъ обрывки ихъ фразъ, и Горькій дѣлаетъ попытку возстановить восьмидесятые годы въ представленіи ребенка. Середина девяностыхъ годовъ — ходынка и коронація — описаны какъ сознательныя впечатлѣнія Самгина - студента, а Гапонъ и 9-ое января служатъ уже темой для доклада въ провинціи Самгину - адвокату, который былъ очевидцемъ и невольнымъ участникомъ тѣхъ событій и за свой докладъ даже «пострадалъ», отсидѣвъ двѣ недѣли въ тюрьмѣ.

Наряду съ развитіемъ событій исторіи политической, Горькій пытается возстановить исторію философскихъ и художественныхъ настроеній эпохи и герои его спорятъ не только объ «Искрѣ» Ленина и выстрѣлѣ Балмашева, но и о стихахъ Верлена и «Витебскаго или Виленскаго» (Минскаго) и даже о религіозныхъ сектахъ.

Наконецъ есть въ эпопеѣ Горькаго планъ какъ бы внѣвременный — описанія любви, смерти, всего, что относится къ природѣ человѣка и зависитъ лишь косвенно отъ событій историческихъ.

«Климъ Самгинъ» отражаетъ Горькаго во весь ростъ.

Но эти цѣпи я разрушу,
На то и воля мнѣ дана,
Затѣмъ и разбудилъ мнѣ душу
Фанатикъ знанья — Сатана.

Эти чуть-чуть комическія строчки, будто бы сочиненныя однимъ изъ персонажей «Клима Самгина», вѣроятно написаны самимъ Горькимъ и о себѣ: до чего это на него похоже и по стилю и по смыслу!

Одолѣть «Клима Самгина», ничего не пропуская, конечно, подвигъ. Онъ облегчается все же сценами и эпизодами отличнаго мастерства, вродѣ, напримѣръ сценъ обиды, нанесенной мальчику Борису, и его гибели. Мѣстами нудное теченіе повѣсти мѣняетъ ритмъ. Онъ становится почти захватывающимъ въ концѣ второго тома и въ началѣ третьяго тамъ, гдѣ описывается нарастаніе и убываніе «революціонной волны» 1905 года.

Въ какой - то степени «Климъ Самгинъ» можетъ даже сойти за карту нѣсколькихъ десятилѣтій русской жизни. Не то, чтобы вещь эта могла внушить художественную идею эпохи (это оказалось Горькому не по силамъ), но какъ въ чьемъ - то чудовищно-подробномъ дневникѣ, въ эпопеѣ Горькаго каждый можетъ получить толчекъ для собственныхъ своихъ воспоминаній или по крайней мѣрѣ справку, всегда одностороннюю, но подробную: какъ хоронили такого-то? Какъ дрались между собой «черносотенцы» и студенты? и т. д.

Въ описаніяхъ Горькаго въ общемъ нѣтъ завѣдомой лжи или вѣрнѣе она не всегда ему удается.

Онъ пытается воскресить и вновь осудить излюбленный въ русской литературѣ типъ «лишнего человѣка». И такъ какъ судить Самгина долженъ трибуналъ читателей, увѣренныхъ, что владѣютъ полнотой истины, и такъ какъ Горькій сейчасъ одинъ изъ идеологовъ политбюро, слѣдственный матеріалъ подобранъ имъ пристрастно и безъ желанія смягчить неизбѣжный приговоръ.

Но по моему есть все же возможность химически выдѣлить изъ рапорта казеннаго часть художественную, потому что и въ «Климѣ Самгинѣ», несмотря ни на что, Горькій не рядовой писатель.

Декадентка Нехаева съ цитатами изъ Верлена и Брюсова, съ истерикой въ любви, съ вѣчной зябкостью, съ отвращеніемъ къ ѣдѣ — каррикатура не лживая. Очень убѣдительно въ концѣ третьяго тома превращеніе Нехаевой въ изступленную сектантку, радѣющую о духѣ, и съ посѣдѣвшими висками и съ визгами: «Дхарма» Дхарма!» прыгающую вокругъ чана съ водой. Было въ декадентствѣ нѣчто, чего Горькій до сихъ поръ не оцѣнилъ и не понялъ, но были вѣдь тамъ и Нехаевы.

Замѣчателенъ образъ хромого мужиченки и сцена ночной ловли трехпудоваго сома, котораго мужиченка выдумалъ.

У многихъ персонажей «Клима Самгина» есть живыя черты.

Мелкій, за всѣми подглядывающій Droновъ, болтливый Лютовъ съ его шутовствомъ и нервными тиками, дѣловитый и разговорами немного похожій на Маякина изъ «Ѳомы Гордѣева» — Варавка и множество другихъ лицъ и карикатуръ чѣмъ - то задѣваютъ вниманіе.

Особенно хороши образы дѣтей и два три женскихъ образа. Лидія до неубѣдительнаго превращенія ея въ разбогатѣвшую даму съ претензіями — интересно задуманный и нарисованный типъ дѣвочки и женщины дикой, пытливой и ко всему и къ себѣ неутомимо требовательной. Удаченъ образъ красавицы Алины Телепневой, кокотки по убѣжденію.

Центральная фигура эпопеи, конечно, Климъ Самгинъ. Но это фигура условная.

«Самгинъ могъ бы сравнить себя съ фонаремъ на площади: изъ улицъ торопливо выходятъ, выбѣгаютъ люди; попадая въ кругъ его свѣта, они покричатъ немножко, затѣмъ исчезаютъ, показавъ ему свое ничтожество».

Самгинъ революціонеръ по недоразумѣнію, это потенціальный предатель, хотя и для этой роли недостаточно у него характера. Онъ боится жизни, презираетъ всѣхъ и себя. Его любятъ, точнѣе имъ увлекаются женщины, но для него каждая становится рано или поздно «прочитанной книгой».

Безъ всякаго желанія автора унизить можно, мнѣ думается, утверждать, что Горькій многое въ Климѣ Самгинѣ списалъ съ себя самого. Въ этомъ принципіально нѣтъ ничего позорящаго — есть сколько угодно примѣровъ, когда писатель въ себѣ наблюдалъ и судилъ что-то, что потомъ составило характеръ его героя. Другое дѣло, насколько автору удается въ жизни преодолѣть черты, ради уничтоженія которыхъ онъ и создаетъ въ романѣ карикатуру на себя, но это уже вопросъ психологіи творчества и тема для будущихъ біографовъ Горькаго...

Преодолѣвая тысячу съ лишнимъ страницъ еще не законченной горьковской эпопеи, не разъ спрашиваешь себя, отчего же все - таки ее такъ тяжело усваивать.

Много живыхъ лицъ, удачно описанныхъ эпизодовъ, наконецъ время дѣйствія такъ интересно для каждаго именно сейчасъ.

Неужели дѣло только въ тенденціозности Горькаго? Но вѣдь эпоха, которую онъ описываетъ, — довоенная, и при всей необходимости представить ее въ свѣтѣ, пріятномъ для большевиковъ, она все же оставляетъ немало свободы для описаній чисто художественныхъ.

Или дѣло въ неумѣніи распорядиться діалогами, затопившими всю

эпопею. Да, дѣло навѣрно и въ этомъ. У Горькаго разговоры невыносимы, потомъ что всѣ персонажи говорятъ голосомъ автора. Какъ Фреголи, Горькій переодѣвается то въ костюмъ Дронова, то — Самгина, то — Лидіи, но все это маски одного актера, котораго по тембру голоса и даже по однообразному ритму фразъ, всегда узнаешь.

Наконецъ, быть можетъ, «Климъ Самгинъ» и въ самомъ дѣлѣ родъ дневника, мѣсто разгрузки всѣхъ за всю жизнь накопившихся мыслей, афоризмовъ и наблюденій Горькаго, чѣмъ и объясняется удручающе медленный темпъ въ развитіи эпопеи и обиліе въ ней какого - то чернового непроработаннаго матеріала.

Какъ бы то ни было, всѣ эти недостатки еще не всецѣло объясняютъ неудачу Горькаго. Мнѣ думается, объясненіе этой неудачи — въ природѣ Горьковскаго таланта.

Критикъ не можетъ избѣжать оговорокъ о себѣ, точнѣе — о личныхъ своихъ вкусахъ. Какъ ни неловко это дѣлать, приходится, говоря о такомъ-то авторѣ, напомнить, что между нимъ и читателемъ въ критическомъ изслѣдованіи возникаетъ еще и третье лицо. Можетъ быть и лучше напомнить объ этомъ, скромнѣе во всякомъ случаѣ пояснить, съ какой именно точки зрѣнія авторъ кажется такимъ, а не другимъ.

Я не фанатикъ модернизма, хотя и считаю, что все, остающееся за предѣлами этого понятія, относится къ литературѣ XIX-го вѣка и осуждено съ большимъ или меньшимъ блескомъ подновлять и украшать старое зданіе, изъ котораго жизнь уже давно перекочевала въ другое мѣсто.

Всяческіе «измы» и погоня за модой здѣсь не при чемъ. Наоборотъ нельзя не понять Блока, которому уродства модернизма были противны, а реализмъ «знаньевцевъ» казался въ какую то эпоху живительнымъ. Блокъ и въ его лицѣ весь русскій модернизмъ пережилъ разочарованіе въ блужданіяхъ только по облакамъ и отказался отъ ничѣмъ неоправданнаго высокомѣрія къ реальной жизни.

Съ анти - модернистами ничего подобнаго не произошло. Они не дали себѣ труда разобраться въ чужой стихіи и даже усвоили себѣ высокомѣрно - пренебрежительный тонъ, какой-то самодовольно - снисходительный смѣшокъ въ оцѣнкахъ явленій не своего міра.

Въ «Климѣ Самгинѣ» Горькій пытается все же заигрывать съ модернизмомъ. Трогательны по наивности и неуклюжести его неожиданно почтительныя цитаты изъ Сологуба или Брюсова и даже попытка углубить свою повѣсть, «совсѣмъ какъ у нихъ», какимъ то мистическимъ планомъ, для чего

герой повѣсти черезъ каждыя двадцать страницъ произноситъ: «да былъ ли мальчикъ то?», а одинъ разъ даже: «да была ли дѣвочка то?», что уже совсѣмъ смѣшно, потому что въ первый разъ восклицаніе относилось къ дѣйствительно-потонувшему мальчику Борису.

Но въ общемъ «Климъ Самгинъ» очевиднѣе даже чѣмъ всѣ другія вещи Горькаго показываетъ, что одинъ «черноземный талантъ» еще не достаточенъ для великаго подвига въ литературѣ, хотя по замыслу эпопея Горькаго и могла бы на это претендовать. Дарованіе Горькаго воспитано въ пренебреженіи къ какимъ бы то ни было поискамъ за предѣлами простѣйшей реальности. Отсюда такая духота въ «Климѣ Самгинѣ», эта безпросвѣтность, это, какъ въ банѣ, переполненіе всей вещи тѣлами и запахами тѣлъ.

Совсѣмъ недавно совершенно такая же неудача, но по причинамъ прямо противоположнымъ постигла — модерниста, тоже большого писателя, у котораго еще больше чѣмъ у Горькаго данныхъ для исключительныхъ побѣдъ въ литературѣ. Я имѣю въ виду Андрея Бѣлаго и эпопею «Москва подъ ударомъ». Бредъ и фантазія Бѣлаго и все подавляющіе «натура и бытъ» у Горькаго, оказалось, иногда другъ друга стоютъ. Кстати эпопея и у того и другого задумана одинаково: Бѣлый тоже судья интеллигенціи. И ему еще больше чѣмъ Горькому пришлось бороться съ совѣстью раньше чѣмъ взять на себя такую роль, но для обоихъ писателей справедливы строчки изъ Ѳомы Гордѣева:

«Иногда они со страхомъ говорятъ о своей совѣсти, порою искренно мучатся въ борьбѣ съ ней, — но совѣсть — это сила непобѣдимая лишь для слабыхъ духомъ; сильные же быстро овладѣваютъ ею и порабощаютъ своимъ желаніямъ»...

Бѣда только въ томъ, что искусство не выноситъ такого подавленія совѣсти, въ этомъ оно чище жизни. Провалъ двухъ эпопей двухъ большихъ русскихъ писателей не случайное въ этомъ смыслѣ явленіе.

Кстати, если продолжать разсужденія о модернистахъ и анти - модернистахъ и предаться Маниловскимъ мечтаніямъ, — какой геніальной удачей было бы соединеніе въ одномъ лицѣ — Бѣлаго и Горькаго, этихъ двухъ полюсовъ русской прозы. Синтезъ двухъ представляемыхъ ими началъ въ поэзіи произошелъ и оттого имя поэта, единственное изъ русскихъ именъ двадцатаго вѣка, имѣетъ право встать рядомъ съ великими именами міровой литературы. Это имя — Блока. Въ русской прозѣ послѣ Толстого и Достоевскаго — такого имени нѣтъ. Розановъ? Да, пожалуй, но это вѣдь не совсѣмъ

литературное имя. Чеховъ? Но это уже довольно давнее и все же не столь безусловно великое прошлое.

Вернемся къ Горькому.

Въ «Климѣ Самгинѣ» раскрывается особенность его памяти, воспитанной въ прилежномъ — все пригодится — собираніи всяческихъ наблюденій.

Если умѣстно здѣсь напомнить имя прозаика новаго и значенія безспорно всемірнаго, прозаика, воспитаннаго въ блистательной и опаснѣйшей атмосферѣ европейскаго модернизма и являющегося его лучшимъ и ядовитѣйшимъ цвѣтомъ, если умѣстно напомнить, что именно у него жизненный реализмъ тончайшими тканями переплелся съ геніемъ декадентства, можетъ быть сопоставленіе съ Прустомъ поможетъ оттѣнить особенную безпомощность памяти у Горькаго.

Память Пруста, какъ молнія, озаряетъ крохотную деталь, которая потомъ, разрастаясь, охватываетъ, оплетаетъ и поддерживаетъ всю грандіозную эпопею. У Горькаго памяти не позволено шалить, она — честный труженикъ, съ трудомъ тащущій чудовищный возъ, гдѣ среди всякаго хлама затеряны и драгоцѣнности.

ГЕОРГІЙ ИВАНОВЪ

О НОВЫХЪ РУССКИХЪ ЛЮДЯХЪ

I.

Еще два-три года тому назадъ въ общественно-литературныхъ эмигрантскихъ кругахъ Парижа все было болѣе-менѣе ясно. Всякій, къ этимъ кругамъ принадлежащій, зналъ «существующій порядокъ вещей, установившійся, повидимому, «всерьезъ» и «надолго». Ясно было — гдѣ «правое», гдѣ «лѣвое», гдѣ «реакція», гдѣ «прогрессъ», въ чемъ «вѣрность традиціямъ» и «въ чемъ подрываніе устоевъ», кто сохраняетъ «живую связь съ дѣйствительностью» и «кто ничего не забылъ и ничему не научился».

Получалась, словомъ, цѣлая стройная панорама съ возвышенностями и низменностями, горделивыми шпилями и обреченными на сносъ лачугами, какъ панорамѣ и полагается. Конечно, что принимать за верхъ, что за низъ — зависѣло отъ точки зрѣнія. Любой ландшафтъ можно наблюдать просто, можно и вверхъ ногами: тогда самая глубокая изъ ямъ покажется Монбланомъ и обратно. Но непререкаемая реальность цѣлаго отъ этого нисколько не страдала. Негативъ и позитивъ, яростно «отрицая» другъ друга, повторяютъ, какъ извѣстно, съ одинаковой точностью тотъ же самый «кусокъ жизни». Не будь его — не было бы ни позитива, ни негатива.

Короче говоря, съ большими или меньшими недостатками, съ тѣми или иными ошибками или несправедливостями, въ эмиграціи установилась своя, прочная іерархія цѣнностей и, вытекающій изъ нее и на нее опирающійся «существующій строй».

***

Всѣ законы міра начинаются съ суровыхъ каръ за попытку къ ниспроверженію существующаго строя. Въ эмиграціи уголовнаго кодекса нѣтъ и за подкопъ подъ какое либо изъ ея установленій «злоумышленника» нельзя ни осудить, ни разстрѣлять. Но нѣкоторый аппаратъ моральнаго воздѣйствія у эмиграціи, какъ у осознанной и организованной анти-большевистской

силы, конечно есть. Странно было бы, если бы его не было. Слишкомъ огромны цѣнности, вывезенныя эмиграціей съ «всероссійскаго пожарища», да и люди ихъ вывезшіе не годятся на роли простыхъ музейныхъ сторожей. Лучшіе изъ нихъ, — эту убитую, точнѣе пришибленную «тамъ» и охраняемую здѣсь россійскую культуру сами создавали и двигали, — естественно, что отъ своей привычной «хозяйской» роли своихъ обязанностей — правъ они добровольно не откажутся.

Всегда шла борьба, никогда не прекращавшаяся внутри самой эмиграціи — и она достигала разныхъ степеней напора и ожесточенія. Но самый кругъ этой борьбы былъ ограниченъ уже тѣмъ самымъ, что вели ее люди одной и той же старой русской культуры и одного кожнаго, кровнаго отвращенія къ разрушителю этой культуры — большевизму. И, если въ политическихъ разногласіяхъ дѣло могло заходить и заходило порой очень далеко — то въ этой, основной, области эмиграція сама собой, безъ всякихъ усилій, сейчасъ же объединялась — какъ только что либо начинало угрожать ея «не писаннымъ законамъ». Отъ вульгарнаго «смѣновѣховства», до достаточно сложнаго и хитроумнаго евразійства — всѣ явленія такого порядка находили немедленный отпоръ. Сѣмена разложенія неизмѣнно попадали на камень и прорости не могли...

Такъ было до недавняго времени, покуда дѣло шло въ плоскости обычныхъ противопоставленій: мы и они, культура и варварство — эмиграція и большевизмъ. Но съ нѣкоторыхъ поръ «аппаратъ» сталъ давать перебои. Незамѣтно, подспудно, въ разныхъ углахъ русской жизни зарождалась и накопляла энергію неизвѣстная до сихъ поръ «Третья сила», къ оцѣнкѣ которой старыя мѣрки какъ будто непримѣнимы. Теперь, на нашихъ глазахъ, сила эта «вступаетъ въ игру».

***

Обликъ представителей этой силы далекъ и отъ того, какимъ мы знаемъ эмигранта, и отъ того, какъ рисуется намъ большевикъ нашихъ дней. Обликъ этотъ, прежде всего, двоится, троится, четверится.

Когда то въ блаженныя довоенныя времена были въ модѣ соединенные портреты знаменитостей. Скажемъ: «монархи Европы». Брались карточки Вильгельма II, Эдуарда VII, бельгійскаго Леопольда, испанскаго Альфонса и, накладывая одна на другую, получали физіономію благообразнаго господина среднихъ лѣтъ, съ пышной растительностью и нѣсколько туманнымъ взгля-

домъ. Это и былъ соединенный портретъ монарховъ Европы. То же дѣлалось съ борцами, актерами — невинныя были времена и невинно люди развлекались.

Такъ, вотъ, чтобы хоть приблизительно представить себѣ двоящееся, троящееся, четверящееся лицо «новаго человѣка», вступающаго въ русскую жизнь, приходится прибѣгнуть къ такому же способу «накладыванія»...

... Матеріализмъ — и обостренное чувство ирраціональнаго. Марксизмъ — и своеобразный романтизмъ. «Сильная Россія» и — «благословимъ судьбу за наши страданія». Отрицаніе христіанства — «спасеніе въ христіанствѣ». Русское мессіанство, интернаціоналъ. «Цѣль оправдываетъ средства» и непротивленіе злу. Достоевскій, Достоевскій, Достоевскій... Немного Толстого. «Атлантида» Мережковскаго, Ницше и... Андре Жидъ. «Пушкина не существуетъ». Славянофилы, Леонтьевъ. Рудольфъ Штейнеръ, даже Елевферій... Безчисленные, — какъ пишутъ въ анализахъ, — «слѣды» другихъ пестрыхъ, перекрещивающихся, отрицающихъ другъ друга вліяній.

Изъ этой смѣси идей и чувствъ, страстей и системъ, смотритъ, если хорошенько вглядѣться, лицо новаго русскаго человѣка. Отчетливости благообразнаго господина съ баками Франца-Іосифа и носомъ Фердинанда болгарскаго — этотъ «комбинированный портретъ», конечно, не имѣетъ. Но онъ не сливается и въ безформенное, туманное пятно, какъ можно было ожидать. Какія то черты явно сквозь туманъ рисуются. Самая противорѣчивость ихъ придаетъ имъ что-то собственное, характерное. Кромѣ того, этотъ портретъ передъ портретомъ монарховъ Европы или чемпіоновъ бокса имѣетъ одно важное преимущество въ смыслѣ выразительности. Тамъ, при роскошныхъ очертаніяхъ носовъ и бородъ, глаза, какъ я уже отмѣчалъ, нѣсколько расплывались: монархическая или скулодробительная идея, отъ соединенія въ одно отборныхъ ея представителей, сильнѣй отнюдь не выявлялась. На этомъ лицѣ, такомъ еще неопредѣлившемся, глаза горятъ ярко. И въ нихъ свѣтится нѣчто, если не организующее хаосъ остального, то одухотворяющее его. Въ глазахъ, «сборныхъ» глазахъ новаго человѣка, ярко свѣтится его «пореволюціонное сознаніе».

⁂

«Пореволюціонное сознаніе»... Не знаю, кто пустилъ въ ходъ это опредѣленіе, да это и не существенно. Настоящимъ авторомъ его была сама жизнь. И эти два слова, призваны, быть можетъ, сыграть роль той черты, которая

раздѣлить по новому строй русской жизни, сложившейся послѣ революціи. Самое удивительное, что если эту черту провести — за чертой, отдѣляющей «новыхъ людей» отъ «старыхъ», окажемся не только мы, люди прежней Россіи, но и «они» — безконтрольные хозяева Россіи нынѣшней.

Пореволюціонное сознаніе... Новый человѣкъ, человѣкъ «третьей силы» — недоволенъ «существующимъ строемъ» по обѣ стороны рубежа и этого не скрываетъ. Но онъ именно недоволенъ — ни нашей ненависти, ни большевицкаго презрѣнія къ намъ, у него нѣтъ. Онъ вообще, какъ бы игнорируетъ самый рубежъ, раздирающій на двое Россію, какъ бы считаетъ его несуществующимъ. Критикуя и присматриваясь, онъ выбираетъ у «насъ» и у «нихъ» то, что можетъ ему подойти. Но и эмиграція, и большевизмъ для него въ значительной степени старая русская жизнь. Онъ же собирается строить новую.

**
*

Кто же, однако, они, эти новые люди, откуда они взялись. Что это — новое поколѣніе? Отчасти, новое поколѣніе. Но только отчасти. Конечно, среди нихъ преобладаетъ молодежь — но признакъ возраста какъ то для нихъ нехарактеренъ. Нехарактерно это впрочемъ, не только для нихъ. Во всей послѣвоенной Европѣ перемѣнилось, если присмотрѣться, строеніе и порядокъ смѣняющихъ другъ друга человѣческихъ волнъ. Какіе то новыя неизвѣстныя вошли послѣ войны въ уравненіе, по которому движется «душа исторіи» — и многія прежде ясныя и самоочевидныя положенія потеряли свою ясность и самоочевидность.

Точнѣе всего — это люди новой духовной среды. Сознаніе ихъ, конечно, опредѣлилось ихъ бытіемъ, хотя ни у кого въ мірѣ нѣтъ такого неодолимаго стремленія, какъ у нихъ — наперекоръ марксистской заповѣди — опредѣлять бытіе сознаніемъ. Многое объясняется въ нихъ тѣмъ, что въ большинствѣ своемъ, такъ или иначе — это «люди изъ подполья».

Русское подполье нашихъ дней ждетъ еще своего изобразителя. Вѣроятно, еще долго будетъ ждать: задача слишкомъ трудна. Оно неисчерпаемо богато страданіемъ и его духовный опытъ очень великъ.

«Подполье», это главнымъ образомъ всѣ тѣ, кто за пятнадцать лѣтъ революціи не выплылъ на поверхность ни въ эмиграціи, ни въ Россіи, не участвовалъ ни въ какомъ строительствѣ, не игралъ никакихъ ролей, тѣ, кто никакъ общественно не «осуществился», послѣ распада Россіи. Незамѣтно

для себя, не сознавая этого, безмолвствовавшая пятнадцать лѣтъ «глухая масса» русскихъ людей, накопила огромную энергію — теперь она ищетъ выхода.

**
*

Лицо «новаго человѣка» туманно: оно двоится, троится, четверится. Идеи его путанны, противорѣчивы, пестры. Въ принявшемъ за пятнадцать лѣтъ отчетливыя формы, раздѣленномъ непроходимымъ рубежомъ, выкристаллизовавшемся, нѣсколько даже окаменѣвшемъ мірѣ русской жизни онъ, «новый человѣкъ» растерянно глядитъ вокругъ себя, не зная во что вѣрить, что отрицать, на что опереться, «прабая, лѣвая, гдѣ сторона».

Онъ неясенъ еще самому себѣ — какъ же отъ него ждать ясности. Онъ «подкидышъ» — о его родословной можно только гадать. Онъ христіанинъ, отрицающій Христа, антибольшевикъ, не довѣряющій эмиграціи, онъ не признаетъ рубежа, но по обѣ стороны его, — онъ равно чужой дѣйствующимъ и тамъ и здѣсь законамъ. Онъ, — пока что, — только большой вопросительный знакъ, появившійся передъ нами «изъ ничего» — на пятнадцатомъ году революціи.

Но — нельзя объ этомъ забывать — въ глазахъ его — новое сознаніе.

II.

На собраніяхъ въ разныхъ обществахъ и кружкахъ русскаго Парижа, часто выступаетъ теперь молодой человѣкъ лѣтъ двадцати шести-восьми. Зовутъ его Петръ Степановичъ. Говоритъ онъ на эмигрантскихъ собраніяхъ отъ лица недавно основанной имъ и его друзьями «Третьей Россіи» — пока скромнаго журнальчика, въ будущемъ... но это покажетъ будущее.

Петръ Степановичъ крѣпко скроенъ, да и сшитъ довольно «ладно». Высокій, прямой, свѣтлые глаза, бѣлые зубы. Только что-то топорное, тяжеловѣсное во всемъ — въ движеніяхъ, въ ходѣ мыслей, въ рѣчи.

Подыметъ руку — точно пудовую гирю поднялъ. Зададутъ вопросъ — такъ задумается надъ отвѣтомъ, точно труднѣйшую задачу рѣшаетъ. Скажетъ слово — слово какое то каменное. Иногда — очень рѣдко улыбается. Улыбка — дѣтская.

— Мы хотимъ могущества!

Это лейтмотивъ всѣхъ его выступленій. Говоритъ онъ это такъ убѣж-

денно, такъ ясно смотритъ собесѣднику въ глаза, такъ жестко, выбросивъ слово, стискиваетъ челюсти, что забываешь на минуту жалкое несоотвѣтствіе между мечтой и дѣйствительностью, словомъ и дѣломъ.

Этотъ прямой, коренастый, топорный человѣкъ — несомнѣнно убѣжденъ въ томъ, что такъ или иначе «могущества» (онъ произноситъ по мужицки: «мохущества») — онъ добьется. И такова сила убѣжденности, что она, «разсудку вопреки» — убѣждаетъ. Кто его знаетъ, можетъ именно онъ и добьется. Вотъ вѣдь какой скуластый, твердолобый, упорный. — «Мы достроимъ Вавилонскую башню»... «Мы добьемся»... «Мы, мы...»

Самое характерное для его выступленій, что онъ всегда говоритъ одно и то же. Вотъ онъ излагаетъ свою программу подробно, тщательно отчеканивая каждое слово, прямо, ясно глядя передъ собой. Потомъ, какъ водится, начинается диспутъ, программу Петра Степановича начинаютъ съ разныхъ сторонъ разбивать. Разбивается она легко. Въ ослѣпительной ея стройности одинъ за другимъ открываются глубокіе изъяны. Она, оказывается, противорѣчитъ сама себѣ, она абсурдна. Стройная «Вавилонская башня» рзсыпается карточнымъ домикомъ.

Но взгляните на Петра Степановича. Онъ слушаетъ съ равнодушнымъ, нѣсколько скучающимъ видомъ, точно все это его нисколько не касается. Онъ ждетъ, когда списокъ ораторовъ будетъ исчерпанъ. Тогда онъ снова подымется на эстраду и тѣмъ же голосомъ, также твердо, убѣжденно, увѣренно... буква въ букву повторитъ въ заключительномъ словѣ то, что говорилъ во вступительномъ. Все, что ему возражается, онъ просто — откровенно пропустилъ мимо ушей.

Но нужны ли всѣ эти возраженія? Не лучше ли присмотрѣться, прислушаться, прежде чѣмъ желать быть понятымъ, самому постараться понять? Прислушаться не столько къ интонаціи, звуку голоса вотъ такого Петра Степановича. Присмотрѣться къ его лицу, задуматься надъ его біографіей — если онъ этого стоитъ. А онъ, повидимому, стоитъ — недаромъ его слушаютъ такъ внимательно и возражаютъ ему такъ горячо.

**
*

Новый человѣкъ изъ новой Россіи. Что мы знали о немъ до сихъ поръ?

Какъ о темной сторонѣ луны — о Совѣтской Россіи мы достовѣрно знаемъ, собственно, только то, что она существуетъ. Все остальное — спор-

но, обо всемъ остальномъ можно только гадать. Да и догадки эти, основанныя на обрывочныхъ частныхъ свѣдѣніяхъ и на ворохахъ офиціальной лжи, касаются главнымъ образомъ сегодняшняго дня, Россіи, какъ она есть сейчасъ.

Было горе, будетъ горе,
Горю нѣтъ конца.

заглушенно шепчутъ подспудные «ночные голоса» оттуда. Покрывая ихъ, сверхъ-мощный громкоговоритель пропаганды вѣщаетъ о неслыханныхъ достиженіяхъ пятилѣтки. Но между «горемъ безъ конца» и «энтузіазмомъ строительства», есть же живая жизнь великой страны, движущаяся впередъ по какимъ то колеямъ и какъ-то слагающаяся для будущаго. Что мы знаемъ о ней?

До сихъ поръ мы могли только гадать: за пятнадцать лѣтъ большевизма врядъ ли всѣ, кто не погибъ, превратились въ соціалистическихъ роботовъ, или прихвостней власти. Кто то выжилъ и морально и физически. Это разъ. Два — за эти пятнадцать лѣтъ въ совѣтскомъ воздухѣ сложились милліоны сознаній, въ совѣтскую почву проросли милліоны новыхъ корней. Какіе то изъ этихъ новыхъ корней — въ подспудной, труднѣй всего поддающейся надзору ГПУ и контролю Ц.К. — области духа срослись и переплелись не съ правовѣрно-коммунистическими насажденіями, а какъ разъ съ враждебными коммунизму, уцѣлѣвшими отъ всероссійскаго «корчеванья» — корнями старой русской культуры. Прививка, какъ будто, не могла не произойти и не могла не дать всходовъ. Всходовъ — надо ждать. — На нихъ, какъ будто, можно надѣяться. Въ остальномъ: «было горе, будетъ горе», ночной туманъ и, сквозь него, бутафорскіе огни пятилѣтки.

И вотъ случилось ожиданно — неожиданное. Кто то старый выжилъ, кто то новый подросъ. Что то привилось, что то зацвѣло и зазеленѣло. Новый русскій человѣкъ стоитъ передъ нами. У него славный мужицкій выговоръ, славный открытый взглядъ. Если онъ улыбается, улыбка у него дѣтская. Но по большей части онъ серьезенъ, каменно-серьезенъ. Отъ лица милліоновъ, такихъ же, какъ онъ, каменно-серьезнымъ голосомъ онъ говоритъ міру:

— «Мы достроимъ Вавилонскую башню. Мы хотимъ могущества».

Въ чемъ, въ чемъ, а въ «подлинности» такого Петра Степановича сомнѣній нѣтъ. Все въ біографіи его честно, чисто и органично. Это не смѣновѣховецъ и не невозвращенецъ — не шлакъ историческаго процесса, а новѣйшій, послѣдній его сплавъ. Выплавка шла, примѣрно, такъ.

Рабочая семья. Въ раннемъ дѣтствѣ октябрьскій переворотъ, воспринятый, какъ праздникъ раскрѣпощенія. 1919, 1920, 1921 годы — густая романтика Алой и Бѣлой розы, «бѣшеныхъ атакъ міровового капитализма» на «мирный рай трудящихся». 1922 — атаки отбиты. Наконецъ-то: «мы свой, мы новый міръ построимъ». Но вмѣсто новаго міра строится... Нэпъ. Первыя колебанія, такъ ли безошибочна «азбука коммунизма». Затѣмъ комсомолъ, ВУЗ. Разговоры, книги, встрѣчи, само-критика, критика-просто... Съ лица бывшей Россіи понемногу сползаетъ маска страшилища, царя-жандарма, съ лица Россіи нынѣшней — идиллическая личина добродѣтельнаго товарища. Приходитъ время сдѣлать выборъ, роковой моментъ для нынѣшнихъ хозяевъ Россіи, къ предотвращенію котораго направлены всѣ средства коммунистической педагогики. Но самыя сильныя средства дѣйствуютъ, какъ извѣстно, до поры до времени и предотвратить непредотвратимое нельзя.

Петръ Степановичъ сдѣлалъ выборъ такъ. Послѣ окончанія ВУЗ-а, на порогѣ прекрасной карьеры, ничѣмъ не угрожаемый, принадлежащій къ привиллегированному сословію — онъ сѣлъ въ поѣздъ, доѣхалъ до границы и безъ денегъ, безъ языка, безъ единаго знакомаго за рубежомъ, границу перешелъ. Это былъ вполнѣ безкорыстный жестъ, никакого практическаго смысла въ немъ не было. Онъ бѣжалъ единственно и исключительно потому, что въ воздухѣ Совѣтской Россіи для его легкихъ не хватало кислорода — онъ задыхался.

Но и въ эмиграціи — онъ этого не скрываетъ — онъ тоже задыхается.

***

На эстрадѣ эмигрантскаго собранія стоитъ человѣкъ. На немъ потертый костюмъ и темная рабочая рубашка. Въ карманѣ у него волчій нансеновскій паспортъ, въ головѣ обрывки нахватанныхъ знаній. Онъ бѣжалъ изъ Россіи и добываетъ себѣ кусокъ хлѣба физическимъ трудомъ. Отставъ отъ большевиковъ, къ эмигрантамъ онъ не присталъ. Онъ «самъ по себѣ». Онъ и маленькая кучка его учениковъ гордо называютъ себя «Третьей Россіей»...

Вотъ онъ излагаетъ свою программу. Программа, что и говорить, — «обширная». Новое государство людей — титановъ. Новая «титаническая религія». Побѣда надъ косностью духа — достройка — Вавилонской башни. Тутъ выясняется «пикантная подробность» — строить башню, оказывается, начали большевики и до поры до времени ничего, правильно строили: «расчистили мѣсто», заложили фундаментъ. Теперь, впрочемъ, большевики дѣлаютъ

«непоправимую историческую ошибку» — не желаютъ уйти, чтобы дать «новымъ людямъ» — титанамъ достроить на заложенномъ ими фундаментѣ «Третью Россію».

Программа, повторяю, обширная. Достаточно сказать, что въ числѣ ея пунктовъ — въ планѣ «преодолѣнія косности матеріи» есть и такой: воскресеніе мертвыхъ...

Тотъ, кто скажетъ «сумасшедшіе», будетъ неправъ. Неправъ и тотъ, кто пожметъ плечами: «шарлатаны». Нѣтъ, не сумасшедшіе и не шарлатаны. Сумасшедшій тотъ, кто зачалъ въ больномъ мозгу больную идею и навязываетъ ее окружающему. Шарлатанъ — сознательно, изъ разсчета, шарлатанитъ. Но чѣмъ виноваты люди, обыкновенные люди, которые, едва открывъ глаза, увидѣли весь міръ и все происходившее въ немъ, окрашеннымъ сумасшедше — шарлатанскимъ заревомъ. Все. Каждый уголокъ мысли, чувствъ прошлаго, будущаго. Надъ этимъ, право, стоитъ задуматься.

Тѣмъ и важенъ вотъ такой Петръ Степановичъ, что онъ не личность. Онъ типъ. Онъ стоитъ сейчасъ на эстрадѣ эмигрантскаго диспута, но десятки, сотни тысячъ, милліоны, можетъ быть, такихъ, какъ онъ, стоятъ на великой русской землѣ, и пусть они ни о какомъ титанизмѣ и не помышляютъ — головы ихъ, ихъ души сформированы по тому же самому образцу. Всѣ перспективы для нихъ заранѣе искажены, всѣ планы спутаны. И именно чѣмъ меньше они сумасшедшіе, чѣмъ меньше шарлатаны, чѣмъ сильнѣе говоритъ въ нихъ врожденное чувство правды и справедливости, — тѣмъ болѣе странныя формы принимаетъ въ нихъ «души неслыханный протестъ», когда онъ назрѣлъ. Протестъ противъ нищеты духовной и матеріальной, противъ униженія національнаго и личнаго, протестъ противъ обмана буржуазнаго и обмана большевицкаго. Тема «униженныхъ и оскорбленныхъ» (съ непремѣнной надеждой на какое то обязательное конечное «торжество») всегда была близка русскому сознанію, всегда его «возбуждала». Теперь, когда вся Россія такъ неслыханно оскорблена и унижена и внѣшне и изнутри, ей, на ея гноищѣ, снятся «золотые сны». Опасные сны: тамъ и «Вавилонская башня», и конная армія Буденнаго, — подходившая вѣдь уже къ Варшавѣ! — и красный пѣтухъ, котораго можно будетъ опять запустить, и Христосъ, и погромы, и «батюшка царь» съ черными, огненными глазами Пугачева.

Среди неисчислимыхъ золъ, которыя большевики принесли Россіи, есть одно — еще почти неосознанное. На нашихъ глазахъ только что появились первые цвѣточки — ягодки будутъ потомъ. Славный, честный (несом-

нѣнно честный), прямой, безкорыстный (о, еще бы не безкорыстный!) Петръ Степановичъ, вѣщающій о титанизмѣ съ трибуны «Зеленой Лампы», не есть ли онъ именно такой цвѣточекъ распукающагося на нашихъ глазахъ новаго зла.

Зло это особой породы. Вызванное большевизмомъ, оно большевизму враждебно. Такъ спиритъ порой вызываетъ демона, который сильнѣе его, и демонъ его душитъ. Но тѣмъ, кого этотъ демонъ передушитъ потомъ, отъ этого не легче.

Для своей пользы большевики разрушали систематически все, на что опиралась русская жизнь: церковь, семью, національное чувство, человѣческое достоинство, честь, самый разумъ. Они дѣйствовали успѣшно, — нельзя не признаться. Но до желаннаго «стопроцентнаго» истребленія живой души народа, какъ ни старались, дѣло довести не удалось. Что то уцѣлѣло, что-то срослось со старыми корнями, что то новое родилось и пробиваетъ дорогу къ жизни. Но выросшее на отравленной почвѣ, въ разрѣженномъ воздухѣ «соціалистическаго опыта», въ искаженныхъ перспективахъ прошлаго и будущаго, сдобренное, какъ дрожжами, врожденнымъ русскимъ «максимализмомъ», — это новое... уродливо и внушаетъ страхъ.

За примѣрами недалеко ходить — сказочный ростъ гитлеровскаго движенія у всѣхъ передъ глазами. Тоже хотятъ могущества, тоже стремятся «достраивать башни». А гитлеровщина — замѣчу въ скобкахъ — родилась въ сравнительно благополучной и несравненно болѣе устойчивой Германіи, и при всей ширинѣ «обхвата» — мелка. Ну, конфискуетъ Гитлеръ «еврейскіе капиталы», ну, дастъ каждой дактилографкѣ въ принудительномъ порядкѣ «бѣлокураго мужа»...

А тутъ Россія. Путанныя русскія головы «съ сумасшедшинкой» Пятнадцатилѣтній «стажъ» большевизма, т. е. нѣчто небывалое въ природѣ. И безконечная, неизмѣримая глубина всяческихъ русскихъ страданій...

Что же, если сегодня большевики падутъ и для такихъ Петровъ Степановичей, для постройки и достройки разныхъ ихъ башенъ откроется не эстрада «Salle Shopin», а «отъ финскихъ хладныхъ скалъ»... вся русская земля? Воля у нихъ каменная, скулы выдающіяся, говорокъ понятный, мужицкій, по «мохуществѣ» они истосковались. Самое опасное, что они безкорыстны и честны, слѣдовательно, зло, которое они несутъ, есть зло идейное — т. е. труднѣе всего искоренимое зло. Что же тогда? Изъ огня да въ полымя...

***

Въ антрактѣ одного изъ такихъ диспутовъ я подѣлился сомнѣніями на этотъ счетъ съ русскимъ общественнымъ дѣятелемъ, пожилымъ человѣкомъ, видавшимъ виды.

Онъ сказалъ:

— Да... это такъ. Но и не совсѣмъ такъ. Видите-ли... да вотъ, посмотрите на его лицо.

Петръ Степановичъ, только что чеканившій съ эстрады свой «каменный» докладъ, стоялъ неподалеку отъ насъ. Онъ разговаривалъ съ кѣмъ то и во весь ротъ улыбался своей простодушной улыбкой.

— Видите, какъ онъ улыбается? Какъ ребенокъ. Не кажется ли вамъ, что такая улыбка реальнѣе и важнѣе его словъ. Потому, что слова — слова, и что тамъ за ними — неизвѣстно. А улыбка уже есть дѣло, притомъ дѣло мира и любви.

— Вотъ, — прибавилъ онъ, — вы боитесь «что будетъ»? А будетъ, можетъ быть, просто: рухнутъ большевики и — и первое, что сдѣлаютъ русскіе люди, — это улыбнутся другъ другу, вотъ такъ, отъ души. Потомъ, разумѣется, начнутся распри. Но главное, то самое, за что вы боитесь, уже будетъ спасено.

Д. МЕРЕЖКОВСКІЙ

БЛАЖЕНСТВА

I.

“Блаженны нищіе духомъ”...
Небо нагорное сине;
Верески смольнымъ духомъ
Дышатъ въ блаженной пустынѣ.
Бѣдные люди смиренны;
Слушаютъ, не разумѣя,
Кто это, сердце не спроситъ.
Вѣтеръ съ холмовъ Галилеи
Пухъ одуванчиковъ носитъ.
“Блаженны нищіе духомъ”...
Кто это, люди не знаютъ,
Но одуванчики пухомъ
Ноги Ему осыпаютъ.

II.

Если четыре, отъ четырехъ Евангелій на лицо Іисуса падающихъ свѣта нами угаданы вѣрно: въ I-омъ Евангеліи — слово Его, во II-омъ — дѣло, въ III-емъ — чувство, въ IV-омъ — воля, то чего Іисусъ хочетъ, — претворить воду въ вино, законъ въ свободу; у Луки, въ Назаретѣ, то, что Іисусъ чувствуетъ — въ едва не удавшейся попыткѣ Назареянъ убить Его, свергнувъ съ горы, — необходимость смерти Голгоѳской: у Марка, въ Капернаумѣ, то, что Іисусъ дѣлаетъ, — явленіе “силы”, отъ Него исходящей,

въ исцѣленіи больныхъ; а у Матѳея, на горѣ Блаженствъ, то, что Іисусъ говоритъ, — Блаженная вѣсть о царствѣ Божіемъ.

Кана Галилейская, Назаретъ, Капернаумъ, Гора Блаженствъ, — можетъ быть, вовсе не четыре первыхъ дня Господня, а одинъ, только разно понятый и увидѣнный, подъ четырьмя свѣтами: у Матѳея — утреннимъ, у Марка — полуденнымъ, у Луки — вечернимъ, у Іоанна — ночнымъ, звѣзднымъ.

Кажется, у одного Марка дана исторія, въ личномъ воспоминаніи Петра, очевидца, о Капернаумской субботѣ, а у остальныхъ трехъ евангелистовъ — исторія, смѣшанная съ тѣмъ, въ чемъ непосвященные, невѣрующіе, видятъ только "легенду", "апокрифъ", а вѣрующіе, посвященные, узнаютъ мистерію — религіозный опытъ, внутренній, не менѣе дѣйствительный, чѣмъ опытъ внѣшній, историческій, ибо то, что было, есть и будетъ въ вѣчности, не менѣе дѣйствительно, чѣмъ то, что было однажды во времени.

Если въ трехъ свидѣтельствахъ — Іоанна, Луки, Марка — исторія съ мистеріей сплавлена на огняхъ разной степени жара, съ разною степенью крѣпости, то крѣпчайшій и нерасторжимѣйшій сплавъ ихъ данъ у Матѳея. Очень вѣроятно, что та самая проповѣдь, которую мы называемъ Нагорною, дѣйствительно произнесена была Іисусомъ, въ первый или одинъ изъ первыхъ дней служенія, и сохранилась, съ большей или меньшей степенью точности, въ памяти ближайшихъ къ Нему учениковъ: вотъ исторія. Но болѣе, чѣмъ вѣроятно, что Блаженства — главное для насъ, такъ же какъ для самого Іисуса, въ этой проповѣди, — суть подлиннѣйшій и внутреннѣйшій опытъ Его: вотъ мистерія. Эти - то два металла и сплавлены Матѳеемъ на огнѣ жарчайшемъ, въ крѣпчайшій сплавъ, такъ что они уже не два, а одно: то, что было однажды во времени, — Исторія, есть и то, что было и будетъ въ вѣчности, — Мистерія: первый день Господень — уже наступившее царство Божіе.

III.

Слѣдовало за Нимъ множество народа изъ Галилеи, и Десятиградія, и Іерусалима, и Іудеи, и изъ - за Іордана. Увидѣвъ же народъ, Онъ взошелъ на гору (Мт. 4,25; 5,1).

Если это свидѣтельство Матѳея относится къ первому дню или

вообще къ первымъ днямъ служенія Господня, то очень вѣроятно, что такое множество народа, слѣдующаго за только - что начавшимъ проповѣдь и вчера еще никому неизвѣстнымъ рабби Іешуа, есть преувеличеніе обобщающей и сокращающей стилизаціи, — не исторія, а мистерія. Очень вѣроятно также, что и въ свидѣтельствѣ Луки, относящемъ Нагорную проповѣдь уже къ позднѣйшимъ днямъ — къ избранію Двѣнадцати, — такое же преувеличеніе.

> ...На гору взошелъ Онъ помолиться въ тѣ дни, и пробылъ всю ночь въ молитвѣ къ Богу.
>
> Когда же насталъ день, призвалъ учениковъ Своихъ и избралъ изъ нихъ двѣнадцать, наименовавъ ихъ Апостолами...
>
> И сошедши съ ними (съ горы), сталъ на ровномъ мѣстѣ, и множество учениковъ Его, было съ Нимъ и много народа изъ всей Іудеи, и Іерусалима, и приморскихъ мѣстъ, Тирскихъ и Сидонскихъ, которые пришли послушать Его и исцѣлиться отъ болѣзней своихъ, также и страждущіе отъ нечистыхъ духовъ; и всѣ исцѣлялись.
>
> И весь народъ искалъ прикасаться къ Нему, потому что отъ Него исходила сила, и исцѣляла всѣхъ (Лк. 6,12-13, 17-19).

Судя по свидѣтельству Марка о Капернаумскомъ бѣгствѣ Іисуса послѣ перваго дня служенія: "нашедши Его, говорятъ Ему: всѣ ищутъ Тебя" (1, 25-27), и о такихъ же, во всѣ дни служенія повторяющихся, бѣгствахъ: "находился внѣ, въ мѣстахъ пустынныхъ, и приходили къ Нему отовсюду" (1,45), — судя по этому свидѣтельству, народъ, ищущій Господа, и въ этотъ день Нагорной проповѣди, идетъ къ Нему на гору, а Онъ, послѣ ночной молитвы, должно быть, по восхожденіи солнца, сходитъ къ народу съ горы и встрѣчается съ нимъ "на ровномъ мѣстѣ", ἐπὶ τόπου πεδινοῦ (Лк. 6, 17), вѣроятно, на горной площади или плоскомъ выступѣ горы, гдѣ собираются вокругъ Него не тысячныя толпы со всей Палестины, какъ въ преувеличеніи Матѳея и Луки, а лишь немногія сотни Капернаумскихъ жителей.

IV.

Время года, кажется, ранняя весна, конецъ Марта, начало Апрѣля; мѣсто — надъ Капернаумскимъ Семиключьемъ, на гор-

ныхъ высотахъ къ сѣверо - западу отъ Геннисаретскаго озера. Тамошніе жители помнятъ до нашихъ дней три стоявшихъ на одной изъ этихъ высотъ, теперь уже срубленныхъ, дерева — два теребинта и одинъ ююбъ (jujube). Судя по ихъ арабскому имени el-mebarakat, "Благословенныя", "Блаженныя", а также по слову, тоже арабскому, der makir, вѣроятно, отъ греческаго μακαρισμός, Блаженство, уцѣлѣвшему на одной изъ найденныхъ здѣсь, циклопическихъ глыбъ, должно быть, отъ развалинъ очень древней базилики, — судя по этимъ двумъ признакамъ, древнѣйшее преданіе искало горы Блаженствъ въ этихъ мѣстахъ.

Здѣсь, въ горной пустынѣ, между темныхъ базальтовыхъ скалъ, стелются блѣдные луга асфоделей, смерти безсмертныхъ цвѣтовъ; зыблются надъ ними на высокихъ стебляхъ, въ чьей древесинѣ скрылъ похищенный съ неба огонь Прометей, огненно - желтые зонтики ферулы (ferula); рдѣютъ анемоны брызнувшими каплями крови по темной зелени views вересковъ, тѣ же, что нѣкогда рдѣли у ногъ Пастушка Назаретскаго, и великолѣпный гладіолъ, gladiolus atroviolacens, ярко - красный и черно - фіолетовый, можетъ быть, евангельская "лилія", κρίνιον, арамейская schoschanna напоминаетъ пурпуръ царей:

> Посмотрите на лиліи, какъ онѣ растутъ: не трудятся, не прядутъ; но, говорю вамъ, что и Соломонъ, въ славѣ своей не одѣвался такъ, какъ всякая изъ нихъ (Мт. 6, 28-29).

Въ воздухѣ, болѣе рѣдкомъ и свѣжемъ на этихъ горныхъ высотахъ, чѣмъ въ душной котловинѣ озера, тянущій съ горъ холодокъ, и запахъ утренней гари въ туманѣ, и углубляющее тишину, невидимыхъ въ небѣ жаворонковъ пѣнье, и кукованіе кукушки, сладко - унылое, какъ на чужбинѣ память о родинѣ, — здѣсь все могло напоминать Іисусу родные холмы Назарета.

Солнце уже всходило изъ за голыхъ и рдяныхъ, какъ раскаленное желѣзо, вершинъ Галаада, а озеро, все еще тѣнистое, въ глубокой, между горъ, котловинѣ, спало, какъ дитя въ колыбели. Небо и горы отражались въ зеркалѣ водъ, съ такою четкостью, что, если долго смотрѣть на нихъ, то казались тѣ, отраженныя, настоящими. И пустынно было все, и торжественно - безмолвно на землѣ

и на небѣ, какъ въ приготовленномъ къ брачному пиру и ожидающемъ гостей, чертогѣ жениха:

Все готово; приходите на брачный пиръ.

V.

И когда сѣлъ Онъ, приступили къ Нему ученики Его.

Сидя, а не стоя, учитъ всегда, — въ тишинѣ, въ спокойствіи.

И открывъ уста Свои, училъ (Мт. 5, 1-2).

И поднявъ глаза Свои на учениковъ, говорилъ (Лк. 6, 20).

Молча сперва сидитъ, опустивъ глаза, и весь народъ, тоже молча, смотритъ на Него, ждетъ, чтобъ Онъ поднялъ глаза, открылъ уста. Небо и земля, и преисподняя ждутъ. Міру навѣки запомнились эти сомкнутыя въ молчаньи уста, опущенные глаза Господни.

Чтобы видѣть и слышать Сидящаго, все народное множество тоже сидитъ, вѣроятно, по склону горы, такъ что, глядя на Него снизу вверхъ, видитъ лицо Его въ небѣ, окруженное лучами восходящаго солнца, какъ славой Господней.

Проповѣдь "Нагорная", — вѣрно поняло христіанство уже съ первыхъ вѣковъ: горнее слово, съ неба на землю сходящее, самое небесное изъ всѣхъ на землѣ сказанныхъ словъ.

Блаженны нищіе духомъ, ибо ихъ есть царство небесное.
Блаженны плачущіе, ибо утѣшатся.
Блаженны кроткіе, ибо наслѣдуютъ землю.
Блаженны алчущіе и жаждущіе правды, ибо насытятся.
Блаженны милостивые, ибо помилованы будутъ.
Блаженны чистые сердцемъ, ибо узрятъ Бога.
Блаженны миротворцы, ибо наречены будутъ сынами Божьими.

Блаженны изгнанные за правду, ибо ихъ есть царство небесное (Мт. 5, 3-10).

VI.

Музыки болѣе небесной, чѣмъ эта, никогда еще не было и, вѣроятно, никогда уже не будетъ на землѣ; съ этимъ каждый легко согласится, вѣрующіе и невѣрующіе одинаково, — всѣ кто обладаетъ, хотя бы въ малѣйшей мѣрѣ, тѣмъ, что можно бы назвать "музыкальнымъ слухомъ сердца". Люди ко всему привыкаютъ, но къ этому, кажется, никогда не привыкнутъ: сколько бы ни слушали, все вновь и вновь удивляются, какъ будто слышатъ въ первый разъ, и все не могутъ этимъ насытиться.

Въ медленно - глубокихъ гулахъ океана бьется великое сердце земли: такъ и въ этихъ "Блаженны, блаженны", бьется сердце Божіе, и отвѣчаетъ ему сердце человѣческое: "истинно, истинно, такъ!"

"Лѣто Господне, блаженное", наступило въ мірѣ. Гдѣ - то высоко надъ міромъ, должно быть, въ раю, Божья гроза пронеслась, и льется съ горы солнечный ливень Блаженствъ, водопадомъ громокипящимъ и опьяняющимъ.

Музыку Блаженствъ слышатъ всѣ, но того, что за нею, — величайшаго въ мірѣ, д ѣ л а — спасенія міра, — почти никто, кромѣ святыхъ, уже или еще не слышитъ.

VII.

Блаженны богатые, имѣющіе, beati possidentes, — вотъ "дѣло" міра, то, на чемъ онъ стоитъ; "блаженны нищіе" (не "духомъ", а просто "нищіе", какъ вѣрно, кажется, понялъ Лука), — вотъ "бездѣлье" — то, отъ чего рушится міръ. Слуги Мамоновы — Марксовы (новый Мамонъ —"Капиталъ"), — все равно, сегодняшніе ли, уже успѣвшіе награбить, богачи-буржуи, или еще не успѣвшіе, завтрашніе богачи - пролетаріи, — могутъ, въ лучшемъ случаѣ, только плечами пожать и усмѣхнуться на эту безпемощно - дѣтскую мечту, а въ худшемъ, только - что дѣло дошло бы до ихъ шкуры, истребили бы блаженныхъ нищихъ, какъ злѣйшихъ враговъ сегодняшняго государства или завтрашней революціи.

Если же вѣрно понялъ Матѳей: "блаженны нищіе д у х о м ъ", то для дѣтей міра сего это еще нелѣпѣе. "Духомъ богатые, мудрые,

блаженны", — міръ и на этомъ стоитъ; "блаженны нищіе духомъ", "слабоумные", "безумные", — и отъ этого рушится міръ.

Знаетъ ли это Господь? Знаетъ, конечно; потому и говоритъ: (Мт. 18,3).

Если не обратитесь, не войдете въ царство небесное

Въ этомъ - то именно словѣ: "обратитесь", στραφῆτε, "обернетесь", "перевернетесь", — ключъ ко всему въ Блаженствахъ.

Въ словѣ Господнемъ, не вошедшемъ въ Евангеліе, "незаписанномъ", agraphon, — тотъ же ключъ:

Такъ сказалъ Господь въ тайнѣ: если вы не сдѣлаете ваше правое лѣвымъ и ваше лѣвое правымъ, ваше верхнее нижнимъ и ваше нижнее верхнимъ... то не войдете въ царство Мое.

Dominus in mysterio dixerat: si non feceritis dextram sicut sinistram et quae sursum sicut deorsum, non cognoscetis regnum Dei.

Это и значитъ: "въ царство Мое не войдете, Блаженствъ не познаете, если не обратитесь, не перевернетесь, не опрокинетесь". Первое же слово Господне, сказанное міру: μετανοεῖτε покайтесь", "опомнитесь", значитъ: перемѣните всѣ ваши мысли, всѣ ваши чувства, всю вашу волю; выйдите изъ этого міра, изъ трехъ измѣреній, и войдите въ тотъ міръ, въ измѣреніе четвертое, гдѣ нижнее становится верхнимъ и верхнее — нижнимъ, правое — лѣвымъ и лѣвое — правымъ; гдѣ все наоборотъ. Только "перевернувшись", "опрокинувшись", только "внизъ головой", къ ужасу всѣхъ, какъ будто твердо на ногахъ стоящихъ, "здравомыслящихъ", можно войти, влетѣть, упасть, изъ этого міра въ тотъ, изъ царства человѣческаго въ царство Божіе, изъ печали земной въ блаженство небесное.

VIII.

Царство Божіе есть опрокинутый міръ, —

скажетъ рабби Іозій Бенъ - Леви, іудейскій книжникъ, можетъ быть, одинъ изъ тѣхъ, кто, по слову Господню, "недалекъ отъ царства Божія" (Мт. 12, 34), — во всякомъ случаѣ, ближе къ нему всѣхъ нынѣшнихъ — бывшихъ христіанъ. Міръ опрокинутый, перевернутый,

есть царство Божіе; это и значитъ: царству человѣческому обратно церство Божіе; тамъ все наоборотъ.

> Будутъ послѣдніе первыми, и первые послѣдними (Мт. 20,16).
>
> Что высоко у людей, то мерзость предъ Богомъ (Лк. 16,15).
>
> Душу свою сберегшій потеряетъ ее, а потерявшій... сбережетъ (Мт. 10,39).

Въ самомъ языкѣ Іисуса, сотканномъ изъ такихъ антитезъ — кажущихся противорѣчій, дѣйствительныхъ противоположностей, — слышится какъ бы до - временная, въ вѣчности усвоенная, привычка; ладъ и строй души, нечеловѣческіе, — музыка, доносящаяся въ этотъ міръ изъ того, гдѣ все обратно - подобно этому, — все наоборотъ.

Горе богатымъ — блаженны нищіе; горе пресыщеннымъ — блаженны алчущіе; горе смѣющимся — блаженны плачущіе; горе любимымъ — блаженны ненавидимые: рядъ Блаженствъ — рядъ переворотовъ, полетовъ внизъ головой, радостно - ужасающихъ. Въ небѣ перевернутая, опрокинутая, какъ предметъ отраженный въ зеркалѣ водъ, всякая тяжесть земная становится легкостью, всякая печаль — блаженствомъ; и н а о б о р о т ъ : здѣшняя легкость становится нездѣшнею тяжестью, земное блаженство — небесной печалью.

IX.

Здѣсь еще, на землѣ, восторжествуетъ праведникъ, а злодѣй будетъ наказанъ. Царство Божіе есть пресвѣтленный, возвышенный, очищенный Богомъ, но все еще стоящій, какъ стоялъ всегда, неопрокинутый міръ: въ это вѣрятъ Псалмы; Іовъ уже не вѣритъ:

> Пыткѣ невинныхъ посмѣивается (Богъ). — Въ руки нечестивыхъ отдана земля; лица судей земныхъ Богъ закрываетъ.
>
> Если не Онъ, то кто же? (І о в ъ 9,23 - 24).

Видитъ и слѣпой — зрячій Эдипъ, что "лучше всего человѣку совсѣмъ не родиться, а родившись, умереть поскорѣй".

Іисусъ — Іовъ - Эдипъ — обратный: больше ихъ страдаетъ и лучше ихъ знаетъ "власть тьмы", царящую надъ міромъ; но знаетъ и то, чего не знаютъ они: зло для нихъ безконечно, а Онъ видитъ, что "близко, при дверяхъ", Конецъ (Мк. 13, 29); міръ во злѣ стоитъ для нихъ, а для Него опрокинутъ; царства Божія не знаютъ они, а Онъ знаетъ, какъ никто никогда не зналъ, потому что Онъ самъ — Царь. Вотъ почему тѣ несчастны, а Онъ блаженъ.

X.

Сынъ превращаетъ Отчій законъ въ свободу.

> Слышали вы, что сказано древнимъ? А я говорю вамъ (Мт. 5, 21-22), —

по - арамейски: wa-na amar lekhon, — вотъ рычагъ, которымъ опро-опрокидываетъ міръ Іисусъ. Сказано древнимъ въ законѣ, а Онъ говоритъ въ свободѣ. Добрыхъ Богъ награждаетъ, злыхъ казнитъ, въ законѣ, а въ свободѣ:

> Солнцу Своему повелѣваетъ Отецъ вашъ небесный всходить надъ злыми и добрыми, и дождь посылаетъ на праведныхъ и неправедныхъ (Мт. 5,45).

Добрыхъ отъ злыхъ отдѣляетъ законъ; свобода соединяетъ ихъ. Только добрыхъ спасаетъ законъ; добрыхъ и злыхъ спасаетъ свобода.

> Слуги царевы, посланные звать гостей на брачный пиръ, — выйдя на дороги, всѣхъ собрали, кого только нашли, и злыхъ, и добрыхъ; и наполнился брачный пиръ возлежащими.
>
> Царь же, войдя посмотрѣть возлежащихъ, увидѣлъ тамъ человѣка въ одеждѣ небрачной...
>
> И сказалъ царь слугамъ:... бросьте его во тьму внѣшнюю; тамъ будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ.
>
> Ибо много званныхъ, но мало избранныхъ (Мт. 22, 10-14).

Кто этотъ человѣкъ въ небрачной одеждѣ? Злой? Нѣтъ, злые съ добрыми здѣсь неразличимо смѣшаны. Кажется, "небрачный",

значитъ: не "обратившійся", не "перевернувшійся", не перешедшій изъ этого міра въ тотъ, не "блаженный", не "избранный".

XI.

> Выбралъ Онъ Себѣ въ Апостолы самыхъ грѣшныхъ людей, сверхъ всякой мѣры грѣха, —

скажетъ Посланіе Варнавы, отъ временъ Мужей Апостольскихъ. Судя по тому, что самимъ Іисусомъ Іуда нsprávнъ будетъ "діаволомъ" (Іо. 6, 70), а Петръ — "сатаною" (Мк. 8, 33), такъ оно и есть. "Выбралъ Себѣ въ ученики негодяевъ отъявленныхъ", — скажетъ Цельзъ, (II-ой вѣкъ), разумѣется, ничего не понимая и злобно преувеличивая, но спроситъ, кажется, съ искреннимъ недоумѣніемъ: "почему такое предпочтеніе грѣшниковъ?" Съ тѣмъ же недоумѣніемъ могли бы спросить объ этомъ всѣ, отъ Канта до Сократа, учителя "нравственности".

> Мытари и блудницы впереди васъ (праведниковъ) идутъ въ царство Божіе (Мт. 20,16), —

скажетъ Господь. Мытари, telonai, по Талмуду, — "тѣ же разбойники".

> И къ злодѣямъ причтенъ (Мк. 15,28), —

будетъ Самъ Іисусъ. Въ сонмѣ блудницъ и мытарей, Онъ — "злодѣй" среди злодѣевъ, "отверженный" среди отверженныхъ, "проклятый" среди проклятыхъ.

> Этотъ народъ — невѣжда въ законѣ; проклятъ онъ (Іо. 7, 40),—

скажутъ люди закона о всѣхъ идущихъ за Іисусомъ, "беззаконникомъ". "Проклятъ темный народъ", am haarez, — вотъ это - то "проклятье" и будетъ Благословеніемъ, Блаженствомъ, по закону "опрокинутаго міра", — царства Божія.

XII.

Равенство въ законѣ — безличность; личность въ свободѣ — неравенство: будетъ и этимъ рычагомъ опрокинутъ міръ.

> Кто имѣетъ, тому дано будетъ, и пріумножится; а кто не имѣетъ, у того отнимется и то, что имѣетъ (Мт. 12,12), —

вотъ для мѣры силъ человѣческихъ невыносимая, возмутительная, душу переворачивающая несправедливость, неравенство, — какъ бы нарочно въ лицо всей человѣческой справедливости брошенный вызовъ.

Въ этомъ смыслѣ, не только вся Нагорная проповѣдь, все ученіе Христа, но и вся Его жизнь — не что иное, какъ опрокинутый законъ. Міръ будетъ спасенъ величайшимъ изъ всѣхъ злодѣяній — Богоубійствомъ Голгоѳскимъ: Крестъ — всѣхъ опрокинутыхъ законовъ, перевернутыхъ справедливостей вѣнецъ.

Сколько бы ни доказывалъ Кантъ, что христіанство есть "ученіе нравственное" прежде всего, — съ тѣмъ же, если не съ бо̀льшимъ, правомъ, могутъ доказывать другіе, что христіанство "безнравственно". Главное во всякой и въ собственной Кантовой этикѣ — "категорическій императивъ" долга, а въ Нагорной проповѣди тотъ же императивъ опрокинутъ. Нѣтъ, ужъ если говорить о нравственности, то всѣ религіи, отъ Моисеева Закона до Ислама, всѣ философіи, отъ Сократовой до Кантовой, подводятъ болѣе широкое и твердое, потому что болѣе общедоступное, въ мѣру человѣческихъ силъ осуществимое, основаніе подъ нравственность, нежели христіанство, съ его нечеловѣческой безмѣрностью, таинственной "превратностью", — уходомъ изъ трехъ измѣреній въ четвертое, гдѣ "все наоборотъ". Самое шаткое изъ всѣхъ равновѣсій, конусъ, поставленный на остріе, — вотъ что такое христіанство. Дорого обошлось оно людямъ, — не слишкомъ - ли дорого? Но, прежде, чѣмъ это рѣшать, надо бы подумать: можно ли было меньшей цѣной спасти погибающій міръ?

XIII.

Дѣтскую игрушку, Ваньку - встаньку, напоминаетъ человѣкъ, съ тою лишь разницей, что у того человѣка, игрушечнаго, свинцовый грузъ — въ ногахъ, а у настоящаго — въ головѣ. Ваньку - встаньку нельзя опрокинуть, все подымается на ноги, а человѣка нельзя поднять, — все падаетъ, какъ палъ Адамъ, согрѣшивъ. Первородный грѣхъ и есть этотъ, къ низу тянущій обратнаго Ваньку - встаньку, свинцовый грузъ. Падшаго въ людяхъ Адама поднять не можетъ никакой законъ, никакой императивъ, никакая нра̀вственность. Чтобъ

это сдѣлать, надо перемѣстить въ человѣкѣ центръ тяжести. Это и дѣлаетъ Нагорная проповѣдь.

Не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ... но собирайте себѣ сокровища на небѣ...

Ибо, гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше (Мт. 6, 19-21).

Радуйтесь въ тотъ день и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесахъ (Лк. 6, 22-23).

Сердце человѣка — истинное сокровище, — тянущій грузъ, уже не свинцовый, а золотой, — перемѣстится, и обратный Ванька-встанька, падшій Адамъ, встанетъ на ноги. Если царство Божіе есть "опрокинутый міръ", то и обратно, міръ есть опрокинутое царство Божіе. Снова опрокинуть разъ уже опрокинутое, перевернуть перевернутое, — это и значитъ: возстановить, выпрямить, поднять падшій, оживить мертвый, спасти погибающій міръ.

Это безконечно просто, и не трудно, а невозможно людямъ, кромѣ одного Человѣка — Іисуса; этого не только никогда никто не дѣлалъ, но никому не приходило и въ голову, что это вообще можно сдѣлать.

XIV.

Горе наше въ томъ, что, за двѣ тысячи лѣтъ, мы такъ привыкли къ словамъ Его (какъ будто можно къ нимъ привыкнуть, если только услышать ихъ разъ), что уже оглохли, ослѣпли къ нимъ окончательно; твердимъ ихъ, какъ таблицу умноженія, безсмысленно. Но, еслибъ мы могли чуть - чуть отвыкнуть отъ нихъ и вдругъ услышать ихъ такъ, какъ будто они сказаны не за двѣ тысячи лѣтъ, а вчера - сегодня, то, можетъ быть, мы удивились бы, ужаснулись; поняли бы вдругъ, что это самыя неимовѣрныя, невыносимыя, невозможныя для насъ, "безумныя", какъ дважды два пять, самыя нечеловѣческія изъ всѣхъ человѣческихъ словъ. И всего неимовѣрнѣе, можетъ быть, то, что Онъ говоритъ ихъ такъ просто. Въ каждомъ словѣ Его, опрокинутъ міръ, съ такою же бездонно - тихою ясностью, какъ въ совершенно - гладкомъ зеркалѣ водъ — отраженные въ нихъ берега. Самое тяжкое,темное, страшное для насъ, Онъ говоритъ, какъ самое простое, ясное, легкое. "Кто потеряетъ душу свою, тотъ сбережетъ

ее". Многіе, можетъ быть, и до Него это предчувствовали, какъ блаженно - ужасающую тайну, но Онъ первый это сказалъ такъ, какъ всѣмъ понятную и очевидную истину, какъ дважды два четыре, но въ мірѣ не трехъ, а четырехъ измѣреній. Въ томъ - то именно и главная особенность Его, что глубочайшее и сокровеннѣйшее, опрокидывающее міръ съ неодолимою силою, говоритъ Онъ такъ просто, легко и естественно, какъ будто не можетъ быть иначе, и это всѣмъ извѣстно, а Онъ только напоминаетъ забытое, открываетъ то, что у всѣхъ людей въ душѣ.

> Если кто приходитъ ко Мнѣ и не возненавидитъ отца своего, и матери, и жены, и дѣтей, и братьевъ, и сестеръ, а притомъ и самой жизни своей, тотъ не можетъ быть Моимъ ученикомъ (Лк. 14,26), —

эти, раздирающія наше сердце, слова Онъ говоритъ такъ тихо и ласково, какъ и мать не говоритъ съ ребенкомъ. Но мы должны помнить какъ все это неимовѣрно, неслыханно, перевернуто, обратно или даже "превратно": да, лучше это считать губительно-превратнымъ, "демоническимъ", чѣмъ къ этому привыкнуть, какъ мы привыкли. Тѣ, кто ненавидитъ Его, ближе къ Нему и правѣе тѣхъ, кто лишь терпитъ Его и считаетъ Нагорную проповѣдь "отчасти полезною", — "ученіемъ нравственнымъ прежде всего".

XV.

"Кто не возненавидитъ отца своего и матери"... Хочется, не дослушавъ бѣжать отъ страха, но, можетъ быть, потому именно, что не дослушалъ. Если это кажется "возмутительнымъ", "противоестественнымъ", то, можетъ быть, потому, что принято, какъ новая заповѣдь, законъ, повелѣніе: "возненавидь". Но вѣдь это вовсе не такъ. Вѣрно-понятыя слова Его страшно освобождаютъ насъ, а не порабощаютъ; ставятъ передъ нами цѣли, задачи, а не законы. Требуетъ ли Онъ чего нибудь, повелѣваетъ - ли, принуждаетъ - ли? Нѣтъ, только сообщаетъ опытъ, непреложно - ясный, хотя и не нашему, а иному, какъ будто опрокинутому, а на самомъ дѣлѣ, можетъ быть, возстановленному, здравому смыслу, гдѣ все наоборотъ нашему смыслу- мнимо - здравому, больному, искаженному.

Столь непонятное, страшное для насъ, въ Его не испытанной нами любви, небесно - земной, agapê, становится простымъ, легкимъ и радостнымъ въ нашей любви, только земной — эросѣ. "Любви врага твоего". Если въ плотской любви одинъ любитъ, а другой ненавидитъ, то любящій любитъ и врага, и это такъ естественно, что ему не надо говорить: "любви". — "И оставитъ человѣкъ отца и мать, и прилѣпится къ женѣ своей" (Мт. 5), — столь же естественно.

Нѣтъ, вовсе не говоритъ Онъ: "оставь", "возненавидь"; Онъ только говоритъ: "возненавидишь", "оставишь". Вовсе ничего, для Себя отъ человѣка не требуетъ, а только соблазняетъ его, плѣняетъ Собой, влюбляетъ въ Себя; не повелѣваетъ ничего, а лишь открываетъ, что было, есть и будетъ въ человѣкѣ, или можетъ быть всегда, — скрытое въ немъ и всегда готовое открыться — Блаженство.

XVI.

Съ Богомъ былъ Іисусъ, какъ никто изъ людей, и, если быть съ Богомъ, значитъ блаженствовать, то Онъ, какъ никто изъ людей, былъ блаженъ. Только что новый Адамъ вышелъ изъ рая, и раемъ пахнетъ еще отъ Него. Души человѣческія, всѣ одинаково, злыя и добрыя, помнятъ этотъ райскій запахъ и летятъ на него, какъ пчелы на запахъ цвѣтовъ: тянутся къ Іисусу неудержимо, какъ компасныя стрѣлки — къ магнитному сѣверу. Всѣхъ увлечетъ Онъ на мигъ въ блаженство Свое: этотъ-то мигъ — вѣчность и есть Царство Божіе.

Первый Адамъ и послѣдній — одинъ и тотъ же. Весь тонъ исторіи — времени — какъ бы сонъ Адама въ раю, гдѣ съ древа жизни вкушаемые плоды — Блаженства.

Память о раѣ — Блаженствахъ — есть у всѣхъ людей въ душѣ, а Сынъ Человѣческій — только превый проснувшійся, вспомнившій Адамъ.

Отче! Ты возлюбилъ Меня прежде основанія міра.

(Іо, 17, 24-25), —

вотъ религіозный опытъ Іисуса, нами не сдѣланный, невозможный для насъ. Тутъ кончается вся наша земная Евклидова геометрія; тутъ мы — "комнатныя собачки", подбирающія крохи подъ сто-

ломъ (Мш., 15, 27); но и у крохъ тотъ же вкусъ, какъ у хлѣба на столѣ — плода съ дерева жизни. Опыта Блаженствъ нѣтъ у насъ, и мы почти ничего не знаемъ о нихъ; но глядя въ лицо Его, слыша голосъ Его, не можемъ не чувствовать, что это и для насъ возможно, по крайней мѣрѣ, желанно. Кто понялъ Блаженства, тотъ принялъ ихъ, потому что сердцу человѣческому этого нельзя не желать.

Ваши же очи блаженны, что видятъ, и уши ваши, что слышатъ, (Мш., 13, 16).

Всѣ Блаженства въ томъ и заключаются, чтобы это видѣть и слышать, — знать, что это есть.

XVII.

Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный (Мш., 5, 48).

Ясно, или кажется яснымъ,что этого не только исполнить, но и помыслить человѣку нельзя. Зачѣмъ же Онъ этого требуетъ, или къ этому зоветъ,, манитъ? Зачѣмъ объ этомъ говоритъ, какъ о самомъ простомъ, очевидномъ и даже какъ будто легкомъ: "бремя Мое легко"? Кто возлагалъ на людей болѣе тяжелое бремя?

Но вотъ что удивительно: сердце наше, внимая словамъ Его, все таки знаетъ — вспоминаетъ, что тяжесть эта можетъ вдругъ сдѣлаться легкостью.

И вѣрится, и плачется
И такъ легко, легко...

Каждый изъ насъ, внимая Блаженствомъ, вспоминаетъ или могъ бы вспомнить, если бы такъ страшно не забылъ, свой дѣтскій, райскій сонъ, то, что своими ушами слышалъ, своими глазами видѣлъ на горѣ Блаженствъ.

Ю. ТЕРАПІАНО

ЧЕЛОВѢКЪ 30-ХЪ ГОДОВЪ

Что же ты потупилась въ смущеньи?
Погляди, какъ прежде, на меня.
Вотъ какой ты стала — въ униженьи,
Въ рѣзкомъ, неподкупномъ свѣтѣ дня.

Я и самъ вѣдь не такой, — не прежній,
Недоступный, гордый, чистый, злой,
Я смотрю добрѣй и безнадежнѣй
На простой и скучный путь земной.

А. Блокъ.

Мнѣ кажется, со временемъ много будетъ написано объ атмосферѣ тридцатыхъ годовъ въ Парижѣ, потому что въ Парижъ, волей судьбы, перемѣстился центръ — не русской жизни и не русской литературы, конечно, но нѣкоторый очень важный центръ — «человѣка своего столѣтія».

Въ каждомъ столѣтіи люди наново отражаютъ внѣвременный, цѣлостный моментъ — жизнь; и чѣмъ напряженнѣе внѣшняя обстановка даннаго столѣтія, чѣмъ она страшнѣе и безпощаднѣй, чѣмъ мучительнѣе внутреннее состояніе душъ, тѣмъ высота постигаемаго, хочется вѣрить, должна быть человѣчнѣй и чище.

Для насъ, такъ называемыхъ второго и третьяго поколѣній эмигрантской молодежи, мнѣ кажется, было бы очень важно попытаться поставить вопросъ о человѣкѣ тридцатыхъ годовъ, постараться, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, осознать его основныя чувствованія. Эта тема, я думаю, должна затронуть лишь тѣхъ, для кого катастрофа дѣйствительно произошла, для кого несомнѣнна пропасть между прошлымъ и настоящимъ. Тѣмъ же, для кого внѣшнія событія представляются лишь безъ труда устранимой (въ принципѣ) преградой извнѣ, преодолѣвъ которую, можно будетъ вновь начать благополучно строить, — продолжать традиціи, тема эта мало что скажетъ.

Сейчасъ не время спорить и что - то доказывать. Можно лишь стремиться выразить свое чувствованіе, заранѣе зная, что выводы, которые изъ словъ можно было бы сдѣлать, окажутся въ противорѣчіи съ логикой... Все какъ будто погибло, дышать, дѣйствительно, нечѣмъ, а жизнь и поэзія все таки будутъ продолжаться.

Самое страшное изъ всего того, что увидѣли послѣвоенныя поколѣнія

— «то, что оказалось», дневной свѣтъ, «неподкупный и грубый». Свѣтъ этотъ образовалъ въ современномъ сознаньи какъ-бы освѣщенное пятно. Можно держаться въ сторонѣ, т. е. сознательно не хотѣть выйти на провѣрку: въ этомъ случаѣ многое можно сохранить, отстаивать, продолжать. Но всѣ цѣнности будутъ цѣнностями лишь до границы освѣщеннаго пятна, и тѣ, кто не могутъ оставаться на мѣстѣ, подпадаютъ немедленно подъ дѣйствіе разрушительныхъ лучей.

Начавшееся десятилѣтіе слѣдуетъ по слову поэта Юнга назвать «періодомъ обнаженной совѣсти». Совѣсть тревожитъ; совѣсть заставляетъ провѣрять себя, формулы, имѣвшія прежде значительность и убѣдительность, оказываются «только словами». Непосредственное соприкосноваеіе съ грубой и страшной жизнью, со смертью, съ судьбой, съ «законами желѣзной необходимости» по выраженію того же поэта, образовали въ сердцѣ современнаго человѣка особое чувство, пробный камень. Всякая внутренняя фальшь, поза, неискренность, этимъ чувствомъ выводятся на свѣтъ. Благодаря этому чувству нестерпимо то, что прежде принималось иногда какъ духовное обогащенье — риторика, схоластика, безотвѣтственная игра съ несказаннымъ. «Не знаю», «не умѣю», «не могу объ этомъ говорить» воспринимаются сейчасъ съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ тѣ концепціи о Смерти, Богѣ и судьбахъ человѣка, гдѣ такъ много эрудиціи и такъ мало искренности. Вотъ почему «Смерть Ивана Ильича» современнику говоритъ больше, чѣмъ Вл. Соловьевъ; чувство, велѣвшее Толстому остановиться у порога смерти, ему понятнѣе, понятнѣе, чѣмъ «слова, слова и слова».

Въ отношеніи себя, въ отношеніи своего, современный человѣкъ пережилъ глубокое разочарованіе. Онъ научился не слишкомъ довѣрять себѣ, онъ требуетъ отъ себя правдивости, онъ суровъ, серьезенъ. Линія внутренней жизни современнаго человѣка представляетъ собою постепенное изживаніе «человѣка внѣшняго», смѣну его «внутреннимъ», но внутреннимъ не въ смыслѣ раскрытія предполагаемой метафизической сущности своего я, а такимъ, который хотя бы самому себѣ не лжетъ, который хочетъ прорваться къ дѣйствительному знанью — что есть въ себѣ, въ другомъ, тѣмъ, кто готовъ принять послѣдствія, какой бы неприглядной и мучительной не оказалось правда. Мучительность этого роста увеличивается тѣмъ еще, что совѣсть не есть извнѣ усвоенная задача, она вытекаетъ невольно изъ внутренней предрасположенности. Во внутреннемъ подвигѣ современнаго человѣка нѣтъ мѣста намѣренному отказу, предрѣшенному ограниченію, лишенію себя чего либо.

Въ этомъ основное различіе современнаго и предшествующихъ поко-

лѣній, которыя вдохновлялись жертвенностью во внѣ, и тѣмъ самымъ — легко принимали пафосъ утвержденія, героизмъ и т. п. Современный человѣкъ совсѣмъ не герой. Это обыкновенный человѣкъ на обыкновенной землѣ, который, независимо отъ желанія, видитъ и замѣчаетъ, вѣрнѣе, не можетъ не видѣть и не замѣчать, и, не встрѣчая отвѣта, потерявъ способность удовлетворяться полуотвѣтами, принужденъ — мужественно или не мужественно, въ его положеніи это безразлично, оставаться связаннымъ со всею тьмой и безысходностью міра. А такъ какъ онъ человѣкъ, — потерявъ все, онъ еще съ большей остротой чувствуетъ свое человѣческое, — онъ долженъ пытаться понять, пытаться къ чему то прійти, долженъ любить, ненавидѣть и хотѣть счастья.

Тутъ — только вопросъ, напряженный, мучительный, операція безъ наркоза. Былое имущество роздано, богатый евангельскій юноша сталъ нищъ и нагъ. Но не знаю, согласился бы онъ взять назадъ свое богатство, если-бъ могъ? Думаю, онъ бы не захотѣлъ и даже если-бъ захотѣлъ, не смогъ. Это значило-бъ зачеркнуть самаго себя — пусть въ пустотѣ, пусть въ недоумѣніи и въ незнаніи передъ міромъ остановившагося.

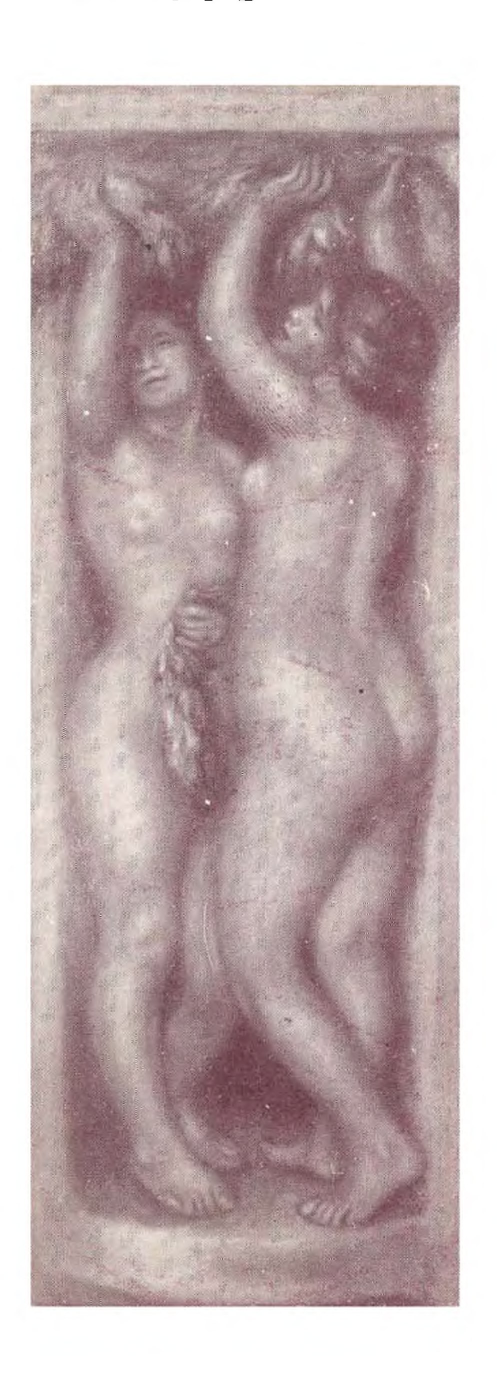
Современный человѣкъ нищъ и нагъ, потому, что онъ совѣстливъ. Онъ могъ бы задрапироваться въ любыя ткани, онъ могъ бы, не хуже прежняго, выбирать матеріи, цвѣта и оттѣнки, но не хочетъ. Мнѣ кажется, эта воля, — отказъ, обѣдненіе, рѣшимость выдерживать одиночество, выносить пустоту — самое значительное, что пріобрѣло новое поколѣніе, и дай Богъ, чтобы лучшая часть нашихъ молодыхъ поэтовъ и писателей устояла и не соблазнилась легкой дешевой удачей — литературной — толпы ради.

Въ прошломъ году въ кружкахъ молодежи велись горячіе споры объ «эмигрантскомъ Гамлетѣ» и гитлероподобныхъ «дѣтяхъ Каина». (Подъ Каинизмомъ разумѣлся фашизмъ, и другія теченія, вплоть до намѣренія взамѣнъ «устарѣвшаго христіанства» создать новую и религію могущества»). Что же дальше?

Рыцарь бѣдный, Гамлетъ, раздавшій свое имущество, бронированныя группы упрощенцевъ, по своему такихъ же искреннихъ, когда нибудь должны будутъ перейти на положеніе отцовъ. Что принесутъ съ собой люди тридцатыхъ годовъ — уединенные мечтатели и «каиниты»? Есть очищенье пустотой, пустынножительство, и есть голая, неприкрытая пустота: стиснувъ зубы, умирай. И Гамлетъ и Каинъ эмиграціи въ страшномъ положеніи; какъ распорядится молодежь тридцатыхъ годовъ своей совѣстью?

В. ВЕЙДЛЕ.

Р Е Н У А Р Ъ

«Ein Rätsel ist Reinentsprungenes», сказалъ поэтъ. Тайна — все что не сдѣлано, а родилось, все единое, въ единствѣ простое. Т а к у ю простоту мы можемъ попытаться разгадать только помысливъ ее, какъ сложность, только произведя надъ ней насиліе, то самое насиліе, какое необходимо бываетъ произвести каждый разъ на каждой выставкѣ Ренуара. Такъ, гдѣ собрано нѣсколько его холстовъ, передъ нами онъ в е с ь. И не потому, чтобы легко было представить всѣ разновидности его искусства, всѣ ступени его развитія, но потому что онъ весь безъ остатка, въ каждомъ своемъ полотнѣ, въ каждомъ наброскѣ, все равно, въ самихъ раннихъ своихъ созданіяхъ или въ видѣніяхъ послѣднихъ лѣтъ, которыя сведеннымъ болѣзнью пальцамъ дряхлаго живописца еще удалось приколдовать къ холсту.

Въ живописномъ расцвѣтѣ семидесятыхъ годовъ онъ завоевалъ себѣ незамѣняемое мѣсто. Намъ кажется теперь болѣе, чѣмъ естественнымъ, почти необходимымъ, чтобы рядомъ съ предсмертными картинами Коро, съ наиболѣе зрѣлыми акварелями Іонгкинда и Будэна, рядомъ съ лучшими работами Писсарро, Моне и

Сислея, появились пейзажи юнаго Ренуара, гдѣ столько сіянія, лѣта и тепла. По правдѣ сказать чѣмъ больше мы ими любуемся, чѣмъ полнѣе ихъ воспринимаемъ, тѣмъ меньше ощущаемъ потребности говорить по ихъ поводу объ импрессіонизмѣ. Впрочемъ и вообще, какъ разъ въ самыхъ совершенныхъ вещахъ импрессіонистовъ не только нѣтъ никакой творческой предвзятости, но часто и вообще нѣтъ соотвѣтствія техническимъ теоріямъ импрессіонизма. Лучшіе пейзажи Моне именно тѣ, гдѣ пространственное строеніе картины не принесено въ жертву ея свѣтовой и воздушной растворенности. И если Мане дѣйствительно есть основаніе противопоставлять всему, что было до него, то въ живописи Сислея, Моне или Писсарро и всего больше въ живописи Ренуара гораздо плодотворнѣе увидѣть ея внутреннюю связь съ искусствомъ барбизонцевъ, Коро, или даже нѣкоторыхъ мастеровъ XVIII вѣка, чѣмъ отличія, о которыхъ столько говорили и которыя, глядя на полотна Ренуара, мы почти готовы свести къ нѣкоторымъ новшествамъ, очень личнымъ, но совсѣмъ не такимъ глубокимъ и обобщающимъ, можетъ быть, какъ это нѣкогда казалось.

Никто не вошелъ въ импрессіонизмъ такъ легко, какъ Ренуаръ; никто не вышелъ изъ него такъ естественно и такъ безбольно. Не слѣдуетъ придавать, какъ это дѣлалось за послѣднее время, слишкомъ большого значенія тѣмъ сомнѣніямъ и той борь-

бѣ, которыя пережилъ Ренуаръ послѣ итальянскаго путешествія въ началѣ 80-хъ годовъ и о которыхъ онъ самъ разсказалъ Воллару. Такъ же невѣрно, впрочемъ, какъ изображать Ренуара послѣдовательнымъ импрессіонистомъ, было бы видѣть въ немъ мастера, ни въ чемъ импрессіонизму не родственнаго и принципіально враждебнаго ему. Уже потому вражда не велика, что импрессіонизмъ для Ренуара не опасенъ. Иллюзіонистскаго распыленія формъ, декоративнаго уплощенія для него не существуетъ. И противопоставлено имъ не композиціонное мастерство, не архитектура цѣлаго, которыя съ такимъ усиліемъ стремится имъ противоположить Сера, а нѣчто болѣе прочное, инстинктивное, врожденное: чувство органически тѣлесной формы.

Все въ картинахъ Ренуара вытекаетъ изъ этого чувства и подчиняется ему. Оно такъ могущественно, такъ властно, именно потому, что чуждо всякой отвлеченности. Будь оно болѣе отвлеченно, въ духѣ представленій Пуссена, напримѣръ, о равновѣсіи и мѣрѣ, о композиціонной геометріи, оно не устояло-бы, можетъ быть, противъ эстетики импрессіонизма. Но для чего Ренуару даже и бороться съ ней, когда все равно у него въ крови это ощущеніе пластичности, *осязаемой* поверхности, тѣлесной полноты вещей? Если ему есть съ чѣмъ осваиваться и съ чѣмъ бороться, такъ это съ импрессіонистской техникой. Но не забудемъ, что техника эта такъ же ему нужна, какъ и другимъ. Это она снабжаетъ его необходимыми средствами выраженія и она его дѣлаетъ живописцемъ. Это она отдѣлитъ его отъ Энгра и она же его впервые свяжетъ съ традиціей Фрагонара и Ватто.

Правда, слѣдовать до конца импрессіонистской техникѣ Ренуару не позволитъ его даръ. Отсюда то раздраженіе, та реакція противъ импрессіонизма, которыя у него намѣтились въ 80-хъ годахъ.Онъ становится временно безпокойнѣе и суше. Онъ выписываетъ моделлирующія подробности формъ, онъ р и с у е т ъ кистью на полотнѣ. Красочному очарованію его картинъ это не всегда идетъ на пользу. И все таки, надо быть осторожнымъ въ истолкованіи этого времени. Не забудемъ двухъ истинъ. Въ самыхъ импрессіонистскихъ картинахъ молодого Ренуара, какъ въ пейзажахъ или въ «Moulin de la Galette» уже на лицо его органически тѣлесное воспріятіе формы. И съ другой стороны, послѣ «разрыва съ импрессіонизмомъ» нельзя у Ренуара наблюсти никакого приближенія къ линейному классицизму Энгра и нельзя не видѣть въ его вещахъ той освобожденной живописности, въ которой онъ не могъ себѣ надолго отказать и которой онъ обязанъ импрессіонизму.

То, что наступило для Ренуара послѣ сомнѣній 80-хъ годовъ, это какъ разъ торжество живописи, полное сліяніе пластическаго зрѣнія съ зрѣніемъ

красочнымъ и свѣтовымъ. Съ самыхъ первыхъ опытовъ обозначилось у него стремленіе къ этому единству. Именно этимъ «Діана Охотница» 1866 г., одна изъ первыхъ его картинъ, отличается отъ своего образца, Курбе; именно этимъ вліяніе Мане ограничено для ранняго Ренуара. Однако до 80-хъ годовъ равновѣсіе живописнаго и пластическаго воспринимается, какъ неустойчивое, какъ завоеванное по новому въ каждой новой картинѣ. Позже равновѣсіе это нерасторжимо и дано заранѣе. Можетъ быть и оно и не равновѣсіе уже; но если какая нибудь изъ сторонъ одержала въ немъ побѣду, то это скорѣе живопись вобрала въ себя пластическіе элементы, чѣмъ они побѣдили живопись. Пресловутый классицизмъ поздняго Ренуара не архитектуренъ, не разсудоченъ. Если его картины построены, то не какъ домъ, а какъ тѣло; въ нихъ не прочность камня, а неистребимость жизни.

Всѣ его формы органичны прежде всего; и онѣ всѣ въ становленіи, а не въ бытіи. Отсюда все усиливающійся къ старости пантеизмъ его искусства. То всеобщее раствореніе частей въ цѣломъ, которое въ импрессіонизмѣ служило иллюзіи, у него реализуется, переносится на вещи. Міръ уже самъ по себѣ воспринимается, какъ расплавленный, растворенный. Краски возникаютъ и поютъ, формы протекаютъ и сливаются. Человѣческое становится дочеловѣческимъ, растительнымъ, природнымъ. Во всемъ — обожествленное здоровье, всеоживляющая жизнь. Тѣло требуетъ формы, но чувство тѣлесности можетъ преступить предѣлы формъ. Въ гипертрофіи тѣлесности у стараго великаго живописца, въ этомъ превращеніи любой матеріи въ трепещущую плоть нѣтъ классической мѣры, нѣтъ эллинскаго предѣла. Міръ уже не просто ясный день, но вѣчный полдень, растворяющій солнечный жаръ, истома, то паническое состояніе, котораго такъ страшился грекъ и въ которое сладострастно погружены всѣ послѣднія созданія Ренуара.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на распродажѣ собранія Ганья, можно было составить себѣ особенно полное представленіе объ этомъ Ренуарѣ послѣднихъ лѣтъ, — самыхъ волнующихъ, можетъ быть у него, если и не самыхъ совершенныхъ. На красныхъ тряпкахъ отеля Друо, въ безвкусныхъ рѣзныхъ рамахъ, эти картины и этюды, небольшіе или даже совсѣмъ маленькіе, казались на первый взглядъ какими то случайными пестрыми клочками. Посѣтители останавливались сразу передъ нѣсколькими, болѣе ранними немного, гармоническими и подкупающим композціями, вродѣ знаменитыхъ панно 1909 года и менѣе знаменитой «Раненой купальщицы». Вещи эти не слишкомъ характерны для «послѣдней манеры» Ренуара, а «послѣдняя манера» еще не всѣхъ убѣдила и привлекла. Многіе сопротивляются

этой живописи, не заботящейся ни о чемъ, кромѣ того, чтобы быть собою и расплывшейся, по ихъ мнѣнію, въ какомъ то приторномъ сиропѣ, свидѣтельствующемъ лишь о старческой разслабленности. Это непониманіе, можетъ быть, лучше, чѣмъ нѣкоторые заранѣе готовые и поэтому подозрительные восторги, но оно все таки — непониманіе. Вѣрно одно: къ этому искусству лишь постепенно начинаешь присматриваться, постепенно привыкать и удивляться. Не сразу въ немъ увидишь все, что въ немъ нужно увидать.

Невнятно, непостроено — таково первое впечатлѣніе — хоть можетъ быть всетаки и стройно. Пестро; и это правда, что Ренуаръ не колористъ, въ строгомъ смыслѣ слова, т. е. что онъ совсѣмъ особо понимаетъ единство освѣщенія и свѣта: безъ «гаммы», безъ предустановленной тональности; но кто же станетъ отрицать красоту и умѣстность этихъ лиловыхъ и синихъ, красныхъ и розовыхъ тоновъ. Лицо, землю, плоды, деревья — все онъ пишетъ одинаково, какъ то похоже одно на другое, слитно; но зато во всемъ этомъ — то же лѣто, та же страстная растительная жизнь. Быть можетъ тайна этой живописи въ отсутствіи всякой отвлеченности, въ безпрепятственномъ, ничѣмъ не опосредствованномъ сліяніи двухъ конкретностей: красокъ природы и тѣхъ, что покупаютъ въ магазинѣ, міра и палитры. Никогда не было короче разстояніе между видимымъ міромъ и холстомъ; никогда живопись не была такъ не отдѣлима отъ руки и глаза. Въ этомъ ея границы, но въ этомъ и ея торжество. Многимъ великимъ художникамъ старость принесла послѣднюю глубину, послѣднее одухотвореніе; позднія работы Тиціана, Рембрандта, это не живопись больше, это сама душа. Но къ старому Ренуару именно живопись пришла во всей ея силѣ и славѣ; и она замѣнила ему душу.

Многое теперь болѣе ему не нужно. Пѣвучія композиціи, какъ еще недавно въ «Раненой купальщицѣ», въ «Одѣ цвѣтамъ», все меньше его плѣняютъ. Глаза и губы, которые онъ такъ любилъ писать, мягкій ритмъ спины и ногъ, почувствованный во всемъ мірѣ только имъ — со всѣмъ этимъ онъ готовъ разстаться. То, что онъ пишетъ теперь, это уже не картины, — только живопись. Альберъ Андрэ, его другъ, сказалъ: «Живопись у него въ крови и деспотизмъ этой любви тяготѣетъ надъ всей его жизнью», можно было бы прибавить теперь: и надъ самой живописью. Все ушло, все отпало, осталась она одна, такая, какой онъ хотѣлъ ее всю жизнь. Эти безпомощные, скрюченные пальцы не возсоздаютъ природу, они ее продолжаютъ на холстѣ. И никогда еще не былъ Ренуаръ болѣе великимъ живописцемъ.

АРТУРЪ ЛУРЬЕ

ПУТИ РУССКОЙ ШКОЛЫ

I

Передъ войной существовали три стихіи музыкальнаго творчества: германская, латинская и славянская. Синтезомъ латинской музыкальной культуры къ этому времени были музыка Дебюсси и достиженія импрессіонистской школы, которыя стали національнымъ факторомъ французской музыки, и были слѣдствіемъ періода длительной борьбы съ германской гегемоніей. Національныя достиженія достались латинизму отчасти слѣдствіемъ преодолѣнія, отчасти цѣной разрыва съ германизмомъ.

Славянская музыкальная культура, осуществлявшаяся тогда исключительно Россіей, (также какъ латинская Франціей) послужила для латинской Европы союзницей. Она оказалсь вспомогательной силой для преодолѣнія непоколебленной до той поры власти германской музыки. Оглядываясь сейчасъ на это недавнее прошлое, мы можемъ уже съ достаточной отчетливостью сдѣлать этотъ выводъ, констатируя его, какъ историческій фактъ. Связь между французской и русской музыкой создалась не столько вслѣдствіе эстетическихъ вкусовъ и влеченій, сколько на почвѣ антагонизма двухъ культуръ: латинской и германской, органически другъ другу противоположныхъ, какъ по матеріальной, такъ и по эстетической природѣ. Молодая сила русской музыки, съ ея варварской свѣжестью и новизной, оказалась вовлеченой въ эту борьбу. Руская музыка стала трамплиномъ, отталкиваясь отъ котораго французы пробудились къ осознанію своего національнаго лица, утраченнаго ими къ концу 19-го столѣтія подъ воздѣйствіемъ нѣмцевъ. Соки молодой русской музыки напитали здоровьемъ латинскую музыкальную Европу, вызвавъ ее къ самостоятельной жизни, послѣ длительнаго оцѣпененія, въ которое она была погружена въ концѣ прошлаго столѣтія, т.-е. въ періодѣ ложно-классическаго и постъ-романтическаго германскаго «владычества», казавшагося до этого контакта съ русской музыкой несокрушимымъ. Чары Bayreuth'скаго колдуна привели къ оцѣпененію весь музыкальный міръ. Не было большаго гипноза, чѣмъ тотъ, который былъ созданъ Вагне-

ромъ къ концу 19-го вѣка. Непогрѣшимый въ смыслѣ своихъ критическихъ и эстетическихъ оцѣнокъ, Бодлеръ былъ первымъ въ Парижѣ поддавшимся этому гипнозу...

Русскіе музыканты прошли черезъ длительный періодъ вліянія нѣмцевъ. Съ момента возникновенія музыкальнаго искусства въ Россіи, какъ самостоятельной національной школы, (т.-е. начиная отъ Глинки) они добровольно шли на выучку къ нѣмецкимъ мастерамъ, отдавая имъ первенство передъ всѣми остальными въ мірѣ. Позднѣе это стало прочной традиціей, утвердившейся, какъ въ области профессіональнаго музыкальнаго образованія въ Россіи, такъ и въ академическихъ музыкальныхъ кругахъ. Между тѣмъ, уже въ періодѣ дѣятельности «могучей кучки», существовала въ Россіи рѣшительно выраженная тенденція преодолѣнія зависимости русской музыки отъ нѣмецкихъ вліяній, съ цѣлью созданія своей музыкальной культуры, чисто національной и органически самобытной. Высшими творческими выразителями этихъ стремленій были Мусоргскій и Чайковскій. «Западникъ» Чайковскій былъ антиподомъ Мусоргскаго. Понимая смыслъ русской музыки, какъ обработку національной природы средствами западной техники, онъ находилъ немыслимымъ разрывъ съ западнымъ канономъ по существу. Но вмѣсто нѣмецкаго канона Чайковскій предпочелъ канонъ итало-фрацузскій, принявъ его въ томъ видѣ, какъ этотъ канонъ сложился къ концу 19-го столѣтія. Это поставило его въ оппозицію къ тѣмъ кругамъ русскихъ музыкантовъ, которые считали связь съ нѣмцами для русской музыки чѣмъ-то безспорнымъ, непреложнымъ. Мусоргскій утверждалъ разрывъ рѣшительно и категорически съ какимъ бы то ни было западнымъ канономъ. Его принципы въ отношеніи Запада были анархичны. Мусоргскій вѣрилъ въ необходимость для Россіи специфически-національной музыкальной культуры, абсолютно независимой отъ какихъ бы то ни было иноземныхъ вліяній.

Римскій-Корсаковъ, помимо личнаго творчества, отдавшій много силъ созданію прочныхъ основъ профессіонально-музыкальнаго образованія въ Россіи, занялъ позицію промежуточную между Мусоргскимъ и Чайковскимъ. Онъ не былъ ни чистымъ народникомъ, какъ Мусоргскій, ни рѣшительнымъ западникомъ, какъ Чайковскій. Его позиція была компромисной, какъ въ отношеніи Мусоргскаго, такъ и Чайковскаго; къ тому же, онъ не принималъ уклона Чайковскаго въ сторону латинскаго Запада, а сохранялъ вѣрность первончальной традиціи русской школы въ ея подчиненіи нѣмецкимъ формальнымъ методамъ. Такая позиція и предопредѣлила, какъ характеръ

его культурной дѣятельности, такъ и его личное творчество. Послѣ него, ту же линію подчиненія русской школы нѣмецкому формальному канону и композиціонному методу, упорно поддерживалъ Глазуновъ, принявшій эту традицію по наслѣдству отъ Римскаго-Корсакова, и охранявшій ее слѣпо, не провѣряя и не переоцѣнивая. Личное творчество Глазунова въ сферѣ русскаго симфонизма имѣетъ, на мой взглядъ, самостоятельное значеніе. Къ нему со временемъ могутъ еще вернуться; но роль его культурной дѣятельности въ отношеніи русской школы, всецѣло опредѣлилась позиціей, занятой имъ въ прямой послѣдовательности и зависимости отъ Римскаго-Корсакова.

Таковы были основныя линіи развитія русской школы къ тому моменту, когда оказался замкнутымъ кругъ дѣятельности «могучей кучки» и ея достиженія стали достояніемъ академизма. Вліяніе нѣмцевъ на русскую музыку въ ея младенческомъ состояніи было живымъ и плодотворнымъ. Тогда это былъ контактъ съ классиками и воздѣйствіе раннихъ романтиковъ. Въ годы Римскаго-Корсакова и Глазунова, связь съ чистыми источниками германской классики и романтизма переродилась въ подчиненіе ложно-классической схоластикѣ, задрапированной въ постъ-романтическую идеологію, которой музыкальная жизнь этой эпохи и характеризовалась.

Мусоргскій былъ первымъ выразителемъ «скифской» проблемы русской музыки. Онъ искалъ воплощенія сырой народной стихіи, полагая, что единственно она является органическимъ выраженіемъ Россіи. Въ этомъ былъ его пафосъ. Теперь никто не оспаривалъ того, что на пути овладѣнія народной музыкальной стихіей, Мусоргскій создалъ и міръ совершенно самобытныхъ формальныхъ цѣнностей, но еще недавно это упорно отрицалось въ самомъ русскомъ музыкальномъ кругу, въ кругу академическомъ, разумѣется, а не передовомъ. Понадобилось воздѣйствіе русской музыки на французскую въ лицѣ Дебюсси и импрессіонистовъ, и обратное воздѣйствіе этой французской музыки на русскую, для того, чтобы и формальныя достиженія Мусоргскаго стали общимъ достояніемъ.

Въ началѣ 20-го столѣтія въ Россіи наиболѣе характерными выразителями новыхъ теченій были: Скрябинъ на крайней лѣвой позиціи, и Метнеръ на крайней правой. Метнеръ и Скрябинъ были полюсами русскаго декадентства и модернизма. Скрябинъ появился въ лонѣ русской національной школы, (1-ая симфонія) но увлеченный въ «экстра-музыкальые» міры, онъ счелъ національну юпроблему русской музыки чѣмъ-то очень второстепеннымъ и несущественнымъ въ сравненіи съ тѣми эсхатологическими мечтаніями, которыя питали его музу. Въ зрѣлый періодъ своего творчества, онъ

окончательно ушелъ отъ всѣхъ традицій русской школы и сталъ въ такой же мѣрѣ абсолютистомъ западничества, въ какой Мусоргскій былъ націоналистомъ. Метнеръ, вскормленный всецѣло нѣмецкой музыкой, занялъ, въ отношеніи русской школы какъ таковой, позицію не столько радикально консервативную, какъ тогда казалось, сколько почти парадоксальную въ томъ смыслѣ, что для него русская музыка, какъ искусство самобытно-національное, вообще, была подъ знакомъ вопроса. Будучи консерваторомъ и эпигономъ постъ-романтическаго наслѣдія нѣмцевъ, онъ въ то же время искалъ новыхъ формъ и новой системы музыкальнаго мышленія, но въ полномъ и рѣшительномъ подчиненіи нѣмецкой музыкѣ, считая національную культуру русской музыкальной школы какъ бы не существующей. Мнѣ кажется, поэтому, что независимо отъ индивидуальнаго значенія его музыки, изъ русской музыки онъ выпадаетъ и что правильнѣе считать его нѣмецкимъ музыкантомъ, чѣмъ русскимъ.

Въ годы, когда кончилась въ Россіи живая роль національной школы, осуществлявшаяся «могучей кучкой», въ Германіи считали, что нѣмецкой музыкой исчерпывается, вообще, вся музыка въ мірѣ. Къ русской же музыкѣ тамъ продолжалось все еще отношеніе только, какъ къ «провинціи» въ своемъ же государствѣ. Метнеръ былъ выразителемъ этой тенденціи въ русскомъ модернизмѣ начала 20-го столѣтія.

Французы же въ эпоху модернизма стали естественнымъ образомъ союзниками русскихъ, такъ какъ «скифская» проблема русской музыки оказалась въ соотвѣтствіи съ созрѣвшей къ этому времени и для фанцузскихъ музыкантовъ, необходимостью преодолѣнія зависимости отъ нѣмцевъ.

Стравинскій появился въ этой исторической перспективѣ. При немъ живая связь между русской и французской музыкой стала уже совершившимся фактомъ. Его творчество въ первомъ періодѣ послужило укрѣпленію этой связи и обозначило еще большее разъединеніе между музыкой русской и французской съ одной стороны и нѣмецкой въ ея тогдашней формаціи съ другой. Въ отношеніи русской національнй школы, роль Стравинскаго въ первый періодъ его дѣятельности, была какъ-бы поправкой къ Римскому-Корсакову, и нарушеніемъ традиціонной связи русской школы съ нѣмцами. Стравинскій сталъ яркимъ выразителемъ «скифской» проблемы Мусоргскаго и проводилъ ее съ большой силой и рѣшительностью. «Весна Священная» стала знаменемъ этой проблемы. Она стала знаменемъ всѣхъ тѣхъ русскихъ музыкантовъ, кому былъ дорогъ Мусоргскій и его подлинное, не «подчищенное» наслѣдство. Молодая французская школа (уже послѣ Дебюсси)

приняла это знамя, которое въ равной мѣрѣ становилось какъ бы символомъ и ея національнаго дѣла.

«Весна Священная» родилась изъ непосредственнаго чувства вѣры въ стихійную народную первооснову, и для Стравинскаго «Весна» была моментомъ высшаго становленія, и одновременно моментомъ разрыва. Становленіемъ было утвержденіе азійнаго духа Россіи, и оно же было разрывомъ со всѣмъ, что этому духу было враждебнымъ и чуждымъ не только на Западѣ, но и въ Россіи. Вѣдь и «кучкисты»стремились къ воплощенію того-же скифскаго лица Россіи, но всѣ они, кромѣ Мусоргскаго и Бородина, вливали русское вино въ нѣмецкіе мѣха. Стравинскій выпрямилъ наслѣдственную линію, шедшую отъ Мусоргскаго и разрушилъ ложно-русскія традиціи, установленныя Балакиревымъ и Римскимъ-Корсаковымъ ради «профессіонализаціи». Уходъ Стравинскаго, въ его дальнѣйшей дѣятельности, отъ скифской проблемы къ интернаціональнымъ берегамъ, можно ли считать «измѣной» русскому національному дѣлу? Съ моей точки зрѣнія, нѣтъ, конечно. Скифская проблема была доведена до возможнаго предѣла. Итти дальше въ этомъ направленіи было тогда невозможно. Вернется ли русская музыка снова на этотъ путь или нѣтъ — это дѣло будущаго. Что же до Стравинскаго, то онъ радикально измѣнилъ линію — именно въ этомъ вопросѣ, уйдя изъ національнаго плана въ планъ общечеловѣческій. Радикальная перемѣна его стиля обусловлена перемѣной идеологіи, которая въ свою очередь обусловила и перемѣну всего формальнаго процесса его музыкальнаго мышленія. Любопытно, что перемѣна стиля у Стравинскаго исторически совпала съ политической и соціальной проблемой современной Россіи, въ которой національное сознаніе выросло въ сознаніе сверхъ-національное и въ стремленіе къ всенародному единству. При оппозиціонномъ политическомъ отношеніи къ современной Россіи, Стравинскій какъ будто-бы осуществилъ въ музыкѣ тотъ же выходъ, который былъ подсказанъ соціально-политической идеологіей современной Россіи, но на различныхъ съ нею основаніяхъ, ибо уйдя изъ сферы національной, Стравинскій не разрушилъ связи съ прошлымъ. Сведя къ минимуму идеологическую проблему искусства и замкнувшись исключительно въ область формальную и дидактическую, онъ, отказавшись отъ національной музыкальной проблемы, повернулся въ сторону западныхъ формальныхъ каноновъ и, со свойственной ему прямолинейностью, установилъ прочную для себя связь съ наслѣдіемъ западной музыкальной культуры. Въ этомъ его разладъ съ современной Россіей. Въ музыкальномъ искусствѣ въ Россіи проблема поставлена сейчасъ совсѣмъ по иному. Она снова направ-

лена въ сторону разрыва, но на этотъ разъ уже не только съ Западомъ, а со всей прежней культурой человѣчества (и не только «музыкальной»). Проблема эта — въ стремленіи къ созданію органически новой культуры, не національной, а всемірной.

Такимъ образомъ былая скифская проблема музыкальная становится въ данный моментъ въ современной Россіи и для музыкантовъ проблемой пролетарской, т.-е. музыкальной проблемой такъ называемой соціалистической культуры.

Любопытно, въ какой мѣрѣ народническій сюрреализмъ Мусоргскаго находится въ связи съ проблемой пролетарской культуры. Странно, что въ Россіи до сихъ поръ въ отношеніи къ Мусоргскому этотъ вопросъ не былъ даже поставленъ. Согласился ли бы Мусоргскій, если бы жилъ въ наши дни, увидѣть прямую связь между пролетарскимъ искусствомъ и тѣмъ, что онъ считалъ своей идеей? Я думаю, что врядъ-ли согласился бы, и независимо отъ той безвкусности, которая присуща этому искусству благодаря терпкой смѣси его съ политикой.

II

Періодъ культурнаго обновленія, послѣдовавшій послѣ войны, ознаменовался повсюду въ музыкальномъ искусствѣ, тенденціей остро выраженнаго національизма. Никогда еще эта тенденція въ музыкѣ не выражалась на Западѣ съ такой отчетливостью, какъ въ эти годы. Внѣ зависимости отъ какихъ бы то ни было эстетическихъ или формальныхъ предпосылокъ, переоцѣнка цѣнностей и взрывъ новой творческой энергіи въ Европѣ пріобрѣли повсюду специфически національный характеръ. Почти во всѣхъ странахъ западной Европы (а позднѣе и въ Америкѣ) создались музыкальныя группировки, имѣвшія своимъ прототипомъ русскую школу въ первый періодъ ея формаціи, т.-е. «могучую кучку».

Таково было настроеніе музыкантовъ въ эти годы повсюду, кромѣ Россіи. Состояніе же самой русской музыки, какъ школы, стало съ этого времени совершенно обособленнымъ среди всѣхъ другихъ національныхъ группъ. Одной изъ главныхъ причинъ явилось то, что въ послѣвоенные годы, вслѣдствіе чисто политическихъ причинъ, русская музыка оказалась расколотой на двѣ части, которыя въ своемъ все болѣе и болѣе независимомъ существованіи, стали двумя самостоятельными величинами. Одна изъ нихъ — русская музыка, въ современной Россіи; другая — тѣ, кто волей исто-

рической и политической обстановки оказались вовлеченными въ художественную жизнь на Западѣ и стали частью ея цѣлаго, т.-е. частью общеевропейской культуры и почти утратили связь со своей національной почвой. Уже вслѣдствіе одного этого обстоятельства, русская музыка находится сейчасъ въ сложномъ періодѣ своего существованія. Рядъ любопытнѣйшихъ вопросовъ скрещивается съ проблемой русской музыки въ данный моментъ. Ни для одной изъ существующихъ въ мірѣ музыкальныхъ группировокъ вопросы эти не такъ сложны, какъ для русскихъ музыкантовъ. Вопросы стиля, формы и языка находятся для нихъ въ живой связи съ основной политической проблемой современной Россіи. Поэтому, пытаясь опредѣлить состояніе русской музыки какъ школы въ настоящемъ моментѣ ея существованія, мы должны разсмотрѣть обѣ ея части какъ самостоятельныя величины, т.-е. то, что происходитъ съ музыкальнымъ творчествомъ въ С.С.С.Р. и то, что совершается въ русской музыкѣ на Западѣ.

Когда въ послѣвоенные годы въ Россіи музыка (такъ же какъ и все искусство въ цѣломъ) оказалась спустя нѣсколько лѣтъ подъ воздѣйствіемъ соціально-политической обстановки, создавшейся тамъ послѣ революціи, въ первые годы революціи не существовало контакта между искусствомъ и политикой. Соціально-политическая жизнь страны развертывалась въ одномъ направленіи, культурная и художественная ея жизнь въ иномъ, и почти независимо отъ политической обстановки. Въ первые годы искусство, и въ частности, музыка, были на положеніи аристократически-привилегированномъ. Революція внесла новое только тѣмъ, что произошла деформація быта, когда оказались привлеченными къ художественной жизни народныя массы. Это отразилось только на исполнительствѣ и на педагогикѣ. Музыкальное же творчество политикой не было затронуто. Предоставленное самому себѣ, оно замкнулось исключительно въ свою профессіональную сферу и въ ней продолжалось изживаніе тѣхъ внутри-профессіональныхъ эстетическихъ процессовъ, которые существовали въ русской музыкѣ въ дореволюціонную эпоху. Политическимъ дѣятелямъ было «не до музыки» — музыканты же закрывали глаза на политику и пытались до конца удерживать, въ сущности, давно изжитую позицію «искусства для искусства». Позднѣе, когда политическая власть окрѣпла и произошло «углубленіе» революціи, на ряду съ политическимъ и экономическимъ фронтами, былъ объявленъ и культурный фронтъ въ С.С.С.Р. Съ этого момента театръ, литература и живопись оказались значительно быстрѣе въ контактѣ съ марксистской доктриной, чѣмъ музыка. Объясняется это вовсе не тѣмъ, что музыканты по-

литически консервативнѣе, чѣмъ иные дѣятели искусства, а исключительно тѣмъ, что самый матеріалъ театра, литературы и живописи гораздо быстрѣе и легче поддается внѣшнему приспособленію и той или иной тенденціозной переработкѣ въ угоду новой идеологіи. Измѣненіе самихъ формальныхъ методовъ въ музыкѣ гораздо труднѣе и сложнѣе, чѣмъ въ другихъ родахъ искусства, а внѣшне прикрѣпленные ярлычки или же наскоро пришитыя литературныя программы и поясненія ничего не мѣняютъ въ самой музыкѣ, природа которой нисколько не измѣняется отъ того, что та или иная музыкальная матерія пристегнута къ «капиталистическому» или же къ «коммунистическому» сюжету. Развѣ что въ дальнѣйшемъ въ Россіи будетъ подвергнута переработкѣ и органическому измѣненію самая матерія музыки и процессъ ея оформленія, но это дѣло иное и очень сложное. Для этого нужно созрѣваніе новой культуры по существу, органически противоположной музыкальной культурѣ предшествовавшей, т.-е. всему историческому ходу ея развитія. Возможно ли это для музыки? Не знаю. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что въ С.С.С.Р. проблему эту должны будутъ поставить на этотъ путь въ дальнѣйшемъ, если проблемѣ пролетарской культуры суждено развитіе. Изживаніе стараго, до-революціоннаго культурнаго наслѣдія въ Россіи еще не кончено. На мой взглядъ, безъ исключенія, всѣ профессіональные музыканты до сихъ поръ заняты изживаніемъ модернизма и декадентства. Композиторы современной Россіи до сихъ поръ «дорабатываютъ» модернизмъ, преимущественно въ тѣхъ композиціонныхъ методахъ и въ томъ направленіи, которые были даны Скрябинымъ и Метнеромъ въ началѣ 20-го столѣтія. Вся «эволюція» за послѣднее десятилѣтіе сказалась лишь въ томъ, что произошло нѣкоторое зараженіе уже почти отжившими, модернистскими тенденціями западной музыки послѣ-военныхъ годовъ. Даже Стравинскій до сихъ поръ хоть сколько-нибудь серьезнаго воздѣйствія на русскую музыку не оказалъ. Любопытно, что этотъ мастеръ, сыгравшій такую значительную роль въ западномъ музыкальномъ творчествѣ въ годы послѣ войны — на русскую музыку въ самой Россіи почти никакого вліянія не имѣлъ. Его тамъ до сихъ поръ совсѣмъ не поняли, несмотря на то, чтобы были переиграны всѣ его сочиненія. Нѣкоторое вліяніе на молодыхъ оказалъ Прокофьевъ, но вліяніе это было чисто внѣшнее и поверхностное. Главной причиной этой отсталости является оторванность музыкантовъ совѣтской Россіи отъ современной жизни на Западѣ — отсюда невѣдѣніе и непониманіе того процесса, по которому развивается искусство въ Европѣ. Вслѣдствіе этой отсталости, музыкальное искусство въ С.С.С.Р. опять вернуло русскую музыку къ

провинціальному въ отношеніи Запада состоянію, въ которомъ она пребывала нѣкогда, когда еще плелась въ хвостѣ западной музыки. Выходъ изъ этого провинціализма, мнѣ думается, совсѣмъ не въ томъ, что русская музыка въ С.С.С.Р. будетъ догонять западную Европу и будетъ проходить съ сильнымъ опозданіемъ по всѣмъ продѣланнымъ здѣсь этапамъ, а въ томъ, что она найдетъ новые пути и для себя и для Запада, если она ихъ найдетъ. Мнѣ кажется, что это единственный выходъ, конечно, возможный только, если появятся большія и индивидуальныя творческія силы. Но это опять таки не просто, поскольку индивидуализмъ является офиціально нетерпимой въ Россіи стихіей при методахъ «діалектическаго матеріализма», утверждаемыхъ какъ въ экономическомъ, такъ и въ культурномъ планахъ въ С.С.С.Р. Пока что музыкальное творчество въ Россіи задыхается въ удушливой атмосферѣ провинціальнаго модернизма и декадентства, въ которые выродился модернистическій стиль начала столѣтія. Музыка эта опутана сѣтями схематики въ соединеніи съ ничѣмъ не обоснованнымъ произволомъ, которые безпомощно стараются казаться новаторствомъ и дерзновеніемъ. Холодомъ ужасающей скуки и замученностью вѣетъ отъ этой музыки. Въ ней нѣтъ ни живой силы, которая могла бы быть выраженіемъ творческаго пафоса новой страны, стремящейся явить всему міру примѣръ строительства новой культуры и воспитанія новаго человѣка. Нѣтъ въ ней и трагическаго пафоса непріятія этой жизни... Ни утвержденіе, ни гибель. Вмѣсто того и другого, мертвая маска профессіонализма, скрывающая опустошенность и безсиліе, какъ формальное, такъ и духовное. Единственное, что замѣтно у нѣкоторыхъ изъ композиторовъ, это попытка чисто внѣшняго приспособленія къ новымъ условіямъ жизни. Такъ какъ эти попытки основаны не на пафосѣ вѣры (независимо отъ того будь-то пріятіе или же отрицаніе), онѣ сводятся только къ чисто внѣшнимъ вещамъ, къ наивному примѣненію въ музыкѣ литературно-эстетическихъ пріемовъ въ связи съ об[illegible]ими тенденціями, т.-е. въ сущности только къ названіямъ. Нѣтъ никакой разницы между пьесой, называемой «Электрофикація» или же какими-нибудь «Листками изъ альбома» того же автора... Почему то излюбленной формой совѣтскихъ композиторовъ стала, совершенно отрѣшенная отъ жизни, схоластическая фортепіанная «соната» не имѣющая въ томъ видѣ, какъ ее тамъ преподносятъ, ни значенія, ни смысла. Когда проглядываешь этотъ безудержный потокъ фортепіанныхъ сонатъ, несущихся изъ Россіи, видишь, какая глубокая пропасть создалась тамъ между музыкой и жизнью..

Тему своей статьи я ограничилъ исключительно вопросами о русской

школѣ. Поэтому выводы, которые я дѣлаю, не относятся къ тому или иному композитору въ отдѣльности, а къ школѣ какъ таковой въ ея цѣломъ.

Вотъ имена композиторовъ, составляющихъ фронтъ современной музыки въ самой Россіи. Въ Москвѣ: Мясковскій, Александровъ, А. Крейнъ, Мосоловъ, Оборинъ, Половинкинъ, Протопоповъ, Рославецъ, Фейнбергъ и Шебалинъ. Въ Ленинградѣ: Шестаковичъ, Щербачевъ, Поповъ, Рязановъ, Дешевовъ и др. Особое мѣсто принадлежитъ Мясковскому. Такъ-же, какъ и Прокофьевъ — Мясковскій былъ вполнѣ выраженной художественной величиной уже въ до-революціонный періодъ Россіи. Въ самое послѣднее время появилась въ Москвѣ небольшая группа, называющая себя «пролетарскими композиторами». Музыканты этого толка не имѣютъ профессіональныхъ корней, въ чемъ не было бы бѣды, если бы они были даровиты. Но то, что они сейчасъ дѣлаютъ, не представляетъ собою пока никакой художественной цѣнности, съ какой бы точки зрѣнія ихъ не разсматривать. Лишенные профессіональнаго опыта и знаній, лишенные какихъ либо формальныхъ установокъ, они вооружаются исключительно демагогическими политическими пріемами, чисто агитаціоннаго порядка. Основной тенденціей этой группы является провозглашеніе прямого контакта между музыкальнымъ творчествомъ и коммунизмомъ. Въ совѣтской литературѣ (и театрѣ) этотъ «контактъ» давно уже осуществился и далъ свои послѣдствія. Со стороны музыкантовъ пока это только запоздавшая попытка примкнуть къ общему коммунистическому фронту въ искусствѣ. Несомнѣнно, что и эта музыкальная тенденція получитъ дальнѣйшее развитіе въ С.С.С.Р. Такъ какъ осуществляется она преимущественно не профессіональными музыкантами, то будетъ повидимому развиваться по линіи наименьшаго сопротивленія, и въ такомъ случаѣ поглотитъ собою все, что еще осталось въ С.С.С.Р. въ наслѣдіе отъ прошлой музыкальной культуры. Говорить по существу о «пролетарской» музыкѣ пока преждевременно. Подождемъ, пока появятся для этого какія-либо конкретныя данныя. Такимъ образомъ въ С.С.С.Р. русская музыка какъ школа перестала существовать. Въ профессіональномъ композиторскомъ кругу она пребываетъ въ состояніи упадочничества и модернистическаго вырожденія. Въ кругу непрофессіональномъ начинается движеніе въ сторону «пролетаризаціи», которое исключаетъ національную установку по существу. Что получится изъ столкновенія этихъ двухъ группъ сейчасъ гадать трудно. Вѣроятнѣе всего, что старая профессіональная основа будетъ совершенно поглощена «пролетаризаціей» и въ ней растворится. Какъ бы тамъ ни было въ будущемъ, въ данный моментъ эти два фактора обуславливаютъ рас-

падъ національной музыкальной школы въ С.С.С.Р. и, вѣроятно, на продолжительный періодъ времени.

Западная группа состоитъ изъ слѣдующихъ композиторовъ: Стравинскій, Прокофьевъ, Дукельскій, Набоковъ и Маркевичъ. Также Лопашниковъ, Черепнинъ (Александръ), Обуховъ и Вышнеградскій.

Если бы не Стравинскій, судьба русской музыки на Западѣ была бы сейчасъ, вѣроятно, совершенно иной. Благодаря Стравинскому, новая русская музыка на Западѣ вышла на международную арену. Она не утратила при этомъ своего національнаго характера, но отличительной особенностью нашей западной композиторской группы является то, что въ ней ликвидированы тѣ установки на «экзотику», которыя считались прежде необходимой принадлежностью русскаго стиля, какъ кавіаръ, водка и балалайка. Безъ наличія этой «экзотики», за русской музыкой не признавали въ Европѣ права на свое національное лицо. Теперь это уже въ прошломъ. Послѣ Стравинскаго, молодые на Западѣ уже какъ бы по традиціи идутъ за нимъ по пути разрѣшенія общихъ проблемъ, а не специфически національныхъ.

Основное ядро русскихъ композиторовъ на Западѣ образуетъ упомянутая парижская группа. Независимо отъ идеологическихъ или формальныхъ тенденцій и качествъ каждаго въ отдѣльности изъ композиторовъ парижской группы, въ цѣломъ она является современнымъ выраженіемъ національной русской школы какъ таковой. Группа эта вдвинута въ западную культуру и разобщена съ Россіей. Отсюда и положительное и отрицательное въ ея дѣятельности. Положительное въ томъ, что нѣтъ въ ней провинціализма, существующаго у музыкантовъ въ С.С.С.Р., и достигнута формальная вооруженность въ уровень съ современной техникой на Западѣ. Отрицательное — въ томъ, что разрывъ съ Россіей создалъ у нѣкоторыхъ изъ молодыхъ идеологію упадочничества, нѣкій родъ реакціоннаго эстетизма. Музыканты эти питаютъ свое творчество памятью о старой русской культурѣ уже свершившейся, и къ которой нѣтъ возврата. Особенно въ этомъ смыслѣ характеренъ для нихъ музыкальный эстетизмъ, основанный на стилизаціи 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Это существенное обстоятельство, которое, нужно надѣяться, будетъ преодолѣно, такъ какъ оно часто превращаетъ попытки созданія новаго въ эпигонство. Основнымъ признакомъ, по которому эту группу можно по праву считать продолженіемъ русской школы и ея современной эволюціей, является, несомнѣнно, общій для всѣхъ языкъ, т.-е. русскій музыкальный языкъ. Въ остальномъ, поскольку эта группа непосредственно связана съ современной музыкальной жизнью Запада, она находится въ томъ

же состояніи, въ какомъ пребываетъ вся современная музыка вообще, формальные и идеологическіе перспективы и тупики, передъ которыми находится вообще современное музыкальное творчество, являются общими и для нея.

Поскольку Стравинскій «переросъ» границы русской школы — наиболѣе типичнымъ ея выразителемъ слѣдуетъ считать Прокофьева, который на протяженіи всей своей дѣятельности былъ вѣренъ природѣ русской музыки и чѣмъ дальше, тѣмъ все больше свою связь съ нею укрѣплялъ. Творческій оптимизмъ и неистощимая, острая жизненная сила Прокофьева — тотъ высшій даръ, который онъ получилъ по наслѣдственной линіи отъ русской музыки, и что ставитъ его сейчасъ во главу національныхъ тенденцій школы.

Завѣтомъ русской школы всегда была ея сплоченность и отвѣтственность другъ за друга, независимо отъ «семейныхъ» споровъ, когда бы, и каковы бы они не были. Духовная круговая порука, а не личныя цѣли, была главной основой школы. До тѣхъ поръ, пока будетъ живъ этотъ принципъ національной связи не для себя, а для Россіи, будетъ жива и школа.

Отвѣтъ нашимъ критикамъ.

Въ отзывахъ о шестой книгѣ «Чиселъ» разноголосица достигла особой остроты. Писателю не подобаетъ возражать своимъ критикамъ, журналу это иногда необходимо.

Намъ незачѣмъ спорить съ П. Пильскимъ (газ. «Сегодня») потому что онъ, забывая о себѣ, пытается судить «Числа» съ явнымъ вниманіемъ къ ихъ намѣреніямъ и не замалчивая результатовъ, ими по его мнѣнію достигнутыхъ.

А. Лугановъ изъ «Молвы» (Варшава) къ нашему удовольствію нашелъ нѣчто совсѣмъ новое въ статьяхъ Шаршуна, Варшавскаго, Чиннова, въ прозѣ Фельзена. Въ остальномъ Лугановъ продолжаетъ споръ, который уже велся на этихъ страницахъ между редакціей «Чиселъ» и Антономъ Крайнимъ.

«Числа» не хотятъ на своихъ страницахъ профессіональной политики. Имъ ничего не говорятъ дореволюціонныя партійныя группы и еще болѣе имъ чужды наново и на скорую руку сколоченныя «цѣлостныя міровоззрѣнія», гдѣ все — отъ Христа до аграрной программы — уже возстановлено въ отмѣнномъ іерархическомъ порядкѣ и гдѣ въ сущности нѣтъ ничего, кромѣ благодушнаго желанія снова обзавестись удобствами и комфортомъ духовнаго благополучія.

Какъ мы предупреждали читателя еще въ первой книгѣ, «утвержденія» «Чиселъ» не претендуютъ на схематическую стройность политической программы, но мы увѣрены, что полная откровенность эмигрантскаго человѣка съ самимъ собой единственно вѣрный путь для каждаго и, что отказъ что-либо пріукрашать въ жизни и, особенно въ жизни послѣднихъ десятилѣтій, неизбѣжно создаетъ особую, нестѣсненную тактическими расчетами политиковъ и политикановъ, атмосферу, которую «Числа» и стараются поддерживать по мѣрѣ своихъ силъ.

Если правильно эти наши намѣренія понять, развѣ не пропасть между ними и безплоднымъ эстетизмомъ.

Но Луганову все еще мѣшаетъ хорошая бумага, на которой «Числа» печатаются. Съ наивностью, неудивительной въ опредѣленномъ кругу дореволюціонной интеллигенціи, Лугановъ не въ силахъ уловить разницу между праздной роскошью и легко доступнымъ удовлетвореніемъ художественнаго вкуса. Внѣшній видъ «Чиселъ» смущаетъ его до такой степени, что онъ договаривается даже до сожалѣній о цѣнѣ «Чиселъ», будто бы недоступныхъ изъ за дороговизны рядовому читателю, и не замѣчаетъ, что, несмотря на «хорошую бумагу», «Числа» въ любомъ магазинѣ стоютъ почти столько же, сколько любая изъ тоненькихъ книжекъ очередной повѣсти или романа, выпускаемыхъ отдѣльнымъ изданіемъ.

Воспроизведенія картинъ художниковъ тоже какъ будто воспламеняютъ критиковъ лугановскаго типа возмущеніемъ противъ праздной роскоши.

Между тѣмъ, удивительная по силѣ живопись въ Парижѣ, играющая такую огромную роль въ воспитаніи и развитіи

русскихъ художниковъ, казалось бы даже и въ тѣхъ отраженіяхъ, которымъ «Числа» посвящены, могла бы постоять за себя. Можетъ быть лирики во Франціи такъ мало, именно потому, что здѣсь Манэ, Ренуаръ, Сезаннъ и другіе и являются національной поэзіей.

Вмѣсто стиховъ здѣсь — на Блоковскомъ уровнѣ — живопись. Подивиться этому, понаблюдать, поучиться — не умнѣе ли, чѣмъ принципіально дуться на «картинки», считая ихъ напрасными украшеніями журнала...

Кстати о внѣшности журналовъ. Намъ кажется небезынтереснымъ отмѣтить, что далеко не всѣ «общественники» принципіальные противники эстетики: такъ руководители «Новаго Града» скопировали съ абсолютной точностью обложку «Чиселъ» для своего журнала...

30 іюня 32 года въ «Посл. Новостяхъ» появился обстоятельный разборъ «Чиселъ» за подписью Мих. Осоргина.

Ровно черезъ недѣлю въ «Возрожденіи» появилась статья В. Ходасевича, до послѣдней степени и, почти въ каждой фразѣ, противоположная упоминаемой выше статьѣ.

Для Осоргина, напримѣръ, «Шаршунъ нашелъ какъ нужно сказать и у него было что сказать».

Для Ходасевича — «Шаршуны... голоса неудачниковъ, чахнущихъ въ монпарнасскомъ подпольѣ».

Для Осоргина «Числа» — «очень удачное литературное предпріятіе, въ сущности единственный живой художественный журналъ».

Для Ходасевича — «Числа» «не располагаютъ послѣдовательной литературной идеологіей».

Наконецъ, для Осоргина — «Въ узкихъ предѣлахъ своей задачи — быть органомъ молодыхъ эмигрантскихъ писательскихъ силъ, — журналъ себя оправдалъ вполнѣ. Онъ — питомникъ, разсадникъ».

Ходасевичъ и это пытается отрицать. Но уже сама по себѣ кропотливость и настойчивость его разсужденій на шести столбцахъ газеты внушаетъ подозрѣнія: да вѣдь если такъ все это просто и ясно зачѣмъ же тратить столько времени и мѣста на доказательства.

Хвалить самихъ себя за что бы то ни было «Числа», разумѣется, не станутъ — ихъ руководителямъ слишкомъ ясно, что нѣтъ въ эмиграціи такихъ силъ, которыя могли бы безъ ошибокъ справляться съ труднѣйшими задачами большого художественно-литературнаго журнала.

Но нужно вѣроятно особое умѣніе не видѣть того, чего видѣть не хочется, чтобы отрицать за «Числами» право первенства и преимущества въ поощреніи молодыхъ литературныхъ силъ.

Для основателей «Чиселъ» было очевидно, и главнымъ образомъ изъ за этого журналъ и возникъ, что больше чѣмъ за десять лѣтъ жизни въ эмиграціи, здѣсь должны были появиться новыя литературныя дарованія. Газеты, занятыя не этимъ, не имѣли возможности имъ помочь. Въ самомъ вліятельномъ и тогда еще единственномъ толстомъ журналѣ эмиграціи одному изъ такихъ начинающихъ литераторовъ отвѣтили буквально слѣдующее: «У насъ и такъ мало мѣста, чтобы печатать Бунина или Ходасевича, какъ же вы хотите, чтобы мы еще васъ печатали».

Въ противоположность этимъ методамъ «Числа» предпочли не приглашать маститыхъ и заслуженныхъ, чтобы имѣть возможность какъ можно больше мѣста отвести писателямъ молодымъ.

То, что ихъ изрѣдка и случайно печатали на задворкахъ другихъ изданій,

разумѣется, не могло быть равноцѣннымъ созданію своего журнала. Одно два имени литераторовъ, которымъ случайно повезло и для которыхъ «Сезамъ открылся» раньше чѣмъ программа «Чиселъ» вызывала лестныя для насъ и похвальныя подражанія, дѣла не мѣняютъ.

Въ заключеніе намъ остается пожалѣть, что Осоргинъ все еще считаетъ возможнымъ покровительственно и свысока похлопывать по плечу поэтовъ. При его несомнѣнныхъ заслугахъ никогда никакими расчетами не продиктованной критики этотъ его недостатокъ мы отмѣчаемъ не безъ недоумѣнія.

Наоборотъ именно въ этомъ Ходасевичъ съ его пристальнымъ вниманіемъ къ стихамъ для насъ выгодно отъ большинства критиковъ отличается и мы съ удовол.ьствіемъ отмѣчаемъ его симпатіи къ отдѣлу поэзіи въ «Числахъ».

Родъ заключенія.

Въ майской книгѣ «Красной Нови» за подписью небезызвѣстнаго Ермилова появился примѣчательнѣйшій отзывъ о «Числахъ», изъ котораго нѣсколько строчекъ намъ хочется выписать.

«Самой послѣдней литературной новинкой, «сенсаціей» эмигрантщины являются альманахи «Числа». По нимъ мы можемъ судить, чѣмъ живутъ «цвѣтъ», «сливки» эмигрантской литературы. Двѣ проблемы стоятъ въ центрѣ «Чиселъ»: проблема смерти и проблема половой любви...

Фашистская чернь, буржуазное быдло, прародителями которыхъ являются Дантесы и вся свора окружавшая Николая I (!)... на новой основѣ продолжаетъ свой каннибальскій танецъ вокругъ Пушкина (!!)...»

Комментаріи, какъ говорится, излишни.

Памяти Бодлера.

Есть у русскихъ привычка — идти гулять на кладбища. Наши, всѣмъ знакомыя обращенія на плитахъ отъ покойника къ прохожему — «сядь, вздохни!» «я дома, ты странствуешь!» — обращены именно къ гуляющимъ, къ идущимъ разсѣянно и праздно, къ тѣмъ, — кому некуда спѣшить. Случается русскимъ забрести на парижское монпарнасское кладбище. Нѣкоторымъ хочется иногда подойти къ могилѣ Бодлера, посидѣть у него «въ гостяхъ», подумать — обо всемъ и ни о чемъ.

Еще издалека видны двѣ торчащія вверхъ, огромныя каменныя ступни. На могильной плитѣ лежитъ каменное изваяніе — мертвецъ, завернутый въ саванъ. А высоко надъ нимъ — вмѣсто креста — какое - то идіотское, грузное чудище, склонившееся не то съ угрозой, не то съ усмѣшкой. Это — «духъ зла». Памятникъ является, повидимому, аллегоріей творчества поэта. Ничего болѣе достойнаго потомки не придумали. Поэзію Бодлера они свели къ карикатурѣ, еще разъ подтвердивъ старую истину: не бойся враговъ, бойся друзей. Надгробный памятникъ этотъ есть одинъ изъ рѣдкихъ образцовъ подлиннаго кощунства.

⁂

Поэзію Бодлера можно воспринять съ двухъ сторонъ, ощутить ее въ двухъ различныхъ плоскостяхъ. Но въ обѣихъ она остается вѣщей и значительной, и по существу ничего общаго не имѣетъ съ декоративными пошлостями, вродѣ кривляющихся каменныхъ дьяволовъ.

Первый, наружный обликъ Бодлера — обликъ разрушителя, поэта, ненавидящаго все устоявшееся и застоявшееся, поэ-

та, чье творчество опредѣляется словомъ « subversif ». Недаромъ, еще много лѣтъ тому назадъ Бодлеръ плѣнилъ у насъ революціонера П. Я. Недаромъ наша «гражданская» критика неизмѣнно выдѣляла его изъ числа остальныхъ декадентовъ. Говорить по этому поводу объ ошибкѣ или слѣпотѣ — какъ говорили символисты, перетягивавшіе Бодлера въ свой лагерь — опрометчиво. Элементъ «протеста» у Бодлера очень силенъ. Онъ союзникъ всякой революціи, поскольку революція еще не занялась «строительствомъ», — мастеръ «революціоннаго дѣла», учитель недовольства и отрицанія*).

*) Гете, — котораго такъ трудно понять въ самой «сущности его существа» и который всегда въ этой «сущности» преодолѣвалъ всяческую душевную богему и личный анархизмъ, молчаливо и упорно противостоитъ Христу, — Гете говорилъ когда - то канцлеру Мюллеру: — «Все, что мы въ себѣ питаемъ — процвѣтаетъ; это вѣчный законъ природы. У человѣка есть органъ недовольства, органъ оппозиціи и сомнѣнія. Чѣмъ больше мы даемъ ему пищи, тѣмъ онъ становится сильнѣе, — пока наконецъ не превратится въ патологическую язву, все пожирающую и все уничтожающую вокругъ себя»... «Незабываемыя слова», отмѣчаетъ умный Мюллеръ. Дѣйствительно: незабываемыя. Въ нихъ, кажется, самый вѣрный ключъ къ «тайному совѣтнику» въ Гете, ключъ безъ котораго отъ веймарскаго надменно - угодливаго спокойствія все таки иногда мутитъ. Надо прочесть и дальнѣйшія разсужденія: для чего и зачѣмъ морить голодомъ «органъ недовольства». Но какъ трудно этому научиться, если только этому надо учиться!

Но нѣтъ сомнѣній: «протестомъ» Бодлеръ не исчерпывается, и тотъ, кто въ немъ только этотъ элементъ чувствуетъ, поэта искажаетъ или умаляетъ. Не обязательно самому быть идеалистомъ или спиритуалистомъ, надо только умѣть читать и умѣть понимать, чтобы съ достовѣрностью ощутить за бодлеровскимъ гнѣвомъ и презрѣніемъ — иное. Его поэзія со всѣми ея демонизмами и соблазнами, есть рѣдчайшій въ новой Европѣ примѣръ поэзіи дѣйствительно - христіанской, — по страстному ея вкусу къ страданію, по неисцѣлимой ея зараженности этимъ чувствомъ.

Я имѣю въ виду не столько слова и непосредственный смыслъ бодлеровскихъ стиховъ (хотя показательны и они) сколько тонъ ихъ и звукъ. «Le ton fait la musique». Адъ и рай неизмѣнно присутствуютъ въ стихахъ Бодлера: страданіе и блаженство. Едва произнесены эти слова — вспоминается Данте. Еще въ годъ выхода «Цвѣтовъ зла» Барбэ д-Орвильи писалъ что Данте — Magnus Parens новаго поэта. «Есть Данте въ немъ, но это Данте явившійся послѣ Вольтера». Формула слишкомъ упрощенная, какъ всякая формула впрочемъ, — но вѣрная. Есть въ опаляющей страстности, въ блескѣ и жарѣ бодлеровскихъ огненныхъ стиховъ что - то сквозь вѣка идущее отъ Данте. Но за эти вѣка ослабѣла воля, убылъ восторгъ. Какъ будто Лукавый — le Malin — обточилъ новое оружіе: иронію, — и не нашлось у людей силъ этому оружію сопротивляться. Бодлеръ почти всегда ирониченъ. Поэтому въ замѣчаніи «послѣ Вольтера» есть на мой взглядъ правда*).

*) У насъ ему родственень и близокъ Некрасовъ. «Металлъ» въ ихъ голосахъ тотъ же, и у Некрасова голосъ пожалуй даже шире, свободнѣе. Но сознаніе, его

Закроемъ «Fleurs du Mal», забудемъ отдѣльныя впечатлѣнія отъ отдѣльныхъ стихотвореній, подумаемъ о цѣломъ. Чѣмъ жива эта книга?

Не кажется ли вамъ, что это одна изъ варіацій на тему о блудномъ сынѣ? Есть у Бога вѣрные сыновья, послушные, малотребовательные. И есть другіе, которыхъ смущиютъ дурныя желанія — и тогда они оставляютъ «отчій домъ». Бодлеровская поэзія послѣдовательно и отчетливо отражаетъ моментъ ослушанія, затѣмъ буйное наслажденіе волей и быстро тающимъ богатствомъ. Она достигаетъ вершины своей съ первыми приступами отчаянія, передаетъ всю гамму его и на этомъ обрывается... Но уже видна тропа, ведущая обратно въ «отчій домъ» и уже тамъ, за горами и долами, отецъ вышелъ на порогъ и вглядывается въ пустую даль.

Или скажемъ иначе, не прибѣгая къ образамъ и сравненіямъ. Бодлеръ пошелъ къ «идеалу» путемъ наиболѣе длиннымъ и труднымъ, какъ будто назначено ему было «потерять душу» и показать всѣмъ теряющимъ ее, что полной безнадежности на землѣ не существуетъ. Конечно, такое толкованіе расплывчато. Но вѣдь сущность поэзіи всегда неуловима и отчетливо разложить ее нельзя. Роль и величіе Бодлера въ томъ, что онъ принялъ на себя бремя цѣлой, медленно слагавшейся эпохи и впервые позналъ нѣкій разрушительный внутренній опытъ, который намъ теперь достался отъ него въ готовомъ — хотѣлось бы сказать: обезвреженномъ — видѣ. Въ качествѣ историко - литературнаго поясненія добавлю: ко времени Бодлера лирическая поэзія если и не измельчала, то потеряла подъ собой почву. Слишкомъ многое въ дробящейся, усложняющейся жизни стало казаться поэзіи недостойнымъ ея чудотворнаго прикосновенія. Поэзія постепенно и вѣрно превращалась въ мечтательство, еще немного и она стала бы царевной - недотрогой, брезгливой старой дѣвой. Бодлеръ въ сущности лишь возстановилъ естественное равновѣсіе между искусствомъ и жизнью, но устремивъ свою поэзію въ направленіи уродства и «зла» — какъ бы уронивъ ее, — онъ коснулся самаго дна бытія, предѣла человѣческаго паденія. Сказать, что со всей зачерпнутой имъ тяжестью онъ взлетѣлъ легко и свободно, было бы ложно, преувеличеніемъ. Но все таки онъ эту тяжесть поднялъ, — онъ первый и единственный. Полетъ мучительный, но полетъ съ максимальнымъ грузомъ, надъ самымъ дномъ. Если зерно духа, «не оживетъ аще не умретъ», то, конечно, чѣмъ глубже было умираніе, тѣмъ вѣрнѣе будетъ воскресеніе.

Индивидуальной чертой Бодлера, осложнившей и драматизировавшей его творческое дѣло, было врожденное чувство грѣха, роднящее его — кромѣ Данте — съ Достоевскимъ. Je sais que la douleur est la noblesse unique...

Здѣсь одинъ только шагъ до христіанства, одно только слово. Бодлеръ его не выговорилъ — вся его поэтика запрещала ему это, вѣкъ и духъ вѣка этому противился. Признаемъ, что такъ и лучше. Осталась только «проекція», остался свѣтъ, еще ничего не освѣтившій, невыразимый «идеалъ», горечь, молчаніе. Договоренное слово предало бы то, что можно назвать безсознательнымъ

по сравненію съ бодлеровскимъ трудно и опредѣлить: дѣтское невѣдѣніе... Бодлеру на русскомъ языкѣ могъ бы соотвѣтствовать Некрасовъ, отравленный, осложненный и охлажденный Иннокентіемъ Анненскимъ.

замысломъ поэта. Молчаніе же — уже наполненное содержаніемъ — не можетъ обмануть «имѣющихъ уши, чтобы слышать».

Теофиль Готье съ досадой признавался, что размышленія о Бодлерѣ уводятъ его въ область теологіи. Онъ предпочиталъ замкнуться въ области литературной критики. Едва ли Готье правъ, такъ рѣзко отдѣляя одно отъ другого.

Но примемъ ненадолго этотъ взглядъ, помня условность его, — и попробуемъ оцѣнить сейчасъ, черезъ три четверти вѣка, бодлеровское «мастерство». Устарѣло ли оно? Вопросъ не такой праздный, какъ можетъ показаться — ибо относится онъ къ поэту — Колумбу. Устарѣлъ ли Бодлеръ? Да, пожалуй. Въ оболочкѣ, въ самомъ ходѣ и оборотахъ его чуть - чуть декламаціонныхъ стиховъ, въ нѣсколько театральной образности,въ скрипѣ и перебояхъ этой геніальной и несовершенной машины. Многія нововведенія и упрощенія были найдены съ тѣхъ поръ, да и въ далекомъ прошломъ не мало образцовъ искусства, хотя и менѣе сложныхъ, зато болѣе стройныхъ и устойчивыхъ.. При всемъ томъ « Fleurs du mal », — книга единственная, несравненная, книга для которой нѣтъ эпитетовъ, достойныхъ ея. О совершенствѣ не можетъ быть и рѣчи. Но самые срывы Бодлера живѣе, величественнѣе и въ концѣ концовъ прекраснѣе, чѣмъ «достиженія» другихъ поэтовъ. За каждымъ словомъ у него чувствуется не механическая выучка, не ловкость рукъ, а творческій опытъ — и классическая, суховатая точность его, впервые обращенная на романтическій хаосъ, иногда ослѣпительна. Матерьялъ романтизма, который до Бодлера былъ только слышнымъ, — впервые становится видимымъ. Музыка впервые у него — подчиняется зрѣнію, — и новый міръ, въ первоначальныхъ черновыхъ своихъ чертахъ, построенъ... Кажется, во всемъ новомъ искусствѣ нѣтъ ничего болѣе выразительнаго, чѣмъ нѣкоторыя вещи Бодлера.

Напомню: « Le crépuscule du matin » дымно - туманный, леденящій разсвѣтъ надъ Парижемъ — небольшое, описательное стихотвореніе, полное трагизма, столь напряженнаго и столь дѣйствительно - новаго, что его хватило бы десятку поэтовъ на множество томовъ «собраній сочиненій»*). Или Le « Balcon »

*) Есть русскій переводъ Зенкевича — очень неплохой, много лучше всѣхъ другихъ, но все же какой - то плотски-грубый, подчеркнуто - тяжкій по сравненію съ взвивающимися къ небу, «серафическими» скрипками Бодлера. Особенно къ концу:

L'aurore grelotante en robe rose et verte
S'avançait lentement sur la Seine déserte

Долго бились, — и послѣ Зенкевича, — нѣкоторые русскіе поэты надъ этими строками.

Заря продрогшая, какъ змѣй зеленодынный
Летѣла медленно надъ Сеною пустынной...

Свистъ трехъ «з» отдаленно соотвѣтствуетъ рокоту французскихъ «р». Но откуда — змѣй? и дальше «дынный» (любимый эпитетъ Гумилева) — развѣ это ядовито - розовый оттѣнокъ той, летящей изъ - за Нотръ - Дамъ зари? Ничего нельзя сдѣлать. Я знаю, «со стороны» скажутъ: «и не надо дѣлать». Не надо переводить: «безцѣльное, глупое занятіе». Отчасти вѣрно. Но вопреки теоретической очевидности, вопреки дово-

съ его глубочайшей «сладостью». Или « Brûmes et pluies ».

Или третій « Spleen ».

Или « Parfum exotique ».

Всего не назовешь.

Повторяю: единственная и несравненная книга. Но здѣсь надо оговориться. Она мнѣ сейчасъ кажется такой, потому что лежитъ предо мной и я только что ее перечитывалъ. Разсудокъ однако знаетъ, что если за Бодлеромъ и остается мѣсто «основоположника» современнаго искусства, если значеніе его въ этомъ смыслѣ внѣ споровъ, то все же есть и у насъ одинъ или два поэта, которые «предъ лицомъ вѣчности», не слабѣе и не бѣднѣе его. Но надо ли объяснять, что великій художникъ въ моментъ воздѣйствія всегда «исключителенъ»? Какъ бы вступая въ отдѣльное, особое царство, мы становимся его подданными, едва только беремъ въ руки книгу его. Ничьей больше власти надъ нами уже нѣтъ.

Читая Пушкина, я неизмѣнно думаю: «это лучше всего». То же и при чтеніи Бодлера. И даже можетъ быть еще сильнѣе: потому, что живой человѣкъ нашей эпохи, не страусъ, не впавшій въ дѣтство, не отрекающійся отъ своего времени и еще не молодящійся, малодушно и тщетно, — такой человѣкъ не только «упивается гармоніей» читая « Fleurs du mal », но будто самъ съ собой бесѣдуетъ и съ неумолимой зоркостью себя судитъ.

Георгій Адамовичъ.

дамъ, казалось бы неотразимымъ, существуютъ стихотворные переводы волшебно - правдивые. Кое - что остается даже и въ тѣхъ, которые не совсѣмъ удачны. Соблазнъ сказать то же самое на своемъ языкѣ будетъ живъ всегда.

О поэзіи и поэтахъ въ СССР

Полезно хотя бы разъ встрѣтить поэта, стихи котораго васъ заинтересовали; критику — въ особенности; одно, хотя бы и бѣглое, впечатлѣніе, можетъ ему что - то очень важное подсказать, чѣмъ-то необходимымъ дополнить черты чужой поэзіи. Несмотря на всѣ недостатки и — часто — уродства литературной среды, ея полезная роль и заключается въ этомъ пополненіи впечатлѣній литературныхъ — чертами жизненными, и за эту особую атмосферу можно ей простить всѣ сплетни, интриги и раздоры, которыми упиваются литературные низы. Какъ бы въ костюмѣ водолаза, хорошо защитившись отъ всего, что неизбѣжно въ тѣсномъ сборищѣ людей одной профессіи, литератору, и особенно критику, необходимо спускаться иногда на это дно; рѣдко такая экскурсія остается безплодной.

Критику — эмигранту, разумѣется, нѣтъ никакой возможности побывать въ новой, какъ и всюду непрерывно мѣняющейся, средѣ поэтовъ и стихотворцевъ СССР. О многихъ изъ нихъ онъ слышитъ поневолѣ впервые.

Нѣкоторые изъ насъ знали прекрасно или только болѣе или менѣе близко — Ахматову, Мандельштама, Пяста, Маяковскаго, Есенина, Пастернака, Зенкевича, Асѣева, если не дополнять этого списка именами поэтовъ до - Гумилевскаго и до - футуристическаго періода.

Изъ поэтовъ «вскормленныхъ революціей», мы знали Тихонова. Знали Нельдихена (куда исчезъ этотъ интереснѣйшій Уотъ Уитменъ въ россійскомъ изданіи, авторъ «Моей біографіи», котораго Пястъ считалъ геніальнымъ, а Гумилевъ, любя, называлъ апостоломъ глупости). Знали Вагинова, тогда еще мальчика - декадента съ остро-

той и своеобразіемъ, если и не развившимися съ тѣхъ поръ, то все же, судя по нѣсколькимъ недавнимъ стихотвореніямъ, и не утраченными. Знали Липавскаго, одну изъ «надеждъ», безслѣдно пропавшихъ.

Знали, наконецъ, кое - кого изъ пролеткультовцевъ то самоувѣренныхъ и грубыхъ въ своемъ невѣжествѣ, то скромныхъ и трогательныхъ въ желаніи все на свѣтѣ постичь и какъ можно скорѣе — «хорошо бы въ два - три мѣсяца».

Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось. Поэты, уѣхавшіе оттуда одними изъ послѣднихъ, могутъ въ этомъ или въ будущемъ году справлять десятилѣтіе своего отъѣзда.

Сельвинскаго, Уткина и многихъ другихъ мы не знаемъ въ лицо. О доброй половинѣ новыхъ стихотворцевъ СССР довольно точную справку даетъ комсомолецъ Жаровъ:

«Я, друзья мои, изъ той породы,
У которой въ грозные часы,
Въ октябрѣ семнадцатаго года
Не было намека на усы».

Но и оторваннымъ отъ той жизни, разумѣется, намъ все же неизмѣримо легче судить о ихъ литературѣ, нежели имъ — о нашей.

Любопытно по совѣтскимъ изданіямъ наблюдать за новыми для насъ чертами литературнаго быта. Не умилительно ли напримѣръ такое обращеніе, напечатанное на видномъ мѣстѣ въ альманахѣ «Ударъ» 1927 года:

«Стихотвореніе А. Жарова - Перелетъ — просимъ считать не напечатаннымъ. Редакція».

Каковы основанія этого прелестнаго рескрипта? Ревность редактора Безыменскаго къ сотруднику Жарову, одинъ изъ эпизодовъ ихъ борьбы за первое мѣсто въ комсомольскомъ и партійномъ стихотворчествѣ? Отсюда всего не узнаешь. Къ счастью, не это главное въ поэзіи СССР.

Внимательно перелиставъ книжки совѣтскихъ журналовъ, перейдя затѣмъ къ сборникамъ отдѣльныхъ поэтовъ и безконечно уставая отъ всего лишняго, что неизбѣжно нагромождается вокругъ немногихъ крупицъ истинной поэзіи, все же какими то новыми знаніями и даже радостями любитель стиховъ обогащается.

И невольно дѣлаешь попытку опредѣлить, лишь очень приблизительно конечно, кое-какія общія явленія новой русской поэзіи по совѣтскимъ ея образцамъ.

Смѣшно было-бы слѣдовать кое-какимъ совѣтскимъ попыткамъ упростить вопросы поэзіи и судить ее по формулѣ — «бытіе опредѣляетъ сознаніе», формулѣ, кстати сказать, очень удобной, чтобы наши гроба объяснить настроеніями изгнанниковъ и упадочниковъ, а ихъ барабаны — успѣхами пятилѣтки.

Говорить о современной русской поэзіи вообще то нельзя, не подразумѣвая подъ ней нѣчто единое и непрерывное и независящее въ самомъ существенномъ и главномъ отъ совѣтскаго подданства поэтовъ или отъ ихъ нансеновскаго паспорта.

Характерной чертой въ стилѣ новыхъ русскихъ стиховъ, особенно въ СССР, мнѣ кажется процессъ, похожій на диффузію жидкостей, процессъ смѣшенія «правыхъ» и «лѣвыхъ» вліяній. На крайне правомъ флангѣ люди, вовсе лишенные слуха и чутья ко времени. На крайне - лѣвомъ — люди, лѣтъ пятнадцать назадъ имѣвшіе возможность, даже

при полномъ творческомъ безсиліи, сойти за новаторовъ.

Съ тѣхъ поръ, выражаясь не очень высокимъ стилемъ, дѣло пошло на чистоту. Сейчасъ на крайнихъ флангахъ — лишь небольшая горсть упрямцевъ.

Влеченіе отъ «лѣвизны» къ упрощенію отчетливо выразилъ Пастернакъ:

Есть въ опытѣ большихъ поэтовъ
Черты естественности той,
Что невозможно, ихъ извѣдавъ,
Не кончить полной нѣмотой.

Въ родствѣ со всѣмъ что есть увѣрясь
И знаясь съ будущимъ въ быту,
Нельзя не впасть къ концу какъ въ ересь
Въ неслыханную простоту.

Обратное тяготѣніе — отъ простоты къ ухищреніямъ «лѣвизны» привело нѣкоторыхъ поэтовъ къ неудачамъ.

Большинство послѣреволюціонныхъ стиховъ Кузмина — наиболѣе яркій этому примѣръ.

Его прелестная, легкая и въ сущности очень простая по выраженію прежняя поэзія, съ ея танцующей легковѣсностью и легкомысліемъ, какъ молодость отъ дряхлости, отличается отъ болѣе позднихъ его стиховъ, какъ бы разложившихся послѣ прикосновенія къ враждебной стихіи «лѣвизны».

Почтительно — ученическое заигрываніе съ нею было вѣроятно противно природѣ Кузмина, недавняго идеолога «прекрасной ясности». Печальные результаты этого не могли не сказаться.

Скромнѣе по размѣрамъ неудача Зенкевича, но лишь потому, что самъ онъ, какъ поэтъ, меньше Кузмина. Его все же примѣчательнѣйшая «Дикая порфира», изданная до революціи, заставляетъ серьезно пожалѣть о теперешнихъ стихахъ поэта, въ свое время привлекавшаго къ себѣ суровой и жесткой простотой, а теперь причудливо и вяло подпѣвающаго имажинистамъ. И сейчасъ иногда попадаются у Зенкевича строчки очень сильныя и, какъ прежде, жестокія и яркія, но это пропадаетъ среди безстильныхъ и гораздо большихъ по числу другихъ его строкъ.

Нѣкоторую тревогу вызываютъ послѣдніе стихи Мандельштама.

Почитатель его прекрасной поэзіи врядъ - ли обрадуется стихамъ въ четвертой книжкѣ «Новаго Міра».

Вызывающе игривый, совсѣмъ какъ у Шершеневича, стиль этихъ куплетовъ, заставляетъ особенно насторожиться потому, что имени Мандельштама въ совѣтскихъ журналахъ часто не встрѣтишь, и стихи изъ «Новаго Міра» могли бы сойти за единственный образецъ теперешней его поэзіи.

Утѣшительнѣйшая въ этомъ смыслѣ новая книжка «Новаго Міра» принесла намъ только что четыре новыхъ стихотворенія Мандельштама, изъ которыхъ самое очаровательное — О Батюшковѣ, самое характерное — О Ламаркѣ.

И эти стихи, кажется мнѣ, не достигаютъ уровня лучшей поэзіи Мандельштама и въ нихъ отдѣльныя мѣста неожиданны у такого взыскательнаго поэта, но все же здѣсь есть и почти вся прелесть мандельштамовскаго голоса.

Этотъ голосъ и Пастернаковскій — едва ли не единственные въ СССР голоса неподдѣльной лирики; нельзя, къ сожалѣнію, къ этимъ именамъ прибавить имя Ахматовой, которая новыхъ стиховъ не печатаетъ или не пишетъ.

Если позволительно такія разнородныя явленія сопоставлять, думается, полезно отмѣтить мимоходомъ коренное различіе между Мандельштамомъ и Пастернакомъ.

Въ первомъ собраны лучи культуры латинской, во второмъ германской, у перваго сквозь кристальную ясность, для него обычную, — виденъ плѣненный хаосъ (въ этомъ у Мандельштама тѣнь какого - то родства съ Тютчевымъ), у второго сквозь хаосъ, наружный, кстати все явственнѣе подчиняемый законамъ простоты, видна цѣльность и цѣломудренность «душевнаго здоровья».

Глубочайшая тема Мандельштамовской лирики слышится мнѣ въ одномъ изъ послѣднихъ его стихотвореній «Ламаркъ», изъ котораго мнѣ хочется выписать четыре строфы:

Къ кольчецамъ спущусь и къ усоногимъ,
Прошуршавъ средь ящерицъ и змѣй,
По упругимъ сходнямъ, по излогамъ
Сокращусь, исчезну, какъ Протей.

Роговую мантію надѣну,
Отъ горячей крови откажусь,
Обрасту присосками и въ пѣну
Океана завиткомъ вопьюсь.

Мы прошли разряды насѣкомыхъ
Съ наливными рюмочками глазъ.
Онъ сказалъ: природа вся въ разломахъ,
Зрѣнья нѣтъ — ты зришь въ послѣдній разъ.

Онъ сказалъ: довольно полнозвучья,
Ты напрасно Моцарта любилъ,
Наступаетъ глухота паучья,
Здѣсь провалъ сильнѣе нашихъ силъ.

Строчки эти не лучшія изъ Мандельштамовскихъ — на ту же тему. Это стихи почти разсудочные и программные рядомъ съ блестящими строчками Мандельштамовскаго расцвѣта:

Останься пѣной, Афродита,
И слово въ музыку вернись!

Или:

Ничему не слѣдуетъ учить,
Ничего не надо говорить
И печальна такъ и хороша
Темная звѣриная душа...

Но въ «Ламаркѣ» интересно новое подтвержденіе этой завороженности Мандельштама «первоначальнымъ хаосомъ», этой тяги назадъ отъ культуры въ праисторію.

Oh, ne jamais sortir des nombres et des êtres!

Мнѣ кажется особенно драгоцѣнной эта щель, позволяющая разглядѣть душу поэта, потому что Мандельштамъ не любитъ «выдавать себя» и сквозь торжественную и безстрастную прелесть его стиховъ не очень легко добраться до его человѣческой — смертной и уязвимой — сущности.

Поэзія Пастернака по моему и въ самыхъ замѣчательныхъ мѣстахъ никогда не достигала Мандельштамовскаго блеска, но зато она почти всегда являлась живымъ отраженіемъ этого поэта во всѣхъ стадіяхъ его роста. «Лѣвизна» Пастернака—явленіе органическое. Переболѣть ею, по моему, и вообще - то полезно было въ эпоху всемірнаго футуризма. Позднія заболѣванія «лѣвизной» и къ тому же у поэтовъ, уже сложившихся въ другой атмосферѣ, — дѣло, конечно, другое. Но объ этомъ мнѣ уже пришлось сказать нѣсколько словъ выше.

Въ послѣднихъ вещахъ Пастернака все явственнѣе человѣкъ, живой, отзывчивый и, мнѣ пріятно настаивать на этомъ, — глубоко цѣломудренный. Качество, которое умѣлъ какъ никто цѣнить Розановъ и которое не можетъ не

напомнить каждому «первоначальныхъ чистыхъ дней». У Пастернака цѣломудренность, къ тому же, не сентиментальная, а — волевая, мужественная.

Такъ какъ его проза нерѣдко служитъ какъ бы комментаріями къ стихамъ, позволяю себѣ выписать нѣсколько примѣчательнѣйшихъ строчекъ изъ «Охранной Грамоты»:

«Всякая литература о полѣ, какъ и самое слово «полъ» отдаютъ несносной пошлостью и въ этомъ ихъ назначеніе Именно только въ этой омерзительности пригодны они природѣ, потому что какъ разъ на страхѣ пошлости построенъ ея контактъ съ нами...

Нравственности учитъ вкусъ, вкусу же учитъ сила!»

Изъ этого чувства у Пастернака въ стихахъ — прелесть нѣжности, когда онъ говоритъ о женщинѣ:

«Ты появишься у двери
Въ чемъ то бѣломъ безъ причудъ,
Въ чемъ то легче тѣхъ матерій,
Изъ которыхъ зимы шьютъ».

Для остальныхъ поэтовъ СССР девизомъ могло бы послужить бодрое четверостишіе Маяковскаго:

Дѣло земли — вертѣться,
Литься — дѣло водъ,
Дѣло молодыхъ гвардейцевъ —
Бѣгъ, галопъ впередъ.

Эта комсомольская бодрость получила голосъ не только у многочисленныхъ пролеткультовцевъ, но и у стихотворца крѣпкой, еще дореволюціонной выдѣлки — Асѣева, того, о которомъ «самъ» Маяковскій поощрительно замѣтилъ:

«Есть еще у насъ Асѣевъ Колька.
Этотъ можетъ, хватка у него моя».

Асѣевъ въ высшей степени показательное явленіе. Вотъ ужъ воистину труженикъ поэзіи! Съ героическимъ упорствомъ стоитъ онъ «на посту», отстаивая давно уже и Пастернакомъ и другими оставленный второй этапъ русскаго футуризма. Но корона Маяковскаго для Асѣева черезчуръ тяжела.

Какъ ни относиться къ автору «Флейты - позвоночникъ», нельзя не признать, что онъ былъ въ современной литературѣ фигурой исключительной. Въ русской поэзіи Маяковскій — отецъ и, вѣроятно, вершина того, что Муратовъ, говоря о новой архитектурѣ, прекрасно назвалъ постъ - искусствомъ. Какъ продолженіе Пикассо упирается въ прикладное искусство и переходитъ въ узоры для ковровъ и купальныхъ костюмовъ, такъ Маяковскій, кстати по моему, если ужъ ихъ сравнивать, уступающій Пикассо въ геніальности, самъ себя продолжилъ до прикладной поэзіи и въ рекламахъ всяческихъ моссельпромовъ и въ казенныхъ поэмахъ, вродѣ «150 милліоновъ», хотя и съ обычнымъ блескомъ, но не на пользу себѣ, далъ образцы постъ - искусства. Асѣевъ какъ - будто это почувствовалъ и вдохновлялся болѣе всего Маяковскимъ романтическаго періода.

Одно время въ центрифугѣ вмѣстѣ съ Пастернакомъ Асѣевъ былъ даже въ почтительной оппозиціи Маяковскому. Строго говоря въ этой позѣ Асѣевъ и замеръ, какъ замираетъ актеръ въ живой картинѣ. Онъ весь Маяковскимъ опредѣляется, онъ хотѣлъ бы стать лирической поправкой къ поэзіи своего мэтра. Но Маяковскій ошибся — «хватка» у Асѣева не та.

И все таки иногда дивишься энергіи его строчекъ, находчивости этого автора:

Стоящіе возлѣ, идущіе рядомъ
Плечомъ къ моему плечу,
Сносимые этимъ огромнымъ снарядомъ,
Съ которымъ и я лечу...

Сельвинскій, пожалуй, самый интересный изъ послѣреволюціонныхъ авторовъ, имѣющихъ отношеніе къ поэзіи. Поэтомъ его трудно назвать, хотя въ предисловіи къ «Пушторгу» и «Улялаевщинѣ» есть строчки замѣчательной поэзіи. Но обычно у Сельвинскаго въ стихахъ такая примѣсь прозы, что справедливѣе считать его не стихотворцемъ, а творцомъ особаго смѣшаннаго жанра. Въ послѣдней вещи Сельвинскаго «Пао - пао» — языкъ раешника. Эта драма въ стихахъ, кстати, самое неудачное изъ всего, сдѣланнаго Сельвинскимъ.

Замѣчательна у этого автора способность писать большія вещи вродѣ драматической поэмы «Пушторгъ». Въ этой вещи правда нѣтъ подъема настоящихъ поэмъ; въ ней отчетливѣе всего родство Сельвинскаго съ Маяковскимъ и даже, какъ это въ критикѣ уже справедливо указывалось, съ Грибоѣдовымъ, причемъ стихи у Сельвинскаго еще ближе къ прозѣ, чѣмъ въ «Горѣ отъ ума».

Съ поэмами вообще въ современной русской поэзіи не очень благополучно. Вершина ихъ, конечно, «Двѣнадцать». «Возмездіе» и по сравненію съ «Двѣнадцатью» и даже само по себѣ — неудача.

Въ «Первомъ Свиданіи» много прелести, но ослабляетъ поэму Бѣлаго какая-то недодѣланность, недоговоренность.

«1905 годъ» и въ особенности «Спекторскій» Пастернака далеко не на уровнѣ его лирики.

То же можно сказать о «Пугачевѣ» Есенина. У Клюева, о которомъ къ сожалѣнію давно уже ничего не слышно, есть прелестныя строчки въ стихахъ «Мать Суббота». Но ихъ лишь съ натяжкой можно назвать поэмой и надо сознаться, что на протяженіи стольких строчекъ Клюевскіе печки, ковриги и печные горшки очень утомительны.

Послѣдняя новинка въ области поэмъ — не то поэма, не то драма въ стихахъ — «Емельянъ Пугачевъ» Василія Каменскаго. Но до чего это длинно, вяло и скучно!

«Тащщи карневишшши, тащщи» —

Это языковой «couleur locale» «Пугачева».

Героиня поэмы Устинья говоритъ:

«Мнѣ ли, мнѣ ли, мнѣченьки
Говорить вамъ рѣченьки».

Самъ Пугачевъ отпускаетъ остроты:

«Хлопуша сумѣетъ избавить
Помѣщика отъ головы
Ежели лишняя, вродѣ грыжи»...

Среди барабанщиковъ политбюро и нестерпимо казенныхъ «оптимистовъ» Октября наиболѣе ловкіе — Жаровъ и Безыменскій.

Въ сущности для «жизненнаго строительства» бодрость и энергія качества прекрасныя. Если бы «гроба» у эмигрантскихъ поэтовъ не были темой ихъ свободнаго и никакими политбюро не стѣсненнаго раздумія, если-бы это было программой ихъ личной жизни, ихъ навѣрно свезли бы всѣхъ на кладбище и каждый про себя подумалъ бы — туда имъ и дорога. Но свобода въ поэзіи такъ живительна, что по своей волѣ и отъ души произнесенные стихи о смерти не отличаются по природѣ ничѣмъ отъ хорошихъ стиховъ о любви, о розѣ, о человѣческомъ счастьѣ.

Невыносимо для поэта только принужденіе.

Это какъ будто способенъ понять Жаровъ, но...

«есть одна заминка тутъ —
Грозя помѣткой въ партбилетѣ
Пѣть грустныхъ пѣсенъ не даютъ».

Безыменскій навѣрно и наединѣ съ собой не допустилъ бы такого еретическаго признанія. Ему все бы «летѣть», шумѣть, покрикивать:

«Что комсомольцу шпоры,
Мчится безъ нихъ онъ въ опоръ!»

Не мало въ СССР стихотворцевъ, для которыхъ мэтры—акмеисты. Одного изъ такихъ поэтовъ, не безталаннаго Тарновскаго, критикъ Раскольниковъ уличаетъ довольно убѣдительными цитатами въ заимствованіяхъ у Гумилева.

Есть интересныя строчки у І. Уткина, у Багрицкаго (хотя послѣдній изъ силъ выбивается, чтобы не отстать отъ комсомольцевъ).

Останавливаетъ вниманіе одно стихотвореніе П. Орѣшина съ двустишіемъ:

Два лебедя, какъ два очарованья,
Плывутъ въ бассейнѣ моего сознанья.

Затѣмъ уже начинается рядъ именъ, изъ которыхъ почти всѣ не грѣхъ вовсе не упоминать, пока ими не будутъ подписаны другія, болѣе самостоятельныя вещи. Впрочемъ этотъ обзоръ и не претендуетъ на исчерпывающую полноту.

Николай Оцупъ.

Двѣ могилы.

Изъ впечатлѣній поѣздки въ СССР.

Съ паспортомъ гражданина одного изъ новыхъ государствъ, посѣтилъ я нѣсколько лѣтъ тому назадъ русскимъ иностранцемъ свою былую родину. Доѣхалъ до Ленинграда, въ которомъ нашелъ больше петербургскаго, чѣмъ ленинскаго, спустился на югъ, къ Москвѣ, и, побывъ тамъ съ недѣлю возвратился во - свояси.

Все время страдалъ, чувствуя былую родину и въ ея новомъ аспектѣ — родной и близкой.

Вспоминаю два визита на кладбища, въ гости къ Блоку и Есенину.

Кончающій лѣто августъ, кажется, навсегда останется въ памяти мѣсяцемъ двухъ трагическихъ смертей: Александра Блока и Н. С. Гумилева.

Закрою глаза — и ясно возникаетъ въ подсознательномъ зрѣніи небольшая, закрашенная бѣлымъ жестянка съ маслянисто - черными буквами старательнаго маляра, что прибита къ бѣдному деревянному кресту на Смоленскомъ, и на ней только:

Александръ Александровичъ
Блокъ,
скончался 7 августа 1921 г.

Кресту - то теперь, значитъ, больше десяти лѣтъ. Промелькнуло въ газетахъ недавно: все такой же.

Въ іюлѣ 192.. года былъ я на Смоленскомъ у Блока въ гостяхъ.

Непрерывно звенящіе трамваи, съ неисчислимымъ количествомъ уѣзжающихъ по случаю праздника «въ зелень» ленинградцевъ, останавливались на мгновеніе у перекрестка, гдѣ ларьки съ огурцами, абрикосами и квасомъ мирно сосѣдствовали съ крохотными садочками, изъ которыхъ разбитныя дѣвицы бойко торговали неприхотливыми цвѣтами сѣверныхъ клумбъ.

По тротуару, къ раскрытымъ воротамъ тѣнистаго кладбища и отъ него, текла густая, потная толпа съ корзинками и свертками въ рукахъ. Было имъ Смоленское — мѣстомъ маевки. Возвра-

щались одни, смѣнялись другими. Въ пивной на углу было не протолкаться.

Слѣва же и справа, чередуясь съ торговками, торговавшими съ земли простенькими изъ зелени вѣнками, двѣ шеренги нищихъ, калѣкъ, уродовъ, попрошаекъ, бѣдняковъ, инвалидовъ, женщинъ съ грудными младенцами.

Въ конторѣ хмурый сторожъ сразу сказалъ намъ, какъ найти могилу Блока — поэта.

— Первый поворотъ налѣво, а тамъ сами увидите.

И мы пошли по узкой дорожкѣ, испещренной солнечными зайчиками и фіолетовыми тѣнями сочной, на могилкахъ, листвы. Внимательно читали надписи, но мимо могилы Блока едва не прошли. Остановились случайно.

У самой дорожки, такъ что локтемъ задѣть можно проходя, безо всякой ограды, деревянный, когда - то побѣленый крестъ, потрескавшійся, облупившійся, съ мраморными ниточками синьки въ чешуйкахъ мѣла. На крестѣ — небольшой кусокъ жести съ надписью, а надъ ней — малюхотная, вся замазанная побѣлкой, квадратная иконка съ пробивающейся кое - гдѣ синей эмалью:

Спаситель, выводящій души изъ ада.

Голый могильный холмикъ изъ сухой потрескавшейся глины скорбно прорѣзанъ какимъ - то дикимъ жестколистнымъ ползункомъ. Въ самыхъ ногахъ — старый высокій кленъ, единственное украшеніе.

Съ двухъ сторонъ — богатыя ограды могилъ: слѣва — тетки поэта Е. А. Красновой, справа — нѣкоего Чернышева. Чернышевская сѣтка, за отсутствіемъ ограды вкругъ могилы поэта, служитъ для блоковскихъ вѣнковъ. Ихъ — три. Металлическіе, побурѣвшіе. На лентѣ одного оставшіяся буквы говорятъ объ имени возложившаго: издательство «Алконостъ».

Насупротивъ, черезъ дорожку, такія же запущенныя и ничѣмъ необложенныя могилы бабушки поэта — Елизаветы Григорьевны († 1902) и матери — Александры Андреевны († 1923). Во второмъ отъ дорожки ряду, за матерью поэта — ея второй мужъ Ф. Ф. Кублицкій — Піоттухъ († 1920).

Мы сидимъ на деревянной скамеечкѣ подлѣ могилы Блока и молчимъ. Стараемся не смотрѣть въ уголъ, гдѣ у подножья клена бѣлая шелуха арбузныхъ сѣмячекъ. Разбиремся въ карандашныхъ надписяхъ на крестѣ. Поетъ соборный колоколъ кладбищенской церкви Воскресенія, въ которой отпѣвали поэта. Мечется въ воздухѣ воронье.

Читаемъ:

Надъ твоей земляной горою
Не пробьетъ мой послѣдній часъ.
Прихожу я къ тебѣ съ весною
Соловьиный записывать сказъ.

Другое:

Спи, поэтъ; колокола да вороны
На Смоленскомъ домъ твой сторожатъ,
Отъ тебя на всѣ четыре стороны...
(не кончено).

На обратной сторонѣ креста — четверостишье Есенина, въ трагической судьбѣ своей перекликнувшагося съ Блокомъ:

Всѣ мы, всѣ мы въ этомъ мірѣ тлѣнны.
Все пройдетъ, какъ съ листьевъ ржавыхъ мѣдь.
Будь же ты вовѣкъ благословенно,
Что дано процвѣсть и умереть.

Совсѣмъ внизу робкое, дѣвичье:

«Спи, поэтъ!»

И когда мы читаемъ эти и другія (ихъ много!) надписи, *тихій* человѣкъ съ изможденнымъ лицомъ Гаршина проходитъ по дорожкѣ мимо и, снявъ шапку, крестится.

Рѣзко врывается въ тишину звонкій вопросъ, заставляющій насъ встать:

— Товарищи! Гдѣ здѣсь могила Блока?

Головка клевера въ русыхъ волосахъ, сѣрые выпуклые глаза, нервное подергиваніе бровей у переносицы, парусиновое платье, стиранное - перестиранное, пыльныя босыя ноги.

— Въ прошлое воскресенье я была на Волковомъ. Тамъ нѣкоторыя могилы такъ заросли крапивой, что подойти страшно. Я выполола у Надсона и Гаршина, а сегодня пришла къ Блоку.

— Какъ видите, полоть нечего. Все засохло.

Знакомимся. Дѣвушка кончаетъ университетъ. У нея Блоковское имя — Фаина; она — комсомолка и кандидатъ въ партію. Цвѣты, принесенные нами на могилу, сразу располагаютъ ее въ нашу пользу. Откровенной бесѣдѣ способствуетъ радушіе моего спутника и сближающая папироса изъ одного портсигара.

Фаинѣ *хочется бесѣдовать*, она откровенно не хочетъ уходить, хотя подошедшая къ намъ тетя «дѣлаетъ страшные глаза» и шепчетъ ей:

— Неприлично такъ знакомиться.

— Какая тетя у васъ prude! И гдѣ - въ СССР!

— Да. А сама за стопроцентнымъ партійцемъ замужемъ. Ну, да онъ изъ стоеросовыхъ!

— Какъ васъ понять?

— Вожди на стѣнѣ, газеты — въ портфелѣ, жена — и все. Весь міръ въ этомъ.

Возвращались въ одномъ трамваѣ и говорили «по душамъ», какъ говорятъ иногда люди, впервые встрѣтившіеся и расходящіеся навсегда.

Сиротливое дѣтство, раннія драмы, работа въ с. - д. кружкѣ, потомъ комсомолъ, ВУЗ, и въ результатѣ — надрывъ. И дергающіяся брови, и надтреснутый голосъ, и печальные глаза и — наконецъ — фраза, когда мы проходили мимо нищихъ:

— Какъ ужасно, что они еще существуютъ, что государство не можетъ всѣхъ содержать!

Разсказываетъ о литкружкахъ, о Іеронимѣ Ясинскомъ, *о молодежи*, собирающейся вокругъ него, объ атмосферѣ святости и извращенности, окружающей Клюева, о борьбѣ какихъ - то группочекъ поэтовъ. Она написала разсказъ. Комсомольцы его раскритиковали. За индивидуализмъ, конечно. И зовутъ ее «пустоцвѣтомъ». Работала въ одномъ архивѣ — выгнали, чтобы дать мѣсто другому — по протекціи.

Говоримъ Фаинѣ о необходимости отдыха. На нее нельзя смотрѣть безъ чувства острой жалости.

— Я только что изъ санаторіи.

— Каковы же вы были до нея?

Скорбная улыбка — отвѣтъ.

— Да, во мнѣ какой - то надломъ. И товарищи это замѣчаютъ. Поэтому пріостановился и мой пріемъ въ партію. Да теперь меня въ нее ужъ и не такъ тянетъ, говоря по совѣсти.

Прощаясь мы сердечно желаемъ ей поправиться.

А Фаина... Фаина у Блока одинъ изъ ликовъ Россіи.

Это было ровно черезъ недѣлю: 17-го іюля гостилъ я у Блока на Смоленскомъ въ Петербургѣ; 24-го, живя въ Москвѣ, собрался къ Есенину на Ваганьковское.

Невыносимый зной томилъ весь день, почти не спадая къ вечеру. По пыльно-розовому небу текли взлетающіе съ Ходынки военные аэропланы. Отъ конечной остановки трамвая до кладбищенскихъ воротъ — широкій и пыльный проспектъ былъ полонъ гуляющими. Ближе къ воротамъ вдоль тротуара сидѣли продавцы траурныхъ вѣнковъ; преобладали никогда мною прежде невиданные хвойные обручи съ ярко - лиловыми или желтыми, какъ у Гамсуновскихъ героинь, лентами. На кладбищѣ было людно и прохладно.

Есенинъ уложенъ широко, барственно на разметанныхъ старыхъ могильникахъ. Большой четыреугольникъ роскошной чугунной ограды («работа мирнаго времени») на высокомъ цоколѣ окружаетъ мохнатый зеленый холмикъ. Моя спутница вкапываетъ принесенные блѣдно-розовые левкои. Земля усыпана желтымъ песочкомъ. Нѣтъ скамьи и нѣтъ креста.

Къ морщинистой корѣ стараго тополя — единственно - естественнаго въ этомъ прилизанномъ до неприличія мѣстечкѣ — прибита черная дощечка съ бѣлою надписью:

«Сергѣй Есенинъ».

Подлѣ тополя, внѣ ограды, на скамейкѣ — молодой военный съ двумя дѣвушками. Наше настроеніе окончательно испорчено, и мы охотно вступаемъ въ бесѣду.

Дѣвушки — провинціальныя поклонницы поэта, военный—москвичъ, демонстрирующій имъ столичныя достопримѣчательности. Онъ горячо порицаетъ «культъ есенинщины», съ которымъ партія пока еще не въ силахъ справиться, но который понемногу все же слабѣетъ. Моя спутница горячится, что не хулиганство и безволіе въ Есенинѣ чтитъ, а кондовую русскую пѣсенность.

Одна изъ дѣвушекъ горячо подхватываетъ:

— Рая, помнишь, помнишь, на вечерѣ Маяковскаго: «Даешь новый бытъ!»

— Помню.

— А что? — спрашиваю я.

— Знаете ли, Маяковскій Есенина терпѣть не можетъ (въ годъ моей поѣздки самъ Маяковскій еще былъ въ живыхъ). — Единственный, хоть и мертвый, конкурентъ во всероссійскомъ масштабѣ.

— А Демьянъ?

— Ну, кто Демьяна считаетъ поэтомъ! Такъ... Сосновскій въ стихахъ... Вотъ что вышло на вечерѣ, слушайте. Прочелъ Маяковскій два - три своихъ стихотворенія, и опять перерывъ. Публика ропщетъ: третій перерывъ, а чтенія никакого. Скоро и 12, послѣдніе трамваи, значитъ. Онъ же въ отвѣтъ на возгласы: — Это, — говоритъ, — чтобы всѣ успѣли запастись книжками Лефа, гдѣ мои новые стихи напечатаны. Продаются у входа... Тутъ публика совсѣмъ разсвирипѣла. — «Есенину къ такимъ способамъ прибѣгать не приходилось!» — кричатъ. Маяковскій въ отвѣтъ: — «Но что еще хуже, его приходилось продавать государственному издательству...» Что тутъ сдѣлалось!.. — «Вонъ! Клеветникъ! Хоть мертвыхъ оставьте въ покоѣ!.. «Маяковскій — голосъ, какъ труба, — оретъ: — «Меня не перекричите, я самъ всякаго перекричу!.. Что, покойничковъ вспоминать къ ночи боитесь?» Скандалъ былъ страшенный.

— И чѣмъ же кончилось?

— Ничѣмъ. Онъ, вѣдь, жуликъ, сталъ цитировать Бухарина и такъ все подвелъ, что стали апплодировать.

— Почему?

Дѣвушка замялась. Военный поспѣшилъ перемѣнить тему:

— Здѣсь поблизости еще двѣ могилы: Ширяевца и Невѣрова. Знаете?

— Да. Благодарствуйте.

Александра Ширяевца, поэта - народника, любилъ Есенинъ, друженъ былъ, горько плакалъ надъ его могилой, и все ладно такъ устроилъ, по - христіански: и высокую цементную гробницу и благообразный крестъ съ черной надписью:

Александръ Васильевичъ
Ш и р я е в е ц ъ
1887 — 1924.

На полдорогѣ отъ Есенина къ Ширяевцу — высокая серебристая клѣтка Невѣрова, автора повѣсти: «Ташкентъ городъ хлѣбный», рано умершаго, чуть ли не въ 1921 году. На могилѣ — большой и вычурный памятникъ, безъ креста.

Обѣ эти могилы — вглубь кладбища, за Есенинымъ, въ бездорожьи, и пробраться къ нимъ сквозь кусты крапивы и всякаго сорняка не легко. Очевидно, многіе за могилу Ширяевца принимаютъ сосѣднюю убогую могилку, потому что на крестѣ послѣдней — карандашная надпись:

— Товарищи! Могила Ширяевца не здѣсь, а дальше — за Невѣровымъ, — и нарисована стрѣлка, указующая направленіе.

Вернувшись къ Есенину, мы уже никого не застаемъ. Компанія отправилась на могилу Баумана, героя революціи 1905 г., здѣсь похороненнаго, въ честь котораго на кладбищѣ «аллея Баумана» и въ городѣ «театръ им. Баумана».

Тогда неожиданно мы видимъ, что съ другой стороны тополя—точно такая же дощечка, какъ у Есенина, съ лаконическою надписью: «Галя».

Мы теряемся въ догадкахъ. Прибѣжавшія два болтливыхъ подростка — пятнадцатилѣтнія дѣвочки посвящаютъ насъ во всѣ подробности, и тогда мы вспоминаемъ уже читанное.

Это — могила Г. А. Бениславской, которую одинъ изъ біографовъ Есенина называетъ «самымъ преданнымъ другомъ его послѣднихъ лѣтъ». Въ ней онъ нашелъ рѣдкое соединеніе жены, любящаго друга, сестры, матери. Безъ устали, безъ упрека, безъ ропота несла она тяжкую ношу заботъ о Есенинѣ: отъ печатанья стиховъ, раздобыванья денегъ, заботъ о здоровьѣ, больницахъ, охраны его отъ назойливыхъ кабацкихъ «друзей», до розысковъ его ночами въ милиціи. Этого рѣдкаго и, нужно сказать, единственнаго друга Есенинъ недостаточно цѣнилъ. Онъ часто твердилъ:

— «Галя мнѣ другъ, Галя мнѣ единственный другъ». Но еще чаще забывалъ это.

Когда между ними произошелъ разрывъ, Есенинъ понялъ, что потерялъ цѣннѣйшую опору въ жизни. Онъ вышелъ изъ ея комнаты и въ коридорѣ сказалъ себѣ:

— «Ну теперь ужъ никто меня не любитъ, разъ Галя не любитъ!»

Среди множества причинъ, которыя въ итогѣ привели Есенина къ гибели, разрывъ съ Бениславской былъ не послѣдней.

Драма ея — загадка. Чувствовала ли она себя виновной въ его самоубійствѣ? Во всякомъ случаѣ, она не перенесла его ухода, и весной 1925 г. застрѣлилась.

По словамъ дѣвочекъ, каждое воскресенье приходящихъ сюда «кататься на калиточкѣ и здороваться съ Сережей», былъ надъ могилой Гали и крестъ со стихами и мѣстомъ для портрета, и цвѣты. Но съ тѣхъ поръ, какъ мать и се-

стра ея уѣхали изъ Москвы, крестъ кто то распорядился убрать...

«...Или украли?.. Вотъ и у Есенина изъ ограды скамеечку стащили...»

И вообще стало грязнѣе. Вѣнки въ безпорядкѣ свалены на стороннюю могилу...

А. Формаковъ.

Нѣмецкіе писатели о Сов. Россіи.

Интересъ къ совѣтской Россіи, — которая является Западу въ пресловутомъ тройномъ ореолѣ: опыта, — примѣра, — загадки, — не остываетъ у иностранцевъ, въ частности у нѣмцевъ, и новыя книги, безпрерывно появляющіяся на рынкѣ, критика встрѣчаетъ уже привычной насмѣшкой, относящейся не столько къ качеству ихъ, сколько къ количеству. Нѣкоторое недовѣріе къ расплодившимся спеціалистамъ по русскимъ вопросамъ не лишено, конечно, основанія, — но критика все-же близорука: именно огромное количество появившихся уже книгъ о Россіи обезпечиваетъ сравнительно высокое качество новѣйшей литературы; уже нельзя теперь безпечнымъ интуристомъ прокатиться изъ края въ край и сообщить міру, что «русскіе любятъ ГПУ» (Барбюссъ) и живутъ въ тѣснотѣ по свойственной ихъ характеру общительности (Теодоръ Дрейзеръ). Нынѣшніе путешественники ѣдутъ въ Россію, вооруженные нѣкоторымъ знаніемъ русскаго языка, общимъ представленіемъ о совѣтской Россіи (и очень туманнымъ — о старой) и твердымъ намѣреніемъ все увидѣть своими глазами и обо всемъ дать объективный отзывъ.

За послѣдніе 5-6 лѣтъ на нѣмецкомъ языкѣ вышло болѣе 100 книгъ о поѣздкахъ въ Россію (Reiseberichte), не считая, конечно, спеціальныхъ, — экономическихъ, политическихъ и другихъ работъ. Не имѣя возможности охарактеризовать подробно все сколько-нибудь значительное, я хочу отмѣтить только самыя существенныя тенденціи въ отношеніи нѣмецкихъ авторовъ къ Россіи.

«Какъ-же худо должно быть намъ въ Европѣ, сказалъ одинъ изъ путешественниковъ-иностранцевъ, — если мы не перестаемъ съ такой страстной надеждой и ожиданіемъ смотрѣть на Востокъ!».

Дѣйствительно, безкорыстно - любопытствующихъ, т.-е. равнодушныхъ къ результатамъ поѣздки, среди нынѣшнихъ туристовъ почти нѣтъ. Съ волненіемъ смотрятъ на Востокъ и безпартійные наблюдатели, и правые націоналисты и, конечно, коммунисты, — вольные и невольные, купленные и неподкупные.

Изъ « сочувствующихъ я укажу на одного — Юл. Гайду Julius Haidu, «Russland 1932», Phaidon-Verl.), не потому, чтобы его книга была хороша, а потому, что чрезвычайно характерно ея построеніе: «Европа гибнетъ — п о э т о м у пятилѣткѣ обезпеченъ полный успѣхъ».

Такого рода логика симптоматична, и если другіе авторы порой иначе строятъ свои силлогизмы, то все-же «Европа гибнетъ» очень часто служитъ, — можетъ быть, безсознательно, — и постулатомъ и импульсомъ поѣздки въ Россію.

Острое ощущеніе неблагополучія, рѣзкаго перелома, предчувствіе гибели многаго, что создавалось десятилѣтіями, охватываетъ сейчасъ все болѣе широкіе круги нѣмецкой интеллигенціи. Фридрихъ Зибургъ, культурный и тонкій писатель, котораго прозвалъ кто-то «послѣднимъ европейцемъ въ Германіи»,

авторъ извѣстной книги о Франціи «Der liebe Gott in Frankreich», передаетъ это настроеніе отчетливѣе другихъ. Его книга «Die rote Arktis» полна очарованія, которому трудно не поддаться. Очаровательно искусство изъ поѣздки на ледоколѣ «Малыгинъ», во время которой въ сущности ровно ничего не происходитъ, создать умную книгу, очень тонко анализирующую сущность «молодой Россіи»; очаровательна добродушно-грустная иронія автора, «послѣдняго европейца», бесѣдующаго съ комсомольцами, полными жизнерадостности и гордой увѣренности въ томъ, что это «у насъ въ Союзѣ, наши совѣтскіе изобрѣли и ледоколъ, и радіотелеграфъ». Какъ-бы для заостренія контраста, книга написана въ Девонширѣ, въ культурномъ и безмятежномъ уголку старой Англіи — и открывается заклинаніемъ «послѣдней девонширской розы»: «Я знаю, ты должна опасть, но помедли, подожди меня, насъ всѣхъ»...

Потому ли, что истерическіе вопли плакатовъ и языкъ статистическихъ колонокъ потеряли свою убѣдительность и въ Европѣ, или потому, что интересъ нѣмцевъ къ Россіи углубился и пріобрѣлъ страстный и личный оттѣнокъ, вниманіе туристовъ привлекаетъ теперь не «гигантская стройка», а средній совѣтскій обыватель, тотъ, кто стоитъ въ очередяхъ, ходитъ на службу, влюбляется, старѣетъ и умираетъ, — во имя и за счетъ котораго совершается эта стройка.

О немъ говорятъ авторы лучшихъ, — правдивыхъ и сравнительно безпристрастныхъ книгъ о Россіи: Артуръ Рундтъ (Der Mensch wird umgebaut, Berlin 1932), въ короткихъ наброскахъ запечатлѣвшій новый бытъ, Гансъ Зимзенъ (Siemsen, Russland ja und nein, Berlin 1932), Р. Мирбтъ (Sowjetrussische Eindrücke, München 1932), Л. и Э. Куммеръ (Das Land ohne Sonntag, Leipzig 1932), Эрихъ Кохъ-Везеръ, извѣстный политическій дѣятель, членъ германскаго правительства 1920-1921 г.г. (Russland von Heute, Dresden 1928), Арминъ Вегнеръ (5 Finger über Dir, Stuttgart 1929), романтическій поэтъ, Александръ Шана (Lenins Erbe, Bratislawa 1932), Г. Ульманнъ (Kolonisation oder Zerstörung, München 1932), Г. и Е. Вейхманъ (Alltag im Sowjetstaat, Berlin 1931) и много другихъ, писателей, журналистовъ и простыхъ смертныхъ, досужихъ путешественниковъ. Сколько разныхъ глазъ и точекъ зрѣнія. Сколько различныхъ подходовъ и воспріятій — и, конечно, столько-же выводовъ. «Совѣтская россія — такой сложный, неевропейскій, непонятный европейцу организмъ и ея развитіе и будущее полны такого огромнаго значенія, что отчетъ о ней является болѣе отвѣтственнымъ, чѣмъ отчетъ о какой бы то ни было другой странѣ», говоритъ Г. Зимзенъ — «поэтому такъ трудно разсказывать о ней объективно, sine ira et studio. Кому изъ насъ удается видѣть въ Россіи не то, что мы хотимъ видѣть, а то, что есть въ дѣйствительности?».

Но одно общее настроеніе свойственно въ большей или меньшей степени всѣмъ авторамъ названныхъ книгъ: изумленіе, недоумѣніе, порой искренняя боль за человѣческое страданіе, превосходящее доступные представленію европейца размѣры. Зачѣмъ, спрашиваютъ они, эти терпѣливыя очереди, извивающіяся въ сугробахъ, безпризорныя дѣти въ лохмотьяхъ, лишенія, голодъ, страхъ, — если теперь на пятнадцатомъ году революціи, равенства

нѣтъ и въноминѣ, рабочіе живутъ въ условіяхъ неизмѣримо худшихъ, чѣмъ нѣмецкіе безработные, деньги играютъ не меньшую, а большую роль, чѣмъ въ Западной Европѣ, а перемѣны, улучшенія не предвидится? Удручающую картину совѣтскаго быта рисуютъ Вейхманъ, А. Шана, Куммеръ и др.: давка въ столовыхъ и чайныхъ, давка въ трамваяхъ, нищета, грубость и страхъ. Но за удивительной для европейца нетребовательностью и безграничнымъ терпѣніемъ нѣмецкіе писатели угадываютъ настоящую человѣчность, готовность къ самопожертвованію во имя, — «да не все ли равно, во имя чего? говоритъ Р. Мирбтъ, скептическій и трезвый наблюдатель, какой удивительный народъ! Какая воля къ забвенію себя, къ коллективу! Но н а ш а первая обязанность цѣной всѣхъ возможныхъ усилій, освободить нѣмецкій пролетаріатъ отъ этого страшнаго призрака коллективизма».

Въ конечномъ счетѣ огромный вопросъ «Россія» ставится нѣмцами именно такъ: что такое Россія и большевизъ? Удастся ли русскій опытъ? Годится ли онъ для насъ?

Если еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ иностранцамъ свойственно было разсматривать Россію, какъ случайный объектъ коммунистическаго эксперимента ,то теперь они впадаютъ въ другую крайность: Россію отожествляютъ съ большевизмомъ. «Большевизмъ — на 80 процентовъ Россія и только на 20 процентовъ — коммунизмъ», утверждаетъ Зимзенъ. «Большевизмъ возможенъ только въ Россіи, говоритъ Л. Куммеръ, уже 15 лѣтъ русскій народъ живетъ въ условіяхъ, какихъ Европа не знала никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ». Впервые въ нѣмецкихъ книгахъ звучитъ новая нота, поражающая особенно русскаго читателя, — пробуждается какъ-бы европейская совѣсть, чувство отвѣтственности за то, что происходитъ въ Россіи: ночью, въ половинѣ второго, журналистъ Г. Зимзенъ выходитъ изъ Грандотеля («только для иностранцевъ!») на Красную площадь и видитъ: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ленинскаго мавзолея, у потухшаго костра, въ котлѣ отъ асфальта, какъ въ суповой мискѣ, спятъ безпризорныя дѣти, свернувшись клубкомъ другъ на другѣ, въ черныхъ лохмотьяхъ, сквозь которыя просвѣчиваетъ всюду розовое голое тѣло. «Боже мой, да что-же тутъ происходитъ? Что тутъ было? А мы — мы живемъ въ нашихъ квартирахъ изъ 3 комнатъ, въ кафе, въ бюро, фабрикахъ, — въ Европѣ, въ Берлинѣ, и высчитываемъ сколько мандатовъ получатъ націоналъ-соціалисты при слѣдующихъ выборахъ въ Рейхстагъ!».

Конечно, не одни только лишенія, терроръ и голодъ замѣчаютъ иностранцы въ Россіи. Очень многое представляется имъ положительнымъ, — чаще всего отмѣчаются достиженія педагогики, гигіены, просвѣщенія и т. д. Особенно-же подкупаетъ «молодость» страны, ея возможности. Спряженіе глаголовъ въ будущемъ времени, употребительное въ Россіи, передается и иностранцамъ. И, конечно, въ активъ большевизма по незнанію заносятся и извѣчно русскія явленія: веселая самоотверженность молодежи, общительность и даже «чудесный русскій театръ, несравненная режиссура и публика, какой не снилось нашимъ театральнымъ директорамъ» (А. Шана).

На свой первый вопросъ — что такое Россія? — никогда не смогутъ отвѣтить иностранцы, ничего не знающіе о

довоенной, о николаевской, петровской Россіи, о безконечно сложных культурно-историческихъ явленіяхъ, породившихъ русскую жизнь, — или, что еще хуже, знающіе о нихъ что - то изъ совѣтскихъ источниковъ.

Но что такое большевизмъ? «Скажите, спрашиваетъ журналистъ А. Рундтъ виднаго коммуниста, — почему, стремясь къ свободѣ, вы идете окольными путями и создаете величайшій гнетъ?». Слѣдуетъ уклончивый отвѣтъ со ссылкой на нѣкую проститутку изъ разсказа Л. Андреева: передъ судомъ эта проститутка заявила, что не считаетъ себя христіанкой; она отреклась отъ Христа, но потому лишь, что считала себя недостойной его. — Такъ же и мы, прибавляетъ коммунистъ, — вамъ кажется, что мы господствуемъ насиліемъ и гнетомъ, — но мы дѣлаемъ это во имя свободы. — Литературная аналогія не удовлетворяетъ Рундта; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ догадывается, что вопросъ его былъ до крайности наивенъ. Они вовсе не идутъ окольными путями къ свободѣ, они не ищутъ ее въ европейскомъ ея смыслѣ. Свобода — буржуазный предразсудокъ, сказалъ еще Ленинъ. Все въ порядкѣ. Удивляться было нечему.

Въ этомъ открытіи заключается уже и отвѣтъ на слѣдующій вопросъ: удался-ли опытъ? «Удался или нѣтъ — кто можетъ на это отвѣтить? говоритъ А. Шана, и какое можетъ для н а с ъ имѣть значеніе ихъ удача, если результаты совершенно не совпадаютъ съ тѣми, какіе имѣютъ въ виду въ Европѣ? ...А если не удался — значитъ-ли это, что большевизмъ обреченъ! Это ничего не значитъ. Дважды два — вовсе не всегда четыре. Европейская таблица умноженія непримѣнима въ Россіи».

Русскій опытъ не можетъ служить для Германіи примѣромъ. «Мы можемъ многому научиться у русскихъ, мы должны учиться на ихъ недостаткахъ и ошибкахъ. Но учиться — не значитъ подражать. Россія — не Германія» (Г. Зимзенъ).

Въ связи съ этимъ у нѣсколькихъ авторовъ возникаетъ вопросъ, который, быть можетъ, не пришелъ-бы имъ въ голову до революціи: Европа-ли Россія? На это и Г. Зимзенъ и Г. Ульманъ и другіе рѣшительно отвѣчаютъ: нѣтъ «Россію отъ Европы отличаетъ не раса, не климатъ... даже не иной образъ жизни, не иной родъ культуры и цивилизаціи. Первопричина (das Primäre) — это пустота, необъятная, незаселенная ширь этой страны. Здѣсь иное представленіе о пространствѣ и (поэтому) о времени... Тотъ, кто хоть разъ пережилъ это, пойметъ, что Россію нельзя отожествлять съ Европой, русскія понятія и условія жизни нельзя перенести въ Европу, — менѣе всего въ Германію» (Г. Зимзенъ). «Европейское понятіе времени тѣсно связано съ понятіемъ неповторимой личности, которой отведенъ на землѣ краткій срокъ, какъ-бы дополняетъ Ульманнъ,русское знаменитое терпѣніе — ничто иное, какъ равнодушіе къ индивидуальному существованію, къ понятіямъ «теперь» и «здѣсь». — Все это говорится безъ малѣйшаго оттѣнка національнаго высокомѣрія: просто отмѣчается различіе, проводится раздѣляющая черта.

Въ русской эмиграціи книги иностранцевъ о Россіи вызываютъ обычно чувства досады и глухой ревности. Реакція законная, — причинъ ее объяснять не приходится.

Конечно, о странѣ и народѣ можетъ вѣрно судить только настоящій ея зна-

токъ, — или-же «свой». Но при теперешнихъ условіяхъ намъ должны быть дороги и эти слабые, въ перебой звучащіе, противорѣчивостью дополняющіе другъ друга голоса, — единственные живые голоса, доходящіе изъ-за глухой стѣны.

Е. Залкиндъ-Аленина.

Споръ о Достоевскомъ.

Въ Прагѣ, въ Семинаріи по изученію Ф. М. Достоевскаго, существующемъ при Русскомъ Народномъ Университетѣ, состоялась, въ концѣ октября 1932 года, интересная дискуссія, собравшая большую аудиторію, по поводу статьи Г. А. Ландау, «Тезисы противъ Достоевскаго», напечатанной въ шестой книгѣ «Чиселъ».

Руководитель Семинарія, А. Л. Бемъ подробно изложилъ основныя положенія статьи Г. А. Ландау. Въ преніяхъ, кромѣ докладчика, сказавшаго и заключительное слово, приняли участіе проф. И. И. Лапшинъ, проф. Е. А. Ляцкій, Г. М. Катковъ, Р. В. Плетневъ и С. А. Левицкій.

Была отмѣчена своевременность и характерность выставленныхъ въ статьѣ тезисовъ, хотя существо нѣкоторыхъ утвежденій Ландау и отдѣльныя его формулировки подверглись серьезному оспариванію.

А.

Берлинская хроника.

1. О союзѣ поэтовъ.

Берлинскій клубъ поэтовъ, основанный въ февралѣ 1928 года, собирается регулярно два раза въ мѣсяцъ. На засѣданіяхъ обсуждаются стихи и проза членовъ клуба. Предметомъ обсужденія служитъ также творчество русскихъ писателей, какъ въ эмиграціи, такъ и въ Россіи. Изданы два сборника стиховъ «Новоселье» (1931) и «Роща» (1932) и предполагается къ веснѣ выпустить третій.

Литературныя теченія, представленныя въ клубѣ поэтовъ разнообразны, но въ этомъ разнообразіи можно уловить общую тенденцію: отходъ отъ эстетизма (неравнозначный съ отходомъ отъ романтики) и стремленіе къ предѣльной искренности, сочетающееся съ бережнымъ отношеніемъ къ формѣ. Метафизическая устремленность объединенія можетъ быть яснѣе всего выражается въ шутливомъ фактѣ избранія Океана, «символа безконечности и мощи», въ почетные члены клуба поэтовъ.

2. Содружество славистовъ.

Въ маѣ 1932 года съ согласія профессоровъ восточно - европейской исторіи и славистики: О. Геча, М. Фасмера, К. Штелина при Берлинскомъ университетѣ было основано **Содружество славистовъ « Slavistische Arbeitsgemeinschaft »**. Оно состоитъ изъ студентовъ и молодыхъ докторовъ, нѣмцевъ и русскихъ и ставитъ себѣ цѣлью изученіе славистики въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Оно не ограничивается филологіей, а занимается также и проблемами исторіи и исторіи литературы. Въ теченіи лѣтняго семестра работало три секціи: секція историко-политическая («Національныя меньшинства въ Россіи и въ славянскихъ странахъ»), секція историко-литературная («Проблемы русскаго романтизма»), секція средневѣковой исторіи («Ярославъ Мудрый и его время»). Въ зимнемъ семестрѣ, кромѣ названныхъ секцій, будетъ работать секція, занимающаяся проблемами Балканскаго полуострова. Занятія происходятъ въ помѣщеніи Deutsche Gesellschaft zum

Studium Osteropas съ которымъ Содружество состоитъ въ тѣснѣйшемъ контактѣ. Секретарь Deutsche Gesellschaft К. Менертъ является одновременно предсѣдателемъ президіума Содружества. Содружество намѣтило рядъ открытыхъ выступленій. Первое изъ нихъ состоялось въ іюлѣ и было посвящено русской лирикѣ отъ Пушкина до нашихъ дней.

Литературные вечера въ Парижѣ.

Изъ литературныхъ вечеровъ этого сезона отмѣтимъ доклада Ю. Фельзена « О вліяніи европейской литературы на эмигрантскую», В. Вейдле «О чистой поэзіи», Г. Адамовича «О Блокѣ» и «О молодыхъ эмигрантскихъ прозаикахъ». Въ ближайшее время «Числа» устраиваютъ диспутъ на французскомъ языкѣ: «Андрэ Жидъ и СССР».

Осенній Салонъ.

«Гвоздемъ» Салона безспорно является посмертная выставка Лапрада, одного изъ лучшихъ художниковъ нашего времени. У Мерваль есть свой, къ сожалѣнію, слишкомъ уже «декоративный» стиль. Выдѣляются также работы Бріянсона и Легеля, а среди русскихъ эффектная танцовщица Терешковича и весьма пріятная по цвѣту большая работа Пикельнаго. Прелестны эскизы Ларіонова къ «Лисичкѣ» и очень нарядны костюмы Гончаровой. *Б.*

Новая постановка Сергѣя Лифаря.

Творчество въ танцѣ испытываетъ всѣ вліянія новой міровой атмосферы искусства и у особенно одаренныхъ дѣятелей балета оно измѣнилось не меньше, чѣмъ, напримѣръ, музыка или живопись послѣднихъ лѣтъ.

Говоря очень приблизительно, Лифарь отошелъ отъ кубизма и приблизился къ классическому балету. Говоря нѣсколько точнѣе, хотя и можетъ быть на менѣе ясномъ языкѣ, — Лифарь освобождается отъ воли композитора. Время «Весны

Сергѣй Лифарь *Serge Lifar*

священной» для него прошло, онъ воскрешаетъ дыханіе болѣе старыхъ вещей. Композиторъ по его мнѣнію долженъ видѣть въ сознаніи жесты всего тѣла танцоровъ и только плавная цѣльность и музыкальность движенія должны быть центромъ новыхъ балетовъ.

Кубизмъ танца обращенъ къ разсудку, а нужно, чтобы танцовщикъ пробуждалъ настроеніе. Это не значитъ, говоритъ Лифарь, что построеніе танца не должно быть сознательнымъ, это значитъ, что интуиціи въ творчествѣ балетовъ возвращается ея доминирующая роль. Волевое творчество развиваетъ голову, забота подсчитывать па и слагать танецъ въ кубистическую схему мѣшаетъ сейчасъ Лифарю. Передъ авторомъ Прометея новыя задачи, новый этапъ развитія.

Въ этихъ настроеніяхъ имъ созданъ замѣчательный новый балетъ «На берегахъ Борисфена».

Насколько «Петрушка» показалъ Петербургъ, а «Жаръ - Птица» народную сказку, настолько новый балетъ Лифаря долженъ показать бытъ Украины. «Гоголизмъ» этой постановки, ея грустная радость, во время, напримѣръ, прохожденія купальщиковъ, на фонѣ безконечной степи, — все это очень Россія, какъ и, конечно, имена Лифаря, создателя былета Прокофьева, написавшаго музыку въ этой вещи и Ларіонова и Гончаровой, авторовъ прекрасныхъ декорацій.

Въ соединеніи этихъ талантовъ центральное мѣсто все же, разумѣется, у Лифаря, и вдохновителя остальныхъ и несравненнаго по совершенству танца исполнителя главной роли. *Н. О.*

Пикассо.

«Le génie, c'est le sentiment de la ressource». Врядъ ли эти слова Жида всегда вѣрны. Они односторонни; они предполагаютъ геній - разумъ, геній сплошь и до конца дневной. Но къ Пикассо примѣнить ихъ можно, и даже только примѣнивъ ихъ къ нему, мы оцѣнимъ весь ихъ смыслъ. Съ нимъ они получатъ цѣль и попадутъ въ нее безъ ошибки; притомъ не только подчеркнутъ, но сразу же и ограничатъ. Даръ Пикассо дѣйствительно въ этомъ одномъ: въ умѣніи найтись, въ неизмѣнномъ присутствіи духа, въ знаніи о томъ, какъ «выйти изъ положенія». Его картины построены какъ силлогизмъ, его живопись діалектична. Онъ водружаетъ препятствія съ тѣмъ, чтобы ихъ осилить; онъ придумываетъ лабиринты, дабы искать изъ нихъ выхода; онъ ставитъ себѣ задачи только для того, чтобы ихъ рѣшить.

❦

Какъ усмотрѣли классицизмъ или даже энгризмъ въ нѣкоторыхъ его рисункахъ и портретахъ — не ясно. Рисунки Энгра передаютъ полноту формы одной незыблемой, но чувственной, живой, только что остывшей линіей. Они отвлекаютъ отъ предмета какъ разъ самое въ немъ конкретное. Пикассо вообще ищетъ не форму, скорѣй схему. Его линія не обрисовываетъ предметъ, она его изъясняетъ. Его рисунки рождаются не естественнымъ воспринимающимъ чувствомъ, а другимъ, болѣе интеллектуальнымъ, знаніемъ, въ нихъ отражается не единовременно воспринятый образъ, а средній результатъ повторныхъ наблюденій. Композиціонное намѣреніе здѣсь отступаетъ на второй планъ передъ странной, немного жуткой, какъ бы гальванизованной жизнью этой искусно полученной линейной формулы. Здѣсь, какъ и всюду, искусство Пикассо ищетъ не центръ, а границу, не разрядъ, а напряженіе. Это не классическій міръ живого равновѣсія и органическаго соотвѣтствія частей, это — другой міръ.

Да это и не міръ вообще, не цѣлостно задуманная вселенная. Прежде всего это выборъ. Пикассо выбираетъ всегда. Сперва для себя — среди вещей, потомъ въ себѣ — среди своихъ возможностей, наконецъ, у себя — среди своихъ картинъ. Каждая выставка его — результатъ этого послѣдняго выбора, — и произвола. Въ ней можетъ быть единообразіе, но не единство. Предположимъ, что Пикассо отобралъ для нея среди работъ послѣднихъ лѣтъ тѣ, что связаны въ извѣстной степени съ прежнимъ его кубизмомъ. Но за это время онъ писалъ и совершенно другія вещи; разъ онъ могъ ихъ написать, онъ могъ ихъ и выставить. Вѣдь въ каждый данный моментъ онъ можетъ написать все, что онъ захочетъ, все, что изберетъ; и выбора его не стѣснитъ излишне требовательная совѣсть.

❦

Творчество у Пикассо не столько въ картинѣ, сколько до нея. Оно уже въ сознаніи его, въ разборчивости замысла и вкуса. Оно уже въ реквизитѣ его мастерской. Эта мраморная рука создана не только въ картинѣ, какъ форма; она уже творчески увидѣна въ лавкѣ старьевщика, гдѣ Пикассо ее нашелъ: его искусство началось уже тамъ. И въ прекрасномъ «Натюрмортѣ съ апельсинами» уже самый замыселъ прекрасенъ, потому что въ немъ уже все заключено. Ничего не прибавилось къ замыслу при исполненіи. Онъ только до конца исполненъ, не написанъ даже, а какъ бы вычерченъ ни разу не дрогнувшей рукой.

Всевозможность, — это слово нужно выдумать, чтобы опредѣлить искусство Пикассо. Въ немъ встрѣчаются всѣ пути современной живописи, многіе изъ него идутъ, но ни одинъ къ нему не приходитъ и ни одинъ не завершается въ немъ. Пикассо умѣетъ строить: вѣдь кубисты учились у него. Но его картина — не всегда самодовлѣющее единство, создающее собственную пространственность. Иногда онъ разсматриваетъ ее лишь какъ плоскость, заполненную узоромъ: декоративная прелесть дается ему легко. И другая стихія — выразительность — такъ же ему подвластна; она не только первенствуетъ въ его раннихъ вещахъ, она готова къ нему вернуться и теперь. Потому-то всѣ и учились у него разному — не у него, у его картинъ. Такъ, Прюна вышелъ цѣликомъ изъ нѣсколькихъ рисунковъ; Люрса, Лагленнъ, Маркусси вдохновлены по разному такими вещами, какъ «Одалиска» (и далеко ея не превзошли); но Пикассо — не въ рисункахъ, не въ «Одалискѣ», не въ какой другой изъ своихъ картинъ — и даже вообще не въ своемъ искусствѣ... Всѣ способности его безграничны, кромѣ дара воплощать себя.

В. В.

Мане.

Сперва, чѣмъ больше глядишь, тѣмъ больше онъ ослѣпляетъ: я не нахожу ничего, кромѣ метафоры, для опредѣленія Мане. Міръ его не кажется намъ чѣмъ то круглымъ, закрытымъ со всѣхъ сторонъ, непререкаемо законченнымъ, подобно міру Энгра, Коро, Курбе или Сезанна. Мане его выбралъ, а не сотворилъ; онъ произвелъ какой-то мгновенный разрѣзъ сквозь живопись и сквозь природу. Его геній — лезвее ножа, и онъ совершаетъ имъ нѣчто въ родѣ снятія катаракта: цѣлительную и опасную

операцію. Не успѣешь опомниться — онъ уже ослѣпилъ насъ и заставилъ прозрѣть. Мы начинаемъ видѣть теперь по новому. Мы еще не поняли, но мы обольщены. Кого не обольститъ самый острый вкусъ, самая блестящая, самая умная кисть вѣка? Каждый разъ, въ каждой вещи Мане, ощущаешь, какъ ударъ хлыста, это безпощадное, разсудочное совершенство. Не оно ли такъ непримиримо, не оно ли возстановляло противъ него людей? Оно ничѣмъ не подготовляетъ ихъ къ себѣ и ничѣмъ себя не извиняетъ. Я понимаю посѣтителей салона, бросившихся съ палками на его холсты: наше восхищеніе еще и сейчасъ похоже на ихъ злобу. Мане все еще передъ нами во всей своей безсмертной новизнѣ. Къ импрессіонистамъ мы давно привыкли, къ Сезанну тоже, да и все, что когда то удивляло, рано или поздно перестанетъ удивлять; только искусство Мане всегда останется, какимъ осталось, — вызывающимъ, непривычнымъ, новымъ, какъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Съ общими признаками этого искусства связано и его живописное существо. Существо это — въ столкновеніяхъ и контрастахъ, въ борьбѣ всѣхъ элементовъ картины между собой, въ ихъ внезапномъ равновѣсіи и пойманномъ на лету единствѣ. Недаромъ учителями Мане были испанцы, особенно Веласкесъ, художникъ родственный ему уже своей интеллектуалистской прозрачностью и наготой. Въ своемъ стремленіи передать чистую видимость вещей Мане не приходитъ, какъ импрессіонисты, къ распыленію мира, но къ собиранію его въ отточенныхъ, пересѣкающихся граняхъ. Красочную и свѣтовую стихію онъ сводитъ сперва къ противопоставленію чернаго и свѣтлаго, потомъ цвѣта и не-цвѣта, еще позже цвѣтовъ между собой, сохраняя притомъ всю ихъ несогласованную, несближенную ясность.

Нигдѣ Мане не ищетъ освободиться отъ изобразительной условности, какъ тщетно искали вокругъ него; онъ знаетъ, что живопись безъ нея существовать все равно не можетъ; онъ хочетъ только перемѣстить, заострить ее и тѣмъ самымъ обновить наше воспріятіе міра. Эта новая условность, это дробящее, разсѣкающее зрѣніе восполняется у Мане единствомъ живописнаго письма. Почеркъ Мане ослѣпителенъ. Его кисть преображаетъ все, она ведетъ насъ за собою, она, какъ молнія, освѣщаетъ міръ. Не только то, что ею создано, хорошо; уже самое создаваніе прекрасно. Если подъ чистотой въ искусствѣ разумѣть крайнее сосредоточеніе творческихъ силъ на однихъ именно этому искусству присущихъ способахъ выраженія, то чистая живопись — это живопись Мане.

В. В.

Выставка Чапскаго

Выставка Чапскаго въ галлереѣ Виньонъ весной 1932 г. заслуживаетъ быть отмѣченной не только изъ-за объективныхъ достоинствъ его живописи, но и потому что этотъ художникъ — новое и цѣнное пріобрѣтеніе такъ называемой «Парижской школы». Какъ Шагалъ, Сутинъ и другіе выходцы изъ русско - еврейской провинціальной среды нашли себя въ Парижѣ и среди сильнѣйшихъ французскихъ художниковъ заняли свое очень замѣтное мѣсто, такъ и у Чапскаго, представителя лучшихъ интеллектуальныхъ силъ русско - польскаго общества современной Польши,

есть серьезныя возможности внести свою личную ноту въ высокое искусство живописи, которое онъ прiѣхалъ изучать въ Парижѣ, уже успѣвшемъ его замѣтить.

Огромный вкусъ и рѣдкая культурность этого художника, прекрасно разбирающагося не только въ своемъ искусствѣ, избавитъ Чапскаго отъ запоздалыхъ увлеченiй крайностями. Онъ художникъ постъ-кубистическаго сознанiя не безъ связи съ «дикими» и не безъ тайной памяти о лучшихъ импрессiонистахъ.

Въ современной Польшѣ Чапскiй одинъ изъ живописцевъ наиболѣе своеобразныхъ и передовыхъ. Художественный Парижъ уже какъ бы «помазалъ» его, благословенiе царскаго города современной живописи у Чапскаго, послѣ его выставки — есть. Намъ же прiятно мимоходомъ отмѣтить и глубокую привязанность Чапскаго къ русской культурѣ, его преклоненiе передъ русской литературой, не только классической, но и новой, которую онъ любитъ и знаетъ, какъ далеко не всѣ русскiе художники.

Н. О.

Письмо изъ Праги.

Два русскихъ художника, впервые участвующiе въ парижскомъ «Осеннемъ Салонѣ», Сергѣй Мако и Григорiй Мусатовъ, вступили сейчасъ въ наиболѣе зрѣлый перiодъ своего творчества. Оба живутъ въ теченiе ряда лѣтъ въ Прагѣ и принадлежатъ къ группѣ «Скифъ», основной идеей которой является возвращенiе къ землѣ первоначальной родины. Мако находитъ ее въ воспоминанiяхъ своей юности, проведенной среди алтайскихъ горъ. Это проявляется въ его опьяненiи свѣтомъ, въ стремленiи къ чистой живописи, основанной на преодолѣнной линiи, на синтезѣ Парижской Школы и суроваго воздуха его горныхъ, морскихъ и человѣческихъ видѣнiй.

Мусатовъ, болѣе строгiй и аскетическiй, ведетъ свое начало отъ классической дисциплины иконописи. Технически Мусатовъ приближается къ французской школѣ, но его коренное русское заключается въ настроенiи его картинъ изъ обывательской жизни, за небомъ которыхъ чувствуется степь.

Оба художника являются въ дни всяческой халтуры честными и воодушевленными поклонниками искусства.

Др. Фр. Кубка.

Роспись Медонской церкви.

Русская религiозная живопись давно уже — со времени Кiевскихъ работъ Врубеля и Васнецова — ищетъ новыхъ путей или, вѣрнѣй, стремится выбиться на тотъ единственный возможный путь, на которомъ ей удалось бы совмѣстить движенiе и жизнь съ исконной и незыблемой въ основѣ своей преемственностью православнаго религiознаго искусства. Путь этотъ вовсе не такъ легко найти въ хаосѣ современнаго безстилiя, среди паденiя всѣхъ нацiональныхъ традицiй, кромѣ тѣхъ, что еще живутъ въ современной французской живописи. Прислушаться къ ея уроку необходимо нынѣ всякому художнику, но использовать этотъ урокъ въ области религiознаго искусства — особая задача и, конечно задача невѣроятно трудная Нашлась однако скромная, мало кому извѣстная до сихъ поръ русская художница, Ю. Н. Рейтлингеръ, всецѣло посвятившая себя житейски неблагодарному, но творчески счастливому труду,

Роспись Медонской церкви — ***Décoration de l'Eglise de Meudon***

которая за эту задачу взялась и даже въ значительной мѣрѣ съ нею справилась. Роспись, только что законченная ею въ русской церкви въ Медонѣ, должна разсматриваться какъ весьма важная ступень въ дѣлѣ обновленія нашей религіозной живописи. Глядя на эти большія плоскости, смѣло-обобщенныя линіи, дневныя, непритушенныя краски, вспоми наешь Матисса (или все, что во французскомъ искусствѣ прямо или косвенно исходитъ отъ него), но одновременно чувствуешь и глубокую, отнюдь не насильственную, а вполнѣ органическую связь съ духомъ и стилемъ древней нашей иконописи; связь, ничего не имѣющую общаго съ мертвеннымъ внѣшнимъ подраженіемъ; связь, объясняемую не натурой стилизатора, а родствомъ вдохновенія, дара и молитвеннаго чувства.

В. В.

О фотографіи

Въ настоящее время имѣется не малое количество художниковъ, избравшихъ себѣ инструментомъ работы, вмѣсто палитры, угля, иглы — фотографическій аппаратъ, дающій имъ цѣлый рядъ новыхъ возможностей.

Ежегодно фотографическіе салоны и выставки показываютъ намъ новыя достиженія въ этой области искусства и, часто, среди экспонатовъ мы можемъ встрѣтить вещи, поражающія насъ новизной трактовки и художественостью исполненія.

Современное фотографическое искусство развивается, мнѣ кажется, по двумъ направленіямъ.

Одно изъ нихъ — исканіе новыхъ способовъ видѣть предметы окружающаго міра подъ новыми углами зрѣнія и при оригинальномъ освѣщеніи.

Вниманіе художника сосредоточивается, главнымъ образомъ, на композиціи, и распредѣленіи свѣтовыхъ и тѣневыхъ пятенъ.

Эта область фотографіи примѣняется часто въ рекламѣ. Нерѣдко въ журналахъ мы видимъ такого рода фотографіи, являющіяся вполнѣ законченными художественными композиціями.

До недавнихъ поръ фотографическое искусство находилось подъ сильнымъ вліяніемъ живописи и наиболѣе удачными фотографіями считались тѣ, которыя приближались къ живописи и удалялись отъ фотографіи.

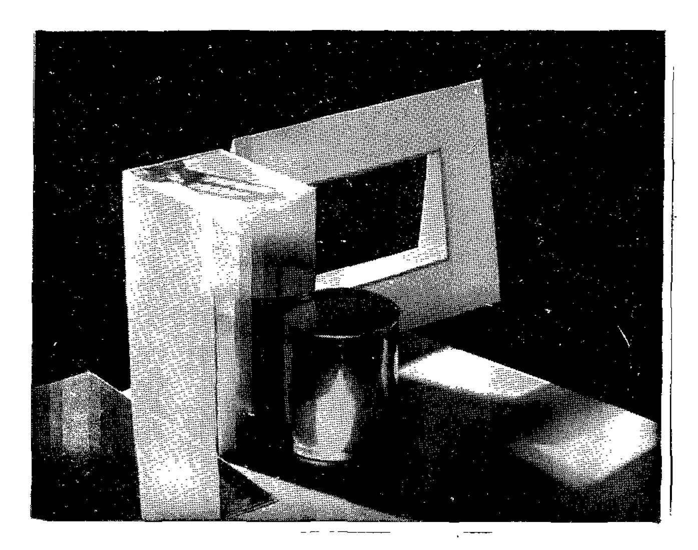
Теперь фотографическое искусство вышло на самостоятельную дорогу и нерѣдко оказываетъ вліяніе на живопись и графическое искусство, какъ напримѣръ, искаженіе перспективныхъ линій для усиленія эффектовъ въ архитектурныхъ пейзажахъ и nature morte'ахъ.

Другое направленіе въ фотографическомъ искусствѣ устремлено на художественную печать (такъ наз. художественные позитивные процессы), имѣющую примѣненіе, главнымъ образомъ, въ портретной и пейзажной фотографіи.

Исканія въ этой области направлены на то, чтобы изображеніе было напечатано не химическимъ способомъ на желатинной фотографической бумагѣ, а акварельной или масляной краской на рисовальной бумагѣ. Эти способы печати даютъ много свободы трактовки художнику, позволяя ему выдѣлять нужныя мѣста, придавать изображенію тотъ или иной характеръ, уничтожая ненужныя детали.

Благодаря новымъ способамъ художественной печати, фотографическое искусство стало равноцѣннымъ съ другими областями графическаго искусства.

Э. Марковичъ.

Nature morte
въ фотографіи

Nature morte
dans la photographie

Журналъ Бриджа

Съ іюня 1932 года въ Парижѣ выходитъ на французскомъ языкѣ, подъ редакціей Н. Вакара, ежемѣсячный журналъ, спеціально посвященный игрѣ въ бриджъ: — «Ла Ревю дю Бриджъ». Журналъ отлично издается на мѣловой бумагѣ, обильно снабженъ злободневными фотографіями и рисунками художниковъ. Въ немъ сотрудничаютъ виднѣйшіе міровые «авторитеты бриджа», а писатели, поклонники бриджа спеціально для него пишутъ статьи и разсказы: Тристанъ Бернаръ, академикъ Марсель Прево, Поль Ребу, Жео Лондонъ, Одеттъ Паннетье.

Въ декабрьскомъ номерѣ (№7) «Ла Ревю дю Бриджъ» напечатаны статьи французскаго законодателя бриджа Пьера Белланже, доктора математики Марселя Болль, швейцарскаго чемпіона бриджа и побѣдителя на недавнемъ германскомъ турнирѣ д-ра Пауля Геррмана, Сентъ - Альбана и др., а также данъ подробный анализъ партій, игранныхъ на Парижскій кубокъ 1931 года.

Ежегодникъ теннисной федераціи.

Русская теннисная федерація въ Парижѣ выпустила второй ежегодникъ. Фотографіи, статьи и замѣтки этой книги дѣлаютъ ее цѣннымъ справочникомъ для русскаго теннисиста. Есть у ежегодника и болѣе широкія заслуги: это небезынтересный документъ эмигрантскаго быта.

Не стоитъ доказывать, что спортъ для многихъ не только развлеченіе, но и школа выдержки, выносливости, — школа характера. Одинъ изъ сотрудниковъ ежегодника утверждаетъ даже, что теннисъ, «создаетъ особую породу людей, отличающихся самообладаніемъ, смѣлостью, благородствомъ и имѣющихъ даже свои особые внѣшніе признаки». Не будемъ смѣяться надъ этими преувеличеніями. Они понятны у энтузіастовъ тенниса. Несомнѣнно, что независимо отъ педагогической пользы этого благороднаго спорта, въ немъ есть элементы настоящаго искусства. Добавимъ, впрочемъ,что въ этой способности всецѣло поглощать всѣ мысли и время игрока — и опасная сторона тенниса, особенно для тѣхъ, чье призваніе — другія, все же болѣе глубокія области творчества. Но это лишь оговорка, да и то для смягченія слишкомъ сильныхъ восторговъ.

Душой теннисной федераціи въ Парижѣ являются М. П. Владимировъ, Д. Д. Давыдовъ, А. А. Стаховичъ и др. Ежегодникъ — живое свидѣтельство ихъ интересной и плодотворной работы.

Н. О.

П. Милюковъ.
Очерки по Исторіи Русской Культуры. т. II, ч. 2-ая. Парижъ, 1931

Надо полагать, что Очерки перерабатывались авторомъ для новаго изданія въ томъ порядкѣ, въ какомъ они печатались, сперва III-й томъ, затѣмъ II-ой. Оттого, вѣроятно, II-ой томъ снабженъ заключеніемъ, подводящимъ итоги изслѣдованію развитія духовной культуры Россіи, которому посвящены оба тома, и формулирующимъ взглядъ автора на общій характеръ этого развитія—такъ что, пожалуй, II-ой томъ слѣдовало бы считать III-имъ, а III-ій — II-ымъ. Въ заключеніи, представляющемъ собою переработку соотвѣтствующаго мѣста стараго изданія, авторъ оказался вынужденнымъ распространиться о томъ, что онъ разумѣетъ подъ **культурой,** — считаясь съ пущеннымъ Шпенглеромъ (хотя и не имъ впервые установленнымъ) въ общій оборотъ противоположеніемъ **культуры и цивилизацій.** Авторъ отмѣчаетъ, что во французской терминологіи нѣтъ термина **культура,** а то, что называютъ **культурой** нѣмцы, французы зовутъ **цивилизаціей,** и разъясняетъ, что и для него **культура** и **цивилизація** термины однозначущіе. Цивилизацію, въ томъ смыслѣ какъ понимаетъ это слово Шпенглеръ, нельзя противопоставлять Культурѣ, ибо въ каждый историческій моментъ имѣются на лицо элементы и того и другого. Шпенглеровой антитезѣ авторъ предпочитаетъ ту, изъ которой она вышла, — Контову: антитезу «органическихъ» и «критическихъ» стадій развитія. Однако, въ Контову формулу авторъ вкладываетъ иное, свое, содержаніе. «Критическая» стадія для него — стадія «сознательной» жизни, а переходъ къ этой стадіи равносиленъ для него выходу культуры изъ тѣсныхъ рамокъ религіознаго традиціонализма или, что тоже, примитивной «народности», и пріобщеніе къ общечеловѣческой жизни, — что не исключаетъ сохраненія національнаго начала, напротивъ — впервые способствуетъ его раскрытію. Элементы Контовской концепціи здѣсь на лицо, но уголъ зрѣнія иной. Для Огюста Конта «критическіе» періоды были періодами болѣзни; для своихъ тезиса и антитезиса создатель культа «Гранъ Этръ» ждалъ восполненія въ синтезѣ, въ «новомъ средневѣковьѣ». «Органичность» не была для него непремѣнно «безсознательностью» — и въ этомъ отношеніи онъ стоялъ прочнѣе на почвѣ исторіи, чѣмъ авторъ Очерковъ: время св. Ѳомы, Данте, Людовика Святого, было временемъ завершенія средневѣковой системы и вмѣстѣ — ея осмысленія, торжества и «органичности» и «критичности» (въ смыслѣ, который усвоенъ этому термину П. Н. Милюковымъ). Для автора Очерковъ «критическая» стадія есть высшая и окончательная стадія національнаго развитія. Признать это ему тѣмъ легче, что, повторяю, Контовскій терминъ онъ понимаетъ иначе, нежели самъ Контъ: «критическая» стадія, согласно П. Н. Милюкову, характеризуется не непремѣнно безвѣріемъ, а отходомъ отъ традиціонной, неразсуждающей вѣры. Замѣчательно тонко и глубоко про-

ведена у него, съ этой точки зрѣнія, параллель между духовной эволюціей русскаго народа и народовъ З.-европейскихъ, — французовъ, съ одной стороны, нѣмцевъ и англосаксовъ, съ другой и показана большая въ этомъ смыслѣ сложность и трагичность русскаго развитія, обусловленная особой структурой православія и порожденными этой структурой отношеніями Общества и Церкви въ «критическій» періодъ, отношеніями которыя я бы выразилъ формулой римскаго поэта: nec sine te nec tecum vivere possum. На практикѣ, конечно, каждый избираетъ для себя ту, либо другую точку весьма неустойчиваго равновѣсія, что неизбѣжно влечетъ за собою односторонность оцѣнокъ и сужденій, подчасъ разладъ между симпатіями и убѣжденіями, ту трагическую «критичность» (въ Контовскомъ смыслѣ), которая, по всей вѣроятности, и была главной причиною, почему русская культура въ ея цѣломъ еще не могла стать предметомъ спокойно - сочувственнаго созерцанія, а значитъ и объективнаго научно - художественнаго ея возсозданія — фактъ, недавно отмѣченный Г. П. Федотовымъ въ статьѣ «Россія Ключевскаго» (Совр. Зап. № 50). Но не восполняютъ - ли этого пробѣла какъ разъ «Очерки» П. Н. Милюкова, въ особенности въ ихъ новой столь значительно дополненной, редакціи?

Авторъ изъ двухъ терминовъ дилеммы sine te или tecum избралъ для себя повидимому первый. Отсюда, вѣроятно тѣ умолчанія о существеннѣйшихъ явленіяхъ въ исторіи духовнаго развитія Россіи, которыя были мною отмѣчены въ рецензіи на 1-ую часть II-го тома Очерковъ («Числа», № 5). Но самое глав ное — не въ этомъ, а въ томъ, что установка автора, характеризующаяся отрицательнымъ по существу признакомъ, тѣмъ самымъ до крайности обѣдняетъ схему, опредѣлившуюся усвоенной имъ періодизаціей: «критическій» періодъ оказывается періодомъ, котораго главный признакъ только тотъ, что изъ жизни нѣчто выпало. Это — періодъ вступленія Россіи въ стадію «европейскаго» (т. е. общечеловѣческаго), т. е. сознательнаго, а значитъ и «національнаго» развитія. Но въ чемъ же національная сторона русской міровой культуры? Характерны неопредѣленность сужденій и колебанія автора всякій разъ, когда ему приходится касаться этого вопроса. Такъ напр., въ музыкѣ Чайковскаго «національнымъ» оказывается «элементъ» непосредственности чувства и искренности его выраженія» (II, 623), а въ живописи Гончаровой — мотивы лубка (ів. 557) — между тѣмъ какъ, вообще говоря, авторъ, повторяю, разграничиваетъ «простонародное» и «національное».

Такая схема очевидно не годится для того, чтобы можно было уложить въ нее явленія, принадлежащія къ различнымъ жизненнымъ сферамъ, такъ, чтобы представить ихъ какъ показателей одного и того же жизненнаго процесса. Историки культуры — уже давно (Мишле, Гизо, Буркхардъ, Тэнъ), усвоили себѣ точку зрѣнія, легшую недавно въ основу того, что, въ искусствѣ, получило названіе экспрессіонизма — кстати сказать, прекрасно охарактеризованнаго авторомъ въ главахъ о живописи и о музыкѣ: внѣшнее есть выраженіе внутренняго. Поэтому они историческія явленія группируютъ, для ихъ описанія, не по отдѣльнымъ сферамъ дѣятельности, а по отдѣльнымъ моментамъ общаго духовнаго развитія. Для историка культуры исторіи конституцій, музыкальныхъ ладовъ, желѣзныхъ дорогъ, стихосложенія,

церковныхъ догматовъ и т. д. — суть только подготовительныя исторіи, причемъ очень многое, для историка - спеціалиста являющееся весьма важнымъ — поскольку онъ смѣну явленій въ изучаемой имъ сферѣ пытается представить какъ сплошной и замкнутый въ себѣ эволюціонный рядъ, — историкомъ культуры нерѣдко просто отбрасывается. То что далъ авторъ Очерковъ, это скорѣе рядъ такихъ спеціальныхъ исторій, написанныхъ съ исключительной компетентностью, съ исчерпывающей полнотою*), изобилующихъ великолѣпными по тонкости,мѣткости, проникновенности характеристиками**); но эти отдѣльныя исторіи такъ и остаются отдѣльными исторіями, исторіями процессовъ развитія отдѣльныхъ жизненныхъ сферъ, между которыми общаго только то, что каждый изъ нихъ проходитъ стадіи отрыва отъ церковной опеки, секуляризаціи, подражанія Европѣ, затѣмъ самостоятельности и даже вліянія на Европу. Но это вѣдь признаки чисто формальные, годные для нѣкоторой соціологической схемы, а отнюдь не для построенія исторіи данной національной культуры. По счастью, чутье историка нерѣдко беретъ у автора верхъ надъ его собственными схемами и наводитъ его на рядъ сближеній несравненно болѣе содержательныхъ и углубленныхъ, являющихся уже элементами настоящей исторіи культуры. Авторъ самъ признаетъ, что «такъ велика связанность различныхъ сторонъ человѣческаго духа, что стадіи, пройденныя послѣдними поколѣніями въ литературѣ и въ живописи, оказались тѣми же самыми, черезъ которыя прошла и новѣйшая музыка» (II, 645); — а его характеристики Моцарта, Гайдна, Бетховена свидѣтельствуютъ, что эту «связанность» онъ понимаетъ еще гораздо шире, — какъ всякій историкъ культуры.

Къ исторической наукѣ можно примѣнить то, что говоритъ авторъ о музыкѣ (на мой взглядъ — самый, во всѣхъ отношеніяхъ удачный отдѣлъ книги), — а именно, о смѣнѣ «горизонтальнаго письма» (контрапунктъ) «вертикальнымъ» (гармонія). Сперва музыкальное произведеніе — это рядъ параллельно движущихся голосовъ. Затѣмъ — это одинъ голосъ, одна мелодія, поддерживаемая гармоніей, все болѣе и болѣе обогащающейся и разнообразящейся, — нить, на которой висятъ гроздья акордовъ, согласно на рѣдкость удачной метафорѣ автора. Вотъ «Очерки» и представляются мнѣ нѣкоей полифонической сюитой, при всѣхъ ея достоинствахъ все же возбуждающей въ насъ чувство сожалѣнія.

---

*) Есть, впрочемъ, исключенія. Въ отдѣлѣ о пластическомъ искусствѣ авторъ обошелъ молчаніемъ скульптуру. Русская скульптура, правда, не богата, но все-же существуетъ. Въ отдѣлѣ о школѣ слишкомъ ужъ мало сказано о Московскомъ благор. пансіонѣ (Здѣсь я ограничиваюсь только отчетной частью «Очерковъ»).

**) Нерѣдко — путемъ сближеній, напримѣръ, Венеціанова съ Карамзинымъ, Перова съ Некрасовымъ, Врубеля со Скрябинымъ. Менѣе удачно сближеніе Брюллова съ Державинымъ: «Подобно пѣвцу Фелицы, онъ старался вдохнуть жизнь въ отжившія классическія формы; но, продолжая пользоваться этими самыми формами, онъ такъ же быстро устарѣлъ вмѣстѣ съ ними» (II, 519). Державинъ меньше всего думалъ объ оживленіи старыхъ формъ. Онъ просто пользовался ими, зачастую ломая ихъ, когда ему приходилось въ нихъ тѣсно. «Устарѣлъ» онъ не въ силу того, что, подчинивъ себя устарѣвшимъ формамъ, не смогъ развернуть своего генія, а просто въ силу того, что читатели, порабощенные школьной теоріей словесности, за «формами» долгое время не умѣли видѣть и цѣнить генія Державина.

что авторъ не написалъ вмѣсто нея болѣе соотвѣтствующей нынѣшнему вкусу тщательно гармонизованной сонаты. Вернемся еще разъ къ заключительной части II-го тома. Она открывается краткой полемикой автора съ тѣми, кто понятію «духовнаго» придаетъ «значеніе абсолютнаго начала, выводящаго изслѣдователя за предѣлы познаваемаго міра.» Противъ такого ограниченія задачи не станетъ возражать ни одинъ историкъ. Не столь безусловно, однако, можно послѣдовать за авторомъ въ дальнѣйшемъ ея ограниченіи: «Изучая, далѣе духовную сторону культуры **русскаго народа,** говоритъ онъ, мы не имѣемъ претензіи опредѣлять сущность русской «народной души». Какъ и въ другихъ томахъ Очерковъ, мы описываемъ здѣсь явленія, въ которыхъ общечеловѣческое и типически - русское очень тѣсно связано. Всѣ попытки раздѣлить ихъ до сихъ поръ кончались неудачей, ибо, прежде всего не опирались на строго научный методъ, до сихъ поръ еще и не найденный для такого рода изслѣдованія. Мы охотно признаемъ, что и намъ эта задача была бы не подъ силу».

Разъ можно въ историческихъ явленіяхъ усмотрѣть наличность и «европейскаго» и «типически русскаго», то, какъ бы тѣсно ни было связано одно съ другимъ, очевидно, наблюдающій **уже раздѣлилъ ихъ,** а значитъ нашелъ и методъ для этого, — тотъ методъ, какимъ вообще мы руководствуемся — пусть и безсознательно — для распознанія какой либо индивидуальности; т. е. методъ сравненія. Самъ же авторъ и примѣняетъ его, сравнивая напр. структуры различныхъ вѣръ и опредѣляемыя ими формы отношенія религіи къ другимъ сторонамъ жизни. Это подводитъ насъ къ другой сторонѣ проблемы. «Народная душа» для историка не существуетъ какъ нѣкая метафизическая величина, лежащая за явленіями. Она есть **сами эти явленія,** но не какъ нѣкая сумма ихъ, ни какъ совокупность рядовъ явленій. Ея индивидуальность, для историка, исчерпывается ея — вѣчно измѣняющейся — **структурой,** опредѣляемой соотношеніями, въ каждый данный историческій моментъ, всѣхъ жизненныхъ сферъ. Структура эта — или, что то же, **жизненный стиль** даннаго народа въ данный моментъ его жизни, служитъ показателемъ не «абсолютнаго начала», не вѣчно тождественной себѣ «народной души», о чемъ, авторъ правъ — никто ничего толкомъ не знаетъ, но господствующихъ въ данномъ мѣстѣ и въ данное время тенденцій,того, что уже давно историки культуры разумѣютъ подъ «духомъ» (esprit, Geist) даннаго народа и даннаго момента. Такъ понимаемый «духъ» не есть ни мнимая, ни ускользающая отъ наблюденія, т. е. все равно что мнимая, величина. Напротивъ, она - то и есть истинный объектъ научнаго изслѣдованія. Мы видѣли, что авторъ то и дѣло подходитъ къ ней и подчасъ очень близко.

П. Бицилли.

А. Купринъ, Юнкера. Изд. «Возрожденіе» 1932.

Новый романъ А. Куприна посвященъ быту московскихъ военно - учебныхъ заведеній эпохи Александра III, — вѣрнѣе, — московскаго Александровскаго военнаго училища, въ которомъ въ свое время учился и самъ А. Купринъ. Попутно показанъ московскій бытъ того времени. Картины московской жизни переданы съ удивительнымъ мастерствомъ и яркостью. Балъ въ Маріинскомъ Институтѣ; дачная жизнь; катанье на

конькахъ на Чистыхъ Прудахъ; Маслянница; тройки; парады; домашнія вечеринки, гдѣ «пѣли, танцовали подъ піанино, играли въ petit jeux, и въ какомъ то круговоротномъ безпорядкѣ влюблялись то въ Юленьку, то въ Оленьку, то въ Любочку, и всегда тамъ хохотали», — эти разныя и несхожія между собой картины скрѣплены въ одно живое цѣлое мастерствомъ писателя и любовью къ прошлому, любовью къ Москвѣ, любовью къ своей и чужой молодости. Эти картины московскаго быта останутся художественными документами, волнующими современниковъ автора напоминаніями, а для новаго поколѣнія — идиллическими разсказами о неправдоподобномъ благополучіи.

А. Браславскій.

М. Осоргинъ.
«Свидѣтель исторіи».
Скл. изд. «Москва», Парижъ. 1931.

О М. Осоргинѣ можно было - бы написать обстоятельное изслѣдованіе. Если - бъ мнѣ предстояло сдѣлать это, я бы началъ съ опредѣленія основной сущности Осоргина — съ его способности любить!

Безъ любви нѣтъ надежды приблизиться къ истинѣ.

Мнѣ кажется, что лучшая, — на мой взглядъ, очень хорошая, — книга Осоргина это «Повѣсть о сестрѣ». Это сдержанно - страстное, напряженное, «безхитростное», недоумѣвающее повѣствованіе о гибели молодой, красивой, умной, по внѣшнимъ признакамъ казалось бы созданной для всяческихъ успѣховъ, женщины. Она умираетъ отъ рака. И такъ какъ никому не понятно,зачѣмъ она жила, зачѣмъ была красива и талантлива, когда ей предстояло погибнуть такой ранней, такой мучительной смертью; и такъ какъ никто, даже самъ авторъ, и вопроса такого не задаетъ, то ощущеніе мучительнаго сожалѣнія, горесть утраты, человѣческой незначительности, еще больше усугубляются. Эта повѣсть «перекликается» со «Смертью Ивана Ильича» и съ «Жизнью» Мопассана. Несмотря на это,«Повѣсть о сестрѣ» живетъ самостоятельный, полной и значительной жизнью законченнаго художественнаго произведенія.

Конечно Осоргинъ писатель, — о личномъ, объ окружающемъ его, о своемъ. Поэтому хороши «Вещи человѣка», «Тамъ гдѣ былъ счастливъ» и куда блѣднѣе пытающійся уже перейти въ эпосъ «Сивцевъ Вражекъ».

«Свидѣтель Исторіи» романъ еще не оконченный, вышелъ только первый томъ, поэтому писать о немъ можно только съ оговорками. Въ томъ видѣ, въ какомъ книга теперь представляется, ıожно сказать, что это вещь мало удачная. По моему въ двухъ случаяхъ можно писателю обращаться къ историческимъ фактамъ: когда онъ пишетъ о дѣлахъ, въ которыхъ лично принималъ участіе — воспоминанія (напр. «Записки террориста» Савинкова), тамъ пристрастіе искупается отвѣтственностью; или же такъ называемый историческій романъ, гдѣ, отойдя далеко въ сторону, пытается опредѣлить свой взглядъ на событія. М. Осоргинъ рѣшилъ пройти по серединѣ: оттого ли что русская революція событіе слишкомъ свѣжее и сказать намъ что - нибудь интересное, для нашего современника трудно, или почувствовавъ всю неблагодарность историческаго романа. Остроты же личнаго участія, авторъ придать своей вещи не могъ или не захотѣлъ. «Свидѣтель Исторіи» посвященъ жизни Наташи Калымовой, той самой, ко-

торая бросала (или помогала бросать) бомбу, бѣжала во главѣ 12-ти заключенныхъ изъ тюрьмы, пересѣкла пустыню Гоби и умерла во Франціи. Читая ея письмо изъ тюрьмы (когда она ждала казни) Толстой написалъ свое «Не могу молчать» и не безъ связи съ Наташей Калымовой писался, мнѣ кажется, «Разсказъ о семи повѣшенныхъ». Осоргинъ обстоятельно разсказываетъ о бомбахъ, объ ограбленіи почты, о томъ какъ связывали надзирательницъ и пр., а вѣдь это малозначительныя, потому что внѣшнія, вещи. Но гдѣ приходится коснуться жизни души, хотя бы самой героини Наташи Калымовой, тамъ Осоргинъ неубѣдителенъ. Она была осуждена на смерть, ей сообщили что ея мужъ Медвѣдь — Олень — казненъ; что она почувствовала, что подумала, какой душевный сдвигъ долженъ былъ произойти? Впрочемъ, подождемъ конца «Свидѣтеля Исторіи».

В. Яновскій.

Сергѣй Горный.
«Ранней весной». Изд. «Парабола». Берлинъ, 1932 г.

«Я разскажу вамъ о своемъ самомъ волшебномъ времени, о времени сладостномъ и неповторномъ. Такомъ напряженномъ. Такомъ значительномъ.

О дѣтскихъ дняхъ моихъ».

Къ книгѣ Сергѣя Горнаго «Ранней весной» трудно подобрать лучшій эпиграфъ чѣмъ эти начальныя слова одного изъ помѣщенныхъ въ ней разсказовъ.

Уже не молодой человѣкъ съ любовью склоняется надъ своимъ дѣтствомъ. Все тогда, и люди и вещи, самый воздухъ тѣхъ дней были другими чѣмъ теперь, живыми и одушевленными. Авторъ съ любовью описываетъ весь этотъ міръ дѣтскихъ видѣній и мечтаній, исчезнувшее счастье того времени когда передъ его окрывающимися радостными глазами міръ возникалъ волшебнымъ и прекраснымъ.

Иванъ Ильичъ, умирая въ страшныхъ мученіяхъ, вспомнилъ, что во всей его жизни только въ дѣтствѣ было что то хорошее. Это что то хорошее бывшее въ дѣтствѣ и запечатлѣнное памятью старается назвать Сергѣй Горный.

Онъ не хочетъ отходить отъ времени дѣтства, такъ какъ то время было большою — первою и, можетъ быть «единственной любовью нашей жизни, и отъ любви, отъ тепла не хочется отходить.

Это такъ понятно».

О томъ, какъ сердце человѣка отпало отъ любви и медленно сохло и мертвѣло, авторъ не хочетъ разсказывать. Онъ не говоритъ, какъ случилось, что «теперь въ года грузные и пасмурные, во взрослой усталой и такъ и не осмыслившей міра душѣ, — нѣтъ откликовъ, нѣтъ перезвоновъ, перекличекъ и плеска». Мнѣ вспоминаются трагическія слова Аненскаго: «подумай на рукахъ у матерей все это были розовыя дѣти».

Мнѣ кажется, что все творчество Толстого выросло изъ страшнаго и неслыханнаго усилія его сердца вырваться опять въ любовь какъ въ «истинно - существующее» бытіе. Онъ заставлялъ себя это сдѣлать, какъ бодлэровскій ангелъ терзалъ атеиста. Это былъ послѣдній услышанный людьми христіанскій призывъ къ борьбѣ «до побѣднаго конца» даже въ томъ случаѣ, если очевидно, что «побѣднаго конца» не будетъ и не можетъ быть.

Сергѣй - же Горный останавливается только на воспоминаніи о томъ, что въ дѣтствѣ было что то хорошее. Онъ не хочетъ идти дальше. Эта книга только

напоминаніе, а не призывъ. Я долженъ сказать, что такъ же, какъ и въ писаніяхъ о дѣтствѣ Осоргина, въ книгѣ «Ранняя весна» есть нѣкоторый привкусъ аффектаціи и душевной и литературной. Когда пишутъ о дѣтствѣ, это всегда бываетъ трогательно. Здѣсь авторъ какъ бы пользуется силой этой обязательности для каждаго человѣка быть тронутымъ, когда ему разсказываютъ о дѣтствѣ. Кромѣ того, мнѣ кажется, что такая книга могла бы быть написана проще. Напримѣръ, конецъ одного разсказа: «На военномъ кладбищѣ, за горнымъ институтомъ штабсъ - капитанъ Евгеній Прохоровскій похороненъ.

Все».

Это «все», явно — разсчитанный стилистическій пріемъ.

Но это второстепенно. Важно то, что книга выросла изъ настоящаго сердечнаго волненія. Въ наше время, когда всѣ пишутъ хорошо, но часто попусту, такъ какъ исчезло въ душахъ, «волненіе», — это очень цѣнно.

В. Варшавскій.

В. Сиринъ.
«Подвигъ». Изд. «Соврем. Зап.» 1932.

Очень трудно писать о Сиринѣ: съ одной стороны это молодой писатель, въ то же время — признанный «классикъ».

И вотъ не знаешь что сказать: очень талантливая, но мало серьезная книга — если молодой писатель, безнадежное сниженіе «духа» — если классикъ.

Сирина критики часто ставятъ рядомъ съ Бунинымъ. Бунинъ несомнѣнно связанъ съ концомъ классическаго періода русской литературы. Какъ словесное искусство, творчество его стоитъ на уровнѣ самыхъ высокихъ образцовъ, даже приближается къ какому то торжественному совершенству, котораго можетъ быть и раньше ни у кого не было. Иногда кажется, что и Толстой такъ хорошо не описывалъ «пейзажи». Но въ то же время изсякло великое и страшное волненіе, изъ котораго родилось творчество Толстого и Достоевскаго (иностранцы вѣроятно, все таки, правы говоря Tolstoï и Dostoïevsky какъ только заходитъ разговоръ о русской литературѣ). И все же у Бунина есть что - то подкупающе - величественное, что - то надменно - архаическое. Это творчество человѣка *вымирающей, неприспособившейся* расы. Послѣдній изъ могиканъ.

Побѣждаетъ раса болѣе мелкая, но болѣе гибкая и живучая. Именно какое - то нѣсколько даже утомительное изобиліе физіологической жизненности поражаетъ, прежде всего, въ Сиринѣ. Все чрезвычайно сочно и красочно, и какъ то жирно. Но за этимъ разлившимся въ даль и въ ширь половодьемъ — пустота, не бездна, а плоская пустота, пустота какъ мель, страшная именно отсутствіемъ глубины.

Какъ будто бы Сиринъ пишетъ не для того, чтобы назвать и сотворить жизнь, а въ силу какой-то физіологической потребности. На это скажутъ «ну и хорошо, и птицы такъ поютъ». Но человѣкъ не птица.

Искусство какъ отправленіе нѣкоторой природной функціи — вѣроятно вполнѣ законно. Отъ живописи, напримѣръ, кажется и не принято требовать большаго. Но послѣ «Толстого и Достоевскаго» позволительно думать, что литературѣ суждена иная судьба.

Повидимому въ древности литература была близка къ мифологіи, соприкаса-

лась съ тѣмъ, что Бергсонъ назвалъ «статической религіей». Лучшіе писатели христіанской эры какъ бы прорывались въ область близкую къ абсолютной религіи. Однимъ изъ послѣдствій этихъ двухъ опытовъ было появленіе чисто-формальной литературы, искусство хорошо писать. Постепенно это «функціональное» искусство стало чѣмъ то самостоятельнымъ, отдѣлившимся отъ того душевнаго волненія, которое его родило. Появился рядъ писателей, успѣшно овладѣвшихъ этимъ опредѣлившимся искусствомъ, но имъ и во снѣ не снилось все то духовное творчество, однимъ изъ производныхъ, вторичныхъ результатовъ котораго оно явилось.

Какъ бы хорошо такіе писатели не писали, все это ни къ чему.

Долженъ сказать, что именно такимъ писателемъ мнѣ представляется пока Сиринъ.

Читая «Подвигъ», я все время чувствовалъ, что это очень хорошо и талантливо написано. Правда, мнѣ не очень нравилось. Прустъ говорилъ, что обыкновенно любятъ тѣхъ писателей, въ которыхъ узнаютъ самого себя. Въ хорошихъ писателяхъ узнаетъ самихъ себя, свою жизнь большинство людей. Читая Сирина, сквозь нѣкоторую экзотичность его образовъ, я все-таки узнавалъ непосредственныя перцепціи пяти чувствъ. Но дальше уже ничего нельзя было узнать.

Одно время мнѣ показалось, что «идея» романа въ томъ, что герой понимаетъ невозможность и неправедность индивидуальнаго личнаго счастья и приходитъ, какъ къ единственному спасенію, къ «подвигу», къ отдачѣ себя въ неосознанной любви къ чему то высшему и къ другимъ людямъ, къ ихъ общему дѣлу. Тогда бы все это имѣло отношеніе къ чему то важному и существенному и именно теперь имѣющему особенный интересъ. Но я скоро долженъ былъ убѣдиться въ необоснованности и произвольности моего предположенія. Никакого «жизнеученія» въ основѣ романа нѣтъ. Это какъ бы сырой матеріалъ непосредственныхъ воспріятій жизни. Эти воспріятія описаны очень талантливо, но не извѣстно для чего. Все это даетъ такой же правдивый и такой же ложный, ни къ какому постиженію не ведущій мертвый образъ жизни, какъ напримѣръ ничего не объясняющее, лишенное реальности, графическое изображеніе движенія. Хорошо написано, доставляетъ удовольствіе. Но дальше ничего. Читателя приглашаютъ полюбоваться и это все. Его никуда не зовутъ. Послѣ чтенія, въ его душѣ ничего не измѣнилось. Живописецъ или кинематографическій операторъ изъ Сирина вышелъ бы вѣроятно очень хорошій, но врядъ ли ему удастся создать **un nouveau frisson.**

Можетъ быть это и объясняетъ повсемѣстное признаніе Сирина въ вѣчно существующей и неизбѣжной академіи.

Темное косноязычіе иныхъ поэтовъ, все-таки, ближе къ настоящему серьезному дѣлу литературы, чѣмъ несомнѣнная блистательная удача Сирина.

В. Варшавскій.

Ю. Фельзенъ. «Счастье», изд. «Парабола». Берлинъ, 1932.

Мнѣ кажется, что Ю. Олеша правъ и что въ своей послѣдней бесѣдѣ онъ говорилъ не только о себѣ. Ощущенье пустоты, отказъ отъ всякаго рода писательства — «развѣ какое нибудь личное высказыванье, развѣ дневникъ какой ни-

будь» очень примѣчательны. Чувство неблагополучія современной литературы, недовѣріе къ традиціоннымъ формамъ повѣствованія, боязнь неискренности «литературы» — въ наше время не пустыя слова. Блестящіе романы и повѣсти, формальныя удачи насъ не удовлетворяютъ. Въ современномъ сознаньи намѣтилось чувствованье чего то такого, чему прежнее пониманіе романа не соотвѣтствуетъ. Продолжать традиціи сейчасъ признакъ извѣстнаго рода нечувствія, и всякая попытка, сколь бы она внѣшне ни казалась убѣдительной, заранѣе обречена на неудачу.

Ю. Фельзенъ отдаетъ себѣ отчетъ въ задачахъ современнаго писателя. Онъ проводитъ себя черезъ большой внутренній искусъ, его достоинства, его срывы и неудачи какъ бы предрѣшены сложностью заданья. Среди другихъ нашихъ новыхъ писателей, Фельзена многіе считаютъ наиболѣе послѣдовательнымъ прустіанцемъ. Дѣйствительно, манера его письма, его аналитическій пріемъ носятъ на себѣ слѣды вліянья Пруста.

Но за всѣмъ этимъ — болѣе глубоко, болѣе внутренне Фельзенъ представляется мнѣ связаннымъ съ русскими истоками, а именно съ Лермонтовской прозой. Мотивы его интроспекціи, смотрѣнья въ себя иные, чѣмъ у французскаго писателя; въ главномъ — это русское влеченье къ сути вещей, углубленье въ себя, но съ тѣмъ, чтобъ въ конечномъ счетѣ за предѣлы себя выйти. Фельзенъ честенъ и безпощаденъ къ себѣ, и эта честность, необходимость, жертвуя всѣмъ, вплоть до сознательнаго осложненія языка, высказать именно то, что нужно высказать — воля не случайная, усиліе очень важное.

«Мы съ вами отъ добросовѣстности, отъ искренности, благодаря постояннымъ взаимнымъ провѣркамъ — всегда стараемся высказаться наиболѣе ясно, незамѣтно - мучительно боремся со словами и досадуемъ на всякую ихъ неточность, и я, *пожалуй, изъ нашихъ* разговоровъ убѣдился съ наибольшей наглядностью, что не человѣкъ для языка, а, безъ сомнѣнія, языкъ для человѣка; что мы вправѣ ломать существующій языкъ, если не можемъ при его посредствѣ себя и свое выразить, и что грѣхъ передъ человѣческимъ достоинствомъ и назначеньемъ — недоговаривать, малодушно языку уступать. Все это требуетъ медленной и страстной работы надъ каждымъ словомъ: пускай получатся неуклюжія, неловкія сочетанья — по крайней мѣрѣ, будетъ высказано дѣйствительно нами задуманное, а не то *приблизительное и случайное*, что у насъ появляется въ легкомысленной, горячечной спѣшкѣ изъ - за лѣниваго подчиненія какой - нибудь внѣшне удавшейся фразѣ. Пускай такъ - же не достигнется видимости размаха и «воздуха», но воздухъ во всякомъ творчествѣ (простите за дешевое остроумничанье) неминуемо становится «водой» и заманчивыя широкія изліянія насъ отучаютъ и уводятъ отъ «настоящей сути вещей».

Романъ «Счастье» не написанъ для тѣхъ, кто ищетъ легкаго и пріятнаго отдыха. Фельзенъ требуетъ отъ читателя усилія и вниманья, это писатель для медленнаго чтенія. Но, сдѣлавъ надъ собой усиліе, сосредоточивъ вниманіе, постепенно входишь въ строй мысли автора, начинаешь цѣнить и понимать его намѣреніе — и далѣе — самъ читатель запротестовалъ бы, если бы вдругъ Фельзенъ перешелъ на блестящее повѣствованье.

Дѣло въ томъ, что психологизмъ Фельзена, его детали, его, для поверх-

ностнаго читателя, излишнее «копанье въ себѣ», соединены объединяющимъ началомъ: они внутренне мотивированы. Не боясь оказаться подчасъ излишне подробнымъ, возвращаясь къ одному и тому же переживанію своего героя, беря его то въ томъ, то въ иномъ разрѣзѣ, Фельзенъ не выдумываетъ, не показываетъ: онъ честенъ. И честность эта возвышаетъ его тамъ, гдѣ психологизмъ, какъ намѣреніе, неминуемо бы сорвался.

Воля договориться до конца, дойти до сути вещей, таитъ въ себѣ опасность, быть можетъ, — гибель. До чего нужно договориться и какая суть можетъ намъ открываться? При всемъ своемъ величіи, Прустъ представляется мнѣ лишь высшей точкой, которой могла достигнуть матеріальная въ своемъ внутреннемъ существѣ Западная Европа. Русскому писателю — можетъ и — не должно ли — открываться больше? — Это вопросъ, который какъ - бы тяготѣетъ надъ «линіей» Фельзена. Напряженье его романа къ концу не то, что ослабѣваетъ, мнѣ кажется, не въ то разрѣшается. Смерть Марка Осиповича, ея измѣна, не производятъ въ Еленѣ Владиміровнѣ того переворота, который произойти могъ бы, и все таки Володя, герой, чего то до конца себѣ не уяснилъ. Но Фельзенъ по своему правъ. Его книга — одна изъ самыхъ честныхъ книгъ, написанныхъ въ эмиграціи.

Ю. Терапіано.

Н. Берберова «Повелительница» «Парабола», Берлинъ, 1932.

Новый романъ Н. Берберовой «Повелительница» съ первыхъ страницъ располагаетъ къ себѣ сосредоточенностью, ясностью композиціи. «Повелительница», я думаю, лучшее изъ того, что было до сихъ поръ Берберовой опубликовано.

Берберова стала сдержаннѣе, проще; она научилась ограничивать себя въ смыслѣ заданнаго, и это отступленіе отъ «линіи Достоевскаго» можно только привѣтствовать.

Ограничивъ себя въ смыслѣ вопросовъ, которые она хотѣла затронуть въ «Послѣднихъ и Первыхъ», Берберова въ «Повелительницѣ» много свободнѣе, зрѣлѣе. Повѣствованіе само собой становится яснымъ и грустнымъ, ненамѣренный трагическій тонъ книги передается читателю.

То, что было уже въ раннихъ произведеніяхъ Берберовой — ея богатый внутренними интонаціями голосъ, энергія и совсѣмъ не женская выразительность, пріобрѣтаютъ теперь все большую убѣдительность. Хочется отмѣтить, очень характерную для Берберовой — ея вѣрность человѣку нашего времени: это всегда, даже въ болѣе слабыхъ вещахъ ея, насъ задѣваетъ — столкновеніе побѣдителей и побѣжденныхъ жизнью, внутренняя красота будничнаго русскаго подвига, русской женщины особенно.

У Берберовой есть свойство, можетъ быть безсознательная ея находка, располагать дѣйствіе какъ бы въ двухъ планахъ. Въ то время, какъ авторъ занятъ, или дѣлаетъ видъ, что занятъ только главными дѣйствующими лицами, второстепенные его герои, помимо предоставленнаго имъ мѣста въ главномъ дѣйствіи, создаютъ свое второе дѣйствіе, не менѣе напряженное. Любовь Кати и Ивана въ «Повелительницѣ», ихъ отношеніе къ Сашѣ, ихъ безвыходность даны очень остро. И то, что

второстепенные персонажи романа намѣчены лишь нѣсколькими рѣзкими штрихами, ихъ еще болѣе усиляетъ, — главное, существенное, въ нихъ дано. Шьющая на машинкѣ въ домѣ Шиловскихъ Катя, немногословные разговоры Кати и Ивана съ Сашей, ихъ трагедію, ихъ страданія читатель видитъ.

Героиня романа, Лена Шиловская — «Повелительница» среди всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, представляется мнѣ нѣсколько надуманной. Слишкомъ много возможностей дано ей авторомъ и слишкомъ малаго она хочетъ, чтобъ заполнить свою — и жизненную и душевную — пустоту.

Берберовой Шиловская нужна, — не для того, конечно, чтобъ нарисовать типъ новой женщины, но для того, чтобы въ столкновеніи Саши съ ней, «особенной женщиной», которую «трудно любить», дать возможность герою почувствовать нѣчто большее.

О чемъ романъ? На фонѣ благополучной любви, благополучной **пока**, представителей третьяго поколѣнія эмигрантской молодежи Андрея и Жени, бѣженскаго сожительства портнихи Кати со старшимъ братомъ героя шоферомъ Иваномъ (за сценой — мать Саши и Ивана — злое олицетвореніе буржуазнаго мѣщанства) происходитъ встрѣча юноши Саши — со стихіей любви, съ сущностью ея, мучительной, страшной, безысходной.

Рожденіе въ немъ новаго міра, узнаванье о томъ, о чемъ Саша не подозрѣвалъ — его мука. Лучшія страницы о Сашѣ — пробужденіе въ немъ любящаго, его бунтъ, его возвращеніе.

Лена Шиловская оказывается побѣдительницей. Но развѣ это она побѣждаетъ? Къ чему она можетъ привести — Лена сама по себѣ? Уступать себя въ планѣ чувственности, но духовно оставаться свободной, любить и духовно никому не принадлежать — нельзя. Это острота, большая, не чувственная, конечно, душевная острота, но это вѣдь — себялюбіе.

Въ тотъ моментъ, когда Саша, потрясенный и обезсиленный, возвращается къ Ленѣ, по существу онъ побѣжденъ не Леной, она еще, сама того не подозрѣвая, внѣ любви, но побѣжденъ большимъ, — самой трагической природой любви, испепеляющей всякаго, кто пытается любить себя лишь ради, во имя **свое**.

Ю. Терапіано.

Владимиръ Зензиновъ.

Le Chemin de l'Oubli. Paris, 1932. Иллюстрированн. 18-ю фотогр.

« Oh, wunderschön ist gottes Erde und schön auf ihr ein Mensch zu sein».

Эти строки на клочкѣ старой газеты, попавшіяся на глаза автору «Le Chemin de l'Oubli»,среди ледяного одиночества и мертваго безмолвія снѣговой пустыни, могли бы быть эпиграфомъ книги.

Объ арктикѣ и антарктикѣ написано не мало. Совсѣмъ недавно Бирдъ издалъ обширный томъ о своей экспедиціи, а кинематографъ запечатлѣлъ ея эпизоды и даже полетъ надъ полюсомъ. Но, не смотря на фотографіи, радіо и фильмъ, полярной страны Бирдъ не даетъ почувствовать, можетъ быть, потому, что основная черта полярныхъ странъ — именно, одиночество.

Книга Зензинова, разсказываетъ о человѣкѣ наединѣ съ жесточайшей природой. Немногіе люди, съ которыми ему приходилось сталкиваться, настолько примитивны, что какъ бы составляли

часть неодухотвореннаго міра: ощущеніе одиночества ими не разрѣшалось. И тѣмъ не менѣе « Le Chemin de l'Oubli » — книга о бодрости и, пожалуй, героическая книга.

Несмотря на невѣроятныя, подчасъ превышающія силы человѣческія трудности, какія приходилось преодолѣвать автору за четыре года ссылки — онъ страстно любитъ жизнь, эстетически ее воспринимаетъ и заставляетъ читателя увидѣть красоту сѣвера.

Въ снѣговой ли могилѣ «поварни», на трое сутокъ глубоко похороненный пургой, подъ свистъ и вой мятели, въ жалкой ли хибаркѣ Русскаго Устья, на крышѣ которой ему иногда хочется выть отъ тоски, какъ голодному волку, безконечной полярной ночью или томительными, негаснущими днями, въ ужасающемъ ли холодѣ, когда дыханіе выходитъ изо рта съ легкимъ потрескиваньемъ не въ видѣ пара, а въ видѣ легкихъ мгновенно замерзающихъ росинокъ, или недѣлями въ непросыхающей одеждѣ при бойнѣ - охотѣ на гусей — Зензиновъ видитъ окружающее глазами художника.

Великолѣпныя сѣверныя сіянія, огромныя звѣзды на холодномъ небѣ, ослѣпительные алмазы снѣжныхъ розсыпей, мощный ледоходъ, жданная короткая весна, странное лѣто, почти безъ цвѣтовъ, но съ обиліемъ птицъ и снова зима, стремительная ѣзда на оленяхъ или собакахъ, и опять снѣгъ, снѣгъ и мертвая хватка мороза.

Само время какъ бы застыло въ томъ краю, о которомъ повѣствуетъ книга Зензинова. Бытъ, котораго ему довелось быть подневольнымъ наблюдателемъ, существовалъ за вѣка до политической ссылки — неизмѣненъ и по сіе время. И хотя на Аляскѣ, по утвержденію того же Зензинова, эскимоски надѣваютъ модныя платья, доставляемыя на аэропланахъ — юкагирская женщина на берегахъ Индигирки въ дымной своей юртѣ и понынѣ двигается подъ вериговый лязгъ желѣзныхъ бляхъ, украшающихъ ея груди и мелодическій звонъ колокольчика, привѣшеннаго къ ея поясу.

Труднѣе всего ощутить то, что обычно: вымытое тѣло, свѣжую одежду, жилище, обстановку, утварь, хлѣбъ, тепло... Разсказъ о людяхъ, которые моются лишь при рожденіи, да въ день свадьбы, спятъ нагими, одѣваются въ мѣха, питаются только рыбой — сырой, мороженой или вареной, и живутъ, непрестанно отстаивая свою жизнь отъ холода и голода, въ совершенномъ невѣжествѣ (но все же съ неписанымъ кодексомъ дикой морали и обиходной честности) — заставляетъ ощутить такъ называемыя блага цивилизаціи.

Холодъ лютъ, и, однако, не такъ же ли влечетъ къ себѣ сѣверъ узнавшихъ его, какъ пустынножителя раскаленная пустыня. Полярные изслѣдователи служатъ тому примѣромъ. Книга Зензинова, соединяющая въ себѣ серьезность этнографическо - географическаго труда съ яснымъ и легкимъ занимательнымъ изложеніемъ, даетъ ключъ къ постиженію жестокаго очарованія.

Помимо своихъ художественныхъ достоинствъ она является еще и поучительнымъ матеріаломъ для сравненія отношенія къ политическому противнику дореволюціонныхъ и пореволюціонныхъ властей. Несмотря на то, что Зензиновъ, вслѣдствіе личной стычки съ губернаторомъ, былъ подвергнутъ самой суровой формѣ ссылки, — онъ ѣхалъ въ нее, не только снабженный всѣмъ необходимымъ, но сверхъ того оружіемъ, фотографическимъ аппаратомъ, метеоро-

логическими приборами, книгами, лекарствами и даже спиртомъ — на восемнадцати оленяхъ, какъ почетный изслѣдователь, и жилъ въ огромномъ своемъ районѣ, какъ свободный человѣкъ. Режимъ Соловковъ иной.

Ек. Бакунина.

Ал. Буровъ.
Была земля «Парабола»
Берлинъ, 1932 г.

Если бы тотъ проблематическій «будущій историкъ», о которомъ такъ любятъ говорить критики, пожелалъ ознакомиться съ душой и настроеніями русскаго эмигранта, незадачливаго «бѣженца», щепки срубленнаго лѣса, — книга Бурова была бы ему полезна. Въ ней не только есть вниманіе къ жизни, но есть и пониманіе ея. Представленъ, какъ говорится, калейдоскопъ людей. Для каждаго авторъ находитъ нѣсколько чертъ мѣткихъ, правдивыхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы «смягчающія обстоятельства» въ томъ великомъ историческомъ дѣлѣ, куда вольно или невольно каждый изъ нихъ оказался замѣшанъ. Въ эпиграфѣ Буровъ утверждаетъ, что «жизнь прекрасна». Прекрасна вопреки всему, несмотря ни на что: надо только «вѣрить и любить». Слова какъ будто безнадежно избитыя, непоправимо стертыя... Авторъ книги «Была земля» пробуетъ убѣдить, что это не такъ — и достигаетъ цѣли.

Г. А.

Анна Таль

Клѣтчатое Солнце,
изд. «Парабола». 1932.

Книга женщины о женщинѣ явленіе въ русской литературѣ довольно рѣдкое. Я говорю о книгахъ серьезно - задуманныхъ. До сихъ поръ лучшее, сказанное, о женщинѣ — тайное и цѣнное — принадлежитъ перу мужчинъ. Можетъ быть поэтому только и стоитъ отмѣтить новый романъ А. Таль — «Клѣтчатое солнце».

Хотя это не первая книга А. Таль (ей предшествовали и стихи и проза), говорить о ней можно только какъ о началѣ — опытѣ, неудачномъ — во всякомъ случаѣ въ исполненіи. Авторъ не совсѣмъ ясно чувствуетъ, что онъ хочетъ сказать, поэтому и то, какъ это сказано, звучитъ неумѣло — претенціозно.

Героиня, Ольга Кривецкая расплывчатая, смущенно - истеричная, неубѣдительно - положительная личность. Русская - эмигрантка, «нарочно» русская, какъ и «нарочно» не русскіе всѣ ея окружающіе — нѣмцы, французы, итальянецъ, чехъ, американецъ. Ея мятежная душа — («мечется» она въ буквальномъ смыслѣ этого слова: Вѣна, Миланскій соборъ, Берлинъ, Парижскія кафэ, океанскій пароходъ...) къ чему - то стремится, къ какой - то (творческой? любовной?) свободѣ, къ свѣту раздробленному «рѣшеткой тюрьмы». Не совсѣмъ ясно: гдѣ тюрьма? Какая свобода — и къ чему?

Романъ написанъ не безъ волненія — все - же ни къ чему не «привязываешься» — все безразлично. Очень мѣшаетъ внѣшность: — злоупотребленіе «лирикой» — повышенный тонъ. Въ жизни такъ никогда не говорятъ и не думаютъ.

Стараясь разгадать и объяснить свою сложную и слабую женскую натуру, Ольга иногда наталкивается на то, что можно было бы назвать — полуистиной. Но, чаще само слово «женщина» пріобрѣтаетъ какой - то неожиданный смыслъ.

Напримѣръ, разсказывая о борьбѣ со случайной, «низменной» страстью она говоритъ: «Я женщина — это вы совсѣмъ упустили изъ виду» — что это, въ данномъ случаѣ объясняетъ, что оправдываетъ?

Были и есть (въ частности въ англійской литературѣ) писательницы, которыя въ «предѣльной обнаженности» какъ - то облагораживаютъ то, что (инстинктивно влекомая тѣмъ-же желаніемъ) снижаетъ авторъ «Клѣтчатаго солнца».

Происходитъ это, должно быть, оттого, что книга написана не съ «предѣльной честностью» — не о себѣ, не прямо, не просто о своемъ опытѣ. Какая - то декорація, какія - то маріонетки въ которыя трудно вложить хотя - бы немного живой боли, живого счастья. Ольга (и всѣ другіе) это какъ - бы «каждая женщина»,«каждый мужчина». Писать о «каждомъ» — почти недосягаемо. Во всякомъ случаѣ для этого нуженъ большой предтворческій, жизненный опытъ, очень гибкое дарованіе, и можетъ быть еще что - то...

Честнѣе, естественнѣе писать о себѣ, хотя въ опредѣленномъ смыслѣ это и болѣе отвѣтственно и болѣе трудно. Очевидно нужно преодолѣть какой - то страхъ, какой - то стыдъ.

Примѣровъ такого преодолѣнія понятнаго отвращенія къ литературному «я» довольно много въ молодой русской беллетристикѣ — это пожалуй самая большая ея заслуга. Думаю, что и для автора «Клѣтчатаго солнца» подобное усиліе оказалось бы оправданнымъ.

Лидія Червинская.

Маріенгофъ.
Бритый человѣкъ.
Изд. «Петрополисъ»,
Берлинъ, 1932.

Уже много лѣтъ я не читалъ писателей тѣхъ дней, когда еще не было соціальнаго заказа и «попутчики» больше занимались стилистическимъ орнаментомъ, чѣмъ идеями революціи (кажется тогда именно формалисты провозгласили, что «искусство есть сумма пріемовъ» и т. д.). Теперь же, открывъ Маріенгофа, я былъ пораженъ. Мнѣ было трудно читать. Непонятно, для чего утомительно нагроможденные одинъ на другой какіе-то жирные неправдоподобные образы, «остраненныя», а иногда и просто малопонятныя слова, все это вызывало чувство досады. Напримѣръ фраза: «въ вечера, когда безконечность, разбрызгавшись куринымъ желткомъ, не перепачкивала синій фуляръ неба, мы бродили по улицамъ...»

«Comme aux accoutrements, c'est pusilanimité de se vouloir marquer par quelque façon particulière et unisitée, de même au langage la recherche des phrases nouvelles et des mots peu connus vient d'une ambition scolastique et puérile», — писалъ Монтэнъ.

Я вспомнилъ эти слова съ необыкновенной отрадой. Маріенгофъ же представился мнѣ утомительнымъ человѣкомъ, все тщеславіе котораго въ томъ, чтобы одѣваться какъ можно болѣе странно и неестественно, такъ чтобы на улицѣ всѣ пальцами тыкали. Но такъ же какъ не замѣчаешь опечатокъ (сознаніе автоматически подставляетъ правильныя слова), я постепенно привыкъ не замѣчать «имажей» Маріенгофа, и тогда чтеніе его романа мнѣ начало доставлять

удовольствіе. Это все таки на рѣдкость талантливая беллетристика.

Герой, отъ имени котораго ведется разсказъ, убиваетъ своего друга «бритаго человѣка»,въ продолженіе 15-ти лѣтъ вызывавшаго зависть, восхищеніе, влюбленность и медленно растущія ненависть и отвращеніе. Бритый человѣкъ — олицетвореніе самаго низкаго снобизма, циничный хлыщъ и безчувственный себялюбецъ. Въ душѣ его все гладко и пусто, хоть шаромъ покати. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: «— русская душа? Кесъ - кесе? Съ чѣмъ это кушаютъ?... не думаете ли вы, что у насъ въ груди такъ же гладко, какъ и на подбородкѣ?»

Въ послѣдней главѣ описывается, какъ бритый человѣкъ выдавливаетъ герою угри на лицѣ. Вся сцена написана такъ, что читатель испытываетъ физическое отвращеніе. Здѣсь дѣйствительно «пріемъ» достигаетъ своей цѣли. Книга заканчивается словами: «Трудно даже повѣрить, что изъ-за этихъ самыхъ крохотныхъ червячковъ съ издѣвательскими головками и бѣлыми хвостиками, я, на шнурѣ отъ портьеры, повѣсилъ моего друга». Сцена убійства чрезвычайно неубѣдительна и повидимому имѣетъ такое же символическое значеніе, какъ въ повѣсти Алексѣя Толстого «Рукопись найденная среди мусора подъ кроватью».

Самъ герой, отъ имени котораго ведется разсказъ — «униженный человѣкъ». Подъ аффектаціей грязнаго цинизма въ его душѣ какъ то стыдливо запрятаны всѣ добрыя и чистыя чувства и даже какая - то восторженность. Все это описано по черезчуръ явному рецепту «литературныхъ пріемовъ» и досадно приближаетъ Маріенгофа къ Эренбургу и другимъ писателямъ фальшивомонетчикамъ.

Замѣчательна же въ этой книгѣ очень большая, если можно сказать,физически-литературная одаренность Маріенгофа. Та внѣшняя чисто литературная талантливость, такъ щедро отпущенная напримѣръ Алексѣю Толстому и которой въ то же время иногда лишены писатели болѣе значительные.

Можетъ быть лучшее мѣсто въ книгѣ — разговоръ гимназистовъ въ уборной. Несмотря на гиперболическую размалеванность, въ этой сценѣ поражаетъ убѣдительность, съ какой описана борьба за «соціальное» признаніе и вызываемые ею чувства тщеславія, униженія и зависти и готовность «приспособиться» и предать ради этого все свое дорогое и настоящее.

Въ книгѣ и не пахнетъ соціальнымъ заказомъ (Развѣ только то, что «бритый человѣкъ» — бывшій лицеистъ). Какъ ни странно, это причинило мнѣ нѣкоторое разочарованіе. Эмигрантская ли это тоска по соціальности, но теперь человѣкъ никакъ не относящійся ни къ какому серьезному и отвѣтственному общему дѣлу и въ то же время не ушедшій въ настоящее подполье, человѣкъ богемы, какимъ несомнѣнно является Маріенгофъ, кажется мнѣ, не можетъ уже сказать ничего дѣйствительно интереснаго.

В. В—ій.

Викторъ Третьяковъ. Латышскіе поэты. Рига, 1931 г. Складъ изданія у Вальтера и Рапа.

Викторъ Третьяковъ продѣлалъ трудную и полезную работу, переведя хорошими стихами на русскій языкъ цѣлый рядъ латышскихъ поэтовъ послѣднихъ десятилѣтій, начиная съ девяностыхъ годовъ.

Символизмъ и въ латышской поэзіи на-

шелъ очень одаренныхъ выразителей, напримѣръ Райниса.

Вліяніе русскихъ символистовъ, въ частности Брюсова, а изъ болѣе позднихъ поэтовъ — Маяковскаго и Есенина — кое гдѣ даетъ себя чувствовать.

Книга Третьякова пріятно удивитъ многихъ русскихъ читателей, не знающихъ, какъ много интереснаго и цѣннаго въ латышской литературѣ и даже въ такой трудной и высокой области, какой у всѣхъ народовъ является лирика.

Н.

Вл. Брандъ, С. Войцеховскій, Л. Гомолицкій, С. Киндякова — стихи. Литературное содружество Варшава. 1932 г.

Отпечатанныя на гектографѣ четыре тетрадки четырехъ членовъ литературнаго содружества въ Варшавѣ заслуживаютъ быть отмѣченными.

У Вл. Бранда въ его тихой и грустной лирикѣ — пріятная скромность и мягкость. Это стихи чуть - чуть гимназическіе, «для себя», но осторожность и робость автора скорѣе отъ вкуса, чѣмъ отъ безпомощности. Стихи отъ 1926 г. до 32 г., очень немногочисленные (всего 20) показываютъ постепенное овладѣніе техникой и позволяютъ надѣяться на дальнѣйшій ростъ этого не яркаго, но чистаго дарованія.

Сергѣй Войцеховскій громче и безпокойнѣй. Его патріотическіе стихи на среднемъ уровнѣ этого рода поэзіи, его лирика еще не позволяетъ сказать ничего положительнаго.

У Л. Гомолицкаго есть пафосъ и размахъ, но за реторикой еще нельзя разобрать его лица. Пріятны строчки, неожиданно для Гомолицкаго, чуть - чуть напоминающія Анненскаго:

Вы любите сидѣть въ саду, когда
Играютъ возлѣ на дорожкахъ дѣти?

У С. Киндяковой влеченіе къ античному, къ Элладѣ. Было бы трудно требовать отъ поэтессы с в о е г о видѣнія античности, но тема использована не безъ искренности и, вѣроятно, любви. Описывая, какъ Мишка мохнатая игрушка похожъ и не похожъ на живого Мишку, котораго любятъ, — Киндякова дѣлаетъ это не безъ граціи. Стихотвореніе Эллада, пожалуй, лучшее въ ея сборникѣ.

Н. О.

Арсеній Несмѣловъ. Безъ Россіи, Харбинъ, 1931 г.

Само собой случилось такъ, что для эмигрантской молодой литературы Парижъ оказался «столицей», а столицы другихъ странъ — «провинціей». Неправда, однако, что молодые литературные кружки и журналы молодыхъ, издающіеся въ Парижѣ, равнодушны къ тому, что дѣлается въ «провинціи». Напротивъ — всякая дошедшая до Парижа книга, даже отдѣльные разсказы, отдѣльные стихи и статьи «заграничныхъ» молодыхъ авторовъ, внимательно читаются. Вѣрно одно лишь: сотрудничества, духовной связи, разговора о главномъ и нужномъ между Парижемъ и заграницей еще нѣтъ. Что причиной этому?Случайное распредѣленіе талантовъ? Не думаю. Талантъ, понятіе очень обобщенное, нѣчто вродѣ наличія природной мускульной силы — «могъ бы поднять», не болѣе. Мнѣ кажется, отсутствіе воздуха, атмосферы современной поэзіи, т. е. средоточія остроты ощущеній, идей, — само по себѣ для поэта губительно. Конечно, атмосфера не можетъ создать поэта изъ ничего; но поэтъ, ея лишенный, остается въ замкнутомъ кругу, гдѣ

не съ чѣмъ сравнить свое, некого любить, некого ненавидѣть — литературныя же любви и ненависти — сложная лѣстница развитія данной индивидуальности.

Уединенный поэтъ, если по дарованью своему онъ не совершенно исключительное явленіе, въ одиночествѣ труднѣе находитъ себя, идетъ по ложному пути или, что еще хуже, слишкомъ упрощенно понимаетъ свои задачи. Арсеній Несмѣловъ, о книгѣ котораго сейчасъ будетъ рѣчь, находится именно въ такомъ положеніи. Онъ производитъ на меня впечатлѣніе человѣка одареннаго, искренняго. Одареннаго въ томъ смыслѣ, какъ я говорилъ выше, мускульной силой; искренняго—въ смыслѣ первичнаго побужденія, порыва сердца. Искренность же поэта — гораздо сложнѣе: это способность не только, по первому побужденію, выражать то, что на душѣ, но умѣнье провѣрять то, что есть въ душѣ, т. е. разбираться въ себѣ, додумывать до конца, искать правды въ своихъ переживаніяхъ, отдѣлять въ нихъ дѣйствительно важное, отъ случайнаго и наноснаго, не своего. Искренность есть отказъ отъ насъ возвышающаго обмана. Лишь благодаря ей становится возможнымъ научиться выбирать слова, знать цѣну внѣшнему и внутреннему, — стихотворству и поэзіи. Мнѣ кажется, А. Несмѣловъ не подозрѣваетъ о подобномъ искусѣ. Поэзія для него — стихи. Онъ довольствуется всякимъ словомъ, всякимъ пріемомъ, внѣшне усвоеннымъ, отъ классиковъ до Есенина и Маяковскаго включительно. Въ смыслѣ манеры письма онъ совсѣмъ еще въ молодомъ возрастѣ: пристрастіе къ эффектнымъ образамъ, подчеркнутая грубоватость (мы вѣдь воевали!), бьющія въ глаза усѣченныя рифмы — въ каждомъ стихотвореніи. Но дѣло не только въ этомъ. Книга А. Несмѣлова, называется «Безъ Россіи». Она претендуетъ выражать и по мнѣнію автора — по своему онъ искрененъ, и выражаетъ его личную и нашу общую трагедію. Но какъ А. Несмѣловъ не чувствуетъ, что подобное обращеніе — къ Родинѣ на вы, при его добромъ намѣреніи, непростительно:

Пусть дней не мало вмѣстѣ пройдено,
Но, вотъ, — не нуженъ я и чуждъ,
Вѣдь вы же женщина, о Родина
И слѣдовательно, къ чему жъ

Все то, что сердцемъ въ злобѣ брошено,
Что высказано сгоряча:
Мы разстаемся по хорошему,
Чтобъ никогда не докучать
Другъ другу больше...

Гражданская война, бѣженская оторванность и безысходность, разрывъ поколѣній, тѣхъ, «что въ старой Польшѣ, вкапываясь въ глину, прицѣлами обшаривали даль» и отцовъ (выпадамъ противъ отцовъ, иногда находчивымъ, удѣлены и цѣлыя стихотворенія, напримѣръ «Русская Мысль» и отдѣльныя строчки), воспоминанія о прошломъ, немногочисленныя чисто - лирическія стихотворенія (почти ни одного любовнаго) — вотъ темы А. Несмѣлова.

Иногда онъ удачно находитъ нужный ритмъ, слова:

Ловкій ты и хитрый ты
Остроглазый чертъ.
Архалукъ твой вытертый
О коня истертъ.

Но въ большинствѣ случаевъ — это нарочитыя, грубоватыя строки вродѣ:

Василій Васильичъ Казанцевъ.
И огненно вспомнились мнѣ
Усищъ протуберансы,
Кожанка и цейсъ на ремнѣ. —

Много такихъ «военныхъ стиховъ» писалось въ годы гражданской войны и по ту и по эту сторону! Вотъ чисто лирическіе стихи:

Какъ въ агоніи вздрагиваетъ домъ,
Какъ въ агоніи, съ каждымъ новымъ шкваломъ,
Звенитъ стекло, затянутое льдомъ,
А вѣтеръ мчитъ, рыдая объ одномъ,
О чемъ то сказочномъ и небываломъ.

А. Несмѣлову слѣдовало бы серьезно поразмыслить о себѣ, отказаться отъ внутренняго благополучія, которое въ немъ явно присутствуетъ, несмотря на внѣшнее крушенье и безысходность, ему нужно потерять свою душу, чтобы обрѣсти ее вновь и тогда, быть можетъ, онъ сумѣетъ поэтически возвратиться къ своей темѣ.

Ю. Терапіано.

Vaclav Bèhounek. Ruskà Literatura za pètiletku. Praha 1932.

Брошюра В. Бѣгоунека интересна русскому читателю, главнымъ образомъ, какъ показательный образецъ воспріятія русскихъ литературныхъ (и не литературныхъ) фактовъ иностранцами, прямо или косвенно оріентирующимися на сегодняшнюю Москву.

Слѣдуетъ, прежде всего, отдать должное автору: онъ достаточно освѣдомленъ о мнѣніяхъ совѣтской «руководящей прессы» и, въ общемъ, ясно представляетъ топографію совѣтской литературной страны. Значительно хуже то, что добросовѣстно усвоенные авторомъ лозунги и директивы офиціально одобреннаго литературнаго курса лишили Бѣгоунека смѣлости самостоятельнаго сужденія: казенный оптимизмъ утѣшаетъ читателя не надолго.

Авторъ — марксистъ, онъ смотритъ сквозь партійныя очки, и авторитетъ вождей «генеральной линіи» для него превыше всего.

И читатель, имъ руководимый, познаетъ, что пятилѣтка, вызвавшая невиданный энтузіазмъ рабочихъ массъ, дала и литературѣ заданіе «активнаго участія въ жизни», сдѣлала ее соучастницей въ соціалистическомъ строительствѣ. Бѣгло остановившись на развитіи идеологіи пролетарскаго литературнаго движенія («Кузница», «Октябрь», «Молодая Гвардія», «На посту», споры съ «Переваломъ», съ теоріями Воронскаго и Троцкаго, «Лефъ» и т. д.), авторъ упирается въ лозунги послѣднихъ лѣтъ: — «за ленинскія литературныя теоріи», за партійность въ литературѣ, за «великое искусство большевизма», за «магнитострой литературы». Въ изложеніи всей этой теоретической стороны русской литературной жизни авторъ ортодоксаленъ, ему и въ голову не приходитъ, что Воронскій, напримѣръ, не можетъ быть и равняемъ съ какимъ-нибудь тов. Авербахомъ, что лозунги Кагановича не имѣютъ ни малѣйшаго положительнаго значенія для развитія искусства; — тѣмъ не менѣе съ этой частью брошюры еще можно мириться.

Но, когда авторъ переходитъ къ обзору собственно литературныхъ фактовъ, то здѣсь и обнаруживается основной изъянъ его разсужденій о современной русской литературѣ: голый раціонализмъ въ подходѣ къ лите-

ратурнымъ явленiямъ, нечуткость къ качественной сторонѣ литературныхъ произведенiй, неумѣнiе оцѣнить ихъ формальную и внутреннюю оправданность, утвержденную средствами литературной техники.

Такъ изъ всѣхъ примѣровъ, приведенныхъ авторомъ, о творчествѣ «попутчиковъ» и «союзниковъ», только указанiе на «Соть» Л. Леонова, вещь исключительнаго удѣльнаго вѣса, не должно быть оспариваемо. Но нельзя не признать, что и Марiэтта Шагинанъ со своими «Кик» и «Гидроцентралью», и М. Слонимскiй съ серiей своихъ выхолощенныхъ книгъ («Лавровы», «Фома Клешневъ» и т. д.), приводимые, какъ «достиженiя», ни въ какой степени не могутъ радовать внимательнаго читателя. Надо признаться, что и у Б. Пильняка «Волга впадаетъ въ Каспiйское море» и у Всев. Иванова «Путешествiе въ страну, которой еще нѣтъ» — не лучшiя изъ ихъ книгъ и наиболѣе здѣсь слабыя страницы тематически какъ-разъ связаны съ проблемами пятилѣтки.

Между прочимъ, невѣрно называетъ авторъ книгу Н. Тихонова «Война» — романомъ. Совершенно не оправдывается фактами утвержденiе автора, что «основной темой попутчиковъ было отношенiе интеллигенцiи къ революцiи»: и раннiе разсказы и «Барецкiй» Леонова, и все начальное творчество Всев. Иванова и Зощенко, и многiе разсказы Б. Лавренева, Пант. Романова и т. д., рѣзко тому противорѣчатъ, лишнiй разъ указывая на недостаточную дифференцiацiю взятаго авторомъ матерiала.

Обозрѣнiе творчества пролетарскихъ писательскихъ группъ ведется авторомъ патетически. Въ результатѣ же у читателя можетъ создаться впечатлѣнiе, что пролетарская литература — все еще вопросъ будущаго. И опять-таки характерно, что такiя условно принимаемыя за «достиженiя» вещи, какъ «Бруски» Панферова, ставятся авторомъ наравнѣ съ отличнымъ (первымъ томомъ) «Послѣднiй изъ Удэге» А. Фадѣева, а «Тихiй Донъ» Шолохова рядомъ съ такимъ сырьемъ и фальшью, какъ произведенiя Тарасова-Родiонова или Платошкина. Характерно, что авторъ не замѣтилъ «Iюнь iюль» А. Митрофанова (все же условную удачу) и неодобрительно отозвался о «Наслѣдникѣ» Л. Славина, одной изъ лучшихъ книгъ совѣтской беллетристики послѣдняго перiода.

Во всякомъ случаѣ, если бы авторъ принялъ серьезно во вниманiе хотя-бы интересныя статьи А. Селивановскаго въ «Октябрѣ» на тему — «О ведущей оси пролетарской литературы» и очень показательный матерiалъ писательскихъ дискуссiй 1931 года, о творческомъ методѣ литературы, выводы его были бы болѣе осторожными.

Можно не касаться замѣчанiй Бѣгоунека о совѣтской поэзiи, о дѣленiи пролетарской литературы на жанры и глубокомысленныхъ выводовъ о «логической неизбѣжности» полицейскаго отношенiя къ искусству въ перiодъ реконструкцiи страны. Выводъ ясенъ: очеркъ его подслѣповатъ и пристрастенъ. Къ счастью, у автора хватило духа (впрочемъ, послѣ начавшейся въ 1931 году, эпохи новаго либерализма — смѣлости большой для этого и ненужно), признать, что «творчество» ударниковъ ни сейчасъ, ни въ будущемъ не можетъ повидимому, имѣть съ литературой тѣсной связи, что ударники, въ лучшемъ случаѣ, дадутъ кадры газетныхъ работниковъ.

Брошюра заканчивается лирическимъ разсказомъ о исторiи гражданской войны и фабрикъ и заводовъ, создаваемыхъ

коллективно, и о роли Горькаго. Въ заключительномъ абзацѣ, авторъ сообщаетъ, ссылаясь на пессимистическіе прогнозы М. Л. Слонима, въ «Волѣ Россіи», о разложеніи эмигрантской литературы. Но, русскій читатель, оцѣнившій степень близорукости автора брошюры, можетъ, вѣроятно, безъ большого риска, не повѣрить гражданину Бѣгоунеку и въ этомъ пунктѣ.

Н. А—въ.

Русская сказка. Избранные мастера.

Редакція и комментаріи М. Азадовскаго. Изд. «Академіа», 1931. (2 тома, 830 стр.).

Содержаніе этихъ двухъ томовъ — сказки, записанныя въ дореволюціонное время.

Это вовсе не чтеніе для дѣтей, хотя въ извѣстной части сказками зачитывались и будутъ зачитываться дѣти. Въ простоватой передачѣ сказителей проскальзываетъ иногда нѣчто отъ Декамерона, наивное безстыдство, но безъ всякаго оттѣнка порнографичности, такъ какъ въ немъ нѣтъ никакого смакованія, а лишь житейская обстоятельность, честная досказанность, даже съ оттѣнкомъ сдержанности. Для людей оторванныхъ отъ родины, быта, словотворчества — точная запись изустной передачи сказокъ драгоцѣнна, какъ переносящая въ живую, неизуродованную Россію. Сказки приведенныя въ изданіи «Академіа» взяты главнымъ образомъ изъ тѣхъ сборниковъ, которые не тронуты исправляющей рукой собирателей. Въ нихъ сохранены синтаксическія и діалектическія особенности рѣчи, что передаетъ мѣстный колоритъ и тонъ разсказчиковъ. Текстовая часть сопровождена рисунками, заимствованными изъ лубочныхъ изданій и народныхъ картинокъ, иллюстрирующихъ не сюжеты отдѣльныхъ сказокъ, а образы живущіе въ сознаніи разсказчиковъ и слушателей.

Кромѣ рисунковъ изданіе сопровождено фотографіями и біографическими свѣдѣніями о тѣхъ сказителяхъ и сказительницахъ, со словъ которыхъ записаны приведенныя сказки. Это очень оживляетъ книгу и переноситъ читателя въ ту среду, гдѣ сказка существуетъ и развивается, дополняясь тѣми бытовыми подробностями, которыми изукрашиваетъ ее личность разсказчика. Въ наличности и обиліи такихъ вводныхъ деталей отличіе изданія «Академіа» отъ болѣе раннихъ сборниковъ, подчищенныхъ и выхолощенныхъ подъ предлогомъ охраны основного текста (напр. Сборникъ Афанасьева). Между тѣмъ текучесть и подвижность основного текста и создаетъ жизненную убѣдительность сказки, отражая въ то же время бытъ и личность.

«Севодня видѣла сонъ будто бы кто меня поцѣловалъ д о т е п е р я въ у с т а х ъ, будто бы слеза его упала на щеку и до теперя горитъ».

«А солдатъ тѣмъ временемъ пошолъ въ кабакъ, напилша пьянымъ и вывалялша въ грезѣ и лежитъ себѣ оретъ. Тѣ услыхали его и видятъ лежитъ онъ весь въ грязѣ. Шлежли съ кареты, оттерли его и посадили въ карету. Привежли во дворецъ...».

«Давай они ходить, искать, гаркать, кликать...»

«Вотъ молодая женщина сбоку жила. Попъ дворичка черезъ четыре отъ ней»..

«Внападку пить воду».

«Слетались оне, ети два богатыря, какъ изъ грозныхъ тучъ два могучіе

грома, такъ что у обѣхъ лошади присѣли на задницы»...

«Потомъ ета королева блевала и сблевала етотъ пупокъ»...

«Вотъ припала къ душѣ ета нишшая»... И т. п.

Такъ какъ матеріалъ въ сборникахъ распредѣленъ не по отдѣльнымъ видамъ сказокъ, а по ихъ носителямъ, то и сборники являются не антологіей сказки, а антологіей мастеровъ русской сказки. Интересны поэтому краткія свѣдѣнія о сказителяхъ, какъ характеризующія самое изданіе. Сказки вошедшіе въ него записаны главнымъ образомъ со словъ слѣдующихъ лицъ:

Абрама Новопольцова, крестьянина села Помряськина, Ставропольскаго у. Самарской губ., веселаго балагура, основная манера котораго — рифмовка, распредѣляющаяся на зачины и концовки сказокъ.

Бѣлозерскаго крестьянина Ильи Семенова, которому присущъ торжественный складъ рѣчи.

Ефима Кокорина, «Чимы», слѣпого крестьянина села Кежмы, Енисейской губ.

Въ біографическихъ свѣдѣніяхъ о «Чимѣ» приводится и вся картина, сопровождающая обычно повѣствованіе сказочника: «Еле-еле горитъ своимъ Фитилькомъ крохотная лампочка безъ стекла, стоя на вбитой въ стѣну полочкѣ. Сизыя волны махорочнаго дыма, паръ отъ людскихъ тѣлъ и копоть лампочки почти заволакиваютъ ея слабый свѣтъ.Тѣсно набились въ небольшую избу взрослые и малые. Размякли и разопрѣли они сидя въ своей лопотѣ (одеждѣ), подогрѣтые топившейся желѣзной печкой и близкимъ соприкосновеніемъ другъ къ другу. Иные изъ нихъ уже прикурнули и спятъ. Остальные съ несказаннымъ вниманіемъ и жаднымъ любопытствомъ дослушиваютъ разсказъ о необычайныхъ приключеніяхъ сказочнаго героя, который для нихъ, людей съ примитивной мыслью и непосредственными чувствами, въ данное время является чуть ли не реальной личностью, а его похожденія — какъ бы осколками дѣйствительности, но удивительной, заманчивой, привлекательной своей красочной обстановкой, трагизмомъ положенія дѣйствующихъ лицъ, чудесными оживаніями и благопріятнымъ исходомъ въ конечномъ результатѣ. Болѣе экспансивные, не могущіе владѣть собственнымъ спокойствіемъ, то и дѣло подавали реплики и вставляли свои комментаріи въ особо ,по ихъ мнѣнію, поразительныхъ мѣстахъ сказки. Да и самъ «Чима» въ одномъ случаѣ какъ краснорѣчивый «посказатель», въ другомъ, поддавшись невольно очарованію сказочнаго повѣствованія, то дѣлалъ многозначительную паузу, запуская понюшку табаку въ свой носъ, заимствуя изъ своей или предупредительно предложенной сосѣдомъ тавлинки, то измѣнялъ интонацію голоса, изъ ровнаго повѣствовательнаго тона переходилъ на мрачный или повышенный и живой, чѣмъ производилъ неотразимое впечатлѣніе на слушателей, психологію коихъ «Чима» изучилъ вполнѣ». Онъ свободно дополнялъ сказку собственнымъ воображеніемъ, на основѣ доступныхъ ему жизненныхъ положеній, достигая этимъ особенной убѣдительности.

«Чима», конечно, не является исключеніемъ.

Сказки Парамона Богданова, крестьянина Бѣлозерскаго края, соединяютъ сказочную обрядность съ яркимъ индивидуальнымъ мастерствомъ.

Антонъ Ломтевъ, шерстобитъ, Екате-

ринбургскаго уѣзда, выдающійся сказочникъ, въ репертуарѣ котораго преобладаетъ фантастика и волшебство.

Наталья Винокурова, б. прислуга, сибирская крестьянка. Въ ея сказкахъ отчетливо видны женское начало и психологическія детали. Затѣмъ сборники даютъ рядъ солдатскихъ сказителей — Аксаментова, Богданова, Краева. Приводятся наиболѣе удобосказуемыя сказки порнографической сказительницы села Вирмы (на берегу Онежскаго залива) — Дементьевой и «Купріянихи», крестьянки села Верейки, Воронежской губ., разбившей у себя подъ окнами цвѣтникъ и оттѣняющей природу въ своихъ повѣствованіяхъ. Симонъ Скобелинъ — таежникъ, потерявшій въ тайгѣ ноги. Антонъ Кошкаревъ, крестьянинъ Тулуновскаго округа (около 300 верстъ отъ Иркутска) и наконецъ Егоръ Сороковниковъ, крест. села Малый Хобокъ въ Тункинской долинѣ, около Байкала, близъ монгольской границы — сказители,оживляющіе своей памятью и воображеніемъ глушь и дичь, въ которой они живутъ.

Вступительная статья Азадовскаго, открывающая сборники, была бы очень содержательна, если бы не была испорчена (очевидно въ силу неизбѣжной необходимости), стремленіемъ автора соединить бытовыя детали сказокъ съ тѣми соціальными сдвигами, какіе произошли въ Россіи. Впрочемъ, Азадовскій самъ приходитъ къ выводу, что «дать сколько нибудь полный, исчерпывающій отвѣтъ» на вопросъ о томъ, «въ какихъ формахъ» можетъ отразиться «въ сказкѣ и ея поэтикѣ вліяніе революціи — очень трудно». Даже больше. Онъ осторожно заключаетъ, что нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что эта задача «пока еще преждевременна». «Чтобы въ сказкѣ отразилось это вліяніе, основательно, нужно, чтобы новыя начала глубоко внѣдрились въ массовый народный бытъ». Для насъ сказки, изд. «Академіа» тѣмъ и цѣнны, что «новыя начала» въ нихъ еще не внѣдрились. Азадовскій какъ бы утверждаетъ бытовую и психологическую самостоятельность народной толщи, нашедшую отраженіе въ неизмѣнности казалось бы текучей, подвижной и перемѣнчивой устной передачи — сказки.

Сборники «Академіа», будучи записью живой рѣчи, являются дополнительнымъ матеріаломъ къ сокровищницѣ русскаго языка — словарю и пословицамъ Даля. Издатель повидимому, такъ и смотрѣлъ на свою задачу, сопроводивъ изданіе краткимъ словаремъ мѣстныхъ рѣченій.

Ек. Бакунина.

Б. Николаевскій.

Исторія одного предателя. Террористы и политическая полиція. «Изд. «Петрополисъ». Берлинъ.

Это не только біографія Азефа и не только, какъ говорится въ подзаголовкѣ, характеристика террористовъ и политической полиціи, — это ярко освѣщенный уголъ общественно - политической жизни Россіи вообще. Совершенно правъ авторъ, говоря въ предисловіи, что «роль Азефа въ обоихъ мірахъ (т. е. революціонномъ и полицейскомъ) была настолько значительна, что, не понявъ ея, не прослѣдивъ во всѣхъ деталяхъ, историкъ не сможетъ понять многаго въ исторіи первой русской революціи.

Есть въ книгѣ одна сторона, къ которой можно или слѣдуетъ отнестись критически. Это отношеніе автора къ психо-

логическому анализу главнаго «героя» повѣствованія — Азефа. Здѣсь можно сдѣлать автору упрекъ въ слишкомъ упрощенномъ подходѣ къ психологіи Азефа.

Такіе феномены, какъ двойственная жизнь, раздвоеніе личности, литературное двурушничество и т. п., еще ждутъ своего научнаго освѣщенія.

Все это, однако, не умаляетъ достоинствъ книги, которую можно рекомендовать, не боясь, что читатель будетъ разочарованъ. Она читается съ неослабѣвающимъ интересомъ.

Л. Теплицкій.

М. Алдановъ.
«Земли, люди».
Изд. «Слово». Берлинъ. 1932.

Недавно еще я слышалъ: на одномъ литературномъ собраніи критикъ N, возмущенный успѣхомъ книгъ Алданова у эмигрантской читающей публики, говорилъ: «какъ будто - бы никто не знаетъ, что это заимствованный жанръ». Въ качествѣ первоисточника критикъ назвалъ какого то англійскаго автора. Я не читалъ этого автора. Можетъ быть, дѣйствительно, Алдановъ ему подражаетъ, но можетъ быть англійскаго въ Алдановѣ только та «первосортность», о которой онъ говоритъ, описывая Лондонъ: «здѣсь все первосортно...».

На западѣ, во Франціи напримѣръ, культура публицистической беллетристики очень высока. По русски же хорошихъ книгъ этого жанра очень мало. Алдановъ начинаетъ почти на пустомъ мѣстѣ.

Почти всѣ главы этой книги я уже читалъ по газетамъ отдѣльными статьями. Но и во второй разъ перечитывалъ съ первоначальнымъ интересомъ. Вѣроятно, именно эта занимательность повѣствованія и объясняетъ успѣхъ Алданова у широкаго читателя. Это дѣйствительно занимательное чтеніе. Занимательное и въ то же время грустное.

Въ предисловіи авторъ говоритъ: «Разумѣется, я не ставилъ себѣ цѣлью подводить какіе бы то ни было «итоги» нашей катастрофической эпохѣ. Выводы сдѣлаетъ, если захочетъ, самъ читатель».

Какіе же именно выводы можетъ сдѣлать читатель?

Въ описаніяхъ людей характерный для Алданова отказъ отъ ложнаго и лицемѣрнаго, преувеличенно мрачнаго или свѣтлаго освѣщенія. Алдановъ описываетъ все какъ бы съ точки зрѣнія умнаго и наблюдательнаго, но « обыкновеннаго » человѣка Къ сожалѣнію, не всѣмъ это дано. Многіе дѣлаютъ видъ, что видятъ міръ какъ бы съ точки зрѣнія генія. (Русскіе, напримѣръ, часто пишутъ съ точки зрѣнія Достоевскаго, забывая, что одной узурпаціи пріемовъ вовсе еще не достаточно, чтобы дѣйствительно причаститься этой точки зрѣнія и увидѣть «бездны»). Возможно, что именно, благодаря этой честности и правдивости Алданова, люди, о которыхъ онъ разсказываетъ, въ общемъ мало похожи на великихъ людей Плутарха, и ихъ дѣйствія часто кажутся почти сомнамбулическими.

Разсказывая объ импровизаціяхъ диктатуры Альфонса XIII, Алдановъ замѣчаетъ: «импровизаціи мы ей въ особую вину не поставимъ: быть можетъ, ужъ лучше импровизировать, чѣмъ, ничего не выдумывая, живя со дня на день, радостно и беззаботно вести міръ къ пропасти, какъ это сейчасъ на нашихъ глазахъ дѣлаютъ бездарные правители Европы». Въ устахъ человѣка, безоговорочно защищающаго капиталистическій строй, эта фраза звучитъ знаменательно. (Зна-

менательно и то, что собственно мало хорошаго онъ видитъ въ этой буржуазной Европѣ). Настоящій герой нашего времени — какой то господинъ Х., къ которому послѣ войны перешелъ Ферней. Это «очень гордый человѣкъ «заработалъ» во время войны огромное состояніе и на свои кровныя (именно кровныя) деньги пріобрѣлъ Ферней». Да и дѣятельность банкировъ, этихъ правителей буржуазнаго общества, вызываетъ сомнѣнія: «если они и своего дѣла не знаютъ, то что же они знаютъ и для чего они собственно нужны?» — спрашиваетъ Алдановъ. Или замѣчаніе о томъ, что «въ числѣ тѣхъ «знаковъ» (по ходкому нынѣ выраженію), подъ которыми живетъ міръ, есть и знакъ Устрика».

Можетъ быть самая грустная глава въ книгѣ — это описаніе засѣданій Лиги Націй. Все-таки, идея Лиги Націй одна изъ самыхъ высокихъ идей въ Европѣ. По Алданову здѣсь процвѣтаетъ культъ лицемѣрнаго пустословія и «надъ этимъ учрежденіемъ носится легкій запахъ казеннаго пирога». Но, замѣчаетъ Алдановъ: «націи имѣютъ ту Лигу, которой заслуживаютъ». Послѣднія слова въ этой главѣ и заключеніе всей книги — сравненіе Лиги Націй съ дочерью Халдеевъ и цитата изъ Священнаго Писанія: «и будетъ бѣдствіе на тебѣ, отъ котораго ты не отмолишься, и постигнетъ тебя несчастье, отъ котораго ты не откупишься, и внезапно придетъ на тебя гибель, которой ты не предвидѣла».

Алдановъ, по настоящему, всѣмъ своимъ «составомъ» ненавидитъ большевиковъ. Онъ защищаетъ противостоящій большевизму капиталистическій строй. Тѣмъ замѣчательнѣе, повторяю, даваемая имъ неприглядная картина этого строя подъ знакомъ Устрика, и подъ стукъ молотковъ банковскихъ банкротствъ «идущаго къ собакамъ».

Мнѣ кажется, именно здѣсь читатель дѣлаетъ самый «безвыходный» выводъ. Даже читателю, такъ же, какъ Алдановъ ненавидящему большевиковъ и для котораго дорога «священная Европа», образъ «буржуазнаго» міра сего дня кажется мало привлекательнымъ.

Алдановъ объясняетъ захватъ власти большевиками несчастной случайностью. Онъ пишетъ: «знаю, что безнадежно себя гублю въ глазахъ всѣхъ читателей и соціологовъ; но, по моему, недавними историческими событіями доказано, что любая шайка можетъ при случайно - благопріятной обстановкѣ, захватить государственную власть и годами ее удерживать при помощи террора, безъ всякой идеи, съ очень небольшой численно опорой въ народныхъ массахъ. Позднѣе профессора подыскиваютъ этому глубокія соціологическія основанія».

Я не соціологъ и готовъ согласиться съ Алдановымъ. Возможно, что большевики захватили власть благодаря несчастной случайности. Но не думаю, чтобы была случайной благопріятствовавшая и благопріятствующая имъ обстановка. «Физически» низшіе классы населенія въ современномъ обществѣ стали сильнѣе правящихъ. Правящіе классы могли бы остаться у власти, если бы они сохранили «качественное» превосходство. Но если, дѣйствительно, Устрикъ образецъ соціальной доблести въ современно - буржуазномъ ея пониманіи, то трудно говорить о качественномъ превосходствѣ. Съ того момента, когда низшіе классы начинаютъ все это понимать и создается благопріятная для большевизма обстановка, «души людей уходятъ отъ капиталистическаго строя». Это выраженіе

Бунакову Алданову не нравится. Мысли Бунакова, что надо увести души отъ большевизма, однако, не предлагая имъ вмѣсто коммунизма капиталистическаго строя, онъ считаетъ невѣрными и опасными, и самъ предлагаетъ строй именно капиталистическій, но въ то же время даетъ такой его образъ, что читатель можетъ сказать: «я издали глядѣлъ — смущеніемъ томимъ».

Въ заключеніе скажу, что книга «Земли, люди» написана съ тѣмъ же блескомъ, что и предыдущія книги Алданова этого же жанра: «Портреты», «Современники». Алдановъ съ совершенствомъ владѣетъ опредѣленными механическими пріемами для достиженія эффектовъ. Il fait de l'esprit. Нѣкоторыя остроумныя его замѣчанія мнѣ нравятся, нѣкоторыя не совсѣмъ. Это дѣло личнаго вкуса.

Разсказывая о Плаза Майоръ, Алдановъ говоритъ: «не мѣшаетъ побывать на этой площади скептикамъ, совершенно отрицающимъ моральный прогрессъ человѣчества (скептицизмъ вѣдь умѣстенъ, какъ приправа, въ чистомъ видѣ онъ нестерпимъ)».Одно изъ самыхъ глубокихъ высказанныхъ въ этой книгѣ сужденій. Это близко къ той чрезвычайно существенной, мужественной и часто религіозной новой вѣрѣ въ прогрессъ, явно рождающейся сейчасъ въ нѣкоторыхъ человѣческихъ сердцахъ. Среди русскихъ, особенно среди богословски настроенныхъ русскихъ, къ сожалѣнію встрѣчается теперь враждебное отношеніе къ прогрессу. «Вы вѣрите въ прогрессъ, да вы отсталый человѣкъ», часто мнѣ говорили съ презрѣніемъ.

Одно изъ главныхъ достоинствъ Алданова — отказъ отъ попытки вбить жизнь въ какую либо искусственную и произвольную, обязательно - симметричную схему. Его разсказъ поэтому кажется безформеннымъ, какъ бы распадающимся. Это скорѣе фотографіи, чѣмъ картина. Но мнѣ кажется, что хорошая фотографія и болѣе интересна и болѣе документально - убѣдительна, чѣмъ плохая претенціозная картина.

Какъ во всѣхъ книгахъ Алданова — описаніе какъ бы машинальнаго лицедѣйства людей на фонѣ «безсвязнаго и безтолковаго авантюрнаго романа исторіи».

В. В—ій.

Левъ Славинъ. Наслѣдники.

Романъ. Издательство «Книга для всѣхъ». Рига, 1931 г.

Это — стилизація записокъ нѣкоего Иванова, прямого потомка одноименнаго героя Чехова, изъ драмы того же названія, и, поскольку Ивановъ можетъ символизировать русскую интеллигенцію, непосредственнаго наслѣдника этого «ордена».

Авторъ разсказываетъ (отъ перваго лица) о судьбѣ своего героя, соединившаго въ себѣ кровь русскаго интеллигента и еврейскаго негоціанта, графа Шабельскаго и Абрамсона.

Тема книги — судьба русской интеллигенціи. Поставленная въ романѣ по всѣмъ правиламъ литературнаго фокусничества, тема эта, однако, не раскрыта во всей ея трагической значительности: авторъ легкомысленъ и часто непочтителенъ съ серьезными вещами...

Повидимому, для «остраненія» бытового матеріала романа и, главное, для оправданія основного замысла (мемуары наслѣдника интеллигенціи) у автора въ повѣствованіи стиль сатирическій. Отсюда весь характеръ его разсказа: частое (умѣлое и удачное) шаржированіе, интонаціи мнимаго простодушія и откро-

венности. Отсюда изображенiе Россiи — царской и революцiонной, какъ паноптикума, собранiя чудаковъ и уродовъ, жуликовъ и проходимцевъ, подлецовъ и юродивыхъ. Отсюда ироническiй тонъ въ обстоятельномъ описанiи благополучнаго тыла, устойчиваго и анекдотическаго быта, опереточныхъ персонажей финала трехсотлѣтней россiйской драмы. Отсюда смѣлый, почти гротескный тонъ (ошибочно принимаемый нѣкоторыми за добросовѣстный реализмъ) въ описанiи казармы и фронта, въ разсказахъ о революцiонной бурѣ 1917 года и даже о «побѣдителяхъ» октября. Отсюда - же очень интересная функцiя лирической темы въ романѣ, исполняющей служебную роль — демонстрацiю сдвиговъ въ настроенiи и мiроощущенiи «наслѣдника».

И хотя художественно не цѣльно показанъ процессъ, приводящiй героя къ отреченiю отъ наслѣдства — «благородныхъ страстей интеллигента — меланхолiя ennui de vivre, гуманность, метанье отъ преферанса къ богоискательству, боязнь шаблона, вѣчное чувство виноватости, хожденiе въ народъ, иронiя во что бы то ни стало, поза одиночества, интересничанье, чувство превосходства, постоянная страсть быть въ оппозицiи и всѣ ея стадiи — отъ брюзжанья до бомбометанья», хотя матерiалъ, особенно въ концѣ книги, подавилъ все-же автора и разсказъ мѣстами черезчуръ схематизированъ, — «Наслѣдникъ» долженъ быть занесенъ въ активъ совѣтской беллетристики.

Ник. Андреевъ.

Хрестоматiя по исторiи русской литературы. Часть II-ая. Складъ У. М. С. А. Парижъ, 1932 г.

Составилъ проф. П. Бицилли.

Вотъ «учебное пособiе», которое перелистываешь и читаешь, какъ увлекательную книгу. Разумѣется, прежде всего матерiалъ говоритъ за себя и особенно, можетъ быть, для эмигранта, у котораго такъ ослаблена связь съ Россiей и которому такъ нужно въ душѣ эту связь возстанавливать. Неподражаемый по дѣловитой простотѣ стиль писемъ, документовъ, записокъ, эта атмосфера теоретическихъ споровъ на литературныя темы, этотъ постепенный переходъ къ Карамзину съ его «Письмами русскаго путешественника» и «Бѣдной Лизой», и посейчасъ оставшейся жемчужиной русской прозы, вся эта «радость узнаванья» вѣчнаго и безсмертнаго въ обветшалыхъ по формѣ, но волнующихъ образцахъ, эти «сюрпризы» для не спецiалистовъ, изъ которыхъ многiе вѣроятно не знали или не помнили, кто и когда сочинилъ «Выду я на рѣченьку» или «Стонетъ сизый голубочекъ» и наконецъ это дѣйственное присутствiе составителя, скромно отошедшаго на заднiй планъ, но все оживляющаго вкусомъ въ подборѣ вещей, въ устраненiи лишняго, въ сопровожденiи текста мѣткими и нужными поясненiями и справками, — таковы качества этого отличнаго сборника.

Н. О.

С. Шишмаревъ.
Тихонъ Тимофеевичъ и его практика.

Въ этой книгѣ авторъ разсказываетъ о необычайныхъ дѣлахъ и «комбинацiяхъ» темнаго приволжскаго дѣльца, процвѣтающаго въ провинцiальной трясинѣ

низости, невѣжества и жадности. Разсказываемыя происшествія поистинѣ необычайны; описываемый бытъ безпросвѣтенъ и страшенъ. На протяженіи всей книги ни одинъ изъ многочисленныхъ персонажей Шишмарева не только ни разу не проявляетъ признаковъ благородныхъ человѣческихъ устремленій, но даже не бываетъ способенъ на элементарную честность. На аренѣ книги сталкиваются только человѣческія низости, дѣйствующими лицами руководитъ только корысть, скучнѣйшій изъ пороковъ. Тѣ, кто оказывается сильнѣй и хитрѣй, вырываютъ добычу у болѣе слабыхъ. Побѣжденнымъ невозможно сочувствовать; ихъ даже жалѣть нельзя.

Книга написана богатымъ и красочнымъ языкомъ. Авторъ отлично знаетъ провинціальный бытъ Поволожья.

Александръ Браславскій.

Къ юбилею «Современныхъ Записокъ».

Выпускъ пятидесятой книжки «Современныхъ Записокъ» былъ отмѣченъ всей эмиграціей, какъ событіе. Люди разныхъ направленій и взглядовъ привѣтствовали редакцію журнала. Слова: «праздникъ», «культурный подвигъ», «торжество», «патентъ на благородство» мелькали въ поздравленіяхъ письменныхъ и устныхъ.

Мы считаемъ пріятнымъ долгомъ присоединиться къ хору привѣтственныхъ голосовъ. Значеніе «Современныхъ Записокъ» въ духовной жизни эмиграціи безспорно. Заслуги журнала огромны.

Но привѣтствіе рѣдко обходится безъ пожеланій.

Намъ хотѣлось бы пожелать «Современнымъ Запискамъ» больше отчетливости въ выборѣ между творчествомъ культуры и ея охраненіемъ. Обѣ задачи одинаковы высоки, оба дѣла одинаково насущны, — но «совмѣстительство» въ этой области не удается никогда. Не безъ удивленія слышали мы въ послѣднее время о томъ, что «Современныя Записки» претендуютъ на роль единственнаго журнала эмиграціи, — а слѣдовательно полагаютъ, что справиться съ обѣими задачами имъ подъ силу. Опытъ пятидесяти книжекъ показываетъ обратное: дѣло охраненія удалось самому долголѣтнему изъ нашихъ толстыхъ журналовъ блестяще, дѣло творчества — удалось въ меньшей степени.

Творчество всегда сопряжено съ рискомъ, — «кто не рискуетъ, не выигрываетъ», по старинной пословицѣ. Въ немъ неизбѣжны ошибки, которыя опрометчиво и несправедливо было бы приравнять къ недоразумѣніямъ. Въ игрѣ «Современныхъ Записокъ» никогда не было риска. Была только величайшая, всѣмъ явная «почтенность», несравненная «солидность», которая по временамъ пугала какъ будто бы самихъ редакторовъ. Новѣйшая русская литература создается большей частью внѣ «С. З.» и независимо отъ нихъ.

Единственное, поэтому, о чемъ надо было бы просить редакцію журнала: не считать себя вправѣ быть единственными... Это дало бы возможность привѣтствовать «Соврем. Записки» безъ всякихъ оговорокъ.

ЧИСЛА

« TCHISLA », 1, RUE JACQUES MAWAS, PARIS, XVe.

РЕДАКТОРЪ: **Н. А. ОЦУПЪ.** СЕКРЕТАРЬ РЕДАКЦІИ: **Е. В. БАКУНИНА.** ПРЕЗИДІУМЪ ИЗДАТЕЛЬСКАГО КОМИТЕТА: **Б. Ю. ПРЕГЕЛЬ и А. Ц. ЛИФШИЦЪ.** СЕКРЕТАРЬ ИЗДАТЕЛЬСТВА: **А. КЛОДНИЦКАЯ.** ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТ-ВО: **«ДОМЪ КНИГИ»,** 9, RUE DE L'EPERON PARIS И PETROPOLIS VERLAG A. G. BERLIN.

Стоимость экземпляра на бумагѣ "Альфа" — 25 франковъ.

■

В Ъ П Е Р В О Й К Н И Г Ѣ

286 СТР. И 18 ВОСПРОИЗВЕДЕНІЙ (ОДНО ВЪ 3-хъ КРАСКАХЪ)

В Ъ К Н И Г Ѣ В Т О Р О Й - Т Р Е Т Ь Е Й

336 СТР. И 26 ВОСПРОИЗВЕДЕНІЙ (ДВА ВЪ 3-хъ КРАСКАХЪ)

В Ъ К Н И Г Ѣ Ч Е Т В Е Р Т О Й

288 СТР. И 20 ВОСПРОИЗВЕДЕНІЙ (ОДНО ВЪ 4-хъ КРАСКАХЪ)

В Ъ К Н И Г Ѣ П Я Т О Й

302 СТР. И 24 ВОСПРОИЗВЕДЕНІЯ (ОДНО ВЪ 4-хъ КРАСКАХЪ)

В Ъ К Н И Г Ѣ Ш Е С Т О Й

2 8 6 С Т Р. И 1 8 В О С П Р О И З В Е Д Е Н І Й

ОСТАЮЩІЕСЯ ВЪ НЕБОЛЬШОМЪ КОЛИЧЕСТВѢ ЭКЗЕМПЛЯРЫ ЭТИХЪ КНИГЪ МОЖНО ПОЛУЧИТЬ У Е. В. БАКУНИНОЙ 4, RUE AUGUSTE BLANQUI GENTILLY (SEINE), FRANCE.

РЕДАКЦІЯ И КОНТОРА «ЧИСЕЛЪ» ОТКРЫТА ПО ЧЕТВЕРГАМЪ ОТЪ 6-7½ ч. 1, RUE JACQUES MAWAS, PARIS, XVe РУКОПИСИ И ПИСЬМА НАПРАВЛЯТЬ СЕКРЕТАРЮ РЕДАКЦІИ ЕК. ВАС. БАКУНИНОЙ: 4, RUE AUGUSTE BLANQUI GENTILLY (SEINE) FRANCE.

СОДЕРЖАНІЕ:

ВОСПРОИЗВЕДЕНІЯ НА ОТДѢЛЬНЫХЪ ЛИСТАХЪ.

Ренуаръ, Письмо. Ренуаръ, Купальщица. Манэ, Баръ. Манэ, Скверъ. Манэ, Кафэ-концертъ. Манэ, Ателье. Чапскій, Въ мясной. Чапскій, Ложа. Мако. Мусатовъ. Фотографіи: Сергѣй Лифарь; пейзажъ.

ВОСПРОИЗВЕДЕНІЯ ВЪ ТЕКСТѢ.

Ренуаръ, Декоративное панно. Ренуаръ, Служанка. Роспись медонской церкви. Фотографіи: Лифарь; натюръ-мортъ.

МАТЕРІАЛЪ ДЛЯ ДЕВЯТОЙ КНИГИ.

На слѣдующую книгу «Чиселъ» перенесены: «Психологія жалости» С. Горнаго, «О Гете» М. Кантора, «Культура слова, какъ культура лжи» Г. Ландау, «Балъ» Б. Поплавскаго.

ЧИСЛА

СБОРНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И ФИЛОСОФІИ:

Адресъ Редакціи: 1, rue Jacques-Mawas, Paris XV[e].

■

Въ вышедшихъ книгахъ "Чиселъ" напечатали оригинальныя произведенія и отвѣты на анкету слѣдующіе авторы:

ГЕОРГІЙ АДАМОВИЧЪ, М. А. АЛДАНОВЪ, АН. АЛФЕРОВЪ, ВАДИМЪ АНДРЕЕВЪ, ЕК. БАКУНИНА, А. БАХРАХЪ, Н. БАХТИНЪ, М. Ю. БЕНЕДИКТОВЪ, А. БЕРЛИНЪ, П. М. БИЦИЛЛИ, Р. БЛОХЪ, ГР. П. БОБРИНСКОЙ, БОРИСЪ БОЖНЕВЪ, А. БРАСЛАВСКІЙ, И. А. БУНИНЪ, А. П. БУРОВЪ, В. ВАРШАВСКІЙ, В. В. ВЕЙДЛЕ, А. ВЕРИНГЪ, Ю. ВОЛИНЪ, КН. С. ВОЛКОНСКІЙ, З. Н. ГИППІУСЪ, И. ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ, М. ГОРЛИНЪ, СЕРГѢЙ ГОРНЫЙ, М. ГОТЬЕ, М. ДУБИНСКІЙ, О. ДЫМОВЪ, ВАЛЬДЕМАРЪ ЖОРЖЪ, Б.К. ЗАЙЦЕВЪ, Б. ЗАКОВИЧЪ, ЗАЛКИНДЪ-АЛЕНИНА, ГЕОРГІЙ ИВАНОВЪ, М. Л. КАНТОРЪ, ДІАНА КАРЕНЪ, Л. КЕЛЬБЕРИНЪ, Д. КНУТЪ, А. КОРАЛЬНИКЪ, АНТОНЪ КРАЙНІЙ, Л. КРЕСТОВСКАЯ, ФР. КУБКА, АНТОНИНЪ ЛАДИНСКІЙ, РЕНЭ ЛАЛУ, ГРИГОРІЙ ЛАНДАУ, ИВАНЪ ЛУКАШЪ, А. ЛУРЬЕ, В. МАМЧЕНКО, Ю. МАНДЕЛЬШТАМЪ, И. В. ДЕ МАНЦIАРЛИ, А. МАРАКУЕВЪ, Э. МАРКОВИЧЪ, Л. МАРТЭНЪ-ШОФЬЕ, Д. С. МЕРЕЖКОВСКІЙ, Н. МИЛЛІОТТИ, П. Н. МИЛЮКОВЪ, К. В. МОЧУЛЬСКІЙ, Н. Д. НАБОКОВЪ, ИРИНА ОДОЕВЦЕВА, В. ОКСЪ, М. А. ОСОРГИНЪ, НИКОЛАЙ ОЦУПЪ, А. ПЕНЕРДЖИ, Р. ПИКЕЛЬНЫЙ, ПЕТРЪ ПИЛЬСКІЙ, ПАЛИСАДІЕВЪ, БОРИСЪ ПОПЛАВСКІЙ, СОФІЯ ПРЕГЕЛЬ, Г. РАЕВСКІЙ, Р. РЕЖАНЪ, А. РЕМИЗОВЪ, АНДРЭ ДЕ РИДЕРЪ, В. САВИНКОВЪ, Ю. Л. САЗОНОВА, В. СИРИНЪ, М. Л. СЛОНИМЪ, В. СМОЛЕНСКІЙ, Б. СОСИНСКІЙ, ЮРІЙ СОФІЕВЪ, К. СЮАРЕСЪ, В. ТАТАРИНОВЪ, Л. ТЕПЛИЦКІЙ, Ю. ТЕРАПІАНО, В. ТРЕТЬЯКОВЪ, Н. А. ТЭФФИ, Г. П. ФЕДОТОВЪ, ЮРІЙ ФЕЛЬЗЕНЪ, Г. ФЕРСТЕРЪ, П. ФИРЕНСЪ, А. ФОРМАКОВЪ, С. ФРАНКЪ, АЛ. ХОЛЧЕВЪ, М. О. ЦЕТЛИНЪ, МАРИНА ЦВѢТАЕВА, Л. ЧЕРВИНСКАЯ, ИГ. ЧИННОВЪ, СЕРГѢЙ ШАРШУНЪ, А. ШВЫРОВЪ, ЛЕВЪ ШЕСТОВЪ, И. С. ШМЕЛЕВЪ, А. ШТЕЙГЕРЪ, В. ЯНОВСКІЙ И ДР.

ХУДОЖНИКИ: АНДРУСОВЪ, АРАПОВЪ, БЛЮМЪ, ВЛАМЭНКЪ, ГОЗІАССОНЪ, ГОНЧАРОВА, В. ГОТЬЕ, ДЕЛАКРУА, ДОБРИНСКІЙ, ДОМЬЕ, ДЮФИ, ЛЕВЪ ЗАКЪ, ИНДЕНБАУМЪ, ЛАНСКОЙ, ЛАРІОНОВЪ, ЛИПШИЦЪ, ЛУЧАНСКІЙ, ЛЮРСА, МАНЭ, МАКО, МИЛЛІОТТИ, МИНЧИНЪ, МУСАТОВЪ, ДЕ ПИЗИСЪ, ПИКЕЛЬНЫЙ, ПИССАРРО, РЕНУАРЪ СУТИНЪ, СЮРВАЖЪ, ТЕРЕШКОВИЧЪ, ТИШЛЕРЪ, ЧАПСКІЙ, ШАГАЛЪ, ШИЛТЯНЪ, ЯКОВЛЕВЪ, ЦАДКИНЪ.

Le Gérant: J. Dobrinsky. E.I.R.P. 4, Rue Saulnier - Paris (9e)